

Язык и национальное сознание

4

**Воронежский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики
Межрегиональный Центр
коммуникативных исследований**

Язык и национальное сознание

Научное издание

Вып. 4

**Воронеж
2003**

Язык и национальное сознание. Вып.4. – Воронеж: Истоки,
2002. - *** с.

ISBN

Межвузовский научный сборник “Язык и национальное сознание” – четвертый из серии публикаций кафедры общего языкознания и стилистики по данной тематике. Первые три вышли в 1998, 1999 и 2002 г.

Настоящий сборник отражает очередной этап исследования кафедрой и межрегиональным Центром коммуникативных исследований филологического факультета ВГУ проблемы «Язык и национальное сознание». Подготовлен в сотрудничестве с кафедрой русского языка Борисоглебского ГПИ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

В.Я.Голуб, А.Г.Лапотько, З.Д.Попова, И.А.Стернин,
О.Н.Чарыкова, Н.В.Фоминых

Научный редактор – И.А.Стернин

©Коллектив авторов,
2002

Компьютерная верстка, оригинал-макет – И.А.Стернин

Редакционно-корректорская группа:

А.Г.Лапотько (рук.),
С.Подвигина, А.Клименко, Т.Ковалева, Т.Ткачева, С.Долженко,
Е. Михалькова, Н. Звягина, А. Ишутина, Е.Обухова

Раздел 1.

Вопросы теории

И.А.Стернин

Коммуникативное и языковое сознание

Понятием *сознания* оперируют в настоящее время практически все гуманитарные и значительная часть естественных наук, хотя это понятие относится к наиболее трудно определяемым понятиям современной науки.

В философской и психологической литературе *сознание* преимущественно рассматривается как свойство (функция) высокоорганизованной материи - мозга, заключающаяся в способности человека отражать внешнее бытие в форме чувственных и умственных образов. При этом отмечается, что мыслительные образы сознания определяют целесообразную деятельность человека, сознание регулирует взаимоотношения личности с окружающей природной и социальной действительностью, дает возможность личности осмыслить собственное бытие, внутренний духовный мир и позволяет совершенствовать действительность в процессе общественно-практической деятельности. При этом в науке до сих пор нет четкого разграничения терминов *мышление* и *сознание*. Эти понятия трактуются по-разному, иногда противопоставляются друг другу, иногда употребляются как синонимы.

В нашем понимании термин *мышление* отражает логическую, рациональную часть сознания, это абстрактно-логическая составляющая сознания, в то время как сознание включает не только логические формы мысли, но и эмоционально-оценочную, волевую и чувственно-образную ментальные сферы. Именно в этом аспекте нам представляется возможным разграничить *мышление* и *сознание*. Таким образом, сознание включает мышление, но не исчерпывается им. Кроме того, *мышление* подчеркивает динамический, процессуальный характер мыслительного процесса, в то время как термин *сознание* характеризует содержательно-статический аспект мыслительной деятельности, все содержание ментальной сферы человека. В данной работе мы сосредоточимся на содержании *сознания*.

В современных исследованиях выделяется много видов и форм сознания: по предмету мыслительной деятельности (сфере приложения сознания) различают политическое, научное, религиозное, экологическое, бытовое, классовое, эстетическое, экономическое и др.;

по принадлежности субъекту сознания различают гендерное, возрастное, социальное (профессиональное, гуманитарное, техническое), личное, общественное, групповое и т.д. сознание;

по степени сформированности различают развитое и неразвитое сознание;

по принципу, лежащему в основе сознания, различают глобальное, демократическое, консервативное, прогрессивное, реакционное и т.д. сознание;

по обеспечиваемому навыку, виду интеллектуальной деятельности, обеспечиваемому сознанием – креативное, техническое, эвристическое, художественное;

по уровню абстракции – абстрактное и конкретное, наглядно-действенное, чувственное и т.д.

Возможна и дальнейшая классификация, что, однако, не входит в данный момент в наши задачи. Все эти виды сознания являются видовыми разновидностями «сознания вообще», или «просто сознания», рассматриваемого глобально, комплексно. Сознание «вообще» мы предлагаем назвать *когнитивным*, подчеркивая его ведущую «познавательную» сторону – сознание формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта.

Исследования национального сознания в его связи с языком имеет богатую лингвистическую историю – В.Гумбольдт, В.Вундт, А.А.Потебня, этнолингвисты, Л.Вейсгербер и др.

Последнее время все более широкое распространение получает понятие «языковое сознание», оно используется лингвистами, психологами, культурологами, этнографами и др., ср.: Этнокультурная специфика языкового сознания. М. 1996; Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998; Языковое сознание и образ мира. М., 2000 и др. Укажем также на исследования в этой области, опубликованные в тематических сборниках «Язык и национальное сознание» (вып.1, Воронеж, 1998; вып.2, Воронеж, 1999, вып.3, Воронеж, 2002, а также в коллективной монографии «Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии». Воронеж, 2002).

Каково соотношение понятий *языковое сознание* и *когнитивное сознание*?

Языковое сознание описывается в настоящее время как новый объект психолингвистики, сформировавшийся в последние 15 лет (Языковое сознание и образ мира 2000, с.24).

В одной из первых специальных работ по проблеме языкового сознания (коллективная монография «Язык и сознание: парадоксальная рациональность» под ред. Е.Ф. Тарасова, вышедшая в Институте языкознания РАН в 1993 г.), научный редактор констатирует: «в монографии «языковое сознание» и просто «сознание» используются для описания одного и того же феномена – сознания человека» (с.7).

В настоящее время такой подход уже остался в прошлом, и многие исследователи указывают, что между сознанием и языковым сознанием нельзя ставить знак равенства. Можно сказать, что понятие языкового сознания прошло за последние десятилетия определенную эволюцию. Т.Н.Ушакова совершенно справедливо отмечает, что понятие языкового сознания полезно и перспективно для исследования соотношения психики и речи, однако в настоящее время имеет оно достаточно широкое и неопределенное

«референтное поле», подчеркивая, что это «таит в себе опасность для научной мысли: при громадности проблемы связи психики и материи возникает искушение представлять переход от одного к другому как простой и непосредственный» (Языковое сознание и образ мира 2000, с.22).

В 2000 году Е.Ф.Тарасов уже дифференцирует сознание и языковое сознание, определяя последнее как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей (Языковое сознание и образ мира 2000, с.26).

Отметим, однако, что в данном определении совмещены два аспекта – формирование сознания и его овнешнение, что далеко не одно и то же. Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется *при участии* языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само сознание в языке для функционирования не нуждается, осуществляется на универсальном предметном коде (Н.И.Жинкин, И.Н.Горелов).

Что касается овнешнения сознания языком, то язык в этом случае обеспечивает возможность обмена информацией в обществе и делает содержание сознания доступным для наблюдения, но факт овнешнения сознания языком в целях коммуникации не может свидетельствовать о наличии некоторого особого языкового сознания – овнешняется когнитивное сознание, которое не приобретает при этом какого-либо особого «языкового» статуса.

На неудачность выражения «языковое сознание» обращал внимание в 1993 г. А.А.Леонтьев: «эпитет «языковой» в словосочетании «языковое сознание» не должен вводить нас в заблуждение. К языку как традиционному предмету лингвистики этот эпитет прямого отношения не имеет. Изображать язык (в традиционно-лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру – значит попадать в порочный круг» (Язык и сознание: парадоксальная рациональность 1993, с.17).

Вместе с тем, в лингвистике и психолингвистике до сих пор не терминологизированы психические механизмы речи, обеспечивающие речевую деятельность человека, *совокупность знаний человека о своем языке*. Мы полагаем, что именно эти механизмы и знания представляют собой языковое сознание человека. В таком случае традиционная лингвистика изучает именно языковое сознание – правила употребления языка, нормы, упорядоченность языка в сознании и т.д., но при этом практически не исследует *психологическую реальность выполняемых описаний*.

На каком-то этапе развития языкознания этого было достаточно, но не на современном этапе, когда коммуникативное, антропоцентрическое направление в лингвистике стало доминирующим и возник закономерный интерес к живому языку, функционирующему в реальной коммуникации, а не к абстрагированному от носителя «мертвому» языку, отраженному в словарях и грамматиках. Это и привело к бурному развитию исследований в области коммуникации, психических механизмов языка, ассоциативно-вербальных

сетей (Ю.Н.Караулов), ассоциативных полей и др. Проблемы описания языка как реальности психики выдвигаются на передний план.

В связи с этим под *языковым сознанием* предлагается понимать совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть *психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности* человека. Это «знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» (Этнокультурная специфика языкового сознания 1996, с.11). Изучением этого занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика, возрастная лингвистика (ср. Языковое сознание и образ мира 2000, с.24). Изучает языковое сознание и традиционная описательная лингвистика.

Таким образом, языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Языковое сознание может изучаться и описываться на трех уровнях – традиционно-лингвистическом, психолингвистическом и нейролингвистическом.

Уровень *традиционного лингвистического описания* языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания. Традиционная, классическая описательная лингвистика изучает язык как систему единиц и правил их употребления. Такой подход предполагает описание того, что *есть* в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях и устной речи, что устоялось, определилось и является общепринятым.

Продуктами такого описания являются определенные конструкты лингвистов, предлагающие их понимание значений и функций тех или иных языковых форм и структур на данном этапе развития языка. Такое описание осуществляется в рамках традиционной фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, грамматики. Результатами таких описаний являются фонетики, словари и грамматики, которые представляют собой результат обобщения значений и употреблений языковых форм и структур, описывают наиболее типичные употребления, определяя их как нормативные для языка на данном этапе его развития. Такое описание необходимо для фиксации и распространения языковых норм, для обучения языку, для сравнения языков, составления словарей и учебников. Однако необходимо иметь в виду, что фиксация значений и функций языковых форм в словарях и грамматиках является результатом обобщения и отвлечения от лингвистической реальности и поэтому нельзя, к примеру, утверждать, что то или иное слово не имеет определенного значения или семантического компонента, поскольку это «не отражено в имеющихся словарях» – описание слова в словаре есть результат отвлечения от реальных употреблений слов, определенный лингвистический конструкт, который нельзя абсолютизировать.

Уровень *психолингвистического описания* языковых фактов отражает результаты экспериментальных исследований, в частности, выполненных с помощью различного рода ассоциативных экспериментов и многочисленных

других экспериментальных процедур (методика интервьюирования, метод субъективных дефиниций, интерпретационный эксперимент, методика семантического шкалирования, методика ранжирования и др., см. Высочина 2001, 2002; Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии 2002, с. 286-289), которые позволяют выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально присутствуют в сознании носителей языка, а также выявить характер взаимодействия языковых единиц и структур в процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений.

Именно психолингвистика является той наукой, исключительным предметом исследования которой является языковое сознание человека в его психологической реальности: «Психолингвистика изучает язык как феномен психики» (Фрумкина 1984, с.6). Данные психолингвистического описания языка также нельзя абсолютизировать, поскольку экспериментальные данные всегда получены на ограниченном числе испытуемых и демонстрируют зависимость от целого ряда характеристик испытуемых.

Таким образом, исследование языкового сознания возможно как на лингвистическом, так и на психолингвистическом уровнях, оба из которых предполагают свои методы и дополняют друг друга в описании системы языка. Достоверность традиционно-лингвистического описания повысится, если оно будет обобщать результаты психолингвистического описания.

Возможен также уровень *нейролингвистического описания*. Это исследование языкового сознания на уровне нейрофизиологических процессов в мозге, исследование речевых зон мозга, нарушений и патологии в функционировании речевых механизмов. Методами таких исследований являются нейрофизиологические – фиксация электрических колебаний отдельных участков мозга и подобные. Данный уровень исследования находится вне компетенции лингвистов, хотя результаты нейролингвистических исследований могут использоваться для теоретического моделирования языкового сознания.

Языковое сознание – компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека; это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности как оперирование речью. Оно формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется всю жизнь, по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков. Для русского человека это прежде всего совокупность сведений о том, *какие единицы и правила есть в русском языке и как надо говорить на русском языке*. Если человек владеет иностранными языками, то сведения об этих языках тоже принадлежат его языковому сознанию.

Однако речевая деятельность человека сама является компонентом более широкого понятия – коммуникативной деятельности человека. В связи с этим возникает проблема разграничения языкового и коммуникативного сознания.

Коммуникативное сознание – это совокупность знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности

человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил ведения общения. Для русского человека *это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России*. В коммуникативное сознание входит и информация об иностранных языках – отношение к ним, их оценка, характеристика степени трудности, знания о коммуникативном поведении носителей этих языков и др.

Приведем пример разграничения языкового и коммуникативного сознания: *языковое сознание* содержит информацию о *формулах приветствия* (то есть об имеющихся языковых единицах для обозначения некоторого концепта): здравствуйте, добрый день, доброе утро, привет и др., а также об их *дифференцированных значениях* – приветствие утром, вечером и т.д., вежливое, разговорное и др.; это информация, которая является принадлежностью языкового сознания русского человека;

коммуникативному сознанию принадлежит информация о том, как надо приветствовать - с каким лицом, с какой интонацией, на какой дистанции, когда и кого можно не приветствовать, кого надо приветствовать вежливо, на вы, а кого можно попроще и т.д., в каких ситуациях обязательно приветствовать, в каких – нет, надо ли повторно приветствовать в течение дня и т.д.

Таким образом, коммуникативное сознание *включает* языковое (понимаемое в рассмотренном выше смысле) как свою составную часть, но *не исчерпывается* им.

Языковое сознание, как говорилось выше, исследуют традиционная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, психология, логопедия, в какой-то степени - методика обучения языку. Коммуникативное же сознание не изучается до сих пор какой-либо специальной наукой, хотя изучение коммуникативного сознания, особенно его национальной специфики, уже назрело. Интерес к коммуникативному сознанию народа начинают проявлять культурология и лингвокультурология, этнография, этнолингвистика и новая формирующаяся наука о межкультурной коммуникации.

Изучение коммуникативного сознания народа предполагает как изучение его языкового сознания, так и изучение чисто коммуникативных знаний, правил и закономерностей, входящих в сознание народа. Подчеркнем, что коммуникативное сознание народа в целом, в единстве его языкового и чисто коммуникативного аспектов, входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа.

Соотношение когнитивного, коммуникативного и языкового сознания может быть изображено так:

Когнитивное сознание	
Коммуникативное сознание	
Языковое сознание	

Коммуникативное сознание образуется прежде всего совокупностью ментальных *коммуникативных категорий*, содержащих знания о структуре самой коммуникации, набор принятых в обществе норм и правил коммуникации, а также коммуникативные установки сознания.

Под *коммуникативными категориями* понимаются самые общие коммуникативные концепты (понятия), упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления. Некоторые из коммуникативных категорий отражают общие представления человека об общении, некоторые – о его речи. Так, для русского коммуникативного сознания могут быть выделены в качестве релевантных такие коммуникативные категории как собственно категория *общение*, категории *вежливость*, *грубость*, *коммуникабельность*, *коммуникативная неприкосновенность*, *коммуникативная ответственность*, *эмоциональность*, *коммуникативная оценочность*, *коммуникативное доверие*, *коммуникативное давление*, *спор*, *конфликт*, *коммуникативная серьезность*, *реквестивность*, *коммуникативная эффективность*, *молчание*, *коммуникативный оптимизм/пессимизм*, *сохранение лица*, категория *тематики общения*, категория *грамотность*, категория *коммуникативного идеала*, *родной язык*, *иностраный язык*, *языковой паспорт*, *культура речи*, *хорошая речь* и др.

Можно выделить и некоторые более конкретные категории: *диалог*, *монолог*, *официальная речь*, *неофициальная речь*, *публичная речь*, *слушание*, *говорение* и др. Еще более конкретные категории - *падеж*, *число*, *род*, *спряжение*, *склонение*, *синоним*, *антоним*, *фонема*, *морфема*, *слово*, *предложение*, *ударение*, *интонация* и мн. др.

Коммуникативная категория в сознании носителя языка носит концептуальный характер и содержит для него (и для исследователя) информацию о том, как тот или иной носитель языка понимает категоризируемое явление, что он включает в состав этого явления, какие нормы и правила связывает с данным понятием, как он «вписывает» данную категорию в состав других коммуникативных и некоммуникативных мыслительных категорий, каковы связи этой категории с другими.

Коммуникативные категории, как и любые мыслительные категории, тем или иным образом упорядочивают ментальные представления личности о нормах и правилах коммуникации. Это упорядочение осуществляется нежестко, вероятно, многие категории взаимно накладываются друг на друга, пересекаются друг с другом, частично входят друг в друга – явление, характерное для всех когнитивных категорий. Функции коммуникативных категорий - упорядочение сведений о нормах и правилах общения для их хранения в сознании, а также обеспечение, организация речевого общения индивида в обществе, в рамках его родной коммуникативной культуры.

Содержание коммуникативной категории представляет собой некоторую (не очень жестко) упорядоченную совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, касающихся языкового общения.

В рамках коммуникативных категорий образующая их информация (концепты, установки, правила) упорядочивается, структурируется по яркости, актуальности для сознания, то есть по полювому принципу.

Категория содержит определенное концептуальное знание о коммуникации (информационно-содержательный аспект, информационно-содержательная составляющая категории), а также «прескрипции», предписания по осуществлению коммуникативного процесса (правила общения); этот аспект может быть назван прескрипционным. Прескрипционная составляющая коммуникативной категории включает прескрипции по крайней мере трех видов: прескрипции, которые носят предписывающий характер (что и как надо делать в процессе общения), запретительные прескрипции (чего нельзя делать в общении) и интерпретирующие (объяснительные) (как надо понимать в процессе общения те или иные коммуникативные факты или действия людей).

Некоторые из таких прескрипций (установок) отражены в пословицах, поговорках и присловьях народа (*яйца курицу не учат, смех без причины – признак дурачины, коротко и ясно, брань на воротах не виснет* и др.), другие выявляются только из анализа коммуникативной практики народа (*через порог не разговаривают, прикосновение повышает убедительность, длительное совместное пребывание в одном месте с незнакомым человеком предполагает вступление с ним в общение, слабое рукопожатие свидетельствует о нерешительности, собеседника нельзя перебивать, за столом надо участвовать в общем разговоре* и др.).

Информационная и прескрипционная составляющие коммуникативной категории дополняют друг друга и существуют в неразрывном единстве, но в интересах систематического описания информационное и прескрипционное содержание коммуникативной категории могут быть вычленены и описаны по отдельности.

Коммуникативные категории, формирующие национальное коммуникативное сознание, обладают национальной спецификой, которая проявляется в нескольких аспектах.

Некоторые коммуникативные категории в сознании людей могут быть характерны только для определенного этноса. Ср., к примеру, коммуникативные категории западного англоязычного мира - *small talk* (жанр светского разговора на общие темы, принятый в светском общении), *privacy* (приватность, неприкосновенность личности, в том числе коммуникативная), *tolerance* (толерантность), *political correctness* (политическая корректность, стремление в общении избежать форм и выражений, которые могут ущемить чьи-либо права или дискриминировать собеседника по какому-либо признаку), японская коммуникативная категория *sabi* “уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием какого-либо одного звука”, категории “сохранение своего лица”, “сохранение лица собеседника” японского и западного мышления, категория *oma gauha* «полный собственный покой» в финском сознании – все перечисленные категории для русского коммуникативного сознания лакунарны; только формируется в настоящее время в русском коммуникативном сознании категория *толерантности* на базе заимствованного слова.

Вместе с тем, такие русские коммуникативные категории как *общение, разговор по душам, выяснение отношений* отсутствуют в коммуникативном сознании других народов (по крайней мере, западноевропейских).

Большинство коммуникативных категорий имеют значительную долю сходства у разных народов, но в их структуре, составе компонентов, яркости отдельных компонентов, в вытекающих из содержания этих категорий установках и правилах общения наблюдаются заметные национальные различия. Отметим, что наиболее яркие национальные различия обычно выявляются в периферийных зонах коммуникативных категорий или в их интерпретационных полях.

Особенности общения того или иного народа, описанные в совокупности, представляют собой описание *коммуникативного поведения* этого народа (Стернин 1989, с. 279-282). *Коммуникативное поведение народа – это совокупность норм и традиций общения народа.*

Описание коммуникативного поведения фактически представляет собой описание одного из аспектов – коммуникативного аспекта – национальной языковой личности (Караулов 1987, с 5.).

Коммуникативное поведение народа определяется его коммуникативным сознанием и представляет собой способ овнешнения коммуникативного сознания – подобно тому, как язык представляет собой способ овнешнения когнитивного сознания.

По коммуникативному поведению народа можно описать содержание и основные закономерности функционирования его коммуникативного сознания. Коммуникативное сознание – часть национальной картины мира народа.

Исследование собственно коммуникативного сознания предполагает прежде всего выявление и анализ содержания ментальных *коммуникативных категорий*, содержащих знания о структуре самой коммуникации, набор принятых в обществе норм и правил коммуникации, а также коммуникативные установки сознания.

Коммуникативные категории как элементы коммуникативного сознания практически не исследованы. Вместе с тем, с теоретической точки зрения изучение коммуникативных категорий позволит понять как саму структуру коммуникативного сознания человека, так и механизм реализации коммуникативных категорий в процессе общения, а также позволит выявить национальное своеобразие коммуникативных категорий.

Исследование коммуникативных категорий предполагает:

- установление набора национальных коммуникативных категорий;
- установление их содержания, т.е. выявление образующих коммуникативную категорию когнитивных компонентов;
- установление структуры коммуникативной категории, то есть вычленение ее ядра, периферии;
- описание интерпретационного поля категории, то есть описание установок, предписаний, запретов, норм и правил коммуникации, обусловленных содержанием категории в данной коммуникативной культуре;
- установление иерархии коммуникативных категорий в национальном

коммуникативном сознании – выявление ядерных и периферийных коммуникативных категорий той или иной лингвокультурной общности.

Возможно также изучение динамики становления и развития коммуникативных категорий как компонентов коммуникативного сознания народа – как в плане формирования тех или иных категорий в процессе формирования и развития нации, так и в онтогенетическом плане – формирование отдельных коммуникативных категорий в коммуникативном сознании ребенка и взрослого на разных возрастных стадиях развития личности.

Изучение коммуникативных категорий осуществляется как методом прямого наблюдения за коммуникативным поведением носителей языка и когнитивного обобщения выявляемых коммуникативных фактов, так и экспериментальными приемами (методика опроса, анкетирования, свободного и направленного ассоциативного эксперимента и др.).

Коммуникативное сознание может также изучаться и на чисто лингвистическом уровне – например, через описание совокупности языковых единиц, обобщаемых наименованием соответствующей категории – например, лексика, обозначающая процесс *общения* в русском языке; слова, обозначающие диалог в английском языке и т.д. Эти данные могут быть использованы через когнитивную интерпретацию для описания содержания соответствующей коммуникативной категории в национальном языке.

Таким образом, коммуникативное сознание и языковое сознание как его часть изучаются как лингвистическими, так и психолингвистическими методами, которые дополняют друг друга и в своей совокупности дают достоверную картину содержания национального коммуникативного сознания.

Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование). Автореф. дис...канд. филол. наук, Воронеж, 2001.

Высочина Ольга. Понимание и адаптация иноязычного слова в сознании носителя языка. На материале русского и финского языков. Jyväskylä, 2002.

Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. Таллин, 1987.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980

Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Жинкин И.Н. Избранные труды. Язык. Речь. Творчество. М., 1998.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989.

Фрумкина Р.М. Предисловие /Психолингвистика. Сб.статей // Под ред. А.М.Шахнаровича. М., 1984.

- Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
 Язык и национальное сознание. Вып.1, Воронеж, 1998.
 Язык и национальное сознание. Вып.2, Воронеж, 1999.
 Язык и национальное сознание. Вып.3, Воронеж, 2002.
 Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002.
 Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
 Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.
 Языковое сознание и образ мира. М., 2000

З.Д.Попова

Компонентный анализ лексико-семантической группы

Компонентный анализ как метод исследования структуры значения слова (семемы) заключается в выявлении набора сем, образующих семему, в классификации типов сем, в установлении их иерархии. Истоки этого метода восходят к учению Л.Ельмслева о фигурах плана содержания, к трудам французских семасиологов Б.Потье, А.Греймаса, к работам В.Г.Гака и других отечественных ученых. Компонентный анализ значения слова в настоящее время широко известен и применяется во многих исследованиях, хотя единого алгоритма этого анализа не существует. Подробнее об этом см.: Стернин, 1979, Попова, Стернин, 1984, с.37-68, с. 117-123; Стернин, 1985.

Значение компонентного анализа (далее КА) трудно переоценить. Зная семный состав семемы, лексиколог может точно объяснить различие между разными семемами одной лексемы, между семемами синонимов и других семантически близких слов, в конечном счете - дать наиболее точное толкование всех семем данной лексемы в словарной статье каждого слова. Такое толкование принципиально важно для преподавания и освоения словарного состава языка.

Мы уже делали набросок алгоритма КА слов одной лексико-семантической группы (Попова, Стернин, 1984, с. 120), однако практика исследовательской работы совместно с нашими учениками показала, что изложенных в нем шагов во многих конкретных случаях оказывается недостаточно.

На основе имеющегося алгоритма хорошо выявляются слова, относящиеся к данной ЛСГ (по толковым и по синонимическим словарям), и устанавливается состав сем каждой семемы в том объеме, который зафиксирован словарями. Но составление таблицы семного состава значений слов анализируемой группы, предусмотренное как один из шагов данного алгоритма, каждый раз вызывает трудности и множество вопросов.

Известно, что семы бывают разных рангов: интегральные, охватывающие целые классы слов, дифференциальные, отграничивающие семемы друг от друга, и потенциальные (скрытые), которые могут проявиться в переносных значениях слова, но, как правило, не фиксируются словарями. В ходе анализа исследователь обычно затрудняется решить, какие семы относятся к

интегральным (архисеме или классеме), какие считать семами дифференциальными, каков состав потенциальных сем. На что опереться при установлении состава потенциальных сем, если они не фиксируются словарями? И это только главные вопросы, возникающие в ходе КА.

Мы уже поняли, что семы наиболее отчетливо выявляются при противопоставлении семем одной лексемы друг другу, а еще ярче при противопоставлении друг другу семем из семантем (полного набора семем одной лексемы) большой группы слов, объединенных общей интегральной семой (архисемой).

В ходе совместной работы с М.Ф.Панкиной мы уточняли методику КА, дорабатывали его алгоритм и некоторые постулаты такого анализа предлагаем в настоящей статье. С результатами выполненной работы читатель может ознакомиться в монографии М.Ф.Панкиной (Панкина, 2002).

Мы иллюстрируем предлагаемые постулаты на материале КА лексико-семантической группы русских глаголов самостоятельного перемещения идти / ходить, бежать / бегать, лететь / летать, плыть / плавать, ползти / ползая.

1. Архисемы могут состоять из одной семы (быть, признак, действие и нек. др.), но это свойственно только так называемым широкозначным словам. Обычно архисема расслаивается на несколько сем, благодаря чему у лексем, объединенных данной архисемой, появляются разнообразные переносные (производно-номинативные и коннотативные) значения. Так, в составе архисемы глагола ИДТИ мы обнаружили следующие слои: самостоятельное перемещение (человек идет), перемещение, воспринимаемое как самостоятельное (поезд идет), пространственный объект, воспринимаемый как перемещающийся (дорога идет), явление, существующее в перемещении (дождь идет), явление, существующее в изменениях (время идет), действие, включающее в себя частичное перемещение (часы идут).

Первый слой архисемы объединяет все слова данной ЛСГ (люди, животные идут / ходят, бегут / бегают, некоторые из них ползут / ползают), птицы летят / летают, рыбы плывут / плавают.

Второй слой также объединяет все слова данной ЛСГ: транспортные средства идут / ходят, бегут / бегают, ползут / ползают, самолеты летят / летают, пароходы плывут / плавают. На этом слое архисемы основаны некоторые образные и экспрессивные употребления глаголов (вода, река бежит, летит), звуки, свет, запахи идут, летят и нек. др.).

Третий слой архисемы обнаруживается при сочетании глаголов с ограниченным кругом существительных, обозначающих пространственные реалии, связанные с перемещением людей (путь, дорога идут, бегут, придорожные участки рельефа идут, бегут, летят навстречу или мимо движущегося человека).

Четвертый слой архисемы выявляется при сочетании глаголов с названиями природных явлений (дождь, снег идет, летит), либо с названиями разных видов информации (слухи, разговоры, молва, вести), которые идут, ползут, ходят, летят и др.

Пятый слой проявляется при сочетании глаголов с названиями отрезков времени (время идет, бежит, летит, ползет), с названиями квантов

мыслительной деятельности (мысли бегут, ползут), ощущений человека (боль, тревога, сомнения идут, плывут), процессов (перестройка идет, шли аресты и т.п.).

Шестой слой находим при сочетании глаголов с названиями движущихся отдельными частями объектов (часы идут, деньги летят, глаза бегают).

При определении состава ЛСГ необходимо учитывать, что у всех денотативных первичных семем (прямых номинативных значений) изучаемых слов архисема должна быть одна и та же. Если она сложная, состоит из нескольких слоев, то все они должны присутствовать в денотативной первой семеме каждой лексемы. Проявляться все слои архисемы могут не у каждой лексемы, но присутствовать в потенции они должны у всех лексем в их семеме Д1.

В разных значениях (у разных семем) данной лексемы должны присутствовать те или иные слои данной архисемы. Если ни один слой данной архисемы в какой-либо семеме данного слова не присутствует, эта семема переходит из данной ЛСГ в другую. По-видимому, уходит из ЛСГ самостоятельного перемещения глагол *идти* в выражении *Вам идет это платье*, хотя этимологические связи этой семемы с глаголом *идти* достаточно очевидны.

2. При определении дифференциальных сем на основе оппозиций, в которые вступают глаголы данной ЛСГ по значению, прежде всего выделяются семы, охватывающие всю группу. В данной ЛСГ это семы: перемещение в одном направлении / в разных направлениях: *идти, бежать, лететь, плыть, ползти* // *ходить, бегать, летать, плавать, ползать*.

Семемы Д1 глаголов четко различаются по семе СПОСОБ перемещения: при помощи ног (*идти, ходить, бежать, бегать*), крыльев (*лететь, летать*), плавников (*плыть, плавать*), нижней части тела (*ползти, ползать*).

Яркой дифференциальной семой является также СРЕДА перемещения: СУША (*идти, ходить, бежать, бегать, ползти, ползать*), ВОЗДУХ (*лететь, летать*), ВОДА (*плыть, плавать*).

Дифференциальные семы необходимо отыскивать до того момента, пока хотя бы по одной дифференциальной семе будут различаться каждая семема одной лексемы и каждая денотативная первая семема каждой лексемы данной ЛСГ.

3. Потенциальные (скрытые) семы выявляются на основе анализа переносных значений слова (семем Д2 - производно-номинативных и семем К1 - коннотативных мотивированных). Резерв таких сем практически неисчерпаем, но обозначать при КА имеет смысл только те, которые уже обнаружались в созданных и функционирующих в языке семемах Д2 и К1. Например, словосочетания *шла рыба, шла стая птиц* обнаруживают скрытую сему глагола *идти*: перемещение всей массой движущегося тела. Словосочетания: *ходят поезда, бегают легкие катера, ходит почта, ходит солдаты, летают самолеты* и т.п. выявляют скрытую сему разнонаправленных глаголов - регулярно, обычно. Выражения *плывут облака, плывет орел, плывут поезда* подсказывают скрытую сему глагола *плыть*: плавное движение без видимых перерывов.

Через всю ЛСГ проходит потенциальная сема ТЕМПА движения: размеренно, быстро, очень быстро, небыстро и медленно. Ср. *люди идут, бегут, летят; самолеты, пароходы идут; поезда бегут; детали рельефа, например, деревья (за окном поезда) шли / бежали, летели...*

Особенно ярко различие перемещения по темпу определяется по семеме К1: *время шло, бежало, летело, ползло; слухи шли, бежали, ползли.*

Скрытые семы могут быть общими для всей группы, но могут относиться только к одному слову из ЛСГ.

4. Чтобы установить семантическую связь всей ЛСГ с другими ЛСГ (например, для определения границ лексико-семантического поля), необходимо найти у архисем сопоставляемых ЛСГ хотя бы одну общую сему. Например, ЛСГ самостоятельного перемещения по семе «перемещение» связана с ЛСГ «прекращение перемещения» (остановиться, стать, замереть и нек. др.), «начало перемещения» (двинуться, тронуться, рвануться и нек. др.), «совместное с некоторым объектом перемещение» (нести, везти, вести и нек. др.) и т. п.

Если архисемы изучаемых ЛСГ общей семы не обнаруживают, эти ЛСГ относятся к разным лексико-семантическим полям.

Надеемся, что изложенные нами правила компонентного анализа будут способствовать дальнейшему уточнению и детализации алгоритма этого важного метода семасиологии.

Панкина М.Ф. Формирование семантических структур в лексической системе языка. Воронеж, 2002.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Раздел 2.

Национальные особенности языкового сознания

2.1. Лингвистический анализ языкового сознания

Л.В. Лаенко

Семантемы признаков лексем *COLD/ХОЛОДНЫЙ*: общее и национально-специфическое

В настоящем исследовании особое внимание уделяется освещению семантических категорий и субкатегорий – семем и сем, составляющих семантическое содержание прилагательных *cold* и *холодный*, и изучению проявления этих категорий через совместную встречаемость прилагательных с существительными, понимаемую как репрезентацию того или иного мыслимого носителями двух языков признака концепта.

Исследуем семантику данных лексических единиц методами семемного и компонентного анализов с последующим сопоставлением полученных результатов.

Семема Д1

Cold и *холодный* реализуют эквивалентную семему Д1 "имеющий более низкую температуру по сравнению с нормой человеческого тела" при характеристике кожи, частей тела человека, помещений, посуды, еды, металлических, каменных и других объектов, предметов, веществ и артефактов, способных остывать, явлений природы, отрезков времени. Прилагательные *cold* и *холодный* сочетаются практически со всеми существительными, обозначающими реалии, способными изменять своё температурное состояние. Только имена всегда горячих объектов, таких, как дым, огонь, кипяток, пар и др. обычно не сочетаются с ними. Семема Д1 прилагательных *cold/холодный* обладает высокой частотностью употребления. В основе этого явления лежит экстралингвистическая причина: температурный уровень имеет для жизнедеятельности человека определяющее значение.

Лёгкие семантические сдвиги, возникающие при употреблении данных прилагательных, хорошо объяснимы: если речь идет об источнике тепла, то *cold/холодный* – это не согревающий (*холодное солнце*) или недостаточно нагретый/уже остывший (о нагревательных приборах)/погасший (ср. *холодная батарея*, а *cold pipe* – погасшая трубка; то же о еде: *холодный борщ*; холодная

одежда не защищает от холода, холодные поверхности холодят кожу, специально холодная еда или напитки – приятно охлаждают (*холодное пиво/cold beer*).

Методом компонентного анализа выявлено, что семема Д1 данных прилагательных включает архисему "физическое/агрегатное состояние", видовую дифференциальную сему - "более низкая температура по сравнению с температурой человеческого тела", дифференциальные семы - а) "поверхность", б) "температура воздуха", в) (скрытая) "недостаточная степень", потенциальные семы отрицательной и положительной оценки.

Семема Д2

Как для русского, так и для английского прилагательных характерно большое количество производно-номинативных значений - семем Д2.

Ряд из них эквивалентен:

- «производимый без помощи нагревания или с помощью низких температур» (холодный прокат стали, холодная обработка металлов, холодная заливка, *cold-roll*(букв. *холодный рулон*) - to roll (metal) at a temperature below that it recrystallizes, *cold-working*(букв. *холодный процесс работы*) - a process of cold-working metal;
- «предназначенный для охлаждения чего-нибудь (холодильные установки, *cold storage* (холодильник), *cold store* (холодильная камера)
- «рубящее или колющее оружие» (*cold/ arm/ cold steel/ cold iron* - холодное оружие (оружие, сделанное из стали, например, кинжал, нож, меч, сабля, пика, штык);
- «блюда, подаваемые в холодном виде» (холодные закуски, *cold cuts* - холодное мясо (тонко порезанные кусочки приготовленного мяса, которые подаются холодными);
- «резкое понижение температуры воздуха» (холодный фронт/*cold front*, холодная волна/*cold wave*

По семеме Д2 «тёплое помещение для разведения и выращивания растений, оранжерея» эквивалентны *cold frame* и *теплица* с единственной разницей, что для англичан более актуально всё-таки внешнее воздействие холода, а для русских – внутренние температурные условия.

- «состояние высокой политической напряженности между двумя и более странами, при которой они не приступают к боевым действиям»(*cold war-холодная война*;

- «служащий для понижения температуры» (*cold pack, cold compresses*
- лед, холодное полотенце, холодный компресс);
- «свежий, не сладкий» (преимущественно о запахах духов, аромате).

ЛЕ *cold/холодный* также реализуют эквивалентные семемы Д2 «излучающий мало или вовсе не излучающий света и тепла» (неяркий, тусклый, бледный, холодный) при характеристике небесных тел, огня, блеска и «передающий ощущение холода» (о цвете, краске, оттенке).

Есть основания считать национально-специфическими семемы Д2, реализуемые английской лексемой в *cold bag* (термос), *cold back* (большой чан,

cold sore (букв. *холодный нарыв*) - язвочка на губах или на носу, которая может быть вызвана герпесом или венерическим заболеванием, *cold shivers* (букв. *холодное дрожание*) - озноб, *cold clear* (букв. *холодный очиститель*) - (увлажняющий крем), *cold lime-soda* (букв. *холодная известковая сода*) - погашенная известь *cold snap* (букв. *холодный треск*) - заморозки, *cold star* (потухшая звезда), *cold chisel* (стамеска), *cold hose* (холодный шланг), *cold deck* крапленые карты, *cold patch* – заплатка на пробитой автомобильной шине на цементе, без вулканизации.

Семема K1

Метафорические употребления *cold/холодный* описывают прежде всего человека и его действия и связаны с отсутствием источников человеческого тепла – души и сердца, поэтому *холодный/cold* (о человеке) – это лишенный эмоций (за которые как раз и отвечают эти два органа, см. подробнее: Урысон 1995), ср.: *холодная красавица* и может значить «бездущный, бессердечный», актуализируя, естественно, при этом отрицательную оценку: *холодный взгляд/ a cold look, слова/words, голос/voice*.

Cold/холодный может обозначать свойство характера (1) или состояние человека (2) в данный момент. В первом случае данные ЛЕ указывают на отсутствие душевной теплоты, чуткости, дружелюбия, на бессердечность или равнодушие: *he was cold and haughty* - *он был холоден и высокомерен; нет ничего тяжелее для прихожан, чем случайный пастырь, холодный и равнодушный человек*.

Во втором случае *cold/холодный* предполагают недоброжелательность или враждебность, если речь идет об отношении к другим людям, и отсутствии интереса, если речь идет об отношении к вещам: *he was rather cold to our proposal* - *он отнесся довольно холодно к нашему предложению* (т.е. не проявил особенного интереса).

Как видим, все отмеченные выше коннотативные семемы развиты анализируемыми лексемами на основе одной семы «недостаточный, не хватает тепла, сердечности, участия».

В то же время отсутствие эмоциональной стороны может быть компенсировано разумом и рассудком: *Он обнаруживает чрезвычайную зрелость, ясность холодного ума и большую широту горячего сердца*. Поэтому ФС *решить всё на холодную голову*, т.е. «взвешенно, без <лишних> эмоций» имеет положительную оценку, ср. то же значение в русском *хладнокровный* и английском *cold-blooded*.

При этом данная семема K1 «свидетельствующий о бесстрастности или свойственный холодному человеку» (холодный, строгий, бесстрастный, рассудочный) метонимически характеризует человека через описание его глаз, взгляда, мимики, жестов, лица, голоса, слов, поступков, свойств, состояний, чувств: *Теплоты и задушевности в нем не сыскать, лишь холодная расчетливая и благосчитанная рассудочность*; *Anna tapped on the glass and Criselda opened her eyes, stared with cold indifference and closed them again*. - ...но при новом свидании, видя холодное равнодушие в каждом её слове и каждом поступке, он потерял мужество и не в силах был порвать свои оковы.

Помимо этого, обращает на себя внимание тот факт, что осмысление англичанами *холодного* как «недостаточного для» порождает и такие смыслы, которые в силу отсутствия таковых в поле семантического действия русского *холодный*, правомерно считать национально-специфическими.

Так, «неоспоримый, лишенный субъективизма, личностного отношения» передается фразеосочетанием *cold truth* (жесткая правда), «лишенный теплоты, участия, субъективизма» - *cold facts* (голые факты), «лишенный эмоций, бесстрастный» - *cold manner* (сдержанные манеры), «не выражающий симпатии, недружелюбный» - *cold handshake* (слабое рукопожатие), *cold greeting* (сдержанное приветствие), «недостаточно активный и эффективный» - *cold consolation* (слабое утешение), «слабый, не отчетливый» - *cold scent* (едва заметный след (преступника), «не содержащий достаточных оснований» - *cold belief* (слабая вера), *cold comfort* (недостаточный, неполный комфорт), «без горячих блюд» - *cold meat party* (похороны).

Метафоризация же такой «недостаточности» через русский *холодный* приводит к одиночеству:

Холодной скорби не измерить / Ты на туманном берегу, / Но не любить тебя, не верить / Я научиться не могу.

Собственно, английский *cold* также ассоциируется с одиночеством - *to be in the cold* (оставаться в одиночестве). *A masma of despair rose from the cluster of black workshops and Fenella felt in billow out and engulf them in its sick, cold desolation* - безмерно одинокий (букв. холодное запустение).

В свою очередь английский *cold* развивает национально специфические семемы при выражении высокой степени проявления чего-то: при всей своей сдержанности возможно *cold dislike* люта я ненависть и *cold sober* трезв как стеклышко, *a cold hard knot of anger* (букв. холодный тугой узел гнева) – высокая степень гнева (*Within him drew cold hard knot of anger*) и *cold fury* (холодная ярость) вплоть до *cold turkey* ломка после прекращения принятия наркотиков (АмЕ). В русском языке данную семему реализует прилагательное *ледяной*: *ледяной тон, ледяной взгляд*, передающих недружелюбие предельной степени, граничащего с враждебностью. Возможно, это объясняется климатическими условиями: в Англии *холодный*, в основном, воспринимается как предел некомфортной температуры, т.е. ниже температуры человеческого тела, в России же *холодный* – это ещё не *ледяной*.

Collins Cobuild English Language Dictionary. Collins: London and Glasgow, 1990.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1975.

Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная анатомия // Вопросы языкознания. – 1995. - № 3. .

Фоломкина С.К. Англо-русский словарь сочетаемости. М., 2000.

Игра - это play или game? (К проблеме национальной специфики языкового сознания)

На первый взгляд, анализ семантемы русской лексемы *игра* выявляет наличие значительного числа сходных компонентов с ее соответствиями в английском языке - *play* и *game*.

Игра в русском включает следующие семемы:

- развлечение, забава;
- набор предметов для игр;
- спортивная игра;
- азартная игра;
- исполнение музыкального произведения;
- исполнение сценической роли;
- преднамеренный ряд действий, интриги, замыслы;
- быстрое действие, движение; быстрая смена пятен света, красок,

блеск, переливы.

Play в английском имеет следующие значения:

- развлечение;
- спортивная игра;
- азартная игра;
- пьеса;
- план, замысел;
- действие, свобода движения;
- шутка.

Английской лексеме *game* присущи такие значения, как:

- игра, забава;
- настольная игра;
- спортивная игра;
- азартная игра;
- тайный замысел, трюк, уловка;
- шутка, насмешка;
- дичь;
- занятие проституцией.

При переводе с одного языка на другой и при сравнении единиц разных языков обнаруживается, что сходные по смыслу слова двух языков далеко не всегда полностью совпадают по значению. В результате имеет место явление национальной специфики семантики лексических единиц, когда наблюдается отличие лексической единицы по компонентам значения от сходной единицы языка сравнения.

Изучение межъязыковых лексических соответствий представляет особый интерес, так как национально специфические семы, выявляемые в значениях сравниваемых лексических единиц двух языков, интегрируются как отражение национально специфических признаков соответствующих национальных концептов и позволяют моделировать соответствующий концепт как единицу национальной концептосферы.

Данное явление проиллюстрируем на примере семантического анализа русской лексемы *игра* на фоне английских соответствий.

Согласно данным толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой денотат лексемы *игра* отражен в следующем определении: *развлечение, забава*. В тексте данное значение может быть представлено так:

Представляя, что она рвет с дерева какие-то американские фрукты, Любочка сорвала на одном листке огромной величины червяка, с ужасом бросила его на землю... Игра прекратилась - мы все, головами вместе, припали к земле - смотреть эту редкость. (Л.Толстой. Детство)

В английском языке данной семеме соответствует лексема *play* с тем же самым значением «игра, забава». Например, *boy's plays* - мальчишеские игры, *children are fond of play* - дети любят играть, *all work and no play makes Jack a dull boy* - Джек в дружбе с делом, в ссоре с бездельем – бедняга Джек не знаком с весельем.

Другим соответствием лексемы *игра* в ее денотативном значении можно назвать лексему *game* в английском: *noisy game* – шумная игра, *indoor games* – игры в закрытом помещении; *game and glee* – сплошное удовольствие, *what a game!*, что обозначает «как забавно!».

Надо отметить, что *игра* в значении «набор предметов, предназначенных для игры» (*он разложил игру на полу*) имеет только одно английское соответствие *game* (*this shop sells toys and games* – в этом магазине продают игрушки и игры).

Как показывает анализ словарных данных, в русском языке существительное *игра* имеет несколько вариантов семемы Д2, некоторым из которых имеются соответствия среди английских *play* и *game*.

Так, например, спортивная игра репрезентирована в обоих языках всеми тремя лексемами. В русском Д2 существительного *игра* обозначает «занятие, обусловленное совокупностью определенных правил, приемов и служащее для заполнения досуга, развлечения, являющееся видом спорта (*игра в футбол, олимпийские игры, нарушить правила игры*)». В английском то же самое значение можно наблюдать у существительного *play* в сочетаниях типа *actual play* - игра со счетом очков, *loose play* - свободная игра, без счета, *in play/out of play* - в игре/вне игры. Лексема *game* также выражает значение спортивной игры в выражении *to play the game* - играть по правилам.

Тема азартной игры тоже может быть представлена тремя данными словами:

- в русском:

Кроме чтения газеты, разговоров и драк, развлечением служила еще игра в карты. (М.Горький. Бывшие люди)

- в английском:

High/low play - крупная/игра по маленькой, *to loose money at play* - проигрывать деньги в карты, *this game is yours* – вы выиграли, *two can play at that game* - посмотрим еще, чья возьмет.

Однако, что касается эквивалентов существительного *игра* в значении «преднамеренный ряд действий, преследующих определенную цель; интриги, тайные замыслы», в английском эквивалент есть лишь у лексемы *game* – замысел, проект, дело. Сравним:

Вы словно подозреваете с моей стороны игру. (Чехов. Несчастье.)

Только здесь, на европейском берегу, Петр понял, что такое политическая игра. (А.Н.Толстой. Петр Первый)

<i>the game is up</i> <i>to give the game away</i> (выдать секрет, проболтаться)	<i>дело проиграно</i> <i>раскрыть игру</i>
<i>the game is not worth the candle</i> (игра не стоит свеч)	<i>игра не стоит свеч</i> (о невыгодном деле, не оправдывающем затраченных усилий, средств)

В случае реализации денотативного значения «быстрая смена пятен света, красок и т.п.», наоборот, русская лексема **игра** имеет соответствие в английском в виде существительного **play**. Сравним:

<i>игра солнечных лучей</i>	<i>the play of sunlight upon leaves</i> (игра солнечных бликов на листьях)
<i>игра бриллиантов</i>	<i>the play of diamond</i>

С другой стороны, английские **game** и **play**, обладая одинаковым значением Д2 «шутка» (*in play* - в шутку, *out of mere play* – ради шутки, *to have a game with somebody* – дурачить кого-либо, *to make game of somebody* – высмеивать, подшучивать над кем-либо) не имеют соответствия, выражаемого русским существительным **игра**.

Д2 русского **игра** «исполнение музыкального произведения» не имеет соответствий среди **play** и **game**. Сравним, в русском - *игра на скрипке*, *виртуозная игра*, в английском – *the violinist's performance was brilliant* (у скрипача была блестящая игра).

Отсутствие английских эквивалентов наблюдается и в случае реализации денотативного значения «исполнение сценической роли». Например, в русском – *игра в роли Отелло*, в английском - *his performance of /as Othello was very good* (его игра в роли Отелло была хороша).

Вместе с тем, следует отметить, что лексеме **play** присуще значение «пьеса, представление, спектакль» (например, *the plays of Shakespeare* – пьесы

Шекспира), которое в русском не может быть передано существительным *игра*.

Таким образом, семантический анализ русской лексемы *игра* на фоне английских соответствий *play* и *game* показал, что несмотря на наличие общих компонентов значения данных лексических единиц, сопоставляемые существительные оказываются не полностью совпадающими по своему содержанию. Выявленные различия в денотативном компоненте значения лексем *play*, *game* и *игра* свидетельствуют о присутствии национальных особенностей в осознании данного концепта двумя народами. Особенно отчетливо своеобразие в восприятии разными культурами одного понятия проявляется в наличии отдельных компонентов в значении слова, характерных для сопоставимой лексики только одного языка. Так, например, специфичным лишь для лексики *game* является значение «дичь, на которую разрешено охотиться или мясо диких уток, куропаток и т.п.», реализацию которого можно наблюдать в следующем употреблении: *pheasants and partridges are game birds* – фазаны и куропатки – это дичь, *a strong red wine goes well with game* – красное крепленое вино хорошо идет под дичь. Кроме того, эта же лексема может иметь значение «заниматься проституцией» в выражении *to be on the game*, что не характерно для двух других соответствий *игра* и *play*. Такие случаи расхождений наиболее ярко демонстрируют национальные особенности языкового сознания.

О.М.Воеводская

Фразеосочетания с компонентом ГЛАЗ в русском и английском языках

Орган зрения чрезвычайно важен для человека, так как именно посредством глаз человек получает большую часть поступающей извне информации. Этот факт не мог не найти своего отражения во фразеологическом фонде языка.

Нами исследовались более 150 фразеосочетаний с фразеобразующим компонентом «глаз(а)» в фиксированной форме одного из падежей (на основании сплошной выборки из Фразеологического словаря русского языка под ред. А.И. Молоткова) и более 130 фразеосочетаний с фразеобразующим компонентом «eye(s)» (из Англо-русского словаря А.В. Кунина).

Проведенный анализ показал, что в русском языке падежная парадигма фразеобразующего компонента «глаз(а)» отражена во фразеосочетаниях полностью. Так, наиболее представленной оказалась форма винительного падежа – 63 фразеосочетания (ФС), творительный и именительный падежи встретились в 29 и 23 ФС, соответственно, родительный и предложный – в 16 и 14, соответственно, дательный падеж зафиксирован только в 3 ФС.

ФС с компонентом «глаз(а)» в форме винительного падежа можно разделить на несколько групп по характеру их значения: 1) образа действия (смотреть во все глаза, мозолить глаза); 2) цели (за прекрасные глаза, пускать

пыль в глаза); 3) меры и степени (за глаза = с избытком, на глаз = приблизительно, хоть глаза выколи = очень темно); 4) обозначения различных физиологических состояний: опьянения (заливать глаза), смерти (закрывать глаза), сна и бодрствования (смежить глаза, продрать глаза); 5) психологических состояний: смущения (не знать, куда глаза девать), растерянности (растерять глаза), неприязни (плевать в глаза), удивления (делать большие глаза).

ФС с компонентом «глаз(а)» в форме творительного падежа обозначают: 1) образ действия (одним глазом = мимоходом); 2) степень качества (глазом не успел моргнуть = очень быстро); 3) место (куда ни кинь глазом = везде); 4) цель (стрелять глазами = стараться привлечь чье-то внимание); 5) различные психологические состояния: растерянность (хлопать глазами), решительность (и глазом не моргнул), смущение (не знать, с какими глазами появляться), обожания (пожирать глазами), гнев (сверкать глазами), удивление (смотреть большими глазами).

ФС с компонентом «глаз(а)» в форме именительного падежа делятся на следующие группы: 1) обозначения различных физиологических состояний: усталости (глаза слипаются), плача (глаза на мокром месте); 2) психологических состояний: растерянности (глаза разбежались), отвращения (глаза бы мои не смотрели), возбуждения (глаза загорелись), удивления (глаза на лоб полезли); 3) меры (насколько глаз достает).

В форме родительного падежа ФС с компонентом «глаз(а)» служат для обозначения:

1) образа действия (не упускать из глаз = смотреть очень внимательно, не отрываясь; краем глаза = мимоходом, между делом); 2) цели (ради прекрасных глаз, для отвода глаз); 3) степени (пуще глаз = сильно беречь); 4) причины (с пьяных глаз); 5) физиологического состояния: боль (искры из глаз посыпались); 6) психологического состояния (пелена с глаз упала = увидеть истинное положение вещей, прозреть).

В форме предложного падежа ФС с компонентом «глаз(а)» представлены следующими группами: 1) место (на глазах = в пределах видимости, достаточно близко); 2) количество (ни в одном глазу); 3) указание на источник (в глазах кого-либо = по чьему-либо мнению); 4) отвлеченный признак лица/предмета (одна радость в глазу, как бельмо в глазу); 5) физиологическое состояние: недомогание (в глазах потемнело); 6) морально-нравственная оценка (ни стыда в глазах, вырастать в глазах = приобретать уважение).

Кроме контекстных связей, нами были рассмотрены внутрисистемные отношения между ФС.

Проведенный анализ показал, что среди фразеосочетаний можно отметить несколько типов варьирования: 1) количественное - когда сокращается в основном элемент, выраженный притяжательным или определительным местоимениями (выплакать /все/ глаза, своими /собственными/ глазами) - представлен 7 примерами; 2) компонентное - за счет синонимов (ради /для прекрасных глаз, смотреть /глядеть в глаза, есть/ пожирать/ поедать глазами) - представлен 17 примерами; 3) морфологическое варьирование - в формах числа, рода, падежа, вида, времени, залога и т.п. (глаза разбежались /

разбегаются, хоть бы в одном глазу / глазе, закрывать/ закрыть глаза, лезть на / в глаза) – представлен 6 примерами; 4) комплексный – сочетание нескольких типов варьирования (глаза бы /мои/ не глядели/ не смотрели) – представлен 4 примерами.

Кроме синонимичных, между фразеосочетаниями существуют отношения полисемии, антонимии и омонимии. Так, полисемия отмечена у 10 фразеосочетаний (за глаза – 1) заочно, в отсутствие кого-либо, 2) вполне, с избытком, 3) не глядя); антонимия – у 4 ФС (закрывать – открывать глаза кому-нибудь на что-либо); омонимия – у 3 ФС (в глазах – 1) в чем-либо представлении, по мнению кого-либо; 2) так, что видно, заметно, известно кому-либо).

Таким образом, анализ фразеосочетаний с компонентом «глаз(а)» показал, что фразеобразующий компонент подвергается значительным семантическим и лексическим изменениям: почти полностью утрачивает прежнее категориальное значение предметности, в лексическом же значении сохраняются лишь отдельные его элементы – семы. Утратив предметное значение, фразеобразующий элемент «глаз(а)» в форме того или иного падежа наиболее часто передает семантику образа действия, а также различных физиологических и психологических состояний человека.

Что касается фразеосочетаний с компонентом 'eye(s)' в английском языке, то их насчитывается более 130, и по характеру лексического значения их условно можно разделить на следующие группы: 1) образа действия (keep a jealous eye on – ревниво оберегать, заботиться) – 27 ФС; 2) признак, качество предмета/ субъекта (someone eye – хорошая зрительная память, get (have) one's eye (well) – наметанный глаз) – 19 ФС; 3) сравнения по сходству (eyes like gimlets – глаза как буравчики) – 7 ФС; 4) цель (have an eye to the main chance – преследовать корыстные цели, стремиться к обогащению) – 5 ФС; 5) место (before / under smb's eye (very) eye – на глазах / перед глазами у к.-л.) – 4 ФС; 6) мера или степень (more (in it) than meets the eye – больше, чем кажется на первый взгляд) – 3 ФС; 7) различные психологические состояния: обожания (cast/make sheep's eyes at smb. – смотреть влюбленными глазами на к.-л.), сомнения (not to believe one's own eyes – не верить собственным глазам), удивления (make big eyes – делать большие глаза), негодования (one's eyes flash /shoot fire- глаза мечут молнии) и др. – 12 ФС; 8) различные физиологические состояния: сон (to put one's eyes together – сомкнуть веки, заснуть), усталость (pore one's eyes out – утомить глаза) – всего 7 ФС; 9) мыслительные процессы (have in one's eye – вспомнить, представить мысленно) – 3 ФС; 10) модально-междоментные ФС, выражающие различные отношения говорящего к действительности (damn your eyes! – будьте вы прокляты!) – всего 6 ФС; 11) межличностные отношения (do smb in the eye – обманывать, надувать к.-л.) – всего 20 ФС; 12) перифразы (the eye of Greece – око Греции, Афины) всего 10 ФС, 13) ссылка на источник (in smb's eyes – по ч.-л. мнению) всего 4 ФС; 14) в значении предлога (with an eye on/ to – для, с намерением, с целью) – всего 2 ФС; 15) отвлеченные понятия (a gleam/ glint/ twinkle in smb's eye – едва оформившаяся идея) – всего 6 ФС.

В связи с отсутствием в английском языке флексий для выражения падежных отношений на передний план выступает проблема сочетаемости одной и той же лексемы, несущей разные семемы, с различными предлогами. Так, фразообразующий компонент "eye(s)" сочетается с 11 предлогами в 30 ФС: with (9), in (6), to (4), under (3), up to (2), с before, into, by, upon, for и between по одному.

Например, с предлогом with фразообразующее слово eye(s) зафиксировано в следующих ФС: look with another eye, see with own eyes, see with smb's eyes, see with half an eye, look with another eye, sleep with one eye open в значении глаза как органа зрительного восприятия; во ФС with an eye for и with an eye on/ to, т.е. когда в постпозиции используются предлог цели (for) и предлоги направления (on, to), глаз выступает как средство для достижения определенной цели.

Что касается системных связей внутри самих ФС, то, как и в русском языке, среди английских ФС отмечены все типы варьирования: компонентное, представленное 20 ФС (close/ shut one's eyes to smth – смотреть сквозь пальцы), морфологическое – 14 ФС (in a/ the pig's eye – ври больше!), комплексное – 9 ФС (before/ under smb's (very) eyes – на глазах у к.-л., перед ч.-л. глазами), количественное – 5 ФС (have eyes (only) for – восхищаться, стараться заполучить). Английский язык использует больше синонимических вариантов для выражения одних и тех же понятий, т.е. стремится к большей точности и скрупулезности.

Среди ФС также отмечены 5 примеров полисемии (a black eye - 1) синяк под глазом, «фонарь», 2) сильный удар по престижу, репутации); 2 примера омонимии (eyes and no eyes - 1) одни наблюдательны, другие нет; 2) «наблюдайте природу» (название некоторых книг/ журналов по естествознанию); 2 примера антонимии (believe/ not to believe - верить/ не верить собственным глазам).

Таким образом, если в русском языке для разграничения значений можно использовать падежные словоформы, т.е. систему словоизменения, то в английском для этой цели следует рассматривать сочетание лексемы с различными предлогами.

Л.В.Ковалева

Фразеологические единицы с компонентами МОЛОКО, МАСЛО, КАРТОФЕЛЬ в русском и немецком языках

В современном языкознании тесная связь языка и культуры уже не вызывает сомнения. Посредством языка осуществляется особая для каждого этноса форма передачи информации (культурных норм, традиций, истории страны, жизни и быта и т.д.). Межъязыковое общение, освоение иностранного языка невозможны без более глубокого и "тщательного изучения мира (не

языка, а мира) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т.п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива” (Тер-Минасова 2000, с.75).

Расхождение языков и культур можно выявить и описать только путем сопоставительного анализа. По словам Ю.С.Степанова “сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, “белые пятна” на семантической картине языка” (Степанов Ю.С. 1965, с. 120).

Особые трудности в этом направлении представляют фразеологизмы, выражающие национально специфичное отношение к миру, системе ценностей народа, его образу жизни, хранящие традиции той или иной этнической общности

Сопоставление фразеологических единиц - очень сложный процесс, осуществлять который необходимо комплексно, исследуя различные компоненты, входящие в их состав (наглядно-чувственный образ, эмоциональный, культурный, коннотативный компоненты). В ходе сопоставительного анализа вскрываются глубокие различия на разных уровнях фразеологического концепта. Такой вид анализа позволяет выявить специфику фразеологических концептов разных языков, а также универсальные пути их образования на основе фразеологической образности. Так, например, при одинаковых базовых лексемах, входящих в наглядно-чувственный образ и имеющих одинаковое значение на денотативном уровне, наблюдаются существенные различия на других уровнях фразеологического концепта.

Рассмотрим, какие особенности сознания носителей русского и немецкого языков нашли отражение в языковой репрезентации фразеологического концепта с базовым компонентом “молоко”.

Лексема “молоко” в русском и немецком языках имеет одно и то же значение “белая питательная жидкость, выделяемая грудными железами женщин и млекопитающих для вскармливания младенцев, детенышей”. Актуализация образа такого питательного продукта, как молоко, получила различное метафорическое воплощение во фразеологизмах двух языков. Рассмотрим эти различия.

Денотативная семема Д1 лексемы “молоко”, лежащая в основе наглядно-чувственного образа, представлена в следующих русских фразеосочетаниях:

Кровь с молоком. Здесь находит свое образное выражение признак цвета. Известно, что на Руси цветовая символика имела определенное культовое и бытовое значение. Сочетание белого цвета молока (питательного продукта) и красного цвета крови (символ жизни) ассоциируется у русских с румянцем (розово-красным цветом лица, щек) и характеризует человека здорового, цветущего, с хорошим цветом лица. Сочетание белого и красного цветов - символ жизни, красоты, молодости (Настя - стройная, с лицом бело-розовым, тугим, то, что называется кровь с молоком, с кораллами на белой шее, с деланно наивным, озорным взглядом голубых нежных глаз. Н.Задорнов.)

Птичьего молока на хватает. ФС отражает основной концептуальный смысл, выражающий идею полноты, изобилия, наличия всего, что есть в реальной жизни, нет только птичьего молока, но его не существует и в действительности. Это выражение «вросло в русский фольклор, став в нем народным символом сказочного изобилия... Долгая жизнь в русском фольклоре и народной речи оставила сугубо национальные отметины на этом древнем выражении» (Словарь русской фразеологии 2001, с. 384).

Молочные реки и кисельные берега. Отражает образное представление людей о стране изобилия, рас, в котором существуют животворящие реки и сладкие берега, способные дать людям счастье, сытую и привольную жизнь, достаток и благополучие. Однако это несбыточно, невероятно, недостижимо.

С лексемой “молоко” связано представление людей не только о богатстве и изобилии, но и о бедности (ФС “детшкам на молочишко”, символ малого количества денег, которых хватает только на питание детям) или полном отсутствии чего-либо (ФС “от козла молока” возникло как оценка беспольности козлинного молока, которого не существует и которое, следовательно, неспособно дать пропитание).

“Обжесся на молоке, дует на воду”. Связано со свойством кипящего молока, имеющего температуру кипения выше, чем вода. ФС характеризует характер человека осторожного, испытывавшего неприятности.

Выражение молодости, неопытности репрезентируется русским фразеологизмом *“Молоко на губах не обсохло”*.

Рассмотрим теперь фразеосочетания с лексемой “молоко” в немецком языке.

“Milch und Blut” (букв. Молоко и кровь). Фразеосочетание выражает понятие молодости и красоты на основе красного и белого цветов. У немцев белый цвет ассоциируется с невинностью, чистотой, а красный - цвет жизни, любви, преданности. Данное устойчивое словосочетание используется для характеристики здоровых, крепких молодых людей.

Land, wo Milch und Honig fließt (страна, где текут молоко и мед) - страна изобилия. Образ молочных и медовых рек издавна бытовал в немецкой народной традиции и выражал желание людей добраться до страны, где можно быть богатым и счастливым.

Aus dem Munde fließt Milch und Honig “(букв. изо рта текут молоко и мед) - красивые, льстивые речи.

Er hat nicht viel in die Milch zu brocken (букв.он мало что может сварить в молоке) - он живет бедно. (Понятие бедности)

Die Milch abrahmen (букв. снимать молоко) - снимать пенки, сливки. ФС связано со свойством жирной части молока подниматься вверх, что способствовало появлению данного фразеологизма, отражающего желание людей брать себе самое лучшее.

Проанализируем теперь фразеологические сочетания русского и немецкого языков с базовой лексемой “масло”, означающей “жировое вещество, получаемое из молока домашних животных”.

Каждый из анализируемых языков образовал фразеологические единицы на основе качеств масла. Так в русском языке были подмечены такие качества

масла, как смазочное вещество: *дело идет как по маслу, как сыр в масле кататься*; свойство масла таять и превращаться в мягкое состояние: *как маслом по сердцу*; как сытный продукт питания: *кашу маслом не испортишь, масло масляное*.

В немецком языке - свойство масла таять: *wie Butter an der Sonne darstehen* (букв. стоять как масло на солнце) - растеряться; *wie Butter an der Sonne zerrinnen* (таять как масло на солнце) - быстро исчезать; как сытный продукт, потеря которого очень печалит: *jemandem ist das Butter vom Brot gefallen* (букв. у кого-то упало масло с хлеба) - кто-то удручен, расстроен, кому-то не повезло; *jemand sieht aus, als hatte man ihm die Butter vom Brot genommen* (букв. кто-либо выглядит так, как будто у него кто-то забрал масло с хлеба) - у кого-то очень обескураженный вид.

Alles ist in Butter (букв. все в масле) - все идет хорошо.

jemand lässt sich die Butter vom Brot nicht nehmen (букв. кто-либо не позволит взять у него масло с хлеба) - кто-либо себя в обиду не даст.

Во фразеологической системе русского и немецкого языков имеются фразеологические концепты с лексемой “картошка”. В Европе картофель появился в 18 веке и сразу стал одной из главных сельскохозяйственных культур как в России, так и в Германии. Картофель стал играть немаловажную роль в повседневной жизни двух народов и в языке приобрел значение простой пищи, доступной всем. В русском языке имеются фразеосочетания, несущие смысл простоты, доступности: *Это вам не картошка* (это не просто, это не шутка);

сидеть на картошке (скудно питаться);

картошка в мундире (нечищенная картошка, обычно употребляемая в пищу в бедных семьях).

В немецком языке:

Rin in die Kartoffeln, raus aus den Kartoffeln (букв. то в картошку, то из картошки)-то туда, то сюда; то так, то сяк;

Es sind kleine Kartoffeln (букв. это мелкая картошка) - это мелочи;

Kartoffeln gehören in den Keller (букв. картошка должна быть в подвале) –

отказ есть простую пищу, картофель.

Есть фразеологизмы в обоих языках с лексемой “картошка”, основанные на ассоциации сходства. Так, в русском языке ФС *нос картошкой* характеризует внешность человека, имеющего широкий нос, похожий на картошку), а в немецком - *eine Kartoffel im Strumpf haben* (букв. иметь картошку в чулках) - иметь дырки в чулках, ходить в дырявых чулках.

Сугубо национальный характер имеет немецкое устойчивое словосочетание *die Kartoffeln von unten anschauen* (букв. рассматривать картофель снизу) - умереть, лежать в могиле.

Как видно из приведенного фразеологического материала, концепты МАСЛО, МОЛОКО, КАРТОФЕЛЬ в русской и немецкой концептосфере имеют много общих черт, хотя и демонстрируют определенные различия.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
 Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.
 Словарь русской фразеологии. СПб., 2001.

И.Ю.Вострикова

Особенности полисемии глаголов трудовой деятельности в русском и английском языках

Под полисемией понимается наличие у слова нескольких связанных между собой значений. Встречающиеся в лингвистической литературе определения полисемии существенным образом не различаются между собой. Э.В. Кузнецова отмечает: «Многозначное слово представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотнесенных с одной лексемой. Эти варианты или отдельные значения образуют внутрисловную семантическую парадигму слова, являются семантически связанными друг с другом и реализуются в различных типовых контекстах» (Кузнецова, с.101). Определение полисемии, данное Ю.Д. Апресяном, содержит подобную же мысль: «Слово А называется многозначным, если для любых его двух значений a_1 и a_2 найдутся такие значения $a_1, a_2, \dots, a_k, a_l$, что a_1 сходно с $a_1, a_1 - c a_2$ и т.д., $a_k - c a_1$ и $a_l - c a_j, \dots$ достаточно, чтобы каждое из значений было связано хотя бы с одним другим значением.» (Апресян, с.187)

В целом все существующие определения полисемии раскрывают ее главную сущность – между значениями многозначного слова существует реально ощущаемая в синхронии семантическая связь.

Образуя определенное семантическое единство, значения многозначного слова в основном связаны на основании сходства реальных действительности – по внешнему виду, положению, общности функций, или на основании смежности реальных, в соответствии с чем, различают метафорические и метонимические связи значений. Нужно отметить, что метафора и метонимия рассматриваются в работах многих лингвистов, исследовавших проблемы полисемии. (Гинзбург, Ольшанский, Скиба, Харченко, Гак). Весьма интересной и плодотворной является также типология семем, предложенная М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, согласно которой в семантемах полисемантических слов выделяются денотативные (Д1 и Д2) и коннотативные (К1 и К2) семемы. Денотативные семемы ассоциированы с образами предметов реальной действительности в качестве их первичных производных (Д1) или вторичных, производных, но единственных языковых знаков (Д2). Коннотативные семемы К1 и К2 служат дополнительным обозначением денотатов, уже имеющих прямые наименования, и различаются между собой степенью близости к денотативной семеме. (Копыленко, Попова, с.31 – 32).

Исследователи полисемии выделяют лексическую и лексико-

грамматическую полисемию. Под лексической полисемией понимается многозначность слова в рамках одной и той же части речи. Под лексико-грамматической полисемией понимается многозначность слова на уровне разных частей речи, т. е. разных лексико-грамматических классов слов. Как показывают исследования, лексико-грамматическая полисемия существует в двух видах: собственная лексико-грамматическая полисемия и лексико-грамматическая вариантность. М.А. Стернина, в частности, указывает на необходимость различия между этими явлениями следующим образом: «Если при лексико-грамматической полисемии семемы, находясь между собой в отношениях семантической производности, различаются как лексико-грамматически, так и лексически, то в случае лексико-грамматической вариантности семемы выступают в одинаковом наборе лексических сем, но с разными значениями лексико-грамматическими семами» (Стернина 1999, с.25). Лексико-грамматическая вариантность – это более простой случай лексико-грамматической полисемии, когда состав лексических сем сравниваемых семем одинаков и семемы различаются лишь своими лексико-грамматическими семами.

В нашей работе явление полисемии исследуется на материале лексико-семантических групп глаголов трудовой деятельности в русском и английском языках. Исследование проводилось по Большому англо-русскому словарю под ред. И.Р. Гальперина и Словарю русского языка под ред. С.И. Ожегова, отдельные значения проверялись по 4-х томному словарю русского языка под ред. А.П. Евгеньевой и Collins Cobuild English Language Dictionary.

Как показало исследование, глаголы трудовой деятельности в названных языках составляют обширные лексико-семантические группы. ЛСГ глаголов трудовой деятельности в русском языке насчитывает около 900 лексем, в английском – около 1500 лексем. Отметим, что структуры ЛСГ глаголов трудовой деятельности в обоих языках в основном совпадают. В русском языке выявлено 18 подгрупп и 11 подподгрупп, в английском – 19 подгрупп и 18 подподгрупп. При делении глаголов трудовой деятельности на соответствующие подгруппы и подподгруппы мы исходили из того, что подгруппы глаголов трудовой деятельности не отражают конкретной профессиональной ориентации и объединены по довольно общим критериям: «Начало трудовой деятельности», «Завершение трудовой деятельности», «Характеристика трудовой деятельности по интенсивности и качеству», «Трудовая деятельность, связанная с физическим трудом» и т.п. Что касается подподгрупп глаголов трудовой деятельности в обоих языках, то они ориентированы на конкретную профессиональную сферу: «Трудовая деятельность, связанная со строительно-ремонтными работами», «Учебная трудовая деятельность», «Научно-педагогическая трудовая деятельность», «Юридическо-правовая трудовая деятельность и др.

В целом, количество и наименования выделенных подгрупп в обоих языках совпадают. И в русском, и в английском языках выделяются следующие подгруппы:

- «Трудовая деятельность, связанная с умственным трудом»
- «Трудовая деятельность, связанная с физическим трудом»

- «Трудовая деятельность, связанная непосредственно с ручным трудом»
  - «Механизированный труд и техническая трудовая деятельность»
  - «Сельскохозяйственный труд»
  - «Трудовая деятельность, направленная на созидание»
  - «Трудовая деятельность, направленная на разрушение»
  - «Инициация трудовой деятельности»
  - «Вторичная трудовая деятельность»
  - «Помощь в трудовой деятельности»
  - «Начало трудовой деятельности»
  - «Завершение трудовой деятельности»
  - «Характеристика трудовой деятельности по интенсивности и качеству»
- «Традиционно домашняя трудовая деятельность»
- «Отсутствие трудовой деятельности»
- «Трудовая деятельность, связанная с воспитанием ребенка»
- «Трудовая деятельность, связанная с конкретной профессиональной сферой»
  - «Трудовая деятельность, не связанная с конкретной профессиональной сферой»

Единственным отличием является наличие в ЛСГ глаголов трудовой деятельности подгруппы «Трудовая деятельность, связанная с украшением чего-либо», отсутствующей в русском языке.

Основные отличия в структурах сравниваемых ЛСГ наблюдаются в количестве и тематической отнесенности выявленных подподгрупп. Отметим, что и в русском и в английском языках наличием подподгрупп характеризуется лишь одна из выделенных подгрупп, а именно «Трудовая деятельность, связанная с конкретной профессиональной сферой». В русском языке в ней выделено 11 подподгрупп, в английском – 18. И в русском, и в английском языках совпадают следующие подподгруппы: «Научно-педагогическая трудовая деятельность», «Юридическо-правовая трудовая деятельность», «Трудовая деятельность, связанная с медициной», «Трудовая деятельность, связанная со строительно-ремонтными работами», «Учебная трудовая деятельность», «Управленческая трудовая деятельность», «Музыкально-артистическая трудовая деятельность», «Трудовая деятельность, связанная с управлением и движением финансов», «Трудовая деятельность, связанная с торговлей», «Трудовая деятельность, связанная с ремесленными работами», «Трудовая деятельность, связанная с охраной закона и правопорядка».

В то же время в ЛСГ глаголов трудовой деятельности английского языка существуют также подподгруппы, отсутствующие в русском языке: «Трудовая деятельность, связанная с трудом в море», «Трудовая деятельность, связанная с текстильным производством», «Трудовая деятельность, связанная с рекламированием товаров и услуг», «Трудовая деятельность, связанная с полиграфическим производством», «Трудовая деятельность, связанная с

геологическими работами», «Трудовая деятельность, связанная с рыбной ловлей», «Трудовая деятельность, связанная с управлением транспортными средствами».

Подобные различия могут быть объяснены следующим образом. Трудовая деятельность – это основополагающий и жизненно важный вид деятельности любого народа, отражающий его образ жизни и культуру, который, несомненно, находит отражение в языке. Так, островное расположение Британии и ее репутация ведущей морской державы повлияли на продуктивность английского языка в этой сфере. Наличие достаточно большого количества глаголов, связанных с трудом в море и рыбной ловлей также отражают важность этих сфер деятельности для Британии. Великобритания одной из первых стала индустриальным государством с особенно развитой текстильной и легкой промышленностью. Отсюда, видимо, и большое количество соответствующих глаголов. Колониальная Британия уделяла большое внимание освоению новых территорий и месторождений, что повлекло появление глаголов, связанных с геологическими работами. Наличие достаточно большой подподгруппы глаголов трудовой деятельности, связанной с рекламированием товаров и услуг, может быть объяснено значительной ролью рекламы в развитии производства ведущих англоязычных стран.

Россия – материковая страна, которое долгое время было аграрной. В связи с этим отдельные виды трудовой деятельности, столь важные для Британии, не имели такого большого значения для подавляющей части населения России и не нашли, в отличие от английского, детального отражения в русском языке. Сейчас Россия развивает свою промышленность и выходит на мировую экономическую арену, поэтому думается, что через несколько лет русский язык отразит картину происходящего.

Исследование семантики глаголов рассматриваемых ЛСГ показало, что глаголы трудовой деятельности в русском языке в основном однозначны. Что касается развиваемой отдельными глаголами полисемии, то она является чисто лексической, лексико-грамматической полисемии в сфере глаголов трудовой деятельности в русском языке не наблюдается. В качестве примера приведем семантему лексемы пилить. В ее семантему входят две семемы: семема Д1 «резать пилой» (*Дед во дворе пилит дрова.*); семема К1 «беспрерывно попрекать, придирааться» (*После каждой вечеринки она начинала меня пилить за мое тщеславие и презрение к окружающим.*) Семантема глагола скрести насчитывает три семемы: это семема Д1 «царапать чем-то жестким» (*Было слышно как мышь скребется на чердаке.*); семема Д2 «чистя, тереть чем-нибудь жестким» (*Мать скребла сковородку ножом.*); К1 «ощущать тревогу, беспокойство» (*От этого у него кошки скребли на душе.*). Отметим, что развиваемые приведенными нами глаголами семемы К1 выходят за рамки рассматриваемой ЛСГ и не содержат сему трудовой деятельности.

Как показало исследование, в семантемах глаголов трудовой деятельности в русском языке крайне редки коннотативные семемы. Можно предположить, что это связано с тем, что трудовая деятельность по своей природе связана в основном с конкретными образами денотатов, с реалиями внешнего мира.

Что касается английского языка, то полисемия глаголов трудовой деятельности здесь представлена более широко. При этом наблюдаются случаи как лексической, так и лексико-грамматической полисемии. В качестве примера лексической полисемии приведем семантему лексемы *bake*. В ее семантему входят четыре семемы: семема Д1 «печь, выпекать» (*She said she would bake a cake to celebrate it.*); семема К1 «припекать, сушить» (*The sun is baking the ground through and through.*); семема Д2 «запекаться, затвердевать» (*There was no snow and the clay baked.*); семема Д2 «прокаливать, обжигать кирпичи» (*The bricks are baking in the kilns.*).

Для иллюстрации лексико-семантической полисемии в английском языке приведем семантему лексемы *arrest*. В ее семантему входят шесть семем. Это две семемы с лексико-грамматической вариантноcтью на уровне существительного и глагола, две субстантивных и две глагольных семемы.

Лексико-грамматическую вариантноcть в семантеме данной лексемы демонстрируют субстантивная и глагольная семемы Д1 «арест, задержание/ арестовывать, задерживать» (*to put under arrest/ A friend had been arrested for possession of explosives.*); семемы Д2 субстантивная и глагольная «задержка, остановка/ задерживать, останавливать» (*arrest of development/ to arrest growth*).

Субстантивными семемами в семантеме данной лексемы являются семемы Д2 «решение, постановление суда, приговор» (*I've got an arrest for you.*) и семема Д2 «указ, решение французского короля или парламента» (*No one expected a new Louise's arrest.*).

Глагольными семемами здесь являются семема К1 «приковать, останавливать» (*to arrest attention*); семема Д2 «прекращать действие, выключать тормозить» (*to arrest the course of destruction*).

В семантемах многих глаголов трудовой деятельности английского языка лексико-грамматическая полисемия представлена исключительно в виде лексико-грамматической вариантноcти. В качестве примера приведем лексему *asphalt*, демонстрирующую лексико-грамматическую вариантноcть на уровне 2-х частей речи – глагола и существительного. Данная лексема имеет всего одну глагольную и субстантивную семему Д1 «асфальт/ покрывать асфальтом» (*The asphalt on the road became soft and sticky in the heat./ Dad was asphaltting the roof when we came up.*)

В целом можно сделать вывод, что полисемия в сфере глаголов трудовой деятельности в английском языке является, в отличие от русского, более развитой и разнообразной.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Гинзбург Е.В. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. М., 1985.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1989.

- Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989.
 Олышанский И.Г., Скиба В.П. Лексическая полисемия в системе языка и тексте (на материале немецкого языка). Кишинев, 1987.
 Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. Воронеж, 1999.
 Харченко В.К. Переносные значения слова. Воронеж, 1989.

И.П. Зленко

Контрастивное описание наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках

В последнее время интерес к сопоставительному изучению языков возрос, что связано со многими причинами, среди которых можно выделить: потребность выявления универсальных черт языкового материала; необходимость совершенствования двуязычных словарей; интерес к изучению национальной специфики семантики.

В 60-80-х гг. XX века интенсивное развитие получила контрастивная лингвистика, которая выделяется из сопоставительного языкознания и имеет непосредственный выход в практику преподавания языка. Об этом свидетельствует целый ряд работ, появившихся как в нашей стране, так и за рубежом: Ю.Н.Караулов, В.Л.Муравьев, З.Д.Попова, И.А.Стернин и др.

Контрастивная лингвистика изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами передачи их в изучаемом языке. Целью контрастивной лексикологии является сопоставительное изучение переводных соответствий двух языков для выявления их сходств и различий. Важно отметить, что в контрастивной лингвистике изучаются только два языка (родной и иностранный); изучаются отдельные единицы и явления в двух сопоставляемых языках; исследование проводится в направлении от единицы одного языка к её возможным соответствиям в языке сопоставления.

Контрастивная лексикология представляет собой раздел лингвистики, изучающий варианты лексических и фразеологических соответствий в двух языках и выявляющий в этих соответствиях национальную специфику семантики. Выявление национальной специфики значений родного и иностранного языков – одна из важнейших задач контрастивной лексикологии. Контрастивное описание родного и иностранного языков необходимо: для предупреждения возможной семантической интерференции; для обнаружения лакунов, которые являются отражением тех или иных национально-культурных факторов; для выявления «ложных друзей переводчика».

Наше исследование проводилось на материале русского и французского языков, конкретно – на материале группы субстантивных наименований, характеризующих лиц, плохо относящихся к труду, отобранных путём

сплошной выборки из словарей русского языка (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1998; Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1987).

Группа «Плохой работник» в русском языке включает 22 слова. Во французском – 23. Необходимо учесть тот факт, что не все из выявленных французских соответствий являются субстантивными наименованиями. В этой группе были выявлены также наименования, выраженные устойчивыми соответствиями.

В русском языке выявлено два субстантивных наименования, которым нет соответствий во французском языке: «барин» (лицо, ведущее праздный образ жизни, чуждающееся физического труда и живущего за счёт других) и «обломов» (ленивый, безвольный человек).

Некоторые русские субстантивные наименования имеют одно французское соответствие. Например, наименованию «разгильдяй», характеризующему лицо, ведущее дело небрежно, не вникающее в суть работы и не выполняющее работу в надлежащем объёме соответствует французское наименование «ballot». Разница между двумя наименованиями в том, что французское понятие содержит дифференциальную сему «неловкий работник», в русском наименовании данной семы не выявлено.

Другим примером может служить наименование «зевака» – лицо, не стремящееся участвовать в деятельности и праздно наблюдающее за чем-либо. Французское наименование «badaud» является его полным соответствием.

Наименованию «паразит» – лицо, сознательно уклоняющееся от работы и живущее чужим трудом в силу жизненных принципов – соответствует французское наименование «parasite», также выступающее в качестве его полного соответствия.

Наименованию «профан», характеризующему лицо, имеющее поверхностные знания и не способное качественно выполнять работу, соответствует наименование «ignorant». Отличие заключается в том, что наименование «профан» относится к разговорному стилю, а «ignorant» – к книжной лексике.

Наименованию «халтурщик» – лицо, избегающее добросовестной работы и стремящееся закончить работу как можно быстрее – соответствует французское наименование «bousilleur». Наименование «халтурщик» употребляется преимущественно в сфере физического труда, в то время как «bousilleur» данную дифференциальную сему не содержит.

Нами выделены русские слова, которые имеют во французском языке в качестве соответствий не субстантивное наименование, а сочетание слов.

Лексема «соня» – лицо, предпочитающее сон работе – имеет в качестве соответствия во французском языке устойчивое словосочетание «grand dormeur».

Лексеме «белоручка» – лицо, избегающее грязной работы и стремящееся уклониться от любой работы – соответствует словосочетание: *personne qui ne fait rien de ses propres mains*. Это сочетание формально следует определить как свободное, но практика показывает, что оно является достаточно

употребительным, поэтому мы считаем его относительно устойчивым и рассматриваем как соответствие слову «белоручка».

В русских лексемах «иждивенец», «нахлебник» выделяются два значения: официально-деловое и разговорное. Официально-деловое значение имеет административно-правовой, юридический характер (лицо, живущее на чьем-либо материальном попечении), переносные разговорные значения – бездельник, не желающий работать, живущий чужим трудом.

Лексеме «иждивенец» в обоих значениях соответствует словосочетание «*personne à la charge de qn*».

Лексеме «нахлебник» французское словосочетание «*personne à la charge de qn*» соответствует только в официальном значении, в переносном разговорном значении понятию «нахлебник» соответствуют три французских наименования: *écornifleur*, *parasite*, *pique-assiette*. В последнем случае французские лексемы «*écornifleur*», и «*parasite*» являются эквивалентами, а «*pique-assiette*» является приблизительным соответствием, так как первое, основное значение этого слова соответствует русскому устойчивому словосочетанию «незваный гость».

Некоторым русским наименованиям соответствуют два и более французских наименования. Так, французское слово *parasite* соответствует семи русским наименованиям (дармоед, паразит, тунеядец, трутень, бездельник, нахлебник, приживальщик). Слово «*fainéant*» соответствует шести русским наименованиям (лентяй, лоботряс, лодырь, тунеядец, трутень, бездельник). Слово «*écornifleur*» соответствует четырём русским наименованиям (дармоед, бездельник, нахлебник, приживальщик). Слово «*parasiteux*» соответствует двум русским наименованиям (лентяй, лоботряс). Слово «*flemmard*» тоже соответствует двум русским наименованиям (лоботряс, лодырь).

В ряде случаев русским наименованиям соответствуют во французском языке как субстантивные наименования, так и устойчивые словосочетания. Например, наименованию «дармоед» - лицо, сознательно уклоняющееся от работы и стремящееся жить чужим трудом - кроме субстантивных наименований «*écornifleur*» и «*parasite*» соответствует устойчивое словосочетание «*chercheur de franche lippée*», которое является малоупотребительным и относится к книжной лексике.

Наименованию «лодырь» - лицо, избегающее усилий, кроме двух субстантивных наименований «*fainéant*» и «*flemmard*», соответствует устойчивое словосочетание «*tire-au-flanc*». Наименование «лодырь» имеет дифференциальную сему «лицо, сознательно уклоняющееся от работы», а наименование «*tire-au-flanc*» такой семы не имеет.

Русской лексеме «вертопрах» - лицо, несерьёзно относящееся к работе, невнимательное и легкомысленное, кроме субстантивных наименований «*étourneau*» и «*étourdi*», соответствует устойчивое словосочетание «*tête de linotte*». Отличие заключается в том, что наименование «вертопрах» относится к устаревшей лексике, а «*tête de linotte*» - нет.

Наименованию «головотяп» - лицо, небрежно относящееся к работе, не вникающее в суть работы, кроме субстантивного наименования «*ganasche*»,

соответствует устойчивое словосочетание «bouché à l'émeri», отличающееся тем, что оно характеризует лицо, не умеющее вникнуть в суть работы и ограниченное по своим умственным возможностям.

Контрастивное описание лексики, осуществлённое в работе, позволяет описать национальную специфику наименований лиц по негативному отношению к труду в русском и французском языках.

Как показывает материал, французская лексика в целом оказывается более широкозначной по сравнению с русской — случаев, когда лексеме во французском языке соответствует несколько лексем в русском, гораздо больше, чем обратных. Можно утверждать, что французский язык в лексическом плане носит более обобщённый характер. Таким образом французская номинация по сравнению с русской носит более генерализующий характер.

А.А.Махонина

К вопросу о классификации межъязыковых лакун

Проблема лексической лакунарности является одной из интереснейших лингвистических проблем, привлекающей внимание многих ученых. Лакуны систематизируются и подразделяются учеными на несколько типов: по системно-языковой принадлежности (межъязыковые и внутриязыковые), по внеязыковой обусловленности (мотивированные и немотивированные), по парадигматической характеристике (родовые и видовые), по степени абстрактности содержания (предметные и абстрактные), по типу номинации (номинативные и стилистические), по принадлежности лакуны к определенной части речи (частеречные) (Попова, Стернин 2002, с. 21-23).

В связи с возрастающей актуальностью проблемы межкультурной коммуникации весьма важным представляется изучение межъязыковых лакун в их связи с национальной концептосферой. Под межъязыковой лакуной понимается отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке при наличии её в другом языке. Предпринятое нами исследование русско-английских субстантивных межъязыковых лакун было проведено на материале «Нового англо-русского словаря» под редакцией В.К. Мюллера и «Нового большого англо-русского словаря» под редакцией Ю.Д. Апресяна. Были рассмотрены как отдельные лексические единицы с субстантивной семантикой, так и сложные слова и словосочетания, выделенные отдельной словарной статьёй.

Отметим, что та или иная субстантивная единица английского языка трактуется нами в русском языке как лакуна на основании отсутствия в нем эквивалентного слова или устойчивого словосочетания, наличия в словаре описательного перевода или длинного, развернутого толкования, отсутствия соответствующих реалий. По мнению З.Д.Поповой и И.А. Стернина, «лакуны, если оказывается необходимым выразить соответствующий концепт в речи,

компенсируются, то есть заполняются «временными» средствами языка – свободными словосочетаниями, развёрнутыми объяснениями и т.п. Если компенсация осуществляется достаточно регулярно, соответствующее выражение может впоследствии стать устойчивой номинацией концепта – напр. *штемпель для погашения почтовых марок* (ср. англ. *grill*), *мурашки по телу* (ср. англ. *formication*), *выход в открытый космос* (ср. англ. *spacewalk*)). (Попова, Стернин 2002, с. 29)

При изучении межъязыковых лакун весьма актуальным представляется вопрос об определении степени устойчивости словосочетаний, представленных в словарях в качестве их переводческих эквивалентов. Зачастую в силу несовершенства толковых словарей и отсутствия современных словарей устойчивых словосочетаний невозможно определить, является ли данное словосочетание устойчивым или нет. (Напомним, что в случае перевода лексической единицы одного языка устойчивым словосочетанием в другом языке данная единица не может быть признана лакунарной.) В этих случаях представляется необходимым проведение психолингвистического эксперимента с целью определения устойчивости того или иного словосочетания и выявления лакунарности переводимой им лексемы. Например, такие единицы, как *army list* – *список офицерского состава армии*, *moon lightning* – *слабое освещение улиц*, *snub* – *резкое оскорбительное замечание* в силу неясности, являются ли их переводческие эквиваленты устойчивыми словосочетаниями в русском языке, не могут быть однозначно признаны лакунами и требуют дальнейшего изучения.

При классификации межъязыковых лакун следует иметь в виду, что одна и та же лексема может быть лакунарна в нескольких разных семемах. Строго говоря, можно говорить о двух типах лакун – лакунарных лексемах и лакунарных лексико-семантических вариантах, например, *день продажи на улице маленьких флажков с благотворительной целью* – ср. *flag day* является лакунарной лексемой, в то время как *девица, катающаяся на лыжах для завязывания знакомств (особ. на зимних курортах)* – ср. *snow bunny* является лакунарной семемой, поскольку она лакунарна в одном из значений, не в своем основном денотативном значении Д1, а в производном значении Д2.

При анализе межъязыковых лакун отмечается большое количество мотивированных и немотивированных лакун, частеречных лакун. В качестве примера мотивированных лакун приведем следующие: *трехминутные песочные часы для варки яиц* – ср. *egg timer*, *красный фонарь, горящий ночью у квартиры доктора или у дверей аптеки* – ср. *red lamp*, *приспособление для приёма и сбрасывания почты во время движения поезда* – ср. амер. *mail-catcher*. Примером немотивированных лакун в русском языке являются *остаток некожуренного табака в трубке* – ср. *dottle*, *свист как знак восхищения (при виде красивой женщины)* – ср. *wolf whistle*, *яйца, на которых сидит курица* – ср. *clutch*. Примерами частеречных лакун могут служить следующие: *линия, подчёркивающая слово* – ср. *underline*, *бодрствование у постели умирающего или умершего* – ср. *deathwatch*. В русском языке есть соответствующие глагольные сочетания «подчеркивать слова», «бодрствовать у постели умирающего», однако, соответствующие субстантивные

наименования отсутствуют, вследствие чего такие лакуны могут быть охарактеризованы как частеречные.

По разным основаниям отдельная лакуна может характеризоваться как немотивированная, частеречная и т.п. Так, например, *принятый в высшее учебное заведение* – ср. *matriculate* является межъязыковой немотивированной частеречной лакуной.

Исследование также показало возможность выявления *гендерных лакуп* (по половой принадлежности обозначаемых референтов) и *метонимических лакуп* (на основании внешней и внутренней связи между обозначаемыми предметами). Так, в английском языке существует лексема *housewife*. Этому существительному в русском языке соответствует лексема *домохозяйка*. В то же время существующая в английском языке лексема *househusband* (*муж, ведущий домашнее хозяйство*) не имеет соответствий в русском языке и может рассматриваться как гендерная лакуна для русского языка. (Интересно, что с точки зрения внутриязыковой лакунарности номинация *муж, ведущий домашнее хозяйство* будет гендерной лакуной и для русского языка, поскольку, в отличие от соотносимого гендерного наименования «жена, ведущая домашнее хозяйство», данная номинация не выражена в русском языке отдельной лексемой.)

Было выделено также определенное количество лакуп, которые можно назвать метонимическими. В случае метонимических лакуп семантические отношения между имеющейся в данном языке номинацией и соотносительной лакуной определяются на основании внешней или внутренней связи между ними. Так, в русском языке есть наименование для ребёнка, который родился мертвым – *мертворождённый*, но отсутствует номинация субстантивированного действия - рождение мёртвого плода (ср. англ. *stillbirth*). Налицо связь между результатом и процессом, следовательно, имеется метонимическая зависимость. Устойчивое словосочетание «марш мира» не является лакуной в русском языке, однако в нем отсутствует номинация «участник марша мира» - ср. англ. *peace marcher*. Данная лакуна, таким образом, тоже может быть признана метонимической – здесь прослеживается метонимическая связь «целое – часть».

Типологическую классификацию можно дополнить тематической классификацией, выполненной подобно тематической классификации лексики. Следует отметить, что выделенные нами тематические группы лакуп, общим количеством 44, охватывают практически все сферы человеческой деятельности и окружающей действительности, что является ярким свидетельством того, что лакуны – обычное и массово распространённое явление.

В результате проведенного исследования были выделены следующие тематические группы русско-английских субстантивных лакуп:

1. Характеристика человека.
2. Предметы быта и окружающей действительности.
3. Профессии и профессиональная деятельность.
4. Экономика, деньги, финансы.
5. Печатные издания и пресса.
6. Питание.
7. Транспорт и дороги.
8. Работа.
9. Образование и воспитание.
10. Закон и право.
11. Политика.
12. Одежда и ткани.
13. Флора и фауна.

14. Речемыслительная деятельность. 15. Жильё, здания, помещения, территории. 16. Спорт. 17. Отдых, игры и развлечения. 18. Телевидение, радио, кино, театр. 19. Искусство. 20. Здоровье. 21. Война и армейские действия. 22. Торговля. 23. Любовь и брак. 24. Обобщённо-предметные. 25. Анатомия и физиология. 26. Вода и море. 27. Почта, телеграф, телефон. 28. Обобщённо-понятийные. 29. Движение и перемещения. 30. Сельское хозяйство. 31. Время. 32. Жизнь и смерть. 33. Город и населённые пункты. 34. Умения и способности. 35. Расстояние и количество. 36. Религия. 37. Документы. 38. Звук и свет. 39. Наука и техника. 40. Фантазии и суеверия. 41. Действия человека. 42. Экология. 43. Обычаи и привычки. 44. События, собрания, совещания.

Каждая из выделенных тематических групп имеет сложную структуру и состоит из нескольких подгрупп. В качестве примера приведем внутреннюю структуру тематической группы «Политика». Данная тематическая группа включает следующие подгруппы:

1. Характеристика политических партий и политических деятелей:

организация или партия, контролирующая политическую жизнь страны – ср. machine,

коррумпированная политическая организация или группа – ср. амер. Tammany,

политический деятель, устраивающий себе зарубежные турне за казенный счет (якобы для сбора информации) – ср. амер. junketeer,

политический деятель (в Англии), не связанный происхождением или местожительством со своим избирательным округом – ср. carpetbagger,

политический деятель, не идущий на компромисс – ср. intransigent.

2. Характеристика деятельности политических партий и политической жизни:

партийная дисциплина и директивы (члену парламента) голосовать за кандидата или мероприятие – ср. whip,

принятие (решения, резолюции и т.п.) путём опроса участвующих в голосовании – ср. амер. voice vote,

пропагандистская кампания для создания репутации (политического деятеля, партии и т.п.) – ср. image-building,

съезд партии, на котором выдвигаются кандидаты в президенты и вице-президенты – ср. амер. party convention,

государственные должности, распределяемые среди сторонников партии, победившей на выборах – ср. spoil.

3. Характеристика политического курса:

символическое предоставление равных прав ограниченному числу негров; чисто формальное проведение в жизнь принципа десегрегации и т.п. – ср. tokenism,

мирное наступление (меры по улучшению отношений с другой страной) – ср. peace offensive,

отказ от применения насильственных методов – ср. nonviolence.

4. Характеристика результатов политического курса:

дружественное соглашение между группой государств – ср. entente,

система государственного управления, признающая власть духовенства – ср. sacerdotalism.

5. Характеристика этапов деятельности парламента:

передача законопроекта в комиссию – ср. commitment,

задержка президентом подписания законопроекта до закрытия сессии конгресса – ср. амер. pocket veto,

перерыв в работе парламента по указу главы государства – ср. prorogation.

6. Артефакты, связанные с работой парламента и правительства:

красный кожаный ящик для официальных бумаг членов английского правительства – ср. red box,

скамья в английском парламенте для независимых депутатов – ср. cross bench,

повестка партийного организатора о необходимости присутствовать на заседании парламента – ср. whip,

набитая шерстью подушка, на которой сидит председатель (лорд-канцлер) в палате лордов – ср. Woolsack.

7. Характеристика выборов:

а) предвыборные мероприятия:

голосование сторонников какой-либо партии перед съездом партии для определения кандидата в президенты (в бюллетене голосующие указывают, кого из возможных кандидатов они предпочитают) – ср. амер. presidential primary,

остановка в маленьких местечках для встречи с избирателями (во время избирательной кампании) – ср. whistle stop,

извещение кандидатов в президенты и вице-президенты о выдвижении их кандидатур – ср. notification,

объезд (округа и т.п.) с целью произнесения речей, проповедей и т.п. – ср. itinerary.

б) участники избирательного процесса (голосующие и объекты голосования):

голосующий только за одного кандидата – ср. plumper,

вербующий сторонников кандидата пред выборами – ср. canvasser,

кандидат, дополнительно внесённый в список – ср. write-in,

провалившийся кандидат на выборах – ср. lame duck,

избранный, но еще не вступивший в должность президент, председатель – ср. president-elect.

в) системы голосования:

система голосования, при которой голосующий вписывает в бюллетень имя кандидата – ср. амер. write-in,

система голосования, при которой избиратель имеет право голосовать в нескольких округах – ср. multiple voting.

г) контроль над выборами:

проверка правильности результатов выборов – ср. scrutiny,

член комиссии, проверяющий правильность результатов выборов – ср. scrutineer,

уполномоченный по выборам – ср. returning officer.

д) нарушения при выборах:

избиратель, временно переселившийся в другой избирательный округ с целью незаконного вторичного голосования – ср. амер. colonizer,

наполнение избирательных урн фальшивыми бюллетенями – ср. амер. stuffing,

предвыборные махинации, связанные с неправильной разбивкой на округа – ср. gerrymander,

незаконное голосование одним избирателем в нескольких округах – ср. multiple voting.

е) артефакты, связанные с выборами:

полоска клейкой бумаги, которой заклеивают фамилию кандидата, за которого не хотят голосовать – ср. амер. paster,

бюллетень, в котором избиратель голосует за представителей двух или нескольких партий – ср. амер. split ticket,

машина для подсчета голосов (на выборах) – ср. voting machine,

трибуна на предвыборном митинге – ср. hustings.

ж) характеристика результатов выборов:

решиительная победа на выборах – ср. амер. avalanche,

резкое изменение в распределении голосов между партиями; внушительная победа на выборах – ср. landslide,

сторона, одержавшая победу на выборах – ср. band wagon.

В целом, тематическая классификация лакун дополняет типологическую и представляет собой интересную и перспективную область для исследований и анализа.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.

М.М. Булынина

Национальная специфика смысловой структуры русского глагола НОСИТЬ/НЕСТИ и его английских соответствий

Рассмотрим национальную специфику семантики русского глагола «нести/носить» в сопоставлении с его английскими соответствиями to carry, to bring, to bear, to wear.

Наименее многозначным из всех английских глаголов можно считать глагол to wear.

Семема Д1 – быть во что-либо одетым, иметь на себе (платье, пальто, шляпу, костюм, туфли, белье, халат, перчатки и т.д.).

Persia is wearing a gauzy summer dress with an iridescent-greenish sheen, pearls around her neck, pearls screwed into her ears (Oates). Miss Waterford ... wore a new hat (Maugham). Daniel Christie...also wore a new western-style shirt and denim trousers (Messie).

Наряду с существительными, обозначающими предметы одежды, позицию объекта при данном глаголе могут занимать лексемы с указанием на различного рода туалетные аксессуары, украшения и пр., например, очки, браслеты, часы, серьги, цепочки, медали.

Robert Cohn was bare-headed and wearing his spectacles (Hemingway). Sally wore a bracelet every day and the apron was tugged over her head and off as she ran away from the farm (Bragg). It was strange to see that some of the sailors in blue jerseys still wore little gold rings in their ears;.. (Maugham).

Элементами внешнего вида человека могут быть и усы, борода, парик, какая-либо прическа:

... I sort of brushed my hair back with my hand. I wear a crew cut quite frequently and I never have to comb it much (Salinger). ... Mr. Driffeld had shaved his beard and wore now a moustache and small imperial (Maugham). "... of course my wig has a lot to do with it. Have you noticed that I wear a wig?" (Waugh).

Глагол to wear может сочетаться с существительными в позиции объекта, обозначающими косметические, парфюмерные средства (помада, тушь, духи и т.д.):

Minnie Fairchild has a smallish bulldog face, a full nose, white teeth without a single flash of gold, and she wears bright maroon lipstick day and night (Oates). I couldn't picture my aunt doing anything charity if she had to wear black clothes and no lipstick while she was doing it (Salinger).

Последний пример подтверждает реализацию семемы (Д1) и в примерах с ношением одежды, и в случае использования косметических средств.

Сема «перемещение» актуализируется, если позицию объекта занимает существительное типа духи, парфюмерная вода, одеколон и т.д. Обнаружить наличие такого компонента внешности, пожалуй, можно при движении, передаче частиц вещества, его запаха в потоке воздуха.

A sexy young woman wearing a dark French scent (зустой запах французских духов), who tended to avoid his eyes, answering to the ground or to the Heath ahead (Fowles).

Глагол to wear в статусе Д2 выступает в таких словосочетаниях, как *носить пальто, туфли, шляпу, перчатки*, но не *волосы, помаду или духи*.

Рассмотрим примеры:

В средние века юбкой называлось присборенное у горла одеяние, длиной до колен, обычно подпоясанное. Носили его и мужчины и женщины (Меркулов) Красивую добротную обувь носят долгие (Френкин). ...Завладевая его руками, Елочка разглядела у него на мизинце кольцо, которое носили только пажи (Головкина).

В данных случаях между субъектом, предикатом и объектом согласование осуществляется по присущим им семам: "перемещать", "иметь", "надев на себя".

В статусе Д1 английский глагол *to carry* имеет семему «перемещать что-либо, кого-либо с помощью субъекта, обладающего достаточной энергией для поддержания веса объекта».

Данная семема реализуется в сочетании глагола с существительными в позиции субъекта, обозначающими людей, тягловых животных (лошадей, напр.). Позицию объекта занимают существительные со значением предмета или лица, предназначенного для транспортировки.

Persia and Iris are carrying Leslie's two wrapped birthday presents, plus the cake... (Oates). *The Negro was well dressed and carried a briefcase* (O'Connor). *"It was May I was carrying then," Emily said. "And how many more", she paused. "Two more. Harry and Alice."* (Bragg).

В этих примерах такие предметы как свертки с подарками, чемодан, люди являются объектами перемещения в пространстве с помощью идущего субъекта, который держит их в руках. В текстах нет указания на руки, но для субъекта – человека это самый естественный способ совместного перемещения с объектом с допустимыми размерными, объемными и весовыми параметрами.

Иногда автор художественного произведения считает нужным или возможным использование словосочетаний «в руках, на руках, обхватив руками, на сгибе локтя и т.д.», что определяет сему «руки» как дифференциальную в семеме Д1 глагола *to carry*.

... Joseph saw two girls coming toward him, baskets of eggs under their arms. One carried a small cage containing two guinea hens (Massie). *Asbury's mother was carrying the smaller bag in her hand and came ahead. He turned over as she entered the room* (O'Connor). *"Good. Now I can take your picture."* Paul smiled at the German girl, who promptly dropped the illustrated magazine she was carrying in her hands (Bates).

Возможно использование и другой точки опоры на теле для перемещения объекта, например на плечах, на голове и т.д.

Joseph bounded up off the floor, lifted Shannon, and threw her, kicking and screaming, over his shoulder. Then he carried her from the room and out of the building into the street (Massie) *... the Italians... carried their champion on their shoulders, shouting, "Carlo! Carlo! Carlo!"* (Nash). *I never thought, when I joined the Professor's expedition, that I should end up like an African porter in one of those old adventure stories, carrying a load on my head* (Clarke).

Пожалуй, семема Д1 глагола *to carry* максимально приближена к семному составу Д1 русских глаголов нести-носить - «взяв в руки, перемещать что-либо в определенном направлении, двигаясь пешком».

Когда пошли из коридора, Гелла несла чемодан, в котором был роман и небольшое имущество Маргариты Николаевны (Булгаков). *Слуша бережно нес сверток* (Жукровский). *Его обязанностью было беречь ключ от сейфа, ... Второй ключ носил в бумажнике посол* (Всеволодов).

При описании ситуации с объектами, большими по размеру, в тексте находим указание на разные части тела, способствующие удержанию груза: на плече, на руке, над сгибом локтя, на голове, через плечо, на бедре и т.д., например:

Тысячи жителей ... подняли автомобиль с ним (Гагариным - М.Б.) и несли на руках (Чуев. Маленькая девочка несла ребенка, посаженного на бедре (Жукровский). - Я вам не дам нести картину... Нельзя носить такие тяжести, если было ранение (Головкина).

В семемах Д1 русского и английского глаголов семантическое согласование между субъектом, предикатом и объектом происходит по общим поддерживающим друг друга семам, благодаря чему однозначность этих слов сохраняется. В согласовании принимают участие семы "идти, имея при себе некоторый объект", "взяв в руки, нагрузив на себя".

В словаре Webster's New World Thesaurus by Charlton Laird (New York, 1974, p.33) глагол to bear толкуется таким образом: 1. *To suffer, tolerate, support, undergo.* 2. *To support weight, sustain, hold up, shoulder.* 3. *To give birth to, be delivered of, bring to birth, bring forth.*

Глагол to bear содержит семантические признаки «нести что-либо тяжелое с применением усилий; быть опорой при перемещении».

Денотативная первая семема (Д1) – перемещать что-л. (кого-л.) с помощью рук. Семема реализуется в сочетании глагола с личными существительными в позиции субъекта и одушевленными или неодушевленными предметами в позиции объекта.

When Mrs Drifffield, having sent the pilgrims on their way, came back she bore under her arm a portfolio (S. Maugham) Maggie scooped her (Gaby – M.B.) up and bore her indoors. (Mango Walk)

Семантический признак "тяжело, с усилием, переживая, страдая, мучаясь" в большей степени актуализируется в коннотативных семемах, активизирую компонент "перемещать, применяя усилия". Обеспечивает такую ситуацию наличие объекта условного перемещения (тяжело переносимые чувства) – боль, страдание, злость, ненависть и даже любовь, но как проклятие.

Sylvie borne her love of art as a curse, she didn't have a creative bone in her young body (Nash). ... and she (Honey – M.B.) had to learn to stop running to other people with her troubles, had to bear her own sorrows without leaning on someone else (Martin). Honey felt crushed by the weight of the disaster... Unable to bear it alone she burst out, "Oh, Arthur, it's all my fault!" (Maugham).

Сравните в русском языке:

Александр носил в своей душе обидное разочарование (Ефремов). Дедушко хворай и всякое горе, всякую напраслину в себе носит (Астафьев). ...госпожа Оксини-сан до самой смерти осуждена носить в себе этот позор (Пикуль).

Результаты анализа глаголов совместного перемещения субъекта и объекта (каузированного перемещения) на примере глаголов *нести-носить* и *to wear, to carry, to bear* позволяют сделать вывод, что английские лексемы передают основные семемы русского глагола.

Н.И. Чернова

Национальная специфика наименований сооружений, зданий, помещений в русском языке

Национальная специфика языков представляет собой реальность, с которой постоянно сталкиваются как переводчики в процессе перевода, так и преподаватели, обучающие иностранному языку. Национальная специфика ярко проявляется в сфере наименований, в том числе и таких важных в бытовом отношении предметов, какими являются здания, сооружения и помещения.

Исследование, проведенное на материале Толкового словаря русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, а также Академического словаря русского языка в 4-х томах под редакцией А.П.Евгеньевой, позволило выявить в русском языке 432 наименования зданий, сооружений, помещений. Как показал анализ, все выделенные наименования могут быть сгруппированы в 16 тематических групп, при этом большинство групп неоднородны по составу и могут быть далее подразделены на отдельные подгруппы. Рассмотрим вкратце каждую из выделенных групп.

1. «Общие наименования зданий, сооружений, помещений».

Эта группа включает в себя шесть общих наименований: *здание, сооружение, помещение, строение, укрепление, постройка*.

2. «Наименования зданий, помещений, сооружений с точки зрения их состояния». Эта группа немногочисленна и включает всего четыре лексемы: *новостройка, развалина, развалюха, руина*.

3. Тематическая группа «Архитектурные сооружения и составляющие архитектурных сооружений» состоит из 25 лексем, которые могут быть разделены на две подгруппы:

- архитектурные сооружения (*стела, монумент, обелиск, пантеон* и др.);
- составляющие архитектурных сооружений (*свод, пьедестал, фронтон* и др.).

4. «Виды зданий, сооружений, помещений»

Эта группа состоит из девяти единиц и включает наименования типа *дом, палатка, лабиринт, грот* и др.

5. Тематическая группа, включающая наименования частей зданий, сооружений, помещений, состоит из 39 лексем и подразделяется на следующие семь подгрупп:

- выступающие части зданий и помещений (*веранда, эркер, балкон*);
- части зданий, находящиеся на одном уровне (*этаж, ярус, бельэтаж* и др.);
- проходы, соединяющие части зданий (*сени, лестница, вестибюль* и др.);
- пристроенные части зданий, сооружений, помещений (*тамбур, пристройка, крыло* и др.);
- внутренние части зданий и помещений (*угол, стена, площадка*);

- верхние части зданий, сооружений, помещений (*навес, купол, кровля* и др.);
  - нижние части сооружений (*база, основа, фундамент* и др.).
6. Тематическая группа «Наименования зданий, сооружений, помещений для определенных целей» является самой крупной и включает 87 лексем. В составе данной группы выделяются три подгруппы, две из которых в свою очередь делятся на подподгруппы.

Так, подгруппа «Виды зданий, сооружений», включает наименования видов зданий и сооружений для различных учреждений и целей (*управление, ратуша, школа, вышка* и др.), для отдельных категорий лиц (*резиденция, тюрьма, дворец* и др.), виды зданий и сооружений для покойников (*покойницкая, гробница, морг* и др.), виды небольших легких построек для различных целей (*будка, беседка, павильон* и др.). Вторая подгруппа данной группы включает наименования различных видов помещений: караульно-дежурных помещений (*караульная, дежурка, сторожка* и др.), помещений в лечебных учреждениях (*бокс, палата* и др.), специально оборудованных помещений (*студия, кабинет, радиорубка* и др.), помещений для удовлетворения потребностей человека (*уборная, баня, кухня* и др.), помещений для арестованных (*карцер, каземат, камера*, и др.), помещений на корабле (*трюм, кубрик, рубка* и др.), помещений для отдельных категорий лиц (*консульство, людская, штаб* и др.), помещений для определенных целей (*подсобка, лекторий, кабина* и др.). Третья подгруппа данной тематической группы «Наименования комнат для определенных целей» является достаточно однородной и на подподгруппы не делится. В нее входят такие наименования как *детская, гостиная, кабинет, будуар* и др.

7. К рассмотренной выше группе тесно примыкает тематическая группа «Здания, сооружения и помещения для жилья» (57 лексем). Эта группа подразделяется на четыре подгруппы:

- общие наименования жилья (*жилище, жилье, кров* и др.);
- виды жилья. В этой подгруппе можно выделить наименования небольших скромных построек для жилья (*шалаш, мазанка, хижина* и др.), большие роскошные постройки для жилья (*особняк, замок* и др.), сельские дома и дома в пригороде (*изба, хата, дача* и др.), виды жилья отдельных народов и представителей отдельных профессий (*вигвам, кибитка, сакля, чабарня* и др.);
- жилые пристройки (*флигель, терраса*);
- гостиницы и общежития (*гостиница, мотель, пансионат* и др.).

8. В тематической группе наименований технических сооружений, включающей 44 лексемы, представилось возможным выделить следующие подгруппы:

- комплексы сооружений (*космодром, телестанция, радиоцентр*);
- гидротехнические и морские сооружения и системы (*илюз, запруда, плотина, волнорез* и др.);
- мостовые сооружения и их части (*мост, виадук, эстакада, устой* и др.);

- элементы строительных и технических сооружений (*каркас, ферма, леса* и др.);
- сооружения, связанные с подземными работами (*буровая вышка, копер*).

9. Тематическая группа «Здания, сооружения, помещения для хранения» (35 лексем) включает такие подгруппы, как наименования помещений для хранения имущества, продуктов питания, сельскохозяйственной продукции (*гардероб, чулан, кладовая* и др.), культурных ценностей (*библиотека, пинаотека, книгохранилище* и др.), топлива (*бункер, бензохранилище, газохранилище* и др.).

10. Тематическая группа наименований транспортных зданий, сооружений и помещений состоит из десяти лексем и подразделяется на две основные подгруппы:

- здания, сооружения и помещения для различных транспортных средств, в которые входят наименования зданий, сооружений и помещений для железнодорожного и автомобильного транспорта (*депо, гараж*), портовых сооружений (*порт, док, верфь* и др.) и сооружений для летательных аппаратов (*ангар, аэродром, аэропорт* и др.);
- здания для обслуживания пассажиров (*вокзал, аэровокзал*).

11. «Защитные сооружения и помещения». Эта тематическая группа насчитывает 14 слов и включает две подгруппы:

- оборонительные сооружения (*крепость, кремль, бастион* и др.);
- сооружения и помещения для защиты человека от различных видов оружия (*газоубежище, блиндаж, бомбоубежище* и др.).

12. В отдельную тематическую группу вошли наименования зданий, сооружений и помещений для проведения спортивно-развлекательных мероприятий. Эта группа насчитывает 19 единиц и подразделяется на две подгруппы:

- наименования зданий и помещений для проведения спортивно-развлекательных мероприятий (*клуб, театр, цирк* и др.);
- наименования сооружений для проведения спортивно-развлекательных мероприятий (*велодром, бассейн, стадион* и др.).

13. Тематическая группа «Сооружения, здания, помещения для отправления религиозных потребностей» насчитывает 19 слов. В ней выделяется три подгруппы:

- здания и помещения различных религиозных конфессий (*часовня, собор, храм* и др.);
- части религиозных зданий (*притвор, алтарь, ризница* и др.);
- наименования жилищ монахов (*келья, скит*).

14. «Здания и помещения для торговли и общественного питания». В эту группу входят 28 слов, подразделяющихся соответственно на подгруппу наименований торговых построек и помещений (*магазин, киоск, пассаж и др.*) и подгруппу помещений общественного питания (*ресторан, чайхана, чайная и др.*)

15. Тематическая группа «Сооружения и помещения для производственных предприятий» (16 лексем) подразделяется на две подгруппы:

- наименования зданий и сооружений для производственных предприятий (*зута, домна, лесоспуск* и др.);
- наименований помещений для различных производственных целей (*мастерская, котельная, копильня* и др.).

16. Одну из крупных тематических групп, представленную 20 лексемами, составляют наименования сельскохозяйственных построек и помещений. Здесь выделяются три подгруппы:

- здания и помещения для животных. Эта подгруппа в свою очередь включает наименования помещений для диких животных и птиц (*хата, скворечник*), а также наименования зданий и помещений для домашних животных, птиц, пчел (*конюшня, птичник, зимовник* и др.);
- помещения и строения для обработки сельскохозяйственной продукции (*овин, зерносушилка*);
- помещения для разведения растений (*парник, теплица, оранжерея*).

Проведенное тематическое деление и рассмотрение выделенных тематических групп наименований зданий, помещений и сооружений в русском языке позволяет сделать некоторые выводы об их национальной специфике. Так, обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество наименований видов комнат в русском языке (12). Для сравнения укажем, что, например, в английском языке количество наименований комнат значительно больше, одних только наименований туалетной комнаты насчитывается 14. Точно также в русском языке оказалось сравнительно мало наименований помещений для жилья. Так, общие наименования жилья в русском языке насчитывают девять лексем и включают, помимо отмеченных выше, такие лексемы, как *угол, жилищлощадь, комната, квартира, дом, барак*. В английском же языке подобных наименований жилья почти в два раза больше, сюда входят также отдельные наименования свободного, сдаваемого в аренду помещения (ср. *vacancy*) и арендуемого помещения, снимаемой квартиры (ср. *tenement*). Отсутствие наименований подобного типа в русском языке может быть объяснено нерелевантностью вплоть до недавнего времени для носителей русского языка соответствующих понятий.

При сравнении с английским языком в русском языке также было выявлено сравнительно небольшое количество наименований портовых сооружений. В русском языке таких наименований отмечено всего четыре – *порт, верфь, док* и *пристань*. В английском же языке отмечено такое же количество только наименований понятия «верфь».

Обращает на себя внимание факт, что подавляющее большинство рассмотренных лексем относятся к межстилевой лексике. Просторечные и разговорные наименования типа *сортир, развалюха, курилка* встречаются крайне редко. (Отметим, что специальные строительные и архитектурные термины были нами из рассмотрения были исключены).

В целом следует отметить, что русская лексика, в отличие от английской, не столь изобилует наименованиями зданий, сооружений и помещений. Как уже отмечалось выше, число таких наименований в русском языке равняется 432. В то же время, проведенное тематическое деление выделенных в результате сплошной выборки из перечисленных выше словарей лексем показало, что наименования зданий, сооружений и помещений в русском языке составляют достаточно крупную тематическую группу лексики, охватывающую разные сферы жизни общества.

С.Ю. Потапова

Национально-культурный компонент в структуре неофициальных названий лица (на материале немецкого языка)

В структуре каждого слова имеется *сегмент из непонятных семантических долей*, который базируется на кумулятивной функции языка (Верещагин, Костомаров 1990, с.43) и составляет его лексический фон. Кумулятивная функция, присущая слову, в том числе и неофициальным именованиям лица, означает, что слово обладает способностью фиксировать, сохранять и отражать «информацию о постигнутой человеком действительности», являясь «связующим звеном между поколениями», «хранителем коллективного опыта» (Верещагин, Костомаров 1990, с.10).

Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц получает в настоящее время новой звучание, ибо растет понимание того, что владение культурологическими знаниями является необходимым условием коммуникации (Мальцева 2001, с.88).

Предметом нашего исследования в указанном плане являются неофициальные наименования лица в немецком языке. Из всего многообразия неофициальных именований лиц первое место в современном немецком языке занимают *антропонимы*, являющиеся именами широко известных ныне государственных или общественных деятелей и обладающие устойчивыми ассоциациями, что позволяет использовать эти имена во вторичной номинации.

Среди наиболее частотных в современном немецком языке следует назвать имя *Ajatollah Chomeini*, обладающее ярко выраженной коннотацией и ассоциируемое с авторитарностью, что дает повод использовать его для прозвищного именования руководителей различного уровня, которым свойственен авторитарный стиль управления. Часто используется при этом конкретизирующий компонент: *Voralpen-Ajatollah* («Предальпийский Аятолла» - прозвище Ф.Й.Штрауса), *Chomeini der CDU* («Хомейни ХДС» - прозвище политического деятеля ХДС Р.Блюма).

Другие антропонимы в во вторичной функции: *der weisse Pele* («Белый Пеле» - прозвище футболиста Г.Нормана), *die grüne Jeanne d' Arc* («Зеленая Жанна д' Арк» - так прозвали одну из лидеров партии зеленых Петру Келли).

Как правило, имена известных в какой-либо сфере лиц используются в нарицательном значении в той же денотативной сфере, например, *Beckenbauer der Fortuna*, где имя известного футболиста распространяется на футболиста другого спортивного клуба. Однако широкая известность отдельных личностей позволяет использовать их имена во вторичной номинации и за пределами сферы их профессиональной деятельности, что иллюстрирует появление именований типа *Beckenbauer der Trompete* («Беккенбауэр трубы» - прозвище виртуозного музыканта), *Karajan des Verkehrs* («Караян уличного движения» - прозвище дорожного регулировщика), *Kalaschnikow der Orthopaedie* («Калашников ортопедии» - так немецкие журналисты прозвали известного российского врача-ортопеда Елизарова).

В корпусе неофициальных именований лица, основанных на использовании «чужих личных имен», значительное место занимают имена литературных персонажей и мифологических героев. Неофициальное имя *Mutter Courage* было дано женщине-сенатору, курирующей школы, за большие усилия в этом деле, сравнивая ее с героиней одноименного произведения Б.Брехта, стоически переносившей трагические превратности судьбы. Образность и субъективность многих неофициальных именований лица характеризуются настолько широким диапазоном, что это осложняет их систематизацию. Ср.: *Fischeuge* (букв. «рыбий глаз» - контролер; видимо, номинатор считает, что рыба видит лучше), *Zyklop* (букв. «циклоп» - невнимательный человек).

Правильность интерпретации культурно-маркированных неофициальных именований лица во многом предопределяется тем, насколько глубоко понимает коммуникант суть культурной значимости, содержащейся в лексической единице. Возьмем, к примеру, именование *Sumpfziege* (букв. «болотная коза», а в разговорной речи - «чертова баба», отвратительная женщина). На болоте, согласно немецким мифам, живут черти, из-за чего это место считается «нечистым» для человека, а поэтому все, что связано с ним, расценивается в пейоративном диапазоне. Этот пример достаточно наглядно свидетельствует о существенном различии между этимологическим анализом слова и анализом лингвокультурологическим: если первый обращен «только вспясть», чтобы понять значение слова, то суть второго заключается в «извлечении из образа его действительной культурной значимости» (Телия 1996, с. 240).

Национально-культурный компонент, коннотирующий неофициальное именование лица, может быть связан с *правами и обычаями народа*. Называя пестро разодетого человека словом *Pfingstochse* («Бык на Троицу»), номинатор исходит из того, что на юге Германии издревле существовал обычай особо украшать на Троицу быка, стоящего во главе стада или замыкающего его. Традиции народа, у которого излюбленным напитком является пиво, отражают такие именованья лица как *Bierleiche* (букв. «пивной труп» - мертвецки пьяный), *Bierfass* («пивная бочка» - толстяк), *Bierbruder* («пивной брат» - собутыльник), в которых мотивирующим признаком является компонент *Bier*. Культурно-мотивированным является возникновение коллоквиального именованья лица *Sandstreuer* (букв. «рассыпающий песок», в

разговорной речи - очковтиратель), образованного от имени популярного героя немецкого мультипликационного фильма Sandmann (песочный человечек), который сыплет не желающим засыпать детям в глаза песок.

Определенные особенности в отражении и проявлении национально-культурных коннотаций присущи *именным идиомам*. Они заключаются в том, что средством воплощения культурно-национальных реалий в таких именованиях служит *образное основание, отражающее мировидение народа* - носителя языка. Это позволяет нам, вслед за В.Н.Телия, интерпретировать такие именования как «образные языковые экспоненты культурных знаков» (Телия 1996, с.250). Результатом отражения культурно-национальной специфики в языке, приводящим к формированию идиоматических неофициальных именований лица, являются многие другие вторичные номинации типа *das schwarze Schaf* (черная овца), *das fünfte Rad am Wagen* (пятое колесо на телеге), *die harte Nuss* (твердый орешек), основанные на номинации определенных фрагментов и *перемене денотативной соотношенности*.

Соотношенность языковых значений с тем или иным культурно-национальным фоном четко прослеживается в *именных перифразах*, предполагающих не прямое, а косвенное именование лица через «подчеркивание, выделение какой-либо стороны, качества, признака, особенностей проявления (или деятельности объекта описания)» (Бельчиков 1998, с.334). Многие из таких перифрастических именований представляют собою устоявшиеся обозначения лица, ставшие в своем большинстве идиомами: *Schwarzrock* - священник, *Weissrock* - врач, *Buerohengst* - чиновник.

Другую часть составляют индивидуально-авторские перифразы. На основе фонетической близости именование *der Heilige Vater* (Святой Отец) трансформируется, к примеру, в *der eilige Vater* (Спешащий Отец) с тем, чтобы подчеркнуть постоянные перемещения по свету главы Римской католической церкви Иоанна Павла Второго. Именно перифразы нередко бывают социально и профессионально обусловленными, о чем свидетельствуют частые перифрастические именования в молодежном социолекте: *Denkzwerg* - тугодум, *Durchblickologe* - смысленный, башковитый, *Duennbreitbohrer*- дуралей.

Возможность правильного «прочтения» именований лица, содержащих национально-культурный компонент, доступна лишь языковой личности, обладающей, по Л.П.Крысину, четырьмя уровнями коммуникативной компетенции: 1) *собственно лингвистической*, т.е. умением выражать различными способами и средствами заданный смысл, извлекать смысл из сказанного и отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных; 2) *национально-культурной*, т.е. умением владеть национально обусловленной спецификой использования языковых средств; 3) *энциклопедической*, определяющейся знаниями реалий внеязыковой действительности; 4) *ситуативной*, включающей умения применять соответствующие знания и способности сообразно с коммуникативной ситуацией (Крысин 1994, с.70).

Выделяя из обобщенного подхода к языковой личности национально-культурный компонент как базовый, отметим еще раз, что культурно-языковая компетенция основана на «интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода» (Телия 1996, с.227). Владеть такого рода интерпретацией - значит понимать суть взаимодействия языка и культуры как двух семиотических систем.

Бельчиков Ю.А. Перифраза. // Русский язык. Энциклопедия. / Гл. ред. Ю.Н.Караулов. М., 1998.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты. // Язык - культура - этнос. М., 1994.

Мальцева Д.Г. Переводные словари и экстралингвистическая информация. // Лексика и лексикография. Сб. науч. тр. Вып.12. М., 2001.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

И.И.Шохина

Глаголы с обобщенным значением созидания в русском языковом сознании

Глаголы созидания в любом языке представляют собой один из наиболее важных в семантическом отношении классов, что обусловлено причинами как социального, так и лингвистического характера.

Семемы этих глаголов объединены архисемой «создать, каузировать быть». Лексические единицы данной группы могут быть прежде всего разграничены по таким семантическим параметрам, как «наличие/отсутствие дифференциальных сем, указывающих на способ действия». Кроме того, в семантической структуре многих глаголов могут присутствовать дифференциальные семы, указывающие на инструмент действия, например: *ткать* – «каузировать быть объект из нитей при помощи ткацкого станка», *ковать* – каузировать быть объект из металла, воздействуя высокой температурой, при помощи молота и наковальни».

Наряду с вышеуказанными в состав исследуемой группы входят и лексические единицы, называющие процесс созидания без указания на способ его совершения, то есть глаголы с обобщенным значением созидания. Например: *произвести, изготовить, устроить, мастерить* и др. В глаголах подобного типа практически отсутствуют различия в семантической структуре. Это подтверждают и словарные дефиниции. Словарь современного русского языка в четырех томах под редакцией А.П.Евгеньевой дает следующие определения перечисленных глаголов. *Произвести* – 1.

сделать, совершить; 2. выработать, изготовить. *Изготовить* – сделать, выработать. *Устроить* – 1. сделать, изготовить; 4. подготовить и осуществить что-либо. *Мастерить* – изготавливать, делать что-либо.

Что же различает семемы указанных глаголов в русском языковом сознании? Представляется, что рассмотрение объектной сочетаемости данных лексических единиц поможет прояснить семантический статус и специфику соотношения указанных семем посредством выявления скрытых семантических компонентов. Анализ семантических групп существительных, вступающих в сочетания с данными глаголами, позволил выявить такой семантический компонент, как «возможность/невозможность употребления глагола в ситуации, связанной с промышленным производством». На основании данного критерия можно выделить: 1. глаголы, употребляющиеся в прямом денотативном значении только для обозначения процессов созидания в промышленном масштабе (производить, выпускать, вырабатывать); 2. глаголы общего действия, которые не употребляются для обозначения процесса созидания в промышленном масштабе (образовать, устроить, соорудить, мастерить); 3. глаголы, которые, практически не изменяя стиливой окраски речи, способны употребляться как в первой, так и во второй ситуации (изготовить, готовить, сделать). На примерах, взятых из современной периодической печати, рассмотрим сочетаемость анализируемых глаголов более подробно.

Так, глагол *производить*, относящийся к первой группе, в прямом значении обычно сочетается с широким кругом конкретных существительных, обозначающих такие предметы, которые могут быть созданы промышленным способом в больших количествах. Иными словами, глагол *производить* сочетается с конкретными существительными только в случаях, когда речь идет о промышленном производстве.

Например, *производить* можно:

а) *различное вооружение*:

... На заводах и фабриках научились *производить корпуса снарядов, мин и авиабомб, огнеметы* и армейские радиостанции (Комсомольская правда, 20 ноября 2001года).

Двадцать четыре часа в сутки работали заводы, *производящие танки, самолеты, артиллерийские орудия* (Коммуна, 17 июля 2001года);

б) *инструменты, оборудование, материалы*:

Появилась фабрика, *производящая хирургический инструмент...* (Комсомольская правда, 11 сентября 2001 года).

На домостроительном комбинате №1 начали *производить железобетонные плиты* так называемым ток методом (Известия, 5 января 2002 года).

Можно, соответственно, *производить котельное оборудование* и можно *электрооборудование* (Аргументы и факты, 10 мая 2001 года).

Во всех приведенных сочетаниях семема глагола является первичной денотативной и содержит следующие семы: «каузировать быть, посредством физического воздействия, промышленным способом».

Но глагол *производить* может употребляться и с абстрактными существительными. Например: *производить шум, пальбу* и т.д. В этих случаях семема утрачивает семы «промышленный способ» и «физическое воздействие» и трансформируется в семему К1.

Глаголы *устроить* и *мастерить* не употребляются для обозначения процесса созидания в условиях промышленного производства, но каждый из них используется преимущественно в свойственной именно данному глаголу ситуации, наиболее активно сочетаясь с определенными семантическими группами существительных.

Особенностью глагола *мастерить* является то, что он четко указывает на процесс изготовления самых разнообразных, иногда очень сложных по структуре предметов кустарным способом, вручную. Вот несколько примеров:

Из дерева он (человек) *мастерил* почти все, что было ему необходимо, *от сохи до ложки, от колыбели до гроба...* (сб. Лес и человек, с.68).

Два важнейших мужика на свет народились, а родной дед ни *свистульки* им еще не *мастерил*, ни *самострела* (Известия, 6 июня 2002 года).

Подростки и парни постарше *мастерили* простейшие *радиопередатчики* и выходили в эфир на средних волнах (Комсомольская правда, 13 апреля, 2001 года).

Как показывает анализ сочетаемости, действие, обозначенное данным глаголом, может быть осуществлено только по отношению к объекту вещественного характера. Таким образом, указанный глагол во всех сочетаниях выражает первичную денотативную семему со следующим семным составом: «каузировать быть ручным способом вне промышленного производства».

Глагол *устроить* тоже никогда не употребляется в ситуациях, связанных с промышленным производством, наиболее часто обозначая процесс создания различного рода строений и их частей, а также различных объектов административного, хозяйственного, бытового, культурного, военного назначения. Например:

Степан Денисович *устроил* возле своей хаты *нечто вроде веранды* (Комсомольская правда, 17ноября 2001 года).

Лес должен быть таким, чтобы человек мог *устроить* себе *шалаш* из легких сосновых веток (Комсомольская правда, 23 мая 2001 года).

Монахов выселили большевики и *устроили* в обители *совхоз* (Комсомольская правда, 10 июня 2002года).

Иван Иванович постукивал топором, *мастерскую устраивал* в бывшей летней кухне (Известия, 7 мая 2001 года).

Недавно решили на этом месте *устроить* летний *загон* для коров (Коммуна, 15 июля 2000 года).

Еще в 1648 году в Тюмени был *устроен водопровод* (Известия, 8 августа 2000 года).

На местах боев стали *устраиваться мавзолеи* (Комсомольская правда, 8 мая 2001 года).

У нас и в самих цехах были *бомбоубежища устроены*, и в подвалах, подсобках (Там же).

В сочетаниях со всеми конкретными существительными рассматриваемый глагол имеет первичное денотативное значение со следующим набором сем: каузировать быть непромышленным способом посредством физического воздействия». Но глагол *устраивать* в отличие от глагола *мастерить* активно вступает в сочетания и с другими группами существительными, приобретая вторичное денотативное или коннотативное значение за счет трансформации семантической структуры.

Наиболее часто в сочетания с глаголом *устраивать* вступают существительные, обозначающие различного рода мероприятия. Это могут быть лексемы, называющие:

1. явления, связанные со сценическим искусством – устраивать спектакль, трагедию, концерт, концерт, фарс, представление, сцену, сеанс, танцы:

Для маленьких слушателей был *устроен* благотворительный *концерт* (Известия, 2 февраля 2002 года);

2. спортивные явления – состязания, игры, соревнования, бой, турнир.

Кирсан Илюмжинов собирается *устраивать* во вновь построенном городе *шахматные турниры* (Комсомольская правда, 9 июня 2000 года);

3. мероприятия, связанные с различными праздниками и торжественными событиями – устроить митинг, пир, гулянье, вечеринку, торжественные проводы, банкет, вечер, праздник и т.д.

На центральной площади города был *устроен митинг* (Коммуна, 15 октября 2002 года);

4. мероприятия, связанные с учебной и производственной деятельностью – устроить перевод, перекур, собрание, экзамен, перекличку.

В сферу сочетаемости глагола *устроить* входят и существительные, обозначающие различного рода психологические и физические условия, обстановку: устраивать панику, устраивать баню (кому-либо), устраивать уют, беспорядок, хорошую жизнь (кому-либо), устроить (чье-то) счастье, устроить (кому-либо) хороший прием, устроить скандал, obstruction.

Доказав Полесову..., что муки в городе сколько угодно и что нечего *устраивать панику*, граждане бежали домой... (И.Ильф, Е.Петров).

Когда Николай Петрович заговорил, ему вновь *устроили obstruction* (Комсомольская правда, 10 января 2001 года).

Часто встречаются и такие сочетания, как устроить свидание, встречу, дуэль, шумиху, пальбу, грабеж и т.д.

В подобных сочетания семантическую структуру глагола можно представить следующим набором сем: «каузировать быть посредством нефизического воздействия».

И, наконец, существуют, как уже указывалось, такие глаголы с обобщенным значением созидания, которые могут быть употреблены для обозначения данного процесса как в условиях промышленного производства, так и вне его. Это, например, глагол *изготовить*, который по своим семантическим параметрам и широте сочетаемости очень близок глаголу *производить*. Отличие заключается в том, что глагол *производить*, как правило, не употребляется в ситуации, где речь идет о процессе созидания, осуществляемом в индивидуальном порядке, а глагол *изготовить* может быть

употреблен для репрезентации подобной ситуации. Так, данная лексическая единица может сочетаться с существительными, обозначающими различные виды еды: приготовить пищу, блюдо, консервы, муку, торты, солянку, гуляш, коврижки, напитки. Например:

Не лучшая ли реклама для заведения – *изготовить* из продуктов первоклассную *пищу*, а не *солянку* и *гуляш* «под солянку и гуляш» (Аргументы и факты, 25 января 2000 года).

В сочетаниях с перечисленными существительными рассматриваемый глагол синонимичен глаголу *готовить*, однако в отличие от него употребляется только в тех случаях, когда речь идет о массовом производстве того или иного пищевого продукта, когда этот продукт становится товаром.

Можно изготавливать также различные механизмы, оборудование и средства передвижения: подшипники, изоляцию, станки, аппараты, лифты, поршни, болты, вагоны, трамваи и т.д.

Сипласт или сивол да плюс полимеры и смолы для связки – и можно *изготовить трубопроводы, утеплительные материалы, подшипники, изоляцию* для кабелей и многие другие легкие антикоррозийные и высокопрочные изделия (Аргументы и факты, 26 августа 2001 года).

Кроме того, глагол *изготовить* сочетается с множеством групп существительных, обозначающих самый широкий ассортимент товаров легкой промышленности, то есть предметов, необходимых в быту. Это, например, *обувь*:

Здесь же, в холле, расположена витрина с образцами *босоножек, ботинок, сапог*, которые *изготавливает* обувной цех (Комсомольская правда, 19 июня 2001 года);

музыкальные инструменты:

Знаменитые *баяны* «Юпитер», клавишные *гусли, гитары, домры, скрипки, балалайки* – все это *изготавливается* из лучших материалов (Комсомольская правда, 13 февраля 2001 года);

посуду:

Существуют автоматы, *изготавливающие* тысячи *бутылок* в час и тысячи нехитрых *граненых стаканов* (Комсомольская правда, 23 ноября 2001 года);

мебель, игрушки, электротовары и многое другое.

Однако данный глагол может быть употреблен и в контекстах, передающих ситуацию индивидуального труда, не связанного с промышленным производством, и в этих случаях сочетается также с существительными, обозначающими различные виды *оружия*:

А оружейник? Допустим, он *изготавливает* *шпаги, мушкеты* или те же *катапульты*... (Комсомольская правда, 1 декабря 2001 года).

косметику:

Кое-кто даже сам пытался *изготавливать* *губную помаду, румяна, тушь для ресниц* и торговал ими (Комсомольская правда, 6 сентября 2001 года);

средства передвижения:

Два сотрудника лаборатории *изготовили* каменными топорами и теслами за 10 дней *лодку-долбенку с двумя веслами* (Комсомольская правда, 9 августа 2001 года).

В рамках собранного нами материала у данного глагола зафиксирована только сочетаемость с конкретными существительными, и этим он отличается от глагола *производить*, активно вступающего в сочетания с абстрактной лексикой. Глагол *изготовить* во всех перечисленных сочетаниях несет первичную денотативную семему и следующий набор сем: каузировать быть промышленным/кустарным способом посредством физического воздействия».

Таким образом, анализ объектной лексической сочетаемости глаголов с обобщенным значением созидания позволил выявить их семемный статус и семантическую структуру и показал, что при несомненном сходстве значений каждая из представленных единиц занимает собственное место в лексической парадигме, а каждая из репрезентированных данными глаголами семем – определенное положение в семантическом пространстве языка.

Л.В.Смолина

Средства воздействия на адресата как сигналы присутствия в тексте адресанта

Одним из важнейших объектов исследования современной лингвистики становится текст как целостное речевое произведение, коммуникативная единица самого высокого уровня, обслуживающая различные сферы жизни общества.

В этой связи особый интерес представляет исследование прагматики различных типов текста. Изучение прагматических характеристик текста представляется будет способствовать выявлению правил порождения текстов, изучению функций языка в определенных сферах общения.

Как указывает В.Г. Гак, прагмалингвистика подразумевает двустороннее отношение: во-первых, со стороны говорящего – его намерение произвести определенное впечатление, создать нужный эффект, т.е. вызвать желаемую реакцию, его восприятие данного языкового выражения и соответствующие реакции (Гак, с. 117).

Основные составные элементы процесса коммуникации можно представить в виде цепи Отправитель (Адресант) – Сообщение – Форма Сообщения – Получатель (Адресат), где нас интересуют, прежде всего, два фактора: стратегия Отправителя, определяющая его коммуникативные интенции, и Форма сообщения, которая реализует и отражает последние.

Стратегия адресанта/говорящего проявляется в том, что он отбирает определенные средства языка и выстраивает, организует их таким образом, чтобы они сделали возможным адекватное декодирование соответствующего высказывания адресатом. Почти в любом тексте можно обнаружить сигналы присутствия говорящего в семантике слов, оборотов, грамматических категорий, синтаксических оборотов, изобразительно – выразительных средствах языка. При этом, как отмечает Е.В. Падучева, говорящий/адресант может выполнять одновременно несколько функций: субъект референции, субъект речи, выделенный субъект сознания, наблюдатель (Падучева, с. 155-

156), выступая как организующая текстовая фигура. Говорящий, стремится воздействовать на адресата с целью изменения его «смыслового поля» (Гак, с. 118). Форма сообщения является здесь связующим звеном между отправителем и получателем информации.

Приведем несколько примеров воздействия на адресата из французских научно-популярных текстов, где активная роль говорящего/адресанта проявляется особенно ярко.

Языковые средства, используемые в целях воздействия на адресата, весьма неоднородны и разнообразны. В научно-популярном тексте говорящий/адресант проявляет себя в использовании элементов как интеллективного, так и аффективного плана. Отмеченные формы воздействия, связанные с экспрессивно-эмоционально-оценочными коннотациями, наиболее ярко представлены на лексико-фразеологическом и синтаксическом уровнях языка.

На лексико-фразеологическом уровне основными средствами воздействия на адресата являются:

- экспрессивно и эмоционально окрашенные единицы (*une mort tempêteuse* – букв. бурная смерть; *des scènes fracassantes* – потрясающие сцены; *une impression vertigineuse* – головокружительное впечатление; *des bouffées monstrueuses* – чудовищные вспышки; *un travail dantesque* – букв. дантов, гигантский труд);

- фразеологические обороты, нетипичные для научного стиля речи (*grincer des dents* – скрипеть зубами; *âge d'or* – золотой век; *être né sous une mauvaise étoile* – букв. родиться под несчастливой звездой; *ne faire qu'une bouchée* – быстро, одним махом справиться с.; *séparer le bon grain de l'ivraie* – отделять зерна от плевел; *avoir une dent contre qn* – иметь зуб против кого-либо).

На синтаксическом уровне функция воздействия на адресата реализуется посредством употребления восклицательных и вопросительных предложений, сегментированных предложений, инверсии, перечисления, лексико-синтаксического параллелизма, вопросно-ответного комплекса.

Достаточно распространенными приемами являются также метафора, олицетворение, сравнение, аллюзия, риторический вопрос.

Говорящий/адресант в научно-популярном тексте проявляет себя в средствах эмоционального воздействия на адресат. Однако даже в стилистически нейтральных текстах можно обнаружить сигналы присутствия говорящего, выступающего в роли субъекта восприятия, или наблюдателя, через слова и обороты, предполагающие, в силу своей семантики, синхронного наблюдателя. Например: франц. *la nuit tombe, il tonne, il fait sombre, il y a, il se voit, il arrive, il est évident*; русс. (по)слышаться, увидеть, видно, темнеет, белееется и др.

Таким образом, говорящий/адресант предстает как центральная фигура текста, проявляющаяся на всех его уровнях, определяющая отбор языковых средств для достижения эффекта коммуникации. Изучение роли говорящего/адресанта в различных его проявлениях открывает возможности для объяснения важных особенностей прагматики текста.

Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи. – ИЯШ - №5. - 1982.

Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1981.

А.П. Бабушкин, А.В. Малюгина

Денотативное значение фразеосочетания как фактор определения типа концепта

В коллективном сознании людей значительное место занимает языковая игра, которая заключается в образном инонаименовании явлений и фактов объективной действительности. В качестве одного из инструментов языковой игры выступают идиоматические выражения. В последние годы фразеология становится объектом нового, когнитивного подхода к языку (см. работы В.Н. Телия, Ю.Н. Караулова, Д.О. Добровольского и др. ученых).

В ракурсе этого подхода интересно указание на то, что идиомы не заучиваются наизусть, а хранятся в памяти в виде редуцированных до ядерных типов концептуальных структур. Это означает, что возможно существование альтернативных «переборов» одного и того же фразеосочетания («оказаться в галоше» вместо «сесть в галошу», «только подметки сверкают» вместо «пятки», «стена преткновения» вместо «камень» и т.п.) (Добровольский. Караулов 1996).

Было также выявлено, что концепты, объективируемые фразеосочетаниями (в том числе и идиомами), имеют разный характер, исходя из природы своей «фактуры», «схваченной» языковым знаком. Различаются концепты – мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии (например, «сиамские близнецы» - концепт-картинка; «коломенская верста» - концепт-схема; «мамаево побоище» - концепт-фрейм; а «строить глазки» - концепт-сценарий) (Бабушкин 1996).

Разграничение концептов на типы продиктовано особенностями мыслительных образов, которые ассоциируют прямое значение фразеосочетаний с их переносным значением на том основании, что семантическая структура идиомы наследует и инкорпорирует определенные черты исходной мыслительной структуры, положенной в основу переосмысления.

Так, например, Р.Н. Попов пишет, что при актуализации идиомы «точно с Луны свалился» - о человеке, находящемся в крайней степени незнания того, что известно другим, - в нашем сознании присутствует представление *о как бы падающем с Луны человеке* (Попов 1976, с.33).

С одной стороны, деформация плана выражения фразеосочетаний, осуществляемая в определенных пределах, не влияет на тип вербализуемого концепта: выражения «только подметки» или «только пятки сверкают» реализуют концепт-сценарий (где «подметки» и «пятки» выступают в качестве

контекстуальных синонимов); «стена» и «камень преткновения» - концепт-фрейм (и «стена» и «камень» - в равной мере означают помеху, затруднение, на которое наталкивается кто-либо в каком-либо деле).

С другой стороны, *одна и та же лексема* может включаться в состав фразеосочетаний, которые объективируют концепты разного типа.

Так, выражение «голова два уха» восходит к концепту-картинке; «с головы до пят» к концепту-схеме; «без царя в голове» - мыслится как концепт-фрейм, а «пробивать *головой* стену» - как определенный сценарий.

Если устойчивые фразеосочетания получили свое развитие из свободных сочетаний слов, то можно задуматься над вопросом, каким образом этот «сырьевой материал» оказался пригодным для выработки идиоматических маркированных выражений.

Очевидно, определенную роль в этом процессе играет утрата или перегруппировка сем в пределах одной или той же семемы (где семема – план содержания лексемы) как компонента семантики тех свободных, т.е. не «спаянных» общим смыслом сочетаний слов, которые в конечном итоге и «проявляют» в себе концепты разных типов:

Шапка Мономаха – в России до начала XVIII в. – царский венец, хранившийся, по преданию, со времен князя Владимира Мономаха.

Прежде всего, Шапка Мономаха (т.е. шапка - с прописной буквы, – которую по торжественным случаям надевал человек, облаченный княжеской властью) – это церемониальный *головной убор*. Постепенно «шапка» начинает мыслиться как *символ* царской власти, порождая в сознании концепт-картинку.

Фразеологизм «*аршин с шапкой*» представляет «шапку» уже не как элемент одежды, а как верхнюю точку отсчета, по вертикали «снизу-вверх». Фразеологический оборот «аршин с шапкой» актуализирует концепт-схему.

«По Сеньке *шапка*». В подтексте данного фразеосочетания – абсолютно «безобразный» образ Сеньки (обратим внимание лишь на пренебрежительную форму именования, который соотносится с образом захудалой шапки (только этой шапки он и «достойн»!). И «Сенька» и «шапка» попадают в один «ментальный кадр» концепта-фрейма.

Фразеосочетания «закидать *шапками*» и «ходить с *шапкой* по кругу» имеют разные ассоциативные связи. В первом случае «шапка» воспринимается как *метательный снаряд*, предполагающий динамику, действие. Ее *бросают, швыряют* в потенциально слабого противника. Во втором – «шапка»-«вместилище», «копилка», с которой – опять же действие! – ходят по кругу. Оба фразеологизма реализуются в виде концепта-сценария.

Выделяя типы фразеосочетаний, М.М. Копыленко и З.Д. Попова считают, что они различаются по типам семем, которые обозначаются лексемами, входящими в это сочетание. Ученые выделяют 5 разновидностей семем, выражаемых лексемой. По символике, разработанной авторами, это Д1, Д2, К1, К2, К3, где Д – денотативная семема, а К – семема коннотативная. По плану своего выражения, ФС - это сочетание лексем, а по плану содержания – сочетание семем.

Для целей нашей статьи достаточно сосредоточиться на семемах Д1 и К1.

Семема Д1 соответствует прямому номинативному значению и узнается в лексеме вне контекста. Семема К1 претерпевает идиоматический сдвиг, но она отмечена своей мотивированностью («куриная», т.е. плохая память) Попова 1976, с. 21-22). Семема К1 обозначает денотат посредством ссылки на образ другого денотата. Однако в семему К1 включаются лишь те семы из семемы Д1, которые дают основание для понимания «нового» смысла на базе «старого»: кабак (Д1) – помещение для распития спиртных напитков, (грязное); кабак (К1) – грязь, беспорядок, нечистота (из семемы Д1 только потенциальная сема составляет семему К1) (Копыленко, Попова, с.65).

В содержательном плане фразеологизма имеет место процесс, который подобен процессу, происходящему в семантике слова при его переходе от денотативного значения к коннотативному (от Д1 к К1), поскольку план содержания фразеосочетания стремится к выражению единого понятия.

При этом в сознании актуализируются разные типы фразеологических концептов, так как уже на уровне модели Д1Д1 (денотативное значение исходного словосочетания) актуализируются разные по своему характеру факты действительности, и при переходе на уровень модели К1К1 происходит их переосмысление до формирования ментальных структур, которые избирательно «впитывают» в себя некоторые характеристики первых, даже если исходные модели порождены фантазией человека, а не «списаны», «скопированы» с действительности.

Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Фразеология в ассоциативном словаре // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1996. – Т. 51. - №6.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.

Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М., 1976.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1972.

И.В.Назарова

Лексико-семантическая группа наименований реалий быта в составе сравнений русского и французского языков

Идею антропоцентричности языка, по мнению лингвистов, в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих языковых построений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. С позиции антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем (Маслова 2001, с. 5-6).

Многочисленные языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека - метафоры типа: *снежинки пляшут, матушка-зима* и др. Если рассматривать образное сравнение по отношению к метафоре как «предварительную мыслительную операцию, неизбежный этап её формирования» (Огольцев 1978, с. 72-73), то, исследуя сравнения, мы можем проследить механизмы формирования антропоцентрической картины мира в мозгу людей, говорящих на том или ином языке.

Семантическое пространство разных языков, по словам З.Д. Поповой, существенно различается и по составу концептов - мыслительных образов, «которые могут иметь наименования в виде слов и словосочетаний конкретного языка» (Попова 1996, с. 65), и по принципам их структурирования. Каждый народ образует концепты тех фрагментов действительности, которые важны для него (совсем не обязательно, что эти же концепты будут важны и для другого народа). Одни и те же концепты у разных народов могут быть сгруппированы по разным признакам. «Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, и в то же время выявляет специфическое, национальное, а затем и групповое, и индивидуальное в построении концептов и их структуриации» (Попова, 1996, с.67).

Когнитивная лингвистика – новый отдел науки о языке, открывающий не использованные ранее возможности для изучения явлений языка. Это относится и к изучению сравнений. Операция сравнения – обязательный элемент мыслительной деятельности людей. По мнению ученых, без неё невозможен анализ свойств предмета и определение его места в окружающей действительности. Это один из приемов познания внешнего мира, в результате применения которого возникает новое знание о реалиях. Образное сравнение помогает формированию в сознании человека концептуальной картины мира, уточняет и конкретизирует наше представление о предметах и явлениях.

Принимая во внимание то, что сравнение – один из важных приемов человеческого познания, основанный на осмыслении новых категорий через известные, сравнение – правомерный объект для когнитивных исследований.

Предметом нашего рассмотрения стала компаративная единица и те сферы знания, из которых черпаются темы для сравнения. На наш взгляд, антропоцентричность языка наиболее ярко выделяется на примере лексико-семантической группы наименований реалий быта. К этой лексико-семантической группе мы отнесли наименования различных бытовых реалий, таких как предметы домашней утвари, емкости, продукты питания, предметы одежды, орудия труда, средства транспорта, ценности и др.

Предметы домашнего обихода широко представлены в сравнениях русского и французского языков: *...Покос высокий, как постель, / Ложился, взбитый пышино... [Твардовский, 502]; ...а лиственницы нежные и липы / в спокойных водах тихого канала, / как в зеркале любят себя... [Ахматова, 224]; Lisse comme un miroir (букв. гладкий как зеркало); Se gonfler comme une éponge (букв. разбухнуть как губка).*

Общими для сравнений двух языков стали такие категории знаний о мире, как наименования емкостей: ...Под зонтиком, сквозным, как решето... [Симонов, 118]; ...Можно пить из листьев, как из чаши... [Тихонов, 124]; *Sourd comme une cruche* (букв. глухой как кувшин), продуктов питания: *Ломаться как тульский пряник*; ...Земля крошится, как пирог... [Твардовский, 234]; *Bon comme le pain* (букв. добрый, хороший как хлеб); *S'emporter comme une soupe au lait* (букв. вскипеть как молочный суп).

Необходимо отметить, что характерной чертой фразеологии французского языка является более широкое использование в составе сравнений наименований овощей, фруктов и плодов: *Rouge comme une betterave* (букв. красный как свекла); *Jaune comme une orange* (букв. желтый как апельсин); *Verte comme une pomme* (букв. зеленый как яблоко).

К ЛСГ бытовых реалий мы отнесли наименования предметов одежды и её компонентов, обуви, тканей: *Белый как полотно*; ...*Небо как шелк*... [Тихонов, 199]; *Changer d'opinions comme de chemises* (букв. менять свои убеждения словно рубашки); *Triste comme un bonnet de nuit sans coiffe* (букв. грустный как ночной колпак без подкладки); *Raisonner comme une savate* (букв. рассуждать как башмак). Отметим, что для русского языка характерно употребление в составе сравнений наименований тканей, а для французского – наименование предметов одежды и обуви.

К этой же группе относятся наименования орудий труда, механизмов: ...*были остры, как нож*, / *Глухие её слова*... [Сурков, 277]; *Точен как часы*; *Видеть насквозь как рентген*; *Fin comme un rasoir* (букв. острый как бритва); *Réglé comme un chronomètre* (букв. точный как часы); *Nager comme un fer à repasser* (букв. плавать как утюг).

К группе наименований реалий быта мы отнесли и наименования ценностей: драгоценных металлов, камней, денег, наград, духовных святынь и др., широко представленные сравнениями русского и французского языков: ...*Как золото, минуты собирай*... [Светлов, 157]; ...*И, как орден тот, светилась / Вся душа моя*... [Исаковский, 163]; ...*и краешек счастья, как знамя, целую*... [Берггольц, 233]; *Briller comme un diamant* (букв. блестеть как бриллиант); *Net comme un denier* (букв. чистый как денье); *Porter comme une relique* (букв. носить как реликвию).

Наименования средств транспорта, представленные сравнениями только русского языка, мы также отнесли к группе реалий повседневной жизни: *гудеть как паровоз*; *рычать как трактор*; *прет как танк*. Необходимо отметить, что большее распространение в русских сравнениях получили наименования средств водного транспорта: *корабль, лодка, плот* и др.: ...*Когда летят, как лодки расписные, / По воздуху флотилии листья*... [Тихонов, 182]; ...*Пошла вода избушку, / Как кораблик, понесла*... [Твардовский, 241].

Характерной чертой русского языка стало выделение в составе лексико-семантической группы сравнений с использованием наименований реалий быта подгруппы наименований обрядов и их атрибутов: ...*Как на тризне, гуляет столица*... [Тихонов, 154]; ...*Жирна не вовремя еда, / Грустна, как на поминках*... [Твардовский, 516]; и подгруппы наименований реалий сельского быта: ...*Погубленных березок вялый лист, / Как сено из-под дождика*,

душит... [Твардовский, 197]; ...Наша жизнь сгорает, как солома... [Сурков, 219]; ...Но я тебе заносчиво и молодо, / Как связку хвоста, мечты свои принес... [Светлов, 184].

Таким образом, лексико-семантическая группа наименований реалий быта в составе образных сравнений русского и французского языков ярко иллюстрирует идею антропоцентричности языка.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.

Огольцев В.Н. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978.

Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. - 1996 - № 2.

Е.В.Воронина

К вопросу о национальной специфике наименований предметно-смысловой сферы «закон» в русском языке

Предметом рассмотрения в данной статье является совокупность субстантивных лексем и устойчивых субстантивных словосочетаний русского языка, относящихся к предметно-смысловой сфере «закон» и отобранных по смысловому признаку.

Материалом послужили субстантивные лексемы, извлеченные из толкового словаря русского языка под редакцией С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой методом сплошной выборки.

В результате исследования было выявлено 332 субстантивные лексемы рассматриваемой предметно-смысловой сферы. Как показал анализ, все выделенные лексемы могут быть подразделены на восемь семантических групп.

Рассмотрим выделенные группы. Так, группа «Наименования форм выражения закона» включает в себя наименования форм выражения собственно закона (*конституция, законодательство, кодекс, указ*), а также наименования управленческих и ведомственных актов (*приказ, директива, распоряжение, циркуляр*).

В группу «Наименования процесса установления закона, а также лиц и органов, участвующих в этом процессе» вошли соответственно лексемы, именующие процесс установления закона (*законотворчество, законодательство, узаконение, чтение*), наименования лиц (*законодатель, депутат, президент*) и органов (*Парламент, Дума, Совет Федерации*), участвующих в процессе законотворчества.

Отдельную группу составили наименования понятий, связанных с соблюдением или несоблюдением закона (*законность, легальность, законопослушность; незаконность, нелегальность, беззаконие*).

Группа «Наименования органов и учреждений, призванных обеспечивать соблюдение закона» представлена наименованиями органов и учреждений, осуществляющих контроль за соблюдением закона (*прокуратура, таможня*), ведущих борьбу с преступностью и расследование преступлений (*милиция, полиция, ОМОН, уголовный розыск*), органов правосудия (*суд, трибунал*), а также учреждений, осуществляющих исполнение наказаний за нарушение закона (*исправительное учреждение, колония, тюрьма*).

В группу «Наименования лиц, призванных обеспечивать соблюдение закона» вошли общие наименования специалистов по юриспруденции (*юрист, законовед, законник*), а также лексемы, именующие лиц, осуществляющих контроль за соблюдением закона (*прокурор, таможенник, ревизор*), ведущих борьбу с преступностью и расследование преступлений (*милиционер, полицейский, омоновец, следователь, оперуполномоченный*), осуществляющих исполнение наказаний за нарушение закона (*конвоир, надзиратель*). Отдельную подгруппу также составили наименования должностных лиц, участвующих в судебных разбирательствах (*судья, адвокат, обвинитель, защитник, присяжный*).

Группу «Наименования видов деятельности, обеспечивающей соблюдение закона» составили наименования видов деятельности по осуществлению контроля за соблюдением закона (*прокурорский надзор, таможенный досмотр, ревизия*), пресечению возможных нарушений закона и расследованию преступлений (*патрулирование, арест, обыск, розыск*), осуществлению правосудия (*судопроизводство, обвинение, осуждение, обжалование, защита, процесс, апелляция*), осуществлению наказания за нарушение закона (*взыскание, конфискация, штрафование, лишение свободы, расстрел*).

Общие (*проступок, правонарушение, преступление*) и конкретные (*убийство, кража, изнасилование, поджог*) наименования нарушений закона, а также видов преступности (*бандитизм, терроризм, наркобизнес*) составили группу «Наименования нарушений закона».

В группу «Наименования нарушителей закона» вошли общие наименования (*преступник, правонарушитель*), конкретные наименования (*убийца, вор, мошенник, взяточник, террорист*), а также наименования нарушителей закона, отбывающих наказание (*заклѳчѳнный, каторжник, ссыльный*).

Проведѳнное исследование позволяет сделать определѳнные выводы о национальной специфике рассматриваемых наименований в русском языке.

Так, национальная специфика ярко проявляется в группе «Наименования форм выражения закона», где сосуществуют наименования форм выражения собственно закона и лексемы, именующие различные управленческие и ведомственные акты, которые не являются законами, так как не обладают всеобщностью и обязательностью. Но, в силу исторически сложившихся условий (существование до недавнего времени исключительно

государственной формы собственности и государственного контроля во всех сферах деятельности), сознание обычного русского человека (не юриста) не делает различия между управленческо-ведомственными и нормативными актами и отождествляет циркуляры и директивы с законами.

Примечательно также, что в русском языке нет отдельной лексемы для наименования закона, изданного органами местной власти (ср. английское *by-law/bye-law*), что, вероятно, объясняется низким уровнем развития местного самоуправления в нашей стране.

Интересно, что в русском языке также отсутствуют отдельные лексемы, именующие различные стадии процесса установления закона. Используемая для этой цели лексема *чтение* ни в одном из своих значений не может быть отнесена к предметно-смысловой сфере «закон», однако, в составе атрибутивных словосочетаний *первое чтение*, *второе чтение*, *третье чтение* она, несомненно, относится к обсуждаемой сфере. Такое положение может быть, по-видимому, объяснено тем фактом, что поэтапное принятие законов является сравнительно новым явлением для процесса законотворчества в России.

Обращает на себя внимание и тот факт, что подгруппа «Наименование должностных лиц, участвующих в судебных разбирательствах» в русском языке достаточно малочисленна и насчитывает всего восемь лексем. Для сравнения укажем, что, например, в английском языке аналогичная подгруппа гораздо более многочисленна – только для наименования разновидностей адвокатской профессии в английском языке существует пять лексем: *attorney* (уполномоченный, поверенный), *advocate* (адвокат высшего ранга), *barrister* (адвокат, имеющий право выступать в высших судах), *solicitor* (стряпчий (имеет право выступать в низших судах)), *counselor* (советник).

Интересно также, что в русском языке подгруппы общих наименований нарушителей и нарушений закона тоже немногочисленны и включают соответственно две (*правонарушитель*, *преступник*) и четыре (*проступок*, *правонарушение*, *преступление*, *криминал*) лексемы. Отметим для сравнения, что подгруппа общих наименований правонарушителей в английском языке представлена двенадцатью, а правонарушений – двадцатью лексемами.

Указанные особенности (отсутствие наименований адвокатов в зависимости от их ранга и специфики деятельности и малочисленность общих наименований нарушителей и нарушений закона) являются, очевидно, следствиями того факта, что в России, сравнительно недавно вступившей на путь создания правового государства, отсутствует прочно устоявшаяся традиция правовых отношений.

Примечателен тот факт, что среди конкретных наименований нарушений и нарушителей закона наиболее многочисленными являются лексемы, обозначающие правонарушителей и правонарушения в сфере собственности (*вор*, *грабитель*, *расхиитель*, *мошенник*, *мародёр*; *воровство*, *кража*, *осрабление*, *хищение*, *мошенничество*, *мародёрство*), что объясняется, вероятно, актуальностью данного явления для нашей реальности.

Интересно также, что многие из лексем, обозначающих нарушителей законов о собственности, часто используются в повседневной речи также для

наименования хитрых и ловких людей, обманщиков (*жулик, разбойник, мошенник, прохиндей, плут, мазурик*)

В целом следует отметить, что субстантивные наименования рассматриваемой предметно-смысловой сферы достаточно ярко демонстрируют национальную специфику.

Ж.В. Грачёва

Ассоциации по контрасту как языковое явление

Традиционно психология выделяет три типа ассоциаций, на основе которых осуществляется наше мышление: ассоциации по сходству, по смежности и по контрасту. Каждый из названных процессов образует разнотипные явления, которые пронизывают все языковые уровни, выстраиваясь в строгую систему. Так, ассоциации по сходству на фонетическом уровне создают один из видов аллитерации – звукоподражание, при котором фонетический состав фразы соответствует изображаемой картине. Например, насыщение текста шипящими передаёт шорох камыша («Камыши» К.Бальмонт). На лексическом уровне ассоциации по сходству создают метафору, на уровне синтаксиса предложения – сравнительные обороты и сравнительные сложноподчинённые бессоюзные предложения, на уровне синтаксиса текста – развёрнутые сравнения, которые становятся композиционным языковым средством («Поэт» М.Лермонтов).

В отличие от ассоциаций по сходству, ассоциации по контрасту обращали на себя внимание лингвистов в меньшей степени. К примеру, в любом курсе лекций и практических занятий по лексике при характеристике явления полисемии указывается на ассоциативные переносы по сходству (метафору) и по смежности (метонимию), но нет указания на развитие полисемии на основе контрастного принципа. Однако если ассоциативные механизмы представляют собой явление психики, то должны иметь место и языковые (в частности, лексические) явления, «рождённые» ассоциацией по контрасту. Как правило, такого рода перенос при изучении явления полисемии не учитывается.

Между тем ассоциации по контрасту (как и другие) пронизывают все уровни языка. На лексическом – образуют новые значения, которые, как правило, контекстуальны, так как служат для выражения иронических смыслов, отождествления явлений и предметов по контрасту. При создании иронического слова, называемого в стилистике антифразисом, соотносятся на основе контраста две лексемы с противоположными семемами (например, белый и чёрный, добрый и злой, маленький и большой, глупец и умник, урод и красавец), говорящий меняет устоявшееся соотношение лексемы и семемы на контрастные, наполняя форму слова противоположным содержанием: *Ну и белый! (о грязном свитере) (разг.); Да, добрый мальчик! Нечего сказать! (разг.); Откуда, умная, бредёшь ты голова? (И.Крылов); Но / поэзия - / пресволочнейшая штукавина: существует - / и не в зуб ногой. (В.Маяковский).*

Антифразис представляет собой своего рода имплицитную контрастную номинацию. К эксплицитным номинациям можно отнести лексическую антонимию и такое языковое явление, как оксюморон – сочетание несочетаемого. Оксюморон – это смысловой сплав, в котором возникают новые, неожиданные образы. Чаще всего такого рода антитезы остаются неповторимыми находками художника слова и передают противоречивость самих явлений действительности. Оксюморон представляет собой, как правило, субстантивное словосочетание с атрибутивными отношениями. Парадоксальность этих сочетаний слов заключается в том, что *определяемое* слово *определяется*, казалось бы, отрицающим его *определением*.

На синтаксическом уровне ассоциации по контрасту могут быть также представлены эксплицитно и имплицитно.

К числу эксплицитных контрастных номинаций можно отнести предложения (сложносочинённые и бессоюзные) с отношениями противопоставления: *Максим Максимыч сел за воротами на скамейку, а я ушёл в свою комнату (М.Лермонтов); Лето припасает – зима поедает.*

К числу имплицитных структур, основанных на ассоциации по контрасту, могут быть отнесены тавтологии с отрицанием типа *Ребёнок – это не взрослый*. Такого рода конструкции представляют собой результат редукции предложений, содержащих отрицание тождества. Они схожи отчасти с номинациями типа *Ребёнок есть ребёнок*, которые И.Кант не случайно назвал бесполезными и неупотребительными, и о которых написал: «Если я о человеке не могу сказать больше, чем то, что он есть человек, то я ничего больше не знаю о нём». Эти две столь далеко стоящие друг от друга разновидности предложений объединяет их кажущаяся неинформативность: они воспринимаются как номинативные пустышки. Так, структуры типа *Ребёнок есть ребёнок*, как и предложения *Ребёнок – это не взрослый*, кажутся подобными по своей смысловой «пустоте»: в первом случае утверждается очевидное, а во втором – отрицается. Однако для носителя языка эти конструкции наполняются самым разнообразным содержанием и могут означать, что ребёнок требует заботы, очень любим родителями, что у него неустойчива психика и т.д.

Восстановление предложений типа *Ребёнок – это не взрослый* идёт с опорой на репрезентанты главных членов, указывающих на элиминированный смысл, который и является предметом речи: *(Психика ребёнка) Ребёнок – это не (психика взрослого) взрослый; (Поведение ребёнка) Ребёнок – это не (поведение взрослого) взрослый; (Отношение к ребёнку) Ребёнок – это не (отношение к взрослому) взрослый* и т.д.

Обычно в имплицитных тавтологиях с отрицанием восстановление осуществляется с опорой на последующий контекст, что обеспечивает их экспрессивность. Кажущаяся неинформативность останавливает внимание слушателя и заставляет его искать ответ на вопрос: каково истинное смысловое наполнение предложения. Ответ, содержащийся в последующем контексте, завершает этот поиск: *Театральные кассы – это не коммерческие ларьки, мы не можем платить больших денег («Труд»); Кубань – не Дальний Восток, у нас свободных земель почти нет («Труд»); Спецназ – не девочки в*

фартучках. Наблюдая за их тренировками, мы убедились, что это уникально подготовленные «тигры» («Труд»).

Другая разновидность имплицитных структур, построенных на основе ассоциаций по контрасту, представляет собой парадоксальные конструкции с утверждением типа *Ребёнок – это взрослый*. Такого рода предложения являются производными от структур, констатирующих подобие (или различие) подклассов одного класса предметов, выделяемых по разным основаниям. Их восстановление также идёт с опорой на контекст. При этом говорящий активизирует внимание слушающего, втягивая его в процесс выявления основания, позволяющего соотносить подклассы предметов, которые в силу нарочитой противопоставленности не должны иметь сфер пресечений. Таким основанием становится некое положение дел, на которое указывают репрезентанты главных членов: *(Флобер сказал: «Мадам Бовари – это я». А ваши взаимоотношения с вашей героиней Анастасией Каменской – того же порядка?) – Я, как и она, - сова, проклинаю всё на свете, когда надо вставать в полдень утра, а я это делаю каждый день. Не могу жить без кофе и сигарет. Из спиртных напитков действительно предпочитаю martini, остальное терпеть не могу – невкусно... Ещё я патологически ленива, как и она, - хотя Анастасия человек более сильный, логичный. И всё же я не могу сказать, что Анастасия – это я. Это придуманный персонаж («Труд»); Мне кажется, Достоевскому удалось как бы разъять человека на составляющие, показать, без чего он не может существовать и что никогда не следует изымать из него. Митя Карамзев – я, Алёша – тоже я. Человек – это бездна, и Достоевскому удалось это показать и доказать («Труд»).*

Нужно заметить, что при восстановлении имплицитных тавтологических конструкций с парадоксальным отождествлением, как правило, работают сразу несколько психических процессов: на ассоциации по контрасту накладываются ассоциации по смежности и сходству.

2.2. Анализ языкового сознания психолингвистическими методами

М. Я. Розенфельд

Абстрактная лексика и образность слова (экспериментальное исследование)

Структурно- семантический подход к проблеме образности слова исходит из того, что образ может являться компонентом лексического значения. Такой компонент значения назван эмпирическим- «это закреплённый за знаком обобщенный чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета» (Стернин 1979, с.129). Понятие образности интересует и когнитивную лингвистику.

«Психофизиологическая основа концепта - некий чувственный образ, к которому прикреплены знания о мире» (Попова, Стернин 2001, с.58).

Экспериментальные исследования показывают, что наиболее яркие образы у носителей языка связаны со словами конкретной лексики (в значении именно таких слов выделяют эмпирический компонент). В некоторых работах (Бебчук, Чернейко) указывается, что те или иные образы обнаружены и для слов абстрактной лексики. Очевидно, что эти образы нельзя отождествлять с эмпирическим компонентом значения знака: эмпирический компонент значения обнаруживается в словах, обозначающих предметы и явления, которые мы наблюдаем визуально, на которые можем указать жестом. Этого нельзя сказать о явлениях, называемых лексикой абстрактной. Однако образ может входить в структуру соответствующего концепта, называемого абстрактным словом. «К ядру концепта относятся прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы» (Попова, Стернин, с.74).

Можно предположить, что концепты, представленные в языке словами абстрактной лексики, кодируются в памяти людей с помощью чувственно-наглядных образов.

Концепция универсального предметного кода Н.И.Жинкина предполагает, что ментальная информация кодируется в сознании чувственно-наглядными образами. Нами была поставлена задача проверить данное положение экспериментальным путем на материале абстрактной лексики, в значении которой не может входить образ как структурный компонент значения. Выдвигалась гипотеза, что обнаружение чувственного образа, связанного с абстрактной лексемой, будет свидетельствовать о наличии наглядного образа как кодирующего образа соответствующего концепта в когнитивном сознании человека, то есть будет свидетельствовать о том, что концепты, представленные в языке абстрактной лексикой, кодируются в УПК с помощью чувственно-наглядных образов.

Для проверки этого положения мы провели направленный ассоциативный эксперимент. По частотному словарю русского языка под редакцией Л.Н. Засориной нами были отобраны 10 лексем, обладающих высокой частотностью: год, время, дело, жизнь, работа, страна, слово, мир, сила, борьба. Все слова относятся к абстрактной лексике. В эксперименте участвовали 60 испытуемых - ученики 11-х классов средней школы. Испытуемым предлагалось описать, что они *видят, слышат, чувствуют*, когда произносятся эти слова. Полученные в результате эксперимента сходные по смысловому содержанию признаки обобщались.

Приведем пример обработки результатов по некоторым лексемам:

Жизнь: новорожденный в кроватке (10); мои друзья за праздничным столом (5); широкая река с сильным течением (5); длинная дорога (4); густой темный лес (3); поляна, залитая солнцем (3); гроб (2); люди в движении вокруг меня (2); детская и старческая ладони рядом(1); надутые шары (1); кружащаяся карусель (1); синее небо (1); кабинет, идет урок (1); здание школы (1); люди сидят на траве (1); могила с крестом (1); младенец и старик (1); крик новорожденного (1); линейка (1); черный туннель (1); туннель,

разрисованный цветами (1); моя прабабушка(1); я старый (1); разноцветная лента (1); это слово на белой бумаге(1); нечто, удаляющееся вверх (1)...60.

Время: большие настенные часы (14); наручные часы с секундной стрелкой (7); стрелки часов (6); тиканье часов (4); я бегу с ускорением (3); мелькание времен года (3); круглый циферблат (3); звонок с урока (3); будильник на тумбочке (3); зимний пейзаж за окном (3); песочные часы (3); электронные часы на моей руке (3); песок (2); кукушка, вылетающая из часов (1); стена (1); непонятное существо, которое я догоняю (1); кораблик, бегущий по ручью (1); река с быстрым течением (1); звон будильника (1); куранты на площади Ленина (1); белый циферблат с черными цифрами (1); старинные золотые наручные часы (1); бой курантов на Новый Год (1); парк ночью (1); темнота в комнате (1); телефон, на котором высвечивается время (1); вакуум черного цвета (1)...60.

Страна: географическая карта: изображение России (20); толпа людей (17); Путин в своем кабинете (5); поля (5); реки (5); горы (5); кабинет географии в моей школе (3); леса (3); слышу слово Россия (3); слово Родина написано на бумаге (3); улицы города (2); мой дом (2); американский флаг (2); флаг России, развевающийся на ветру (1); поля с тракторами (1); дорога (1); митинг на площади Ленина (1); взлетная полоса (1); Кремль (1); переписчик в коридоре моей квартиры (1); вид города Лондона (1); заседание Госдумы в зале (1); я сижу за партой (1); мелодия гимна России (1); необъятное существо (1)...60.

Мир: земной шар - вид из космоса (17); люди разных рас (7); глобус (6); звезды (5); цветы на поле (5); планеты (4); солнце (4); река (4); много улыбающихся людей (4); зеленые деревья (2); голоса птиц (2); улицы города Воронежа (2); синее небо (1); российский флаг (1); дети в цветах (1); герб России (1); моя семья за столом (1); бабочки (1); заяц за кустом (1); магазин «Детский мир» (1); букет белых цветов (1); что-то большое (1); люди сидят и разговаривают (1); на поле боя много людей, плачут (1)...60.

Работа: мужчина идет утром по улице (10); люди в движении (5); женщины работают в поле (5); стол с бумагами (5); бумажные деньги (3); мой папа (3); мужчина у станка в черной форме (3); художник рисует картину (3); я подметаю комнату (2); стройка (1); кабинет химии (1); грузовик (1); мужчины, голые по пояс, кладут асфальт (1); мужчина пилит дерево (1); моя учительница Нина Васильевна (1); потный кузнец бьет молотом по наковальне (1); я стираю белье (1); лопата (1); мотыга (1); здание моей школы (1); мои родители (1); кирпичи (1); телевизор (1).....60.

Анализ результатов по 10 словам показал, что чувственные образы субъектны, субъективны и динамичны. О субъектности образов свидетельствуют такие ассоциаты, как *работа* - « я стираю белье», «я подметаю комнату» и под.; о субъективности – *работа* - « кабинет химии» и т.п.. Еще одна особенность образов, вызываемых абстрактной лексикой - динамичность (см. *время* - «мелькание времён года», *работа* - «люди в движении»).

Субъективность и динамичность - ключевые характеристики образа как такового. Образы слов абстрактной лексики, по данным эксперимента, отличаются именно этими особенностями. Такие понятия, как *время*, *мир*, *страна* и т. п. каждый связывает с какой-то *конкретной* жизненной

ситуацией, но лишь для него существенной. Именно поэтому среди образных ассоциатов абстрактных лексем много сугубо индивидуальных, единичных. Если за критерии образности взять субъективность и динамичность, то окажется, что образные ассоциации слов абстрактной лексики даже более «образные», чем конкретная.

Таким образом, в ходе эксперимента выявлено: слова абстрактной лексики, именующие соответствующие концепты, связаны в сознании с чувственными образами. Это подтверждает гипотезу о том, что и абстрактный концепт имеет базовый слой, в ядре которого находится чувственный образ. Такой образ представляет собой единицу универсального предметного кода, кодирующую концепт для мыслительных операций.

Абстрактные концепты рождаются позже конкретных и через конкретные. Они выражают обобщенные отношения человека к окружающей действительности: к предметам природы, быта, к другим людям. Объекты же эти – материальны, поэтому абстрактная лексика и кодируется в сознании наглядно-чувственными образами.

Бибчук Е.М. Образный компонент в лексическом значении русского существительного. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991.

Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М, 1998.

Попова З.Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // ФН – 1995 - №4.

Е.П.Черногрудова

Когнитивная модель понимания газетных заголовков с прецедентными текстами

Понимание – такое сложное действие, что в нём может найтись место и для «трафаретных» актов, которые могут оказаться существенными в каких-то ситуациях, требующих семантизирующего понимания. Однако семантизирующее понимание – лишь один тип понимания текста. В действительной практике человек несравненно чаще встречается с текстовыми ситуациями, требующими когнитивного и распределечивающего понимания, то есть тех типов, для которых семантизация – лишь момент практики, существующий в снятом виде (Г.И. Богин).

Часто для понимания текстов используется так называемая рефлексия. Последнюю мы определяем как связку между новым гносеологическим образом и тем опытом, который есть у человека. Благодаря рефлексии новый

образ окрашивается личным опытом, при этом меняется и отношение субъекта к наличному опыту.

Некоторые учёные (Гоциридзе и др.) говорят о наличии так называемых фразовых текстов, к которым можно отнести и газетные заголовки, в свою очередь являющиеся разновидностью массовых текстов.

Язык не только выражает мысль, но и определяет, как эта мысль будет понята. Большую роль в этом отношении могут сыграть отдельные слова, которые занимают в тексте особое положение и создают определённую установку на его понимание и интерпретацию. Такими словами, прежде всего, являются слова заголовка, так они стоят как бы над текстом, предвывая последний и определяя настрой, с которым будет прочитан текст.

Адекватное восприятие современных текстов, и в частности газетных заголовков (как фразовых текстов), требует фоновых знаний и настроения на их восстановление, настроения на принятие установки автора, часто приписывающего привычному непривычное, как-то деформирующего привычное, намекающего на него. Фоновые знания служат основой осознания того, что данный текст является прецедентным.

Фоновость опирается на познавательную ценность выражаемой информации. Высказывания начинают обладать фоновой информацией в том случае, когда в этом высказывании опыт и остроумие одного становится «мудростью» многих. Фоновость восприятия соотношения текста-источника и прецедентного текста создаёт возможность автономизации последнего и превращения его в знак.

Роль использования прецедентных текстов в настоящее время резко повышается. Исследования современного дискурса показали, что текст вообще становится многомерным, многопространственным, характеризуясь наслоением смыслов (то есть появлением неоднозначности) и предполагает активное соучастие читателя в их расшифровке. Это в полной мере относится и к газетным заголовкам.

Для создания семантической неоднозначности, многоплановости, в частности газетных заголовков, нередко используется цитирование других источников, то есть прецедентные тексты. При этом следует подчеркнуть обязательность эксплицитности второго плана газетных заголовков, его доступности, очевидности. Если второй план не будет сразу же осознаваться читателями, заголовок не выполнит свою основную функцию – функцию привлечения внимания, то есть он не достигнет своей цели, не будет эффективен.

Мыслительная операция по усмотрению основного и фонового смыслов и их наложения остаётся предварительным механизмом понимания заголовка читателем, этапом понимания заголовка в целом. Вследствие одновременной актуализации обоих уровней формируется результирующий смысл, который существует только в момент восприятия заголовка (то есть является ситуативным), но именно ради результирующего смысла и создаются заголовки исследуемого типа.

Исследование показывает, что чаще всего фразы текстов-источников в газетных заголовках выступают в изменённом виде. В результате этих

изменений, а также в результате включения прецедентного текста в общий контекст статьи смысл заголовка как бы расслаивается, обретая многоуровневость и семантическую неоднозначность. При этом можно выделить следующие смысловые уровни:

- *Информационный уровень* – непосредственный смысл заголовка, который складывается чаще всего из прямых значений слов, составляющих заголовок.
- *Фоновый уровень* – это смысл прецедентного текста заголовка статьи.
- *Результирующий смысл* – это общий смысл заголовка, который представляет собой суммирование, наложение друг на друга информационного и фонового уровней.

Таким образом, прецедентный текст является своего рода носителем фоновых знаний, на которые проецируется основное актуальное сообщение, и создаёт второй, дополнительный смысл. В результате актуализации результирующего смысла, который основывается на наложении двух первых, расширяется содержание всех смысловых уровней заголовка. Описанные смысловые уровни представляют собой когнитивную модель восприятия и понимания газетных заголовков с прецедентными текстами. Эта модель реализуется посредством нескольких механизмов (а значит – нескольких групп газетных заголовков), которые можно представить с помощью соответствующих схем.

1. Все три смысловых уровня приведённой модели осознаются читателями непосредственно при чтении заголовка, без обращения к тексту статьи.

1. ЗАГОЛОВОК —————→ 2. РЕЗУЛЬТИРУЮЩИЙ СМЫСЛ

Кто в России не ворует, тот шампанского не пьёт. . . (КП-2001-№26)

Ср.: Кто не рискует, тот не пьёт шампанское (устойчивое разговорное выражение)

Информационный уровень: В России пьёт шампанское только тот, кто ворует.

Фоновый уровень: Пьёт шампанское только тот, кто рискует.

Результирующий смысл: В России шампанское пьют только тот, кто рискует.

За одного Ельцина двух с половиной Бушей дают (Ком – 2000-№72)

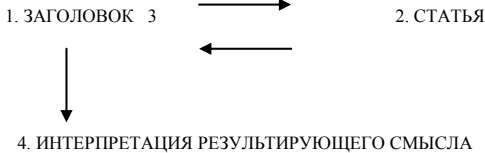
Ср.: За одного битого двух небитых дают (поговорка)

Информационный уровень: Ельцин значительно ценнее Буша.

Фоновый уровень: Испытанный, проверенный человек ценится в два раза выше, чем неиспытанный.

Результирующий смысл: Ельцин более опытен, надёжен и потому более ценен, чем Буш.

2. Восприятие и понимание результирующего смысла (а иногда информационного и фонового уровней) возможно только после ознакомления читателя с текстом статьи. В этом случае происходит как бы возвращение, которое можно проиллюстрировать следующей схемой:

Нечего на монитор пенять. ... (КП-2001-№56)

Ср.: Нечего на зеркало пенять, коль рожа крива (пословица)

Информационный уровень: *Не надо винить монитор.*

Соотнесение с текстом статьи: *О влиянии компьютера на зрение.*

Фоновый уровень: *Монитор напрасно обвиняют в негативном влиянии на зрение.*

Результирующий смысл: *Компьютер и, в частности, монитор не оказывает негативного воздействия на зрение человека.*

Их ярость шоколадная вскипает, как волна! (КП-2001-№8)

Ср.: Пусть ярость благородная

Вскипает, как волна! («Священная волна» сл. В. Лебедева-Кумача)

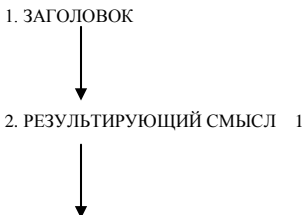
Информационный уровень: *Поднимается ярость, связанная с шоколадом.*

Соотнесение с текстом статьи: *«Сладкой каторгой» называют жители Покрова немецкую шоколадную фабрику, где зарплата высокая, но условия работы напряжённые.*

Фоновый уровень: *Складывается напряжённая ситуация.*

Результирующий смысл: *На немецкой шоколадной фабрике складывается напряжённая ситуация из-за условий труда и проблем с рабочими местами на ней.*

3. Восприятие и понимание заголовков данного типа осуществляется посредством повторной интерпретации результирующего смысла. Прочтение статьи и соотнесение её смысла с заголовком меняет определённым образом фоновый уровень, который при вторичном наложении на него информационного уровня, преобразует результирующий смысл. Происходит повторная интерпретация, в результате которой формируется новый результирующий смысл – результирующий смысл 2. Представить этот процесс можно в виде следующей схемы:

3. СТАТЬЯ

4. РЕЗУЛЬТИРУЮЩИЙ СМЫСЛ 2

Любимой куклы должно быть много (КП-2001-№26)

Ср.: Хорошего человека должно быть много (устойчивое выражение)

Информационный уровень: Любимая кукла должна быть большая

Фоновый уровень: Если что-то считается хорошим, то этого должно быть много.

Результирующий смысл 1: Любимая кукла должна быть большой.

Соотнесение с текстом статьи: О театре кукол-великанов в Лисках.

Результирующий смысл 2: Театр кукол-великанов в Лисках любим многими.

Золотую рыбку в мутных водах ловят у Курильских островов (КП-2001-№181)

Ср.: Ловить рыбку в мутной воде (поговорка) – наживаться сомнительным способом, не совсем честным путём.

Ср.: Золотая рыбка – сказочный образ, олицетворяющий исполнение желаний; эпитет «золотая» связывается в сознании с золотом, деньгами.

Информационный уровень: Рыбу с большой прибылью ловят в мутных водах у Курильских островов.

Фоновый уровень: Этот промысел не законен.

Результирующий смысл 1: Ловля рыбы у Курильских островов – незаконное занятие.

Соотнесение с текстом статьи: Ловля рыбы у Курильских островов – очень выгодный бизнес, приносящий огромный доход.

Результирующий смысл 2: Ловля рыбы у Курильских островов – бизнес незаконный, но приносящий очень большой доход.

4. К заголовкам этого типа относятся заголовки с так называемым мнимо прецедентным текстом. При построении таких заголовков часто используется приём нейтрализации фразеологизированных значений устойчивых сочетаний за счёт использования во фразе заголовка прямых значений слов. Механизм понимания таких заголовков можно представить в виде следующей схемы:

1. ЗАГОЛОВОК

2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛА

3. СТАТЬЯ

4. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФОНОВОГО УРОВНЯ

5. ПОВТОРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТИРУЮЩЕГО СМЫСЛА

Анна на шее, а на пальце – кольцо. (КП-2001-№138)

Ср.: «Анна на шее» - название рассказа А.П. Чехова.

Информационный уровень: *На шее Анна, а на пальце – кольцо.*

Фоновый уровень: *Анна – сокращённое название ордена Святой Анны.*

Результирующий смысл 1: *У Павла Буре есть орден Святой Анны и кольцо.*

Соотнесение с текстом статьи: *О том, чем закончился роман Павла Буре и Анны Курниковой.*

Нейтрализация фонового смысла: *Анна – не название ордена, а женское имя, имя популярной теннисистки.*

Результирующий смысл 2: *Павел Буре остался с Анной Курниковой, женившись на ней.*

Под итальянским каблуком (Ком-2000-№170)

Ср.: Находиться под каблуком (поговорка)

Информационный уровень: *О том, что (кто) находится под итальянским каблуком*

Фоновый уровень: *Быть под большим влиянием женщины.*

Результирующий смысл 1: *О тех, кто находится под большим влиянием итальянских женщин.*

Соотнесение с текстом статьи: *О модной итальянской женской обуви.*

Нейтрализация фонового уровня: *Слово «каблук» употреблено здесь в значении «обувь».*

Результирующий смысл 2: *О том, какую обувь предлагают итальянские модельеры в этом сезоне.*

Таким образом, обобщая наши представления об использовании прецедентных текстов в качестве строительного материала заголовков современных газет, следует сделать вывод о том, что существует когнитивная

модель понимания таких заголовков, представленная тремя основными уровнями. Данная модель реализуется при восприятии заголовков посредством нескольких механизмов, которые могут быть проиллюстрированы соответствующими схемами.

Использование прецедентных текстов является эффективным приёмом для создания экспрессивных газетных заголовков и требует как от читателя, так и от создателя текстов владения фоновыми знаниями. Информация, содержащаяся в современном русском тексте, доходит до адресата только в том случае, если он владеет культурным фоном, в частности – определённым количеством прецедентных текстов, то есть текстов, к которым она отсылает. Но не менее важно знать и изучать те модели и механизмы, посредством которых осуществляется восприятие и понимание текстов, построенных на использовании прецедентных текстов.

2.3. Новые явления в русском языке и русское языковое сознание

Г.Ю Юмашева

Лексика с пометой «новое» в словарях синонимов русского языка

Понятие «новое слово» указывает на время появления слова в языке. Термин «неологизм», которым принято обозначать возникающие в языке новации, сужает и конкретизирует понятие «новое слово»: при выделении новых слов принимают во внимание только время их появления в языке. Отнесение же нового слова к неологизмам подчеркивает его особые стилистические свойства, связанные с восприятием новых слов как необычных, «свежих» наименований. Интересно, что составители толковых словарей обычно отказываются от стилистических помет, указывающих на новые слова. Проведенный нами анализ наиболее авторитетных толковых и синонимических словарей подтверждает данный факт, помета «новое» встречается только в двух лексикографических источниках: в ССРЛЯ (БАС) 1950 г. и в Словаре синонимов русского языка под редакцией З.Е.Александровой 1989 г.

БАС дает следующую характеристику: «...помета дается при словах, происхождение и значение которых непосредственно связано с советской современностью (колхоз, стахановец, комсомол) (ССРЛЯ, т.1.с.13), акцентируя внимание на временном аспекте происхождения слова.

Словарь синонимов русского языка под редакцией З. Е. Александровой 1989 г – первый словарь синонимов, включивший эту помету в систему стилистических помет. Авторы также широко трактуют понятие «новое», отмечая «не только неологизмы последних лет, но и слова и словосочетания,

возникшие *вообще*¹ в советский период развития языка»². Такая свободная трактовка создает некоторые сложности, поскольку маркирует «новизной» слова, уже фигурирующие в предыдущих изданиях синонимических словарей (Е-75, А-75) без данной пометы, что говорит об освоении данных слов языком и утратой ими стилистического оттенка новизны.

Например:

	Е - 75	А - 75	А - 89
конъюктурщик (приспособленец)	<i>разговорное</i>	<i>разговорное</i>	<i>нов. разговорное</i>
ловчила (ловчак)	<i>просторечное</i>		<i>Нов. просторечное</i>
шеф (начальник)	<i>обих-разг.</i>	<i>разговорное</i>	<i>нов разговорное</i>
сорокаградусная (водка)		<i>разговорное</i>	<i>нов. просторечное</i>
стукач (доносчик)		<i>просторечное</i>	<i>нов. просторечное</i>
спец (мастер)	<i>просторечное</i>	<i>разговорное</i>	<i>нов разговорное</i>
столовка (столовая)		<i>просторечное</i>	<i>нов. просторечное</i>
фифа (ветреница)		<i>просторечное</i>	<i>нов. просторечное</i>
трепач (пустослов)	<i>груб-прост.</i>		<i>нов. груб-прост.</i>
трепло (пустослов)	<i>груб-прост.</i>		<i>нов груб-прост.</i>
пижон (щеголь)	<i>разговорное</i>	<i>разговорное</i>	<i>нов. разговорное</i>
стиляга (щеголь)	<i>разговорное</i>	<i>разговорное</i>	<i>нов. разговорное</i>

Как нам кажется, трудно признать актуальной помету «новое» даже на момент выхода словаря А-89 в словах *первопроходец*, *первопроходчик* (доминанта **новатор**), *медсестра* (доминанта **медицинская сестра**), *руководитель* (доминанта **вождь**), *лихач* (доминанта **удалец**), *тапки*, *тапочки* (доминанта **шлепанцы**), *туалет* (доминанта **уборная**), *водитель* (доминанта **шофер**).

Словарь синонимов под редакцией З.А.Александровой в интересующих нас синонимических рядах имен существительных выделяет слова (92) с пометой «новое». Лексические единицы данной группы, как правило,

1 Курсив наш – Г.Ю.

2 Словарь синонимов русского языка под ред. З.Е.Александровой, 1989, с.7.

обозначают слова, возникшие в разговорной и просторечной лексике: *велик, закусь, киношник, калымыш, общага, показушник, шабашник, фарцовщик* и т.д.).

Дальнейшая «стилистическая» судьба данных слов неодинакова.

1. Слова, утратившие оттенок новизны и прочно закрепившиеся в разговорном и просторечном и иных пластах лексики

Горючее (доминанта алкоголь) *разговорное*, **дебил** (доминанта дурак) *грубо-просторечное*, **дохляк** (доминанта заморыш) *просторечное*, **доставала** (доминанта ловкач) *просторечное*, **жук, жучок** (доминанта ловкач) *просторечное*, **кафеюшка, кафушка** (доминанта кафе) *просторечное*, **закусь** (доминанта закуска) *просторечное*, **задохлик** (доминанта заморыш) *просторечное*, **общага** (доминанта общежитие) *просторечное*, **предки** (доминанта родители) *разговорное*, **шабашник** (доминанта левак) *просторечное*, **навинок** (доминанта простак) *разговорное*, **рз** (доминанта рубль) *разговорное*, **стукач** (доминанта донощик) *просторечное*, **шеф** (доминанта начальник) *разговорное*, **старик** (доминанта друг) *разговорное*, **слабак** (доминанта заморыш) *просторечное*, **спец** (доминанта мастер) *разговорное*, **старик** (доминанта родители) *разговорное*, **стопарь** (доминанта стопка) *просторечное*, **фифа, фифка** (доминанта ветреница) *просторечное*, **трепач, трепло** (доминанта пустослов) *грубо-просторечное*, **чудик** (доминанта чужак) *просторечное*, **жиртрест** (доминанта толстяк) *просторечное*, **фотка** (доминанта фотография) *просторечное*, **хмырь** (доминанта тип) *просторечное*, **блатняга** (доминанта уголовник) *просторечное*, **рулило** (доминанта шофер) *просторечное*, **шоферня** (доминанта шофер) *просторечное*, **пижон** (доминанта щеголь) *разговорное*, **стиляга** (доминанта щеголь) *разговорное*, **блатняга** (доминанта мошенник), *просторечное*, **нервяк** (доминанта неврастеник) *просторечное*, **грудничок** (доминанта ребенок) *разговорное*, **балерун** (доминанта танцовщик) *разговорное*, **хляк** (доминанта заморыш) *просторечное*.

Единичны примеры слов, относящиеся к официально – деловой сфере: **жилощадь**(жилище) и книжной лексике **пятая колонна** (диверсант, предатель).

2. Слова, возникшие в разговорных и просторечных пластах, а затем изменившие свою стилистическую окраску.

Босс (начальник) *новое разговорное – межстилевое*, **велик** (велосипед) *новое просторечное – разговорное*, **киношник** (кинематографист) *новое просторечное – разговорное*, **конъюктурщик** (приспособленец) *новое разговорное – межстилевое*, **сачок** (лентяй) *новое просторечное – разговорное*, **хохмач** (остряк) *новое просторечное – разговорное*, **столовка** (столовая) *новое просторечное – разговорное*, **читалка** (читальный зал) *новое просторечное – разговорное*, **телек** (телевизор) *новое просторечное – разговорное*.

3. Слова, по различным причинам перешедшие в пассивную лексику.

Авоська (сумка) *новое разговорное* /заменена лексемой «пакет», но не в значении «кулек, сверток», а с актуализацией нового значения «сумка из полимерных материалов»;

Диск (грампластинка) *новое* /употребляется как синоним новой лексемы «компакт-диск», обозначающий переносной носитель информации, на котором записана музыкальная информация в цифровом виде, считываемая лазерным лучом;

Фарцовщик, фарца (спекулянт) *новое просторечное* – слово, перешедшее в пассивный лексический запас в связи с исчезновением социальной базы данного явления. Об этом свидетельствует включение данного слова в Словарь архаизмов в значении «тот, кто выпрашивает, выменивает или скупает у иностранцев сувениры либо дефицитный ширпотреб» (Смирнов, Глобачев, с. 384).

Можно считать ушедшими в пассивный запас слова **железка, жестянка** (автомобиль) нов. просторечное, **кар, конь** (автомобиль), **шарик** (шариковая ручка) нов. просторечное, **стопак** (стопка) нов. просторечное, **углеруб** (шахтер).

Показателен тот факт, что отдельные лексические единицы, зафиксированные в «Словаре синонимов русского языка под редакцией З.Е.Александровой 1989 г. как просторечные: **багажник** (зад) *новое просторечное*, **лабух** (музыкант) *новое просторечное*, **путана** (проститутка) *новое*, **темнила** (обманщик) *новое просторечное*, в «Большом словаре русского жаргона» под редакцией Мокиенко В.М., Никитиной Т.Г. даются с пометой «жаргонизированная разговорная речь», что подчеркивает подвижную границу между жаргонной и просторечной лексикой.

Отмеченные словарем пометой «новое просторечное» слова **тачка** (доминанта автомобиль), **алкаш** (доминанта пьяница) можно отнести к общенациональному русскому сленгу, процесс формирования которого отмечается многими исследователями (Стернин 2000, с.47-57; Загоровская 1997).

Таким образом, помета «новое» в словаре синонимов под редакцией З.Е. Александровой 1989 г. используется нечетко, противоречиво и нуждается в уточнении.

Загоровская О.В. Состояние русского языка на исходе XX века (лингвистический и культурологический аспекты) // Известия Воронежского пед.университета. Сб. научных трудов. Т.246. Русский язык. Воронеж, 1997.

Смирнов М., Глобачев М. Словарь архаизмов. Т.4. М., 2001.

Стернин И.А. Что происходит с русским языком? Очерк изменений в русском языке конца XX века. Туапсе, 2000.

Современные словообразовательные процессы на базе иноязычных слов

Изучая развитие русского языка на современном этапе, необходимо уделить внимание процессам заимствования иноязычных слов русским языком. Процесс заимствования – сложное явление: иноязычное слово, попав в язык-реципиент, должно быть многократно употреблено в речи, прежде чем произойдет полное его усвоение. Ассимилированным считается слово, которое уподобилось словам языка-преемника на всех уровнях системы языка (графически, фонетически, словообразовательно, морфологически и синтаксически). Некоторые ученые считают, что фонетическая, грамматическая ассимиляция и словообразовательная активность могут быть отнесены к факультативным признакам, свидетельствующим о том, что слово укрепляется в заимствующем языке. Однако нельзя не согласиться с тем, что словообразовательная активность иноязычного слова является одним из условий вхождения его в систему языка-реципиента и свидетельствует о том, что слово успешно ассимилируется в принимающем языке.

Материалом для наших наблюдений за словообразовательными процессами, в которых в качестве базовых основ используются иноязычные лексические единицы, послужил язык современной периодической печати, радио и телевидения. Особенности современного русского языка нельзя отождествлять с особенностями языка средств массовой информации, но именно в текстах СМИ наиболее отчетливо и быстро отражаются изменения, происходящие в наше время во всех сферах языка. СМИ влияют на повседневную речь и отражают ее своеобразие. Нами исследовалась активность иноязычных производящих основ, словообразовательных значений, типов, способов и средств словообразования.

Исследования дают возможность говорить об активной префиксации иноязычных глаголов, что способствует их включению в систему русского языка. Префикс служит грамматическим средством выражения значения совершенного вида, чаще с этой целью используется префикс *с-*, реже *за-*, *от-*, *про-*, *раз-* и др.: *самортизировать, сконцентрировать, спрогнозировать, задекларировать, прокомментировать, протестировать, разблокировать, отклонировать* и др..

Необходимо отметить рост именной префиксации, часто используются приставки, выражающие значение отрицания, противодействия, *анти-, де-, контр-* и др.: *антиглобалист, антидепрессант, антиоксидант, антидемпинговый, антистрессовый; демарш, демонтаж, демилитаризация; контртенор* и др..

Происходит увеличение суффиксального словообразования от иноязычных слов. Имена существительные на *-изация* называют социально значимые процессы современной действительности, выражают значение динамики процесса через его отношение к признаку или предмету: *американизация,*

глобализация, компьютеризация, криминализация, утилизация и др. В качестве базовых выступают имена существительные и прилагательные.

Глаголы на *-ировать, -изировать* обозначают действия, наделяющие кого-либо (что-либо) тем, что названо мотивирующим существительным: *генерировать, зомбировать, клонировать, консолидировать, лоббировать, сертифицировать, унифицировать* и др.

Имена прилагательные образуются от иноязычных слов по продуктивной словообразовательной модели "основа сущ. +суф.-ов", "основа сущ. +суф.-ск": *интернетовский, лоббистский, маркетинговый, овертаймовый, пиаровский* (в данном случае производящей основой служит иноязычная аббревиатура), *толлинговый, холдинговый* и др.

Следует отметить активное употребление составных наименований (сложных слов и сочетаний слов), образованных в основном от английских образцов путем калькирования: *брит-поп, веб-сайт, мини-саммит, пиар-кампания, плеймейкер, плей-офф, саундтрек, скинхэд, сноубордист* (здесь сложение взаимодействует с суффиксацией), *спичрайтер, сэкондхэнд, уик-энд, хит-парад, хэппи-энд* и др.. Наиболее частотными элементами в данных словах выступают компоненты *бизнес- (-бизнес), нарко-, супер-, вице-, топ-, блиц-, блок-, интернет-, медиа- (-медиа), пресс-, шоу- (-шоу)*. С помощью этих компонентов образуются открытые ряды однотипных по структуре образований, которые объединяются общим значением и повторяемостью какого-либо элемента. Это способствует лучшей адаптации данных слов в русском языке. Например:

бизнес: бизнес-газета, бизнес-инкубатор, бизнес-класс, бизнес-команда, бизнесмен, бизнес-общественность, бизнес-план (бизнесплан), бизнес-политика, бизнес-сообщество и др.;

нарко-бизнес, шоу-бизнес и др.;

нарко: нарко-барон, нарко-бизнес, нарко-делец, нарко-курьер, наркоман, наркомафия и др.;

супер: супервидео, супер-"гастролер", супердержавы, супер-лига (суперлига), суперльготный, супермаркет, супермен и др.;

вице: вице-губернатор, вице-мэр, вице-план, вице-президент, вице-премьер, вице-спикер, вице-спикерство и др.;

топ: топ-десять, топ-менеджер, топ-менеджмент, топ-модель, топ-шоу и др.;

блиц: блицвизит, блицпрос, блицпарад, блицтурнир и др.,

блок: блокбастер, блокпост, блокшот и др.;

энергоблок и др.;

интернет: интернет-кампания, интернет-менеджер, интернет-образование, интернет-сайт и др.;

медиа: медиа магнат, медиа-цирк и др.;

проф-медиа, масс медиа и др.;

пресс: пресс-атташе, пресс-конференция, пресс-секретарь, пресс-служба и др.;

шоу: шоубизнес, шоу-герой, шоумен и др.;

реалти-шоу, ток-шоу и др.

Повторяющиеся части иноязычных слов могут подвергаться процессу отвлечения и превращаться не только в продуктивные словообразовательные морфемы, но и в самостоятельные слова: *блиц, супер, шоу* и др. (Крысин, 1993, с.137).

Характеризуя активное словообразование наших дней, необходимо обратить внимание на образование окказионализмов. Они встречаются во всех сферах современного языка, кроме деловой речи (Земская 2000, с.128). Неузвальное словообразование используется для изображения явлений, значимых для жизни общества в настоящее время. Необычность формы привлекает внимание, необычность содержания усиливает выразительность речи. Окказионализмы нередко образуются для раскрытия подлинной сущности того или иного явления, часто служат целям создания комического эффекта. Они могут иметь опору в контексте или в словарном составе данного языка.

Основную часть неузвальной лексики составляют имена существительные, глаголов значительно меньше (среди глагольных форм преобладают страдательные причастия: *зомбированы, клонируемый* и др.). Окказиональные прилагательные встречаются крайне редко.

Примеры окказионализмов, имеющих разговорную окраску:

альтернативчик (Времена, 10.02.02), *геномщик* (Настоящее время, 20.02.01), *интернетчик* (Настоящее время, 12.04.01), компьютерщик (Времена, 31.03.02) и др. – действует словообразовательная модель "основа сущ.+суф.-щик (-чик)" со значением лица, производящего те или иные действия;

глобалист (Времена, 3.02.02) - "основа прил.+суф.-ист" со значением лица;

клоненок (Процесс, 15.02.01: "За каждым клоненком признать, что он личность.") - "основа сущ.+суф.-онок (-енок)" со значением детскости;

фундаментик (Времена, 18.02.01: "То мне кажется, что я обрела какой-то фундаментик, то...") - "основа сущ.+суф.-ик" со значением подобия;

мобильник (Российская газета, 6.02.02) - "основа прил.+суф.-ик" со значением предмета.

Окказиональные сложные слова разнообразны. Неузвальность заключена в соединении обычного с необычным:

вест-сайтский – от слова "сайт" (Российская газета, 21.03.02: "Вест-сайтская история Дмитрия Складорова" [русского программиста]);

музеефикация – по аналогии со словами "кодификация", "модификация", "газификация" и др. (Известия, 27.12.01: "Благодаря этим подаркам процесс музеефикации современного искусства стал как-то налаживаться.")

В данной работе приведен далеко не полный перечень словообразовательных способов, которые применяются при создании новых слов на базе иноязычных лексических единиц и которые используются в языке газеты, радио и телевидения. Сам факт активного употребления иноязычной (в широком смысле книжной) лексики в языке СМИ на нейтральном и сниженном стилистическом фоне свидетельствует о том, что в сознании носителей языка происходит переоценка ценностей. Только коммуникативно значимые лексические единицы иноязычного происхождения останутся в

системе языка, остальные уйдут на периферию языкового употребления (Стернин 2000, с.34), однако широкое использование иноязычных слов в качестве производящих в словообразовательных процессах современного русского языка является одним из признаков того, что заимствованные слова успешно ассимилируются в русском языке.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Русский язык конца XX столетия (1985-1995). 2-е изд. М., 2000.

Крысин Л.П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики / Диахроническая социолингвистика. М., 1993.

Стернин И.А. Что происходит с русским языком? Туапсе, 2000.

Н.И. Кузнецова

Семантические изменения общеупотребительных глаголов в современной технической литературе

Одной из особенностей современного русского языка, языка второй половины XX века, является то, что он развивается в эпоху научно-технической революции и испытывает на себе мощнейшее ее влияние. Небывалый размах научно-технического прогресса, появление новых механизмов и систем влечет за собой и формирование новых обозначений технических действий. Характерно, что так называемые новые обозначения, как правило, являются обыкновенными словами, заимствованными из общелитературного языка, но употребляющимися в новых значениях и/или новых сочетаниях.

Предметом нашего наблюдения стало именно такое специфическое (терминологическое) употребление общеупотребительных глаголов. Материалом исследования послужила несекретная военная литература по радиоэлектронике и связи на русском языке общим объемом свыше 2000 страниц.

Данная статья посвящена анализу глаголов лексико-семантической группы (ЛСТ) "Интеллектуальная и речемыслительная деятельность". Из всех встреченных нами глаголов, описывающих как работу самих радиоэлектронных средств, так и деятельность человека, управляющего ими, к вышеуказанной группе мы отнесли 70 лексем.

В рассмотренных примерах ряд лексем обозначают только деятельность человека и употреблены в общенародном значении, поэтому на анализе таких лексем мы останавливаться не будем. Наше внимание привлекли лексемы, обозначающие функции или действия, субъектами которых являются не только человек, но и различные механизмы, программы ЭВМ, сигналы, импульсы, лучи и др. Не рассматривая общеупотребительные семемы этих

лексем, означающие интеллектуальную и речемыслительную деятельность человека, мы проанализировали остальные семемы глаголов данной ЛСГ. Ни одна из них не является прямым номинативным значением (семемой Д1), так как соответствующие субъекты действий не обладают интеллектом. В употреблении данных лексем прослеживается семантический процесс, называемый метонимизацией, когда интеллектуальная способность человека как бы переносится на аппаратуру, ее элементы, программы, мощности и так далее. Поэтому в наших контекстах рассматриваемые лексемы употреблены в производно-номинативных значениях как семемы Д2.

Например, семема Д1 лексемы *анализировать* – "произвести анализ (*анализ* – 1. Метод исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь. 2. Всесторонний разбор, рассмотрение.)" (Ожегов). Приведем наши примеры:

"Дешифратор анализирует состояние счетчика" [1, с. 96];

"... подпрограмма IY-2-2 анализирует, в какой разряд поступила "1" в P₁П..." [2, с. 32].

Очевидно, что данная лексема здесь несет семему Д2, так как обозначает технические операции, а не мыслительную деятельность человека.

Лексема *запомнить* в наших примерах тоже обозначает техническую операцию по осуществлению записи информации на какой-то ее носитель и хранению записанного до определенного момента. Ее прямое номинативное значение (семема Д1) – "сохранить в памяти". А память ЭВМ – это "совокупность устройств и процессов, обеспечивающих запись, хранение и воспроизведение информации в ЭВМ" (Ожегов).

"При окончании интервала доразведки значение частоты настройки приемника УПП запоминается до момента начала следующего интервала доразведки" [1, с. 35];

"Импульс готовности запоминается в триггере..." [2, с. 29];

"... схемно запоминается слово состояния программы в фиксированной ячейке..." [2, с. 32].

К лексеме *запомнить* примыкают такие лексемы, как *записать*, *переписать*, *списать* и *регистрировать*, которые обозначают одну и ту же или подобные операции.

Семема Д1 лексемы *записать* – "отметить, зафиксировать письменно для памяти" [Ожегов, с. 215]. В рассмотренных нами примерах у данной лексемы в одних контекстах наблюдается полное совпадение по словарной семеме Д2 – "нанести (голос, музыку, а также изображение) на пленку при помощи специального аппарата" (Ожегов):

"Команды оператора, работающего через блок 10-1АП, записываются на магнитофон 1-МС-61..." [2, с. 63].

Однако в других ситуациях, например:

"... частоты, обнаруженные в заданном секторе ИРИ, ... автоматически записываются на свободные строки ЗУПЧ" [3, с. 43] –

у лексемы *записать* имеется совпадение по указанной словарной семеме Д2, но отмечается расширение значения, зафиксированного в словаре. Здесь

речь идет об операциях, выполняемых электронно-вычислительной машиной, в которой запись производится не на пленку, а на диск.

Семема Д1 лексемы *читать* – "воспринимать написанное, произносимое или воспроизводить про себя" (Ожегов), а лексемы *считать* – "читать, сличить и проверить какой-нибудь текст, сверить" (Ожегов).

Во всех наших примерах обе лексемы, обозначая технические операции, употреблены в производно-номинативном значении (семема Д2):

"По этой же команде читается константа из ячейки ДЗУ – 19 44302..." [2, с. 33];

"Сформированный ИС 3 поступает на аппаратуру передачи данных (АПД) и считывает первое слово сообщения из статического накопителя приема АПД..." [2, с. 33].

Здесь речь идет об извлечении хранящейся в ЭВМ информации, то есть лексемы *читать/ся* и *считать/ся* выступают в качестве конверсивов лексемы *запомнить*. Таким образом, в данном случае можно говорить о сформированности нового, терминологического, значения рассматриваемых лексем.

В других ситуациях у лексемы *считать* наблюдается расширение отмеченного выше значения, где оно обозначает передачу или перемещение информации из одного места в другое:

"Распределитель устройства из сигнала частоты 20 кГц формирует тактовые импульсы РЗ-1 – РЗ-5, которыми информация с выходного регистра постоянно считывается через схему И в запоминающее устройство..." [1, с. 40];

"С запоминающего устройства информация непрерывно считывается в распределитель индикации" [1, с. 41].

В литературе по радиоэлектронике мы не встретили ни одного случая употребления лексемы *считать* в таком производно-номинативном значении в ситуациях, описывающих деятельность человека, что подтверждает наблюдение относительно ограничения сочетаемости обыденной лексики в научном контексте.

Интересным представляется и употребление лексемы *отобразить*. Ее прямое номинативное значение – "то же, что отразить (воспроизвести, представить в образах, выразить)" (Ожегов, с. 476), а лексемы *отразиться* – "получить, дать изображение на гладкой поверхности" (Ожегов). Рассмотрим наши примеры:

"... информация в виде отклоняющих напряжений... поступает на индикатор, где отображается" [4, с. 30];

"Каждая команда содержит 12 слов, отображается на табло ЦУ станциями СПБ-7..." [4, с. 19].

В данном случае на экране представлено изображение символов (цифр или слов), которые передают или воспроизводят информацию в закодированном (то есть преобразованном) виде.

В нижеследующем контексте:

"Вслед за третьим контрольным сектором на экране должны отобразиться с такими же интервалами времени 4-й и 5-й контрольные секторы..." [5, с. 88]

– на экране воспроизводится воздушная обстановка в виде секторов, а цель, за которой следят, в виде какого-то символа. Иными словами, реальная картина здесь представлена в преобразованном виде, а не так, как это делается. например, на экране телевизора или на киноэкране.

В следующей же ситуации речь вовсе не идет об отображении информации как таковой:

"Информация об излучающих целях, взятых на автосопровождение, отображается мигающей кнопкой-табло в ячейке индикации на табло 1 и цифровом индикаторе НОМЕР ЛУЧА на табло 2..." [6, с. 10] .

Здесь говорится об оповещении о том, что имеется информация. Лексема *отображается* в рассматриваемой ситуации сходна по своему значению с лексемой *сигнализируется*, так как кнопка-табло лишь подает сигнал о наличии информации, не раскрывая и не конкретизируя ее саму.

Мы полагаем, что изучение подобных терминологических употреблений общеизвестных слов позволит глубже понять новые процессы в лексико-семантической системе русского языка.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е издание, доп. М., 1999.

Источники примеров:

Автоматизированная станция радиопомех УКВ радиосвязи Р-330У. Воронеж, 1987.

Автоматизированный комплекс управления АКУП-22. Воронеж, 1990.

Боевое применение станции помех Р-330Б: Инструкция. Воронеж, 1991.

Автоматизированный комплекс управления станциями помех АКУП. М., 1985.

Инструкция по боевому применению автоматизированного комплекса управления АКУП-22. М., 1983.

Лазарев И.В. Боевая работа расчета станции помех СПН-2 (-3, -4). Воронеж, 1992.

Н.И.Белоусов

Особенности терминологических заимствований в современном русском языке

В настоящее время вопрос о заимствованиях терминов приобрел особое значение в связи с усилением межнационального и международного характера научно-исследовательской работы. Ощущается настоятельная потребность в

подробном, глубоком анализе этого явления на основе достаточно обширного терминологического материала разных языков, в данном случае русского.

Развитие самой терминологии осуществляется обычно двумя путями-средствами родного языка и заимствованием.

Пополнение терминологии средствами родного языка обычно сводятся к трем способам: формированию новых значений у уже существующих терминов или слов общенародного языка (так называемое семантическое образование), деривации и образованию терминологических словосочетаний. Недостатком первого способа является увеличение числа многозначных терминов (что оценивается в терминоведении отрицательно), последнего способа - образование терминологических словосочетаний - увеличение протяженности термина и превращение его в описательный оборот. Возможности деривации (второй способ) - ограничиваются нередко трудностью образования производных терминов от исконных.

В целом заимствование в терминологии сходно с заимствованием слов в общелитературном языке, но есть и свои особенности:

- 1) заимствование в терминологии осуществляется преимущественно письменным путем, через публикации;
- 2) терминологические системы формируются планомерно, при этом возникает возможность активного воздействия на процесс заимствования.

Отсюда возможность и необходимость изучения техники заимствования и выработки рекомендаций для построения новых терминов. Первые разработки в этом плане были намечены Д.С. Лотте (Лотте 1961). Вот суть некоторых его рекомендаций.

Когда рассматривается возможность заимствования иноязычного термина, предварительно следует изучить все возможные варианты представления данного термина для нового понятия, то есть не только заимствования, но и средства родного языка. Выявляется возможность вариантов нового термина. Ряд таких вариантов может быть получен разными видами иноязычных заимствований - лексическим, калькированием, использованием греко-латинских элементов. Другие варианты могут быть почерпнуты из смежных терминологий родного языка при наличии в них сходных понятий, например: ассимиляция /химия, геология, лингвистика/, синонимы /геология, лингвистика/; из общенаучной терминологии и, наконец, из общелитературного языка, например: балда, щетка и др.

При заимствовании из родного языка, как показала практика, следует предпочесть метафорические приемы, так как при метонимии зачастую возникает нежелательная в терминологии многозначность термина, как в случаях трамбовка, облицовка, прокат.

Если у термина, заимствуемого из другого пласта лексики, имеется несколько значений, можно попытаться добавить или изъять часть слова (суффикс или префикс) и таким образом избежать возможной омонимии, как получилось со словами морфема - морф, доярка - дояр.

Другой способ избежать омонимии или многозначности - добавление определения к термину, ограничивающего его значение (ср: синонимы - лексические, грамматические, синтаксические).

Если внутриязыковое заимствование по каким-либо причинам невозможно или неудобно, целесообразно воспользоваться описательным оборотом, который далее можно трансформировать в сложное слово или аббревиатуру (КПД, СПП - сложноподчиненное предложение).

Заимствование как один из способов сознательного формирования терминологии должно основываться на моделировании естественных процессов, происходящих в языке. Так, известно, что значение термина гораздо подвижнее, чем его форма, так как понятие изменяется относительно быстрее. Учитывая это, можно рекомендовать при заимствовании обращать большее внимание на форму, а не на семантические особенности заимствуемого термина. И если этот иноязычный прототип имеет несколько значений, то при заимствовании сохраняется только одно значение. Свидетельством того, что язык испытывает большую потребность именно в материальных формах, является их преобладание над калькированием, дающим часто довольно громоздкие конструкции (формы), такие, например, как водоснабжение из нем. Wasserverordnung, землетрясение из нем. Erdbeben.

При решении вопроса о предпочтительности транскрибирования или транслитерирования при заимствовании терминов следует учитывать, что заимствование терминов в настоящее время происходит преимущественно письменным путем и дальнейший широкий обмен научно-технической информацией будет происходить скорее всего также письменным путем, поэтому предпочтение следует отдавать транслитерированию, позволяющему обеспечить сходство письменного облика термина в разных языках.

При заимствовании иногда полезно учитывать опыт передачи этого же понятия родственными языками /для русского языка славянскими/, что позволяет быстрее ассимилировать термин. Так, термин Bonitazion /нем/ - хозяйственное освоение земель, пришел в русский язык в виде термина бонитация из польского языка, который ближе к русскому языку по модели образования. Пример подтверждает, что термины западноевропейских языков целесообразно заимствовать через посредство славянских, так как эти термины уже прошли там стадию освоения. Особенно это имеет отношение к заимствованиям из французского и английского языков, так как транслитерация терминов из этих языков вызывает определенные трудности.

Для более быстрого вхождения заимствуемых терминов в лексическую систему русского языка следует учитывать уже имеющиеся наблюдения об изменениях, происходящих в структуре слов (терминов) в процессе освоения. Это дает возможность предусмотреть возможные трансформации заимствуемых терминов и сразу попытаться придать им оптимальные варианты. При этом в ряде случаев можно ставить вопрос об упрощении структуры термина, поскольку более простой по форме термин легче и вероятнее приживается в заимствующем языке.

Передача иноязычного слова графическими средствами заимствующего языка происходит легко, но в результате транслитерации терминов ряда

языков (английский, французский) могут образоваться труднопроизносимые сочетания букв. Поэтому после транслитерации необходимо проанализировать полученные словоформы и постараться "убрать" те согласные, которые в данном языке произносятся трудно. Сложнее изменить сочетания гласных, например, французских -eau. Однако можно попытаться ввести "стягивание" образующихся зияний по образцу уже имеющихся.

Часть процессов фонетического освоения -аканье, оглушение звонких согласных, мягкость согласных перед Е происходит, как известно, автоматически, хотя в последнем случае адаптация бывает довольно длительной.

В связи с фонетическим и графическим освоением иностранных слов (в том числе и терминов) встает вопрос о ненормированности правописания иноязычных слов. Отсюда отсутствие единообразия их начертания. Ср: с одной стороны, стандарт, а с другой - аккорд.

Еще больший разнобой наблюдается в передаче двойных согласных. Все они (за малым исключением) произносятся как один звук.

Вот примеры из английского языка: в английском языке пишется 2 буквы - в русском одна: бойкот - boycott, джаз - jazz, футбол - football, слябинг - slabbing, пудинг - pudding; с другой стороны, и в том и другом языке пишется две буквы: холл - hall, коттедж - cottage, спиннинг - spinning.

Примеры из французского языка: аллея - allée, режиссер - régisseur, но: сфюллер - suffleur, кулиса - coulisse, тротуар - trottoir, канонада - canonnade, хотя колоннада - colonnade, атака - attaque, коридор - corridor. Особенно примечательно правописание термина терраса - terrasse.

Примеры из итальянского языка: аккорд - accordo, но конфета - confetto, граффито, графито - graffito.

В ряде работ о двойных согласных в заимствованных словах (Суперанская 1964) приводятся многочисленные примеры с разным написанием: артиллерия - кавалерия; дилемма - эмблема, проблема; бриллиант - фолиант; грамм - грим; касса, масса - раса; оперетта - оперетка - комета; коэффициент - официант; кристалл - кристалльный.

Эти примеры (а их количество исчисляется сотнями!) убедительное свидетельство отсутствия системы в написании двойных согласных в заимствованных словах и производных от них. Написание каждого такого слова устанавливается только орфографическим словарем, а термины в таких словарях по большей части отсутствуют.

Другие славянские языки подают названные слова без удвоения согласных. В результате создается противоречие между русской и другими славянскими орфографиями. Из-за этого страдает грамотность двуязычного населения в нашей стране.

Но существует и тенденция к упрощению слов с двойными согласными. Более 300 из них вошли в общее употребление (Гавронов 1964).

Для того чтобы избежать подобных ситуаций в терминологии, рекомендуется сразу упорядочивать облик заимствований, в том числе и с двойными согласными.

Имеются и другие случаи разнотипной орфографии в терминологии. При этом отмечена тенденция к вытеснению одних форм другими, выравнивание и подчинение их нормам орфографии русского языка. Так, английский суффикс *er* вытесняет *or*, например конвертер вм. конвертор. Заимствования из немецкого, французского и итальянского языков с *Д* перед согласными и на конце слов рекомендуется передавать через *Дб* / Nagel - нагель, пальма.

В целях скорейшего грамматического освоения заимствованных терминов рекомендуется в финалях слов не допускать написания букв -е (слов типа шоссе), -у (слов типа кенгуру), -о (плата).

Итак, заимствование в терминологии, как и в литературном языке в целом, является объективным явлением. Оно неоднородно и предполагает учет вариантов. Изучение процесса заимствования терминов позволяет выработать рекомендации по технике создания этого языкового разряда лексики, что способствует облегчению ассимиляции заимствуемых терминов и обеспечению единообразия их форм.

Гавронов И.Ф. К вопросу о правописании иноязычных слов с удвоенными согласными / Проблемы современного русского правописания. М., 1964.

Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.

Суперанская А.В. Написание заимствованных слов в современном русском языке / Проблемы современного русского правописания. М., 1964.

И.Г. Кожевникова

Экстралингвистические и культурные факторы в становлении и развитии русской спортивной лексики

Изучение специальной лексики не может считаться полным без решения вопроса о влиянии и взаимодействии различных факторов на развитие профессиональных подязыков. Эволюция языка науки, как известно, зависит от внешних и внутренних причин, среди которых немалая роль принадлежит экстралингвистическим.

Историческое развитие русского научного языка начинается в XVIII веке, когда центр научных интересов общества перемещается с наук гуманитарных, почитаемых в Средневековье, на науки естественные и точные (Кутина 1964). Условия жизни Российского государства уже в XVII веке требовали перехода к более конкретному и реалистичному изучению природы, отказа от богословско-символического и мистического ее истолкования. В этот период язык науки становится не только средством познания действительности, но и средством передачи, фиксации и хранения научной

информации. Начинается период интенсивного развития новых политических и торговых связей, подъема экономики. Для России XVIII век стал временем зарождения и становления первых научных и профессиональных терминосистем.

Петровская эпоха ознаменовала новый этап в истории развития государства. Ослабление позиций церкви, развитие ремесленного производства и торговли, рост связей с зарубежными странами сыграли большую роль в развитии научных знаний в России. В стране произошла реорганизация общественно-бытовых условий жизни, военного дела и допризывной физической подготовки. Стали организовываться светские специальные заведения, которые должны были готовить национальные кадры «для службы государевой». В Москве в 1701 году открылась школа математических и навигационных наук, где физическая подготовка была впервые введена в качестве обязательного учебного предмета. Регламентируются «экзерциции» в стрельбе, на гребных и парусных судах.

В систему общенационального языка внедрялись целые специальные подъязыки, которые успешно «приживались» в русском языке. В этот период в русский язык вошли лексико-семантические поля, связанные с теорией и устройством судов, управлением и судовыми работами, а также лексика, связанная с основами кораблестроения, которая изучалась в открытых Петром мореходных школах. Основные заимствования пришли из английского и голландского языков: бриг (англ. brig) – двухмачтовый парусник с полным такелажем; бридель (англ.- bride) – портовый якорь; бак (гол. bakbood) – передняя часть верхней палубы; верфь (гол. – werf) – помещение для ремонта и постройки судов; кильблок – (англ. keelblock) – днищевая опора судна; кильсон – (англ. Keelson) – продольная балка на судне, идущая поверх шпангаутов параллельно килю; кингстон – (англ. Kingston) – клапан в подводной части судна, служащий для доступа заборной воды; кокпит – (англ. cockpit) – открытое помещение для рулевого; деидвуд – (англ. Deadwood) – металлическая труба, через которую гребной вал выходит наружу; кэт – (англ. Cat) –одномачтовое судно с одним парусом; строп –(англ. Strop) –канат, трос и др.

Петр, будучи человеком своей эпохи, был убежден в необходимости изменить сложившиеся российские обычаи к лучшему, страстно хотел, чтобы «очередь» усвоения образа жизни просвещенных народов Западной Европы, наук и искусств, наконец, дошла и до России.

«Благородное российское юношество», посланное в Англию, Германию, Голландию и Италию наряду с различными науками изучали «политес» и «рапирную науку». Именно в этот период в состав русского языка наряду с терминами кораблестроения и навигации входят специальная лексика «шпажного искусства» В основном это были заимствования из французского и немецкого языков: *фехтовать* (нем. fechten), *фехмистер* (нем. fechtmeister) – учитель фехтования; туше – (фр. touche) – укол оружием; салют (фр. solut) – приветствие соперника оружием; *атака с батманом* – (фр. attaque avec battement); *ассо* – (фр. Assaut)- в фехтовании - вольный бой: встреча двух соперников с целью изучения техники боя или подготовки к соревнованию;

парирование – (фр. *parer*) – отражать, отбивать; *редублеман* – (фр. *redoubleman*) – повторная атака, *туше-* (фр. *touche*) – укол оружием и др.

В России в XVIII веке с развитием конного спорта был связан новый приток заимствований в русский национальный язык. В этот период доминирующей системой верховой езды в Западной Европе стала Версальская школа, которой руководил Боше. Ученик Боше, Джеймс Филлис, состоящий на службе при русском дворе, во многом перенес эту систему в Россию, что объясняет влияние французского языка на формирование специальной лексики конного спорта: *балансе* (фр. *balance*) – попеременное поднимание лошастью передних ног и опускание их на землю далеко одна от другой; *аллур* (фр. *allure*) – вид движения лошади; *конкур* (фр. *concours*) – вид конного спорта; *галоп* (фр. *galop*) – скорость движения лошади определенными скачками; *барьер* – (фр. *barriere*) – различного рода заграждение, преодолеваемые лошастью; *круп* – (фр. *stoucre*) – задняя часть корпуса лошади; *манеж* – (фр. – *manege*) – специально оборудованная площадка для выездки лошади; *банкет* – (фр. *banquette*) – невысокий земляной вал; *каденция* – (фр. – *cadence*) – темп; *карьер* – (фр. – *carriere*, ит. – *cartiera*) – самый быстрый галоп лошади; *фураж* – (фр. *fourrage*) – корм для лошади; *пиаффе* – (фр. *piaffe*) – движение в такте рыси и др.

К концу XIX века официальная система физического воспитания в России стала называться гимнастикой и во многом зависела от культурных связей со странами Западной Европы. В этот период оформляются спортивно-игровые (Англия, США, Канада, Австралия и другие страны) и гимнастические (Германия, Швеция, Франция, Чехия, Дания, Швейцария) системы физического воспитания, отражающие экономические, политические, военные и социокультурные особенности тех стран, где они создавались.

В России происходит техническое преобразование русской промышленности, которое продолжалось до начала XX века. Страна наводняется иностранными спортивно-гимнастическими обществами – немецкими, английскими, американскими и французским, главная цель которых была реклама своих предприятий и спортивного инвентаря. Начиная завоевывать популярность такие виды спорта, как теннис, фигурное катание, баскетбол, футбол, крикет и велоспорт.

Необходимо отметить, что во второй половине XIX века Англия является одной из самых экономически развитых стран Европы и законодательницей мод в области физической культуры. Английские национальные виды спорта завоевывают популярность на континенте, а вместе с ними начинается экспансия английской спортивной терминологии во многие европейские языки. Россия не стала исключением.

В начале XX века практика гимнастических занятий в элитарных клубах перестала удовлетворять эмоциональные потребности нового образа жизни, досуга и развлечений. Наступила «эра» спортивных игр, которая смогла удовлетворить здоровую потребность молодежи в движении. В этот период в русский язык вошла практически вся специальная лексика спортивных игр: *pressing* – активная форма нападения, *penalty* – штрафной удар, *fall* – ошибка; *combination* – комбинация, определенная схема игры на площадке; *counter-*

Примечание [*1]:

attack – контратака-ответное нападение; *to lead* – лидировать, иметь преимущество в чем-либо; *time-out* – таймаут – “мертвое” время; *observer* – обсервер – наблюдатель, комментатор; *penalty* – пенальти – наказание за ошибку в игре; *start* – старт – начало игры; *to appeal* – апелляция- обжалование, подача жалобы; *double-foul* – даблфол – обоюдная ошибка, нарушение правил; *crossing* – кроссинг – перекрестное перемещение игроков на площадке; *hook* – хук-передача крюком; *pressing* – прессинг-давление, активное нападение; *play-maker* – плеймейкер – игрок, разыгрывающий мяч и др.

В 70-е годы спортивная лексика многих видов спорта пополняется новыми заимствованиями, несмотря на уже устоявшуюся специальную терминологию на русском языке. Так, например, в терминологию бокса вошли следующие заимствования: *профессионал* – (англ. professional) – боксер, занимающийся профессиональным боксом; *пэри* – (англ. parry) – отбив; *ритаймэнт* – (англ. retirement) – отказ от продолжения боя; *рингкрафт* – (англ. ringcraft) – искусство ведения боя; хук – (англ. hook)- боковой удар; *свинг* – (англ. swing) – разновидность бокового удара; *джэб*– (англ. jab) – короткий прямой удар; *батинг*– (англ. butting) – удар головой; *слэппинг* – англ. slapping) – удар открытой перчаткой и др.

Большой приток иноязычных заимствований в конце 80-х годов дали новые виды спорта: *виндсерфинг*, *скейбординг*, *фристайл*, *спортивный рок-н-ролл*, *шорт-трек*, *бобслей*, *керлинг*, *сноубординг*, *телемарк*, *свингбо*, а также *аэробика*, *стречинг* и *стэп*. Последние три вида физической деятельности активно развиваются в России и пользуются большой популярностью как разновидность общефизической подготовки населения. В связи с этим в специальную спортивную лексику вошел целый пласт английских заимствований, связанных с элементами аэробики. Например: *mursh* – марш; *squat* – приседание; *step touch* – приставной шаг; *grape vine* – виноградная лоза; *step line* – два приставных шага в сторону; *turn step* – шаг с поворотом; *step tap* – шаг с касанием ; *lunge* – выпад; *knee up* – подъем колена вверх; *lift leg side* – подъем ноги в сторону; *leg curl* – захлест ноги назад; *jumping jack* – прыжки – ноги вместе и врозь; *slide lateral raises* – боковые подъемы; *front shoulder raises* – подъемы рук вперед; *alternating overhead press* – сгибание рук над головой и др.

Таким образом, формирование русской спортивной лексики с учетом исторических условий ее развития, источников пополнения и накопления терминологического качества была обусловлена экстралингвистическими факторами: наличием устных и письменных контактов со странами Западной Европы, а также культурным влиянием европейских стран на развитие России.

Формирующийся специальный подъязык прошел большой путь развития с начала XVIII века, претерпев коренные качественные и количественные изменения в связи с интенсивным воздействием европейских языков: голландского, немецкого, французского и английского.

В настоящий момент интеграционные процессы, проходящие в европейских странах, расширение международных контактов во всех сферах человеческой деятельности приводят к дальнейшему пополнению

специальных подязыков и их дальнейшей интернационализации. В полной мере это относится и к спортивной лексике.

Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. М., 1964.

Раздел 3.

Национальные особенности коммуникативного сознания

3. 1. Лингвистический анализ коммуникативного сознания

В.В. Лосева

К изучению лексико-фразеологических средств автокоррекции русского метатекста

После появления статьи Анны Вежицкой «Метатекст в тексте» интерес к этому явлению неуклонно возрастает. Однако фундаментальных исследований в области метатекста пока еще, на наш взгляд, недостаточно. Поэтому исследование лексико-фразеологических средств русского метатекста кажется нам актуальным.

А. Вежицка определяет метатекст как комментарий автора к собственному тексту. Она рассматривает «метатекстовые нити» – слова и выражения, которые имеют своими референтами тему высказывания (*Что касается..., Если речь идет о..., Насчет...*), «дистанцию по отношению к отдельным элементам (словам) внутри предложения» (*собственно говоря, довольно, почти, скорее*), связь между фрагментами высказывания (*кстати, potabene, между прочим, впрочем*), части текста, предшествующие данной (*это, то, там, ранее*)... Она подчеркивает, что метатекст играет в тексте важную роль, но, тем не менее, подобные слова и выражения нарушают однородность текста, который становится не только сообщением о референтной ситуации, но и сообщением о самом себе как еще об одном референте (Вежицка 1978, с. 403-404).

Иное понимание метатекста сложилось на основе работ Р. О. Якобсона. Метатекстовыми элементами в его концепции являются не всякие части текста, имеющие референцию к нему самому, а только те, которые выполняют

метаязыковую функцию (Якобсон 1975, с. 202). Из метаорганизаторов А.Вежбицкой этому положению не удовлетворяют, например, *До сих пор я говорил о..., Пора сформулировать выводы..., Не могу не вспомнить о..., Что касается, Насчет..., Если речь идет о...*

Единицами «специально метаязыкового назначения» нужно признать, по мнению М. В. Ляпон, только те, при помощи которых говорящий контролирует свои операции с языком, осуществляет самоконтроль в процессе словесного оформления коммуникативного замысла. В строгом смысле слова, „метатекст в тексте“ – это вербализация контроля над вербализацией (Ляпон 1986, с. 54). Примерами таковых будут такие единицы как *так сказать, в смысле, как говорят, точнее говоря, если хотите, если не... то по крайней мере, не то чтобы... но и др.*

Метатекстовые элементы не являются текстовыми знаками. Все они либо языковые знаки, выполняющие метатекстовую функцию вследствие того, что она предписана им их языковыми же значениями, либо представляют собой речевые клише и устойчивые словосочетания с аналогичными свойствами. Они не претерпевают никаких существенных изменений в своей семантике, переходя из языковой системы в текст.

В.А. Лукин понимает метатекст в тексте в отличие от метатекстовых элементов как такую часть текста, которая обладает свойствами связности и цельности (то есть в пределе – вполне самостоятельный, семантически автономный текст), референтом которого является обрамляющий текст. Метатекст в таком его понимании обладает способностью к сообщению информации о связности и цельности обрамляющего текста, в котором он существует на правах сильной позиции. В.А. Лукин делает вывод, что если метатекстовый знак по своим свойствам удовлетворяет определению текста – это метатекст в тексте, семантически автономный и самопонятный. Он исключительно важен для когерентности текста, является важнейшим средством глобальной связности. В.А.Лукин предлагает следующую шкалу: метатекстовые элементы – локальная связность, метатекстовые фрагменты – глобальная связность, метатекст в тексте – глобальная связность и самоописание целого текста. «Самоописание» означает, что с позиции получателя (интерпретатора) текст генерирует в себе такую часть семиотического пространства, которая, имея своим референтом целый текст, указывая на него, одновременно сообщает о коде и теме материнского текста (Лукин, www.gramota.ru.)

И.В. Труфановой все лингвистические средства (членение текста на абзацы, на главы, на параграфы и т.п., озаглавливание данных разделов, обозначение темы сообщения не только в заглавиях, но и с помощью именительного представления; членение высказывания на данное и новое; вводные слова, подчеркивающие главное и “к слову” сказанное в сообщении, порядок изложения мысли, жанр, итоги и выводы из сказанного и т.д.; деепричастия, частицы, пояснительные союзы и подобные метатекстовые показатели правил речевого поведения; эксплицитное выражение речевых действий и речевых намерений говорящего в главных предикативных частях сложноподчиненных изъяснительных предложений и т.п.), служащие

облегчению восприятия информации слушающим и адекватной интерпретации им речевых действий и намерений говорящего, относятся к метатекстовым (Труфанова 1997).

Нам представляется целесообразным придерживаться точки зрения В.А. Лукина, который рассматривает метатекст не только как средство автокоррекции, но и как средство обеспечения целостности и связности текста. Целью нашего исследования является описание и классификация лексико-фразеологических средств русского метатекста в зависимости от той функции, которую они выполняют в тексте.

Лексико-фразеологические средства (ЛФС) русского метатекста делятся на две макрогруппы в зависимости от функции, которую они выполняют в тексте:

- ЛФС – организаторы связности текста;
- ЛФС автокоррекции.

ЛФС автокоррекции образуют такие серии:

1. ЛФС, главной составляющей которых является глагол говорения (*«говорить», «сказать», «выражаясь» и их вариантами*): *по правде сказать, честно говоря, условно говоря, мягко говоря, скажем откровенно, короче говоря, собственно говоря (собственно), можно сказать, так сказать, как говорится, строго говоря*;

2. ЛФС, в составе которых есть слово «слово»: *одно слово, одним словом, словом*;

3. ЛФС, в составе которых есть слова, комментирующие правдивость/истинность высказывания: *правда, действительно, на самом деле, по правде сказать, честно говоря, вернее, точнее*;

4. ЛФС, в составе которых есть слово «мера»: *по крайней мере, по меньшей мере*;

Изучение этих метатекстовых средств позволит, как мы думаем, лучше понять приемы и способы построения русского текста.

Вежибца А. Метатекст в тексте / Новое в зарубежной лингвистике. Вып 8. М., 1978.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / www.gramota.ru.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст (к типологии внутритекстовых отношений). Автореф....докт. филол. наук. М., 1985.

Труфанова И.В. Образ слушающего в тексте / ФН - 1997 - №2.

3.2. Анализ коммуникативного сознания через коммуникативное поведение народа

М.С.Саломатина

Языковая и коммуникативная личность: проблема соотношения

Со времени введения в лингвистический обиход термина *языковая личность* (Караулов 1987) данный термин завоевал широкую популярность среди языковедов. В связи с понятием языковой личности стали изучаться совершенно разноплановые явления, что дает основания говорить о том, что границы данного понятия на настоящий момент нечетко очерчены. В круг явлений, охватываемых этим понятием, сейчас включаются чуть ли не все вопросы, так или иначе связанные с «говорящим человеком»; сюда относят вопросы, составляющие сферу интересов социолингвистики, прагматики, теории речевых актов, лингвистики художественного текста и т.д. Мы полагаем, что понятие языковой личности не может объединять в себе все перечисленные аспекты: для этого оно изначально узко.

На данный момент в лингвистической науке существует много определений языковой личности, в которых актуализируются возможные подходы к рассмотрению названного выше феномена. Т.Г. Винокур говорит о языковой личности как о «средоточии когнитивно-коммуникативных потенций, материализующихся на широком фоне социально окрашенной действительности, которая дает место проявлению психологических свойств и устремлений человека. К ним прежде всего относится необходимость получить и отправить информацию, желание быть услышанным и понятым, разделить неравнодушие к предмету речи со своим партнером по коммуникации» (Винокур 1993, с.28). В данной дефиниции актуализируется коммуникативный подход – рассматривать языковую личность вне процесса коммуникации невозможно.

Классическое определение языковой личности принадлежит Ю.Н.Караулову: «Языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» (Караулов 1987, с.12). Таким образом, исследование языковой личности по сути должно разворачиваться в векторе взаимодействия *человек – текст*. Теоретическая концепция, разработанная Ю.Н.Карауловым, ориентирована в основном на исследование языковых личностей персонажей произведений художественной литературы и с трудом представляется применимой для описания языковой личности реального говорящего индивида. Выделяя уровни в структуре языковой личности, Ю.Н.Караулов выделяет мотивационный уровень, или уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающих прагматикон личности, то есть

систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей. Мы считаем, что выделение именно данного уровня выводит рассматриваемую теоретическую проблему за пределы собственно языковой личности.

Разработка структуры языковой личности ведется и в рамках прагмалингвистики. Отечественный исследователь А.А.Пушкин (см. Беспмятнова 1994) предлагает начать моделирование языковой личности с вершины иерархической системы, т.е. уровня прагматических значений. Ученый считает, что речевое поведение личности, конденсируемое в ее дискурсе, обуславливается социальными, психологическими, биологическими факторами, которые можно подразделить на интрасубъективные и экстрасубъективные. Интрасубъективные факторы внутренне присущи личности в определенный момент ее жизнедеятельности (возраст, физическая конституция, состояние сознания, в которое, помимо установок, ценностных ориентаций, интересов, также входит интеллектуальный уровень). Экстрасубъективные факторы – внешние детерминаторы – включают партнеров по речевому взаимодействию, ситуацию и сферу взаимодействия, нормы и конвенции речевого поведения определенного этнокультурного коллектива, в который входит личность. Именно на прагмалингвистическом уровне индивид осуществляет взаимодействие с социальной средой.

Языковая личность находится также в фокусе внимания социалингвистики. В 70-х годах XX века Р.Белл говорит об *индивидуальности* как объекте социалингвистического изучения и различает микро- и макросоциалингвистику. Для микросоциалингвистики важны те характеристики, которые отличают некоего индивида от прочих, т.е. акцентируется то, каким образом данный индивид *не* попадает в некоторую произвольно определенную социальную категорию. Макросоциалингвистика, напротив, рассматривает индивида как члена определенного социума, изучая его «групповые связи» (Белл 1980, с.45). На основе анализа речевых средств возможно выявление социальных составляющих языковой личности, ее статусно-ролевых характеристик, так как в разговорной речи человек уподобляется полифонической структуре, в которой звучат отголоски всех его речевых ролей как выразителя психологического типа, социальной группы, языкового коллектива (Винокур 1993). Ряд лингвистов говорит о том, что каждый отдельный человек демонстрирует определенные стереотипы социального поведения.

Учитывая традиционную, идущую от Соссюра оппозицию *язык–речь*, где язык – некая абстрактная система, находящаяся в мозгу человека, а речь – ее конкретная реализация, логичнее было бы назвать языковую личность (с учетом направленности большинства исследований, посвященных изучению феномена, обозначаемого термином *языковая личность*) речевой личностью, но и понятие речевой личности не способно полностью описать коммуникативное взаимодействие реальных индивидов в многообразии реальных жизненных ситуаций — там, где реализуется одна из главных функций языка — коммуникативная. В связи со всем вышесказанным мы считаем целесообразным введение нового понятия *коммуникативная личность* – значительно более широкого, чем понятие *языковая личность*, т.к.

предлагаемое понятие включает в себя такие чисто коммуникативные параметры, как коммуникативные стратегии и тактики, правила и приемы речевого воздействия, тематику общения и другие. Таким образом, языковая личность выступает как компонент коммуникативной личности.

Феномен, обозначаемый нами термином *коммуникативная личность*, требует самостоятельного изучения.

Проблема изучения коммуникативной личности лежит в рамках коммуникативной лингвистики. Нам представляется правомерным и оправданным подход к описанию коммуникативной личности на основе моделей описания коммуникативного поведения. Термин *коммуникативное поведение* впервые был использован в работе (Стернин 1989, с.279) и относился к национальному коммуникативному поведению. В настоящее время интересы исследователей коммуникативного поведения значительно расширились и включают групповое и личностное коммуникативное поведение.

Под коммуникативным поведением понимается «совокупность норм и традиций общения определенной группы людей» (Лемайсина, Стернин 2000, с.6).

Изучение коммуникативного поведения охватывает коммуникативное поведение отдельной личности, представителей профессиональных и социальных групп, мужское и женское коммуникативное поведение, особенности возрастного, национального коммуникативного поведения.

Коммуникативное поведение как сфера лингвистической проблематики максимально приближается к реальному говорящему индивиду, к реальной коммуникативной практике.

Предлагаемый подход представляется целесообразным и логично вытекающим из содержания исследований, посвященных языковой личности. В большинстве дефиниций языковой личности актуализируется социальный аспект, который может найти освещение в рамках описания коммуникативного поведения и на его основе – коммуникативной личности: говоря о языковой личности, исследователи неизменно обращают внимание на групповую принадлежность говорящего, на то, каким образом сказывается влияние социума на особенностях структуры и функционирования языковой личности, на то, в какой мере соблюдает говорящий гласные и негласные коммуникативные законы, принятые в том или ином речевом коллективе, на специфику статусно-ролевого взаимодействия личности и социального образования, в которое она входит, взаимодействия внутри некоего социума (если речь идет о коллективной языковой личности).

Необходимо заметить, что теоретико-понятийный аппарат исследования коммуникативного поведения, который станет основой для описания коммуникативной личности, дает больше возможностей и является удобным именно для изучения коллективных коммуникативных личностей. Так как включает в себя такие понятия как *национальное коммуникативное поведение*, *возрастное коммуникативное поведение*, *коммуникативное мышление возрастной группы*, *коммуникативная культура*, *коммуникативные нормы*, *стандартная коммуникативная ситуация*, *нестандартная коммуникативная*

ситуация, социальный символизм, нормативное коммуникативное поведение, ненормативное коммуникативное поведение, коммуникативные табу, коммуникативные императивы и др. (Лемяскина, Стернин 2000, с.10-12).

Например, такой параметр, как *нормативность/ненормативность коммуникативного поведения*, для говорящего индивида определяется только в процессе внутригрупповой коммуникации по степени соблюдения/несоблюдения негласных внутригрупповых, а также общепринятых законов общения. Кроме того, многие понятия и значительная часть терминологии, используемой лингвистами для описания языковой личности, лежат в рамках понятийного аппарата концепции коммуникативного поведения.

Необходимо обратить внимание еще на один важный аспект рассматриваемой проблемы. Введение нового понятия *коммуникативная личность* дает нам возможность выделения и рассмотрения такого важного уровня в ее структуре, как невербальное поведение. Полагают, что вербальное общение составляет всего 35% в объеме межличностного общения, а 65% информации в таком общении передается невербальными способами (Пиз, 2002, с. 4). Роль невербального поведения в процессе коммуникации очень велика и его изучение многое дает для лучшего понимания коммуникативного поведения говорящего индивида.

Вводя понятие *коммуникативная личность*, мы включаем в круг изучаемых явлений также и различные экстралингвистические факторы.

В зону внимания исследователя, занимающегося изучением коммуникативной личности, попадает проблематика, являющаяся предметом исследования социолингвистики, лингвокультурологии, прагматической лингвистики, риторики и многих других разделов науки о языке и смежных с ней дисциплин. Языковая личность, будучи компонентом коммуникативной личности, должна стать одной из ступеней в ее изучении.

Исследование коммуникативной личности решает ряд теоретических и практических задач. Одной из важнейших лингводидактических задач здесь является выработка рекомендаций по целенаправленному воздействию на коммуникативную личность. Результаты описания коммуникативной личности могут быть успешно использованы в культурологических, психологических, педагогических и других целях.

Белл Р. Социолингвистика. М., 1980.

Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: дисс... канд. филол. наук. - Воронеж, 1994.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000.

Пиз А. Язык телодвижений. М., 2002.

Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности. Дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 1999.

Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989.

Предраг Пипер

О некоторых особенностях сербского коммуникативного поведения (в сопоставлении с русским)

Описание и сравнение коммуникативных культур близкородственных языков имеет свои трудности – наблюдения показывают, что степень близости этих коммуникативных культур весьма близка, и исследование практически не выявляет каких-либо эндемичных или лакунарных коммуникативных фактов и явлений в сравниваемых культурах. Вместе с тем, описание близкородственных коммуникативных культур имеет не меньшее значение для обучения соответствующим языкам представителей данных культур – коммуникативное поведение представляет собой важный аспект лингводидактики. В связи с этим встает вопрос методики выявления и описания коммуникативных различий близкородственных культур.

Контрастивное описание коммуникативного поведения русских и сербов позволяет говорить о том, что различия в коммуникативном поведении этих двух народов, несомненно, существуют, но эти различия характеризуются в большинстве случаев не наличием/отсутствием тех или иных коммуникативных фактов, а степенью их проявления в общении, частотностью встречаемости. При этом наиболее удобной моделью контрастивного описания коммуникативного поведения близкородственных народов является ситуативная модель.

Приведем некоторые примеры.

Встреча

Сербы чаще, чем русские, целуются при встрече, что относится и к мужчинам. Если целуются взрослые мужчины-сербы, то они обычно целуются троекратно (по-православному). Девушки при встрече с ровесниками часто целуются однократно или двукратно, но это характерно больше для провинции.

При встрече сербов с хорватами иногда возникает вопрос «третьего поцелуя» – хорваты-католики имеют обычай двукратного поцелуя, сербы – трехкратного, серб может настаивать на третьем поцелуе, а хорват его не воспринимает или воспринимает его даже как оскорбление.

Благодарность

Сербы чаще, чем русские, благодарят за мелкие услуги. У сербов благодарность часто выступает просто как демонстрация вежливости к собеседнику, в то время как у русских благодарность, выражаемая реже, имеет смысл именно благодарность – выражения признательности за помощь, услугу и т.д. Здесь сербы ближе к западной культуре, где благодарность имеет преимущественно функцию сигнала вежливости. Отметим, что и улыбка у русских не имеет в качестве основной функции функцию вежливости, и извинение.

Приглашение в гости

В русской коммуникативной культуре приглашение в гости является важным коммуникативным актом демонстрации расположения к собеседнику, и приглашение в гости у русских может последовать очень быстро после знакомства – это демонстрация доброго отношения, признания, возникшей личной симпатии. Сербы реже приглашают в гости новых знакомых сразу после знакомства.

У серба приглашение в гости может быть вызвано дороговизной ресторанов и невозможностью поэтому пригласить гостя в ресторан. У русских приглашение в гости обычно выше по степени демонстрируемого доверия и расположения к человеку, чем приглашение его в ресторан; считается, что ресторанная еда менее вкусная, чем домашняя, а ресторанная обстановка не способствует общению, которое удобнее осуществлять в домашней обстановке.

Невербальное поведение

Сербы крестятся менее широко, чем русские. Считая на пальцах, сербы разгибают пальцы, начиная с большого пальца, а русские загибают пальцы, начиная с мизинца.

У сербов нет русского жеста «щелчок по шее» как приглашение выпить.

У сербов верующие православные мужчины реже, чем русские, носят пепелку с крестом на шее.

Поведение в церкви

В православных церквях русские верующие чаще участвуют в пении.

В сербских православных церквях есть отдельное место, где зажигаются свечи для усопших. В русских православных церквях свечи зажигаются только в течение службы.

В городских церквях в Югославии нет обычая оставлять на отдельном столе продукты питания как пожертвования.

Алкоголь и общение

Городские сербы мало говорят тосты за столом, хотя в сельской местности у сербов тосты выступают как вид устного народного творчества. Сербы меньше, чем русские, пьют крепкие напитки, пьют медленнее, мелкими

глотками, с расстановкой, реже пьют до дна – пьют как бы из уважения к хозяину, а не для того, чтобы скорее ощутить на себе действие алкоголя.

У сербов реже, чем у русских, встречается благосклонное отношение к пьяницам.

В России можно увидеть девушку с юношей на прогулке, когда у него или у нее в одной руке сигарета, а в другой – бутылка пива, у сербов это выглядело бы крайне необычно, это не принято.

Общение в ресторане

Когда закончился вечер в ресторане, между мужчинами-сербам часто возникает достаточно бурный спор, кто будет платить за всех. Это – демонстрация уважения к собеседнику; не заплатить – значит, показать, что ты человек скупой или бедный. В России подобные споры не носят ритуального характера, обычно платит тот, кто приглашал, другие из вежливости приглашают принять участие в оплате, но не настаивают, этот вопрос решен уже самим ритуалом приглашения в ресторан.

Письменное общение

В ряде случаев объявления на русском языке не имеют аналогов в сербском коммуникативном поведении, напр. *Не сорить*, *Не уверен* - не обгоняй, *Бесплатный проезд: участникам и инвалидам ВОВ, инвалидам 1 и 2 группы, узникам концлагерей, воинам-интернационалистам*, *Стойте справа, проходите слева*, *Головные уборы не принимаются*, *В верхней одежде не входить* и т.д.

Перерывы или отсутствие в рабочее время русские чаще объясняют такими объявлениями как: *Учет*, *Ушла на базу*, *Санитарный день* и др. в то время как сербы чаще просто отсутствуют на рабочем месте без какого-либо объявления. В порядке исключения встречается иногда объявление типа *Завтрак* (зато нет обеденного перерыва, так как в Югославии рабочий день обычно начинается и кончается раньше, чем в России). Обычно в Югославии объявления типа *Учет* или *Закрывается из-за отпуска могут быть вывешены* не чаще, чем раз в год.

На сербов оставляет несколько удручающее впечатление отсутствие фамилий жильцов на дверях и на почтовых ящиках жилых домов, из-за чего российские жилые дома сербам кажутся похожими на какие-то большие административные учреждения.

Можно также отметить некоторые общие черты коммуникативного поведения, по которым наблюдаются различия в русской и сербской коммуникативных культурах.

Косвенное общение

Использование косвенного общения более характерно для русских, чем для сербов. Русские более склонны к аллюзивной подаче информации и лучше понимают такую информацию. Например, если гость что-нибудь упоминает, то русские чаще, чем сербы, понимают это как намек гостя на то, что ему хочется что-то иметь, видеть и т.п.

Сербская коммуникация в меньшей степени использует косвенные речевые акты, чем русская.

Юмор

У сербских мужчин чаще, чем у русских, можно встретить в общении с женщинами юмор сексуальной тематики.

Терпение

Сербы демонстрируют меньше терпения, чем русские в повседневной жизни (например, в очередях, которых в России все еще больше, чем в Югославии) и в исторических ситуациях, требующих от народа вооружиться терпением.

Милосердие

Кажется, что сербы несколько меньше чем русские показывают милосердие к нищим, но разница между русскими и сербами в этом небольшая. Например, однажды в зале ожидания воронежского вокзала цыганенку, проходившему мимо людей с улыбкой и протянутой рукой деньги давали почти все - даже явно не богатые люди, молодые люди, подростки. Думается, что в подобной ситуации меньше сербов дали бы милостыню тому, кто, очевидно, в ней не очень нуждается.

Сквернословие и громкость общения

Сербы, несомненно, больше сквернословят, чем русские и публично и в дружеских разговорах, и мужчины и, несколько меньше, женщины, даже девушки и дети, и необразованные и высокообразованные, в городе больше, чем в селе. Многие используют сквернословия как своего рода устные "знаки препинания" без какого-либо стеснения перед собеседником другого пола или возраста. Иногда кажется, что сквернословят для того, чтобы разговор не казался слишком официальным. Выбор слов при сквернословии обычно не очень богат, хотя запас сквернословий в принципе довольно разнообразен. Отрицательное впечатление от сквернословия усиливается тем, что сербы в среднем говорят громче русских.

Подводя итог, можно отметить, что различия в сербском и русском коммуникативном поведении чаще проявляются как различия в степени выраженности того или другого признака, поэтому в оценке таких различий требуются меньше категоричности. Следует также учитывать региональные различия, различия между жителями городов и сел и т.п., а также динамику изменений в формах коммуникативного поведения, в частности, возможность изменения типичного поведения в относительно короткий исторический период, что характерно для стран, находящихся в переходном историческом периоде - в послевоенном, как Сербия, или в периоде смены общественной формации, как в России.

Описание близкородственных коммуникативных культур показывает, что хотя исследование и обнаруживает отдельные несоответствия и лакуны, в целом различия в коммуникативном поведении близкородственных народов в основном заключаются в степени проявления отдельных коммуникативных признаков.

М.Е.Венчугова, И.А.Стернин

Из наблюдений над финским деловым коммуникативным сознанием

Коммуникативное поведение народа определяется его коммуникативным сознанием. Под национальным коммуникативным сознанием понимается часть национального сознания, которая обеспечивает коммуникацию народа - то есть коммуникацию на национальном языке в соответствии с национальными коммуникативными нормами и традициями.

Исследования в области национального коммуникативного сознания – важнейшая часть исследований в сфере межкультурной коммуникации, поскольку именно исследование коммуникативного сознания показывает закономерности коммуникативного поведения народа и объясняет их, выявляет ментальные принципы и правила, лежащие в основе коммуникативного поведения.

Важной коммуникативной сферой общения народа является деловое общение, роль которого в современном обществе все возрастает. Большое значение имеет изучение делового общения для эффективной межкультурной коммуникации в сфере бизнеса и международной торговли, и именно в этой сфере важно выявить национальные коммуникативные традиции и стереотипы, которые могут повлиять на эффективность делового общения.

Описание особенностей коммуникативного сознания народа целесообразно осуществлять на контрастивной основе, сопоставляя коммуникативное поведение двух культур и выявляя особенности коммуникативного сознания двух народов на фоне (в зеркале) друг друга. Контрастивное описание коммуникативного поведения и коммуникативного сознания двух народов приносит наибольшую практическую пользу для оптимизации общения между этими двумя народами.

Темой нашего исследования является национальная специфика финского делового коммуникативного поведения на фоне русского. Наблюдения над коммуникативным поведением финнов в условиях делового общения, основанные на опыте работы в финских фирмах, а также на материалах экспериментального исследования финского коммуникативного поведения на фоне русского позволяют нам сделать некоторые предварительные обобщения, касающиеся особенностей финского делового коммуникативного сознания. Укажем на основные из них и приведем примеры их коммуникативной реализации.

Стремление и умение работать самостоятельно, без помощи коллег

Финн всегда трудится самостоятельно, отвечая за себя и свою работу. Так же самостоятельно финн стремится справиться с возникшими проблемами, не обращаясь за помощью к кому-либо. Настойчивость в достижении каких-либо целей финн ценит выше, чем сотрудничество (Nurmi, с.12), поэтому финский руководитель и его подчиненный работают довольно обособленно друг от друга. Финну вообще более удобно работать, если ему определены цели и ответственность, и он может работать самостоятельно, независимо от сотрудников.

Детальность планирования работы

Систематичность, детальность планирования работы и затем неукоснительное соблюдение выработанного плана – особенность делового поведения финнов. У финнов к началу переговоров уже есть тщательный план, они точно знают, что им нужно, они хорошо готовятся к началу переговоров. Русские часто недостаточно подготовлены к первой встрече, полагаются на интуицию.

Строгая подчиненность графику, расписанию

Финны строго соблюдают рабочую дисциплину. Неукоснительно соблюдение соблюдается повестка дня совещания, собрания – любое отклонение рассматривается как хаос, непрофессионализм организаторов.

Скромная манера выполнения своих профессиональных обязанностей

Финны оценивают работу человека по ее результату, а не по активности в процессе ее выполнения. Подчеркнутая внешняя активность сотрудника при выполнении работы вызывает иронические комментарии. Принято работать скромно и незаметно, с ориентацией на конечный результат.

Коммуникативная толерантность

Финны стараются избежать споров и разногласий. Для финна спор или столкновение мнений – очень тяжелая ситуация. Он рассматривает любое выражения несогласия как конфликт или скандал и старается его избежать. Всячески избегают прямой конфронтации. Чтобы не высказывать несогласие, финн обычно молчит.

Финн стремится к точному, ясному, обдуманному выражению своих мыслей еще и потому, что он таким образом хочет избежать недоразумений и споров.

К критике финны относятся очень болезненно.

Для финнов молчание является защитой личности, способом избежать любых споров. Кроме того, навязывание своего мнения другим считается невежливым.

Финны очень внимательные слушатели, считают, что любого человека надо вежливо и молча выслушать, не подавая сигналов оценки или обратной связи.

Стараются избегать публичных оценок – даже в школе и вузе оценки сообщаются каждому учащемуся отдельно.

Прямой стиль коммуникации

Финны предпочитают прямые высказывания косвенным, непрямым. Фраза, сказанная финном, как правило, означает то, что она означает – никакого намека или подтекста. Косвенный смысл высказывания финны понимают плохо, плохо понимают намеки.

Не любят говорить комплименты, стесняются, когда комплименты говорят им.

У финнов фактически нет риторического вопроса – они его воспринимают как обычный вопрос.

Финны считают честность и прямоту важными свойствами, забывая о необходимости дипломатии на деловых переговорах.

Неприятную для партнера информацию (о несогласии с предложением, об отказе от сотрудничества, о повышении цен и под.) финны привыкли сообщать прямо и без дипломатии. Русские с обидой могут воспринять такое речевое поведение, русский человек сказал бы это более дипломатично. Именно поэтому русские часто считают финнов невежливыми – русским кажется, что финны не могут совместить свою честность с нормами этикета и дипломатии. А финн, со своей стороны, не может понять, почему русские в таких ситуациях обижены.

Как финн может избежать конфликта и одновременно высказаться честно, если его мнение противоположно? Поэтому финн чаще всего молчит.

Отсутствие необходимости немедленной реакции в диалоге

Ответа финна надо ждать. Если он не сразу отвечает, это не значит, что он не знает ответа. Не надо перераспределять вопрос другому – лучше терпеливо подождать, пока он ответит.

Краткость речевого вклада

Финны не любят произносить и слушать длинных речей, у них ценится краткость и ясность изложения.

Молчаливое принятие решения

Финны в отличие от русских обдумывают решение молча и выдают готовый результат.

Финн говорит только тогда, когда он может сказать что-то действительно важное. Если же финну нечего сказать, он молчит. Молчание – обычное явление финского коммуникативного поведения.

Хорошей иллюстрацией этого является поговорка «финский на самом деле не язык, а способ сидеть и молчать». Для финнов молчание не означает нехватку коммуникативной компетенции, а является существенной частью взаимоотношений. Ценность пауз состоит в том, что они позволяют обдумать сказанное и подготовить заранее следующие фразы.

Спор как принятие решения

Для финна обсудить – это значит обдумать ответ и высказать готовое соображение, которое потом очень трудно будет изменить. И если он ответил, то, значит, он уже принял решение и, уже, как правило, в процессе переговоров от этого решения не отойдет. Финны в дискуссиях практически не меняют мнения.

В дискуссии, если финн молчит, то он не обижается на собеседника, а обдумывает ответ.

Высокая значимость сказанного и сформулированного

У финнов высокая ответственность за принятие решений – устных или письменных.

Для финна каждое высказывание – это обязательство, которое необходимо выполнить. Поэтому он тщательно подбирает слова и, высказав мысль, обычно придерживается ее до конца.

Финны очень тщательно относятся к официальным документам, письменный текст для них обладает очень высокой значимостью и вызывает большое доверие.

Финны устным договоренностям доверяют гораздо меньше, чем письменным. Русские высоко ценят доверие, взаимопонимание и желание работать вместе. Они могут работать и без контракта со своими финскими партнерами, главное – устная договоренность. Для финнов важна письменная договоренность.

Веря «каждому слову», т.е. принимая за истину всё, что написано в договорах, финны как представители индивидуальной культуры часто удивляются тому, что русские, представители коллективистской культуры, легко изменяют содержание или исполнение договора (Lewis 1996, с. 113-115).

Соблюдение коммуникативного суверенитета личности

Если кто-либо из сотрудников прерывает работу финна, чтобы, к примеру, побеседовать с ним, задать вопрос (хочет, например, побеседовать с ним), то это мешает финну, нервирует его.

Разговаривающих коллег нельзя перебивать даже для делового вопроса – они часто просто не слышат обращенного к ним вопроса, не заметят вторгающегося или вежливо укажут, что вы мешаете их беседе.

Финны не будут настойчиво приглашать, угощать. Обычно не спрашивают, почему коллега не пришел на то или иное мероприятие – это его дело, захочет – сам скажет. Удовлетворяются объяснениями типа «Не мог», «У меня были другие планы», «Я неважно себя чувствовал». Обычно не задают вопросов о семейном положении, не задают очень личных вопросов партнерам по деловому общению.

Стремление сохранить лицо

Финны не любят, а точнее – не могут потерять лицо. Финн не любит признавать себя побежденным, «давшим слабину» или просто быть объектом критики.

Финны не любят извиняться – извинение в финском общении встречается редко. Извиниться – это значит признать, что ты ошибся. Поступил неправильно, а это в какой-то степени уже потеря лица.

Молчать – это тоже сохранять свое лицо.

Деловой стиль общения между коллегами

На рабочем месте принято иметь чисто деловые отношения. Коллеги разговаривают между собой мало.

К коллегам не принято обращаться за помощью, в коллективе господствует деловой стиль общения.

Неформальный разговор на переговорах – первые 15 минут, когда пьют кофе, потом никаких неофициальных разговоров.

При этом во время обеденного перерыва в учреждении принято быть вместе – если кто-то из коллег обедает, сидя один за столиком в столовой, принято, чтобы остальные подсаживались к нему, а не занимали свободные столики.

Коммуникативный демократизм в должностной иерархии

Для финнов характерен коллективный стиль управления, разделение полномочий и обязанностей.

В финском коллективе отношения в организации более демократичные. С шефом сотрудники не разговаривают подчеркнуто вежливо, соблюдая дистанцию. Часто шефа нельзя выделить из сотрудников по внешним или коммуникативным признакам. Допустимо «ты» в адрес начальника.

Менее формальные отношения между работником и руководителем в финской деловой практике способствуют тому, что подчиненный может открыто и прямо высказать руководителю свое мнение (но не критику), так же открыто и руководитель может указать на ошибки и подчиненного.

Однако финский подчиненный крайне негативно воспримет резкий, категоричный приказ в свой адрес, т. к. это будет означать, что начальник перестал видеть в нем такие качества, как ответственное отношение к делу и самостоятельность.

В финской деловой культуре существует равновесие между авторитарным и «совещательным» стилем руководства.

В финском деловом общении имеет место равноправие подчиненных и руководителей и неформальность отношений между ними.

На работе у финнов старший возраст не означает автоматически его авторитет или более высокий статус.

Разделение обязанностей

У финнов принято выяснять организационные вопросы непосредственно у обслуживающего персонала, а не у руководителей.

Четкое разделение работы и отдыха

У финнов определен срок работы (8-17 часов), когда они усердно работают: у них точное расписание, которого нужно придерживаться. После рабочего дня задерживаться не принято.

При выполнении любой работы у финнов всегда есть точное рабочее время, после которого они не будут заниматься делами.

Конкретность делового мышления

Финны при общении с коллегами по переговорам хотят узнать каждую мелочь, касающуюся фактов договора, но им труднее осмыслить всю совокупность фактов как целое. У финнов очень хорошая прагматическая подготовка, но им труднее делать обобщения, касающиеся работы.

Невозможность заниматься двумя делами одновременно

Для финнов характерна привычка к последовательному выполнению отдельных видов работы. Они обычно не могут делать что-то и разговаривать, заниматься двумя делами одновременно, разговаривать с двумя собеседниками одновременно. Финское мышление линейно и последовательно, у русского – синтетично.

Недопустимость быстрого изменения достигнутых договоренностей

Для финнов достигнутая договоренность не может быть изменена. Русские могут легко и внезапно изменить договоренность, могут не выполнить договор: «изменились обстоятельства, у покупателя нет денег, пришел новый руководитель» и т.п.

Неприоритетность личного фактора в деловом общении

Финны не любят и не обладают способностью вести традиционную светскую беседу. Тийттула (Tiittula 1992, с. 63-64) подчеркивает, что умение правильно выбирать темы разговора, приветствия, обращения и вежливые формы речи – это свойства, которые финны должны развивать.

Для русских межличностное доверие чрезвычайно важно.

В Скандинавии слишком мало обращают внимание на межличностное общение как часть переговоров, поскольку люди слишком ориентированы на выполнение задачи, т.е. заключение сделки. Русские считают, что финны ведут себя более формально и на неофициальных встречах.

Финны не интересуются делами, касающимися жизни партнеров, желание финнов "остаться в стороне" и невежливость в неофициальном общении вызывают проблемы.

Финны стремятся молчать о своих личных делах. Открытое выражение личных проблем часто оценивают негативно.

Равноправие мужчин и женщин в деловом общении

Равноправие мужчин и женщин в Финляндии проявляется во всем, даже в употреблении алкоголя.

В Финляндии не принято обращаться к женщинам с особым вниманием, говорить ей комплименты. Финны не покупают женщинам цветы без особого повода.

В финском офисе женщина обычный сотрудник, а не «цветок офиса», как в России. Здесь не ждут от деловой женщины элегантности, женственности, ценятся лишь деловые качества.

Русские предприниматели, как часто отмечают финны, «слову женщины вообще не доверяют, а после договоренности с нашим женским представителем перезванивают мужчинам фирмы с желанием проверить все моменты договора».

Неготовность к деятельности в непредвиденных обстоятельствах и ситуациях

Финны не привыкли к непредвиденным ситуациям, как русские, и малейшее изменение вызывает у них недоумение и раздражение. Финнам

трудно приспособиться к новым и неожиданным обстоятельствам, они часто теряются и не знают, как себя вести во внезапно изменившейся ситуации.

Русские реагируют спокойнее на непредвиденные ситуации и умеют быстро находить выход из них.

Законопослушность

Финны высоко ценят законы, соблюдают их, хотя нарушения правил иногда считаются позволительными, если они пойдут на пользу предприятия.

Русские более прагматично относятся к законам и постоянно думают о том, как его обойти.

Можно попробовать дать характеристику финскому деловому сознанию в целом.

В исследованиях межкультурного общения (Salo-Lee 1996, с.36-37) называются 4 разных стиля общения, относящиеся к различиям вербального и невербального общения, а также к таким культурным ценностям ориентациям, как индивидуальность, коллективность и пространство власти:

1. Прямой или непосредственный / косвенный или опосредованный стиль;
2. Многословный / точный или лаконичный стиль;
3. Стиль с ориентацией на личность / на контекст;
4. Стиль с ориентацией на результаты / процесс.

По данной классификации деловое коммуникативное сознание финнов может быть определено как отдающее предпочтение прямому, лаконичному стилю с ориентацией на результаты.

По Хендону и другим (Hendon et al. 1996, с.25) выделяется 4 коммуникативных стиля ведения переговоров:

1. Нормативный (предполагает гармоничные отношения);
2. Интуитивный (творческий, ориентированный на будущее);
3. Аналитический (логика);
4. Фактический (основанный на фактах и деталях).

Финский стиль может быть определен как нормативный, аналитический и фактический.

Таковы основные черты финского делового коммуникативного сознания, проявляющие в деловом общении.

Hendon D.W., Hendon R.A., Herbig P. Cross-cultural Business Negotiations. Westport, 1996.

Lewis R.D. Mekö erilaisia? Suomalaiset kansainvälisissä liikeneuvotteluissa. Helsinki, 1993.

Nurmi R. Management in Finland. Raportti 29/89. Turku, 1989.

Salo-Lee L., Malberg R., Halonoja R. ME ja MUUT. Kulttuurienvälinen viestintä. Jyväskylä: Gummerus, 1996.

Л.Н.Дьякова

Авторская песня как форма общения в русской культуре

Феномен русской авторской (бардовской) песни – исключительно интересный предмет исследования как в плане искусства и культуры, так и в лингвокультурологическом плане, а также в плане выявления особенностей бардовских текстов как типа текста в русской культуре.

Текст бардовской песни – совершенно особое явление, требующее пристального внимания филологов в целом ряде аспектов, в том числе – в лингвистическом, с точки зрения его места в ряду других типов речевых произведений в русской коммуникативной культуре.

Наиболее яркой особенностью бардовской песни как речевого жанра русской культуры является, несомненно, ведущее положение слова, текста в диаде «текст-музыка». Отсюда и напевная декламационность исполнения (Пухова 2002, с.119), которая отражает основное внимание к смыслу, содержанию текста.

При всей важности музыки именно слова составляют суть авторской песни, именно слова являются поводом для ее создания, и именно слова делают авторскую песню важнейшим инструментом дружеского, неформального общения.

Примат слова над музыкой делает русскую авторскую песню важнейшим элементом русского общения, отражает стремление русского человека к искреннему, доверительному разговору с собеседником.

Прежде чем рассмотреть специфику текста бардовской песни, отличающую ее от текстов других жанров, уточним понятие *бард*. Бард в современном понимании – человек, исполняющий свои (или частично свои) песни под собственный гитарный аккомпанемент. В идеале это поэт, композитор и исполнитель в одном лице. Оговоримся, что в последнее время появилась тенденция использовать в бардовской песне тексты профессиональных поэтов (М.Светлов - «Гренада»; И.Анненский - «Моя звезда»; Б.Пастернак - «Снег идет», Э.Багрицкий - «Контрабандисты», многие стихи Ю.Мориц, Д.Самойлова, Ю.Левитанского, П.Вегина и других поэтов), хотя музыка и исполнение остаются при этом авторскими, самодеятельными и эти песни тоже называют бардовскими, а их исполнителей – бардами.

Чем же отличается текст бардовской песни от текста обычного стихотворения, написанного непрофессиональным поэтом? Важнейшей чертой бардовского текста в любом случае оказывается его «внутренняя музыка», заключенная в тексте мелодичность.

Например, стихотворение ученого-биолога Д.А.Сухарева (Сахарова):

Альма-матер, альма-матер –
 Белая ладья.
 Белой скатертью дорога
 В ясные края.
 Альма-матер, альма-матер,
 Молодая прыть.
 Обнимись, народ лохматый,
 Нам далеко плыть!

Ритм, повторы в этом стихотворении мелодичны по сути, «волнообразны».

Не случайно это стихотворение вдохновило В.Берковского, ученого-металлурга, написать в конце 70-ых гг. песню на эти стихи, любимую и популярную до сих пор.

От *профессиональной поэзии* бардовский текст отличается опять-таки особой мелодичностью, а также некоторой упрощенностью языка, даже некоторой «приземленностью». Для него также во многом бывают характерны элементы бытовой тематики, тематика повседневности, повседневного окружения человека. К этому обязывают условия, в которых изначально исполняется бардовская песня. Вряд ли можно будет назвать гармоничным исполнение романсов, скажем, на стихи А.Пушкина, М.Лермонтова или И.Бродского где-нибудь в палатке, у костра или в байдарочном походе. Здесь сочиняются другие песни, которые соответствуют обстановке и которые можно петь хором, можно легко запомнить:

Ветер бродит по лесным дорожкам.
 Ты ведь тоже любишь вечера.
 Подожди, постой еще немножко,
 Посидим с товарищами у костра (А.Якушева)

Две последние строчки обязательно повторяются, это своеобразный закон для большинства бардовских текстов – ведь их удобно подпевать хором даже при первом исполнении.

От *профессионального песенного текста* бардовский текст отличается, прежде всего, предельной искренностью, как говорил А.Городницкий, «потому что авторская песня не терпит фальши. Она не навязывается слушателям телевидением и радио, а насильно слушать вранье у костра никого не заставишь» (Беленький 1989, с. 189). Имея любительские истоки, произрастая из студенческих, туристских песен, часто написанных для «внутреннего употребления», массовое песенное сочинительство, по меткому выражению М.Анчарова, это искусство *до* разделения труда в искусстве. «Главное в нем не то, является ли творческая деятельность средством к существованию. Главное – личность, которая стоит за песнями, умение сказать другим что-то новое: о себе, об окружающих, о прошлом и настоящем» (Беленький 1989, с. 87).

Кроме того, для бардовского текста, в отличие от профессионального песенного текста, всегда характерен ярко выраженный диалогизм – это, пожалуй, основная типологическая черта бардовского текста. Здесь всегда присутствует резонанс души между автором-исполнителем и слушателем.

Бардовский текст очень часто содержит прямое обращение к слушателю. Обратимся к творчеству Вадима Егорова:

Верь,
если счастье ушло и захлопнулась дверь – верь.
Верь
В голубую страну на лазурной гряде,
где
ни бессонниц, ни бед, ни вралей, ни зануд,
где
что ни женщина – ту только Верой зовут,
где
плещут рыбы в воде,
где
настежь каждая дверь –верь.
Только верь!

Отметим также, что важнейшим содержательным компонентом авторской песни является само общение, которое представлено в текстах широко и разнообразно. Авторская песня широко *изображает само общение*.

Достаточно часто текст авторской песни непосредственно *представляет собой общение, диалог*. Вспомним такие известные песни как «Диалог у новогодней елки» (Ю.Левитанский – С.Никитин), «Трубач» (М.Щербаков), «Дела» (В.Егоров), «Говоришь, чтоб остался я» Ю.Кукина, «Мы с тобой давно уже не те» Ю.Аделунга, «Я приглашаю вас в леса» А.Якушевой и Т.Визбор, «Давай с тобой поговорим» О.Митяева и многие, многие другие. Ср. песню «Почтальонка» (Д.Сухарев - В.Никитин):

-Почтальонка, почтальонка,
тяжела ль тебе сума?
-Тяжела моя сума,
тяжела моя сума:
все газеты да газеты,
дотащу ли их сама...
Дотащу ли их сама –
Тяжела моя сума...

- Почтальонка, почтальонка,
Ты снимай свою суму.
-Не могу снимать суму,
не могу снимать суму:
Там на донце похоронка –
Не могу читать, кому.
Там на донце похоронка –
Не могу читать кому.

В авторской песне часто используются глаголы в побудительном наклонении, которые призывают слушателя-собеседника к осуществлению

неких дружеских совместных действий: *давай, начнем, нальем, споем, спой, поднимем, посидим, возьмемся* и мн. др., что также является важным языковым приемом создания диалогизма.

В тексте авторской песни мы часто находим яркую *положительно-эмоциональную оценку совместного общения* и шире — совместного пребывания, объединенного песней — классическим выражением этого элемента бардовской песни является одна из самых известных песен О.Митяева «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

Авторская песня постоянно *осмысливает феномен дружеского общения в узком кругу*, размышляет над разными его сторонами, любителю искренним и дружеским общением людей.

Ср. песню В.Ланцберга:

Шепчутся деревья, пламя небо лижет,
Впереди далекий путь нелегкою тропой.
Брось свои печали, лучше сядь поближе
И еще раз песню ту пропой.

Может, просто больше не бывать такому,
Может, просто мы с тобой немного на войне,
Сверим наши струны, новый мой знакомый,
Чтобы быть уверенней вдвойне!

Вроде бы недавно рядом мы сидели
И из одного с тобой хлебали котелка,
Но легли меж нами версты и недели,
И минута эта далека...

Авторская песня выступает как форма, средство общения в узком кругу друзей, текст авторской песни *адресован, направлен на дружеский круг знакомых людей*, разделяющих мировоззрение и эстетику автора-исполнителя.

Отмеченные выше особенности авторской песни приводят к мысли о том, что русская авторская песня представляет собой особый коммуникативный жанр в русской коммуникативной культуре, она является особым жанром русского общения.

Можно утверждать, что русская авторская песня в определенном смысле непосредственно вытекает из доминантных особенностей коммуникативного поведения русского народа. Мы согласны с И.А.Стерниним, который отмечает, что «в русской авторской песне находят отражение и выражение такие важнейшие черты коммуникативного поведения русского человека как общительность, искренность, эмоциональность, нелюбовь к светскому общению, стремление к неформальному общению, сдержанная самоподача, откровенность в общении, приоритетность разговора по душам, широта обсуждаемой информации, интимность и широта запрашиваемой и сообщаемой информации, проблемность повседневного бытового общения, коммуникативный пессимизм, стремление к постоянству круга общения»

(Стернин 2002, с.135). Все это действительно находит выражение и отражение в авторской песне, но, с нашей точки зрения, главное в текстах русской авторской песни – это ее ориентация на душевное общение автора со слушателем, *стремление к разговору по душам*, то есть типично русскому жанру общения. Большинство классических текстов авторской песни представляет собой именно разговор по душам, гимн душевному, искреннему общению.

Для русского общения, как известно, *разговор по душам* приоритетен. Русский человек любит разговор по душам и стремится к такому разговору, старается придать многим своим разговорам черты именно разговора по душам. Разговор по душам – это, прежде всего, разговор, начисто лишенный всякой официальности, формальности. «Это обычно долгий, без ограничения во времени, дружеский разговор двух людей в медленном, задушевном темпе, негромко. Возможно прикосновение друг к другу. Это разговор преимущественно дома, в неформальной одежде, за едой или выпивкой, когда обе стороны жалуются друг другу на жизнь и кланются в дружбе и поддержке, взаимопонимании, с обсуждением всех личных, в том числе психологических проблем, включая проблемы личной, интимной жизни. Любые темы допустимы, фактически нет тематических табу, могут задаваться любые вопросы. Русские люди любят раскрывать свою душу собеседнику, не стесняются это делать, не стесняются рассказать о сокровенном, могут излить душу постороннему, попутчику в поезде. Отсутствие признаков разговора по душам в ситуации длительного разговора один на один, даже с незнакомым, обычно рассматривается в русском общении как уклонение от искренности. Русский человек склонен рассматривать такой разговор как коммуникативную неудачу. Человек, уклоняющийся от разговора по душам, оценивается негативно – он неискренен, не отвечает взаимностью». (Стернин 2000, с.136).

В авторской песне очень часто актуализируются мотивы дружбы, сочувствия, понимания другого человека, взаимопомощи в трудную минуту, обсуждение личных психологических проблем, бытовых трудностей, в ней содержатся искренние монологи от первого лица на самые сокровенные для человека темы. Ср. :

Когда бы мы жили без затей,
Я нарожала бы детей
От всех, кого любила -
Всех видов и мастей,
И, глядя головы птенцов,
Я вспоминала б их отцов,
Одних – отцов семейства,
Других –совсем юнцов.

И не коснулась б их нужда,
Междуусобная вражда –
Уж слишком были б непохожи
Птенцы того гнезда... (В.Доллина)

Искренность, эмоциональность, откровенность – важнейшие характерологические черты разговора по душам, и мы находим все эти коммуникативные качества в текстах авторской песни.

Текст авторской песни предполагает *неформальность общения*, к которой так стремится русский человек. И опять мы находим это в бардовской песне.

«Неформальность» текста бардовской песни в языковом плане проявляется в широком использовании в текстах бардов разговорных, неформальных (но не вульгарных!) слов и выражений, в обилии дружеских обращений, использовании простого языка.

В содержательно-тематическом плане неформальность бардовского текста связывается как с традиционно неформальными местами исполнения самой песни, так и с пространством существования лирического героя – *лес, костер, поход, горы, тундра, море, река, дорога, переносимые физические трудности*. Зачастую это пространство становится впоследствии своеобразным культурным символом. Так, Б.Окуджава воспел Арбат, Ю.Визбор – горы, В.Высоцкий – быт московских дворов, В.Долина – дом, кухню, детскую колыбель, мир женщины-матери. Есть своеобразные «фирменные» бардовские песни – и для путешествия по реке, и для альпинистов, и для военных и т.д. Лирический герой бардовской песни часто оказывается в таких ситуациях и пространствах как *вокзал, аэропорт, пристань причал, прощальная линейка в спортивном лагере, турбаза, отъезд, расставание* и т.д. Бардовская песня помогает русскому человеку выразить его эмоциональное состояние при прощании, расставании с близкими друзьями – «Милая моя» (Ю.Визбор), «А все кончается, кончается, кончается...» (В.Конер).

Исполнение авторской песни связано с неформальностью самой обстановки исполнения. Даже если авторская песня звучит в зале, зрители ведут себя достаточно неформально, сидят на ступенях зала или на полу, поют, сидят обнявшись, раскачиваются и т.д.

Неформальность, таким образом – это и условие исполнения авторской песни, и «эффект» от ее исполнения: будучи исполняема, она неизменно создает неформальность коммуникативной ситуации.

Авторская песня оказывается как нельзя кстати во время негромкого, не массового застолья – она оказывается средством сближения людей, установления контакта между ними. Вспомним «Иронию судьбы или С легким паром», когда герои Андрея Мягкова и Барбары Брыльской переступают «черту» в отношениях благодаря песням Сергея Никитина «Я спросил у ясеня», «Со мною вот что происходит...», «Мне нравится, что Вы больны не мной...». Бардовская песня сродни тосту на брудершафт – сближает, роднит, сокращает дистанцию между людьми.

Таким образом, практически все качества разговора по душам ярко обнаруживаются в текстах русской авторской песни.

Русская авторская песня соответствует практически всем признакам русского коммуникативного жанра «разговор по душам», она является художественной формой такого разговора – интимного, честного, доверительного, дружеского, откровенного.

Можно, видимо, говорить о двух функциях авторской песни в русской коммуникативной культуре: о первичной и вторичной коммуникативной функции.

Первичная коммуникативная функция авторской песни – *средство дружеского общения по душам* среди единомышленников; в этой функции авторская песня выступает на фестивалях, а также после них, в дружеских компаниях после каких-либо массовых мероприятий. Как фестивали авторской песни, так и исполнение авторской песни у костра, в небольших компаниях – это способ проведения времени в дружеском кругу, форма общения, объединения людей в кругу «своих».

Вторичная коммуникативная функция может быть названа *консолидирующей*, это функция объединения людей в трудных, тяжелых условиях – в походе, в горах, в горячих точках, функция объединения людей в преодолении трудностей и общих воспоминаниях.

Фестивали авторской песни – чисто российское явление. В других странах если и появляется что-либо подобное, то обычно имеет русские корни, и собирается на подобные мероприятия русскоязычная аудитория, преимущественно российские эмигранты, и концерты строятся по давно отработанной схеме: разговор, песни, записки, разговор, опять песни. И на таких концертах все собравшиеся мысленно переносятся в Россию. Потому что такая форма общения характерна исключительно для русского человека...

Таким образом, русская авторская песня – не только отражение, воплощение, способ проявления ряда важнейших принципов русского общения, но и фактически один из коммуникативных жанров русского общения.

Л.П.Беленький и др. (сост.) «Люди идут по свету»: книга-концерт. М., 1989.

Пухова Т.Ф. Авторская песня и фольклорная традиция. //Городской романс и авторская песня. Воронеж. 2002, с.119-135.

Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века. Воронеж, 2000, с.95-128.

Стернин И.А. Авторская песня и русское общение. //Городской романс и авторская песня. Воронеж. 2002, с.135-138.

3.3. Психолингвистический анализ коммуникативного сознания

М.В.Шаманова

Экспериментальное изучение категории *общение* в русском коммуникативном сознании

Коммуникативные категории, по определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, – "самые общие коммуникативные (концепты) понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления". Они содержат информацию о том, "как тот или иной носитель языка понимает категоризируемое явление, что он включает в состав данного явления, какие нормы и правила связывает с данным понятием, как он "вписывает" данную категорию в состав других коммуникативных и некоммуникативных мыслительных категорий" (Попова, Стернин, 2002, с. 30-31).

К одной из важнейших для изучения коммуникативных категорий относится собственно категория *общение*.

Для выявления содержания концепта в сознании носителей языка могут быть использованы экспериментальные методики. Нами было проведено экспериментальное исследование категории *общение* методом субъективных дефиниций.

Испытуемым предлагалось письменное задание: продолжите фразу *общение - это...*

- 1.
- 2.
- 3.

Время на выполнение задания не ограничивалось.

В эксперименте принимало участие 195 человек, из них - 92 мужчины, 103 женщины, 118 человек в возрасте от 20 до 30 лет, 77 человек в возрасте от 31 до 60 лет.

Некоторые затруднения вызвала необходимость дать три реакции, но в течение 10-12 минут большинство испытуемых справились с заданием (116 человек из числа опрошиваемых). Две реакции дали 35 человек, одну реакцию - 28 человек. Около двадцати испытуемых дали более трех реакций. Эти данные и отсутствие реакций типа "затрудняюсь ответить" свидетельствуют о том, что категория *общение* находится у русского человека в активной зоне языкового сознания.

В ходе эксперимента получено 475 различных реакций. Сходные по смысловому содержанию ответы обобщались, а их частотность суммировалась. Укажем реакции, встретившиеся не менее трех раз.

Общение – это *беседа, разговор 87, обмен информацией между людьми 57, взаимоотношения, контакт между людьми 34, обмен мнениями, мыслями между людьми 19, взаимодействие людей посредством письменной или устной речи, с помощью жестов, мимики и т.п. 16, времяпрепровождение в кругу близких людей (родственников, друзей) 11, обмен эмоциями, чувствами, переживаниями 11, дружба 10, получение новых знаний, новой информации 9, потребность человека (жизненная, психологическая, эстетическая) 9, взаимоотношения человека с окружающим миром 7, приятная беседа 6, взаимопонимание 6, интересное, приятное проведение времени 6, обсуждение интересующих тем 6, самовыражение 6, общность взглядов, интересов 6, возможность поговорить о своих проблемах, выговориться 5, умение слушать 4, развитие человека (интеллектуальное, духовное) 5, разговор на различные темы 4, любовь 4, деловая связь 4, встреча, беседа со знакомым человеком 4, новые знакомства 3, способность одного человека передавать информацию, мысли, чувства другому человеку 3, познание друг друга 3, психологическая разрядка 3, процесс целенаправленного обмена информацией 3, обмен впечатлениями 3, встречи с интересными людьми 3, передача информации на расстоянии 3.*

Эксперимент позволил выявить общие представления взрослых носителей русского языка об общении, а также обнаружить гендерные и возрастные особенности данной категории.

Общими для мужского и женского восприятия являются признаки: *беседа, разговор; взаимоотношения, контакт между людьми; обмен информацией между людьми; дружба; получение новых знаний, новой информации; приятная беседа; интересное, приятное проведение времени; разговор на различные темы; любовь.*

Для женщин важны следующие стороны общения:
эмоциональная сторона: *обмен эмоциями, чувствами 9,*
понимание собеседника: *взаимопонимание 5, умение находить общий язык с людьми противоположных взглядов 2,*
отношения с близкими, симпатичными людьми: *времяпрепровождение в компании близких людей, контакты с людьми, которые вызывают симпатию 2.*

Важными для коммуникативного сознания женщин являются также следующие признаки: *потребность человека 7; развитие человека 5.* Мужчины определяют общение как *времяпрепровождение 7, обсуждение интересующих тем 6, общность интересов 4, познание друг друга 3.* Исключительно мужчинами были даны реакции: *посиделки; чисто попить водки; посидеть в кафе с друзьями за бутылочкой пива; разговор об охоте, рыбалке.*

Мужчины дают значительное число оценочных реакций, как позитивных, так и негативных: *порядочность, доброта, доверие, гостеприимство* как качества, характеризующие человека в отношении к общению, с одной стороны, и *болтовня, разговор ни о чем,* с другой стороны.

Женщины оценивают общение с положительной стороны: *наслаждение разговором; много веселья; душа отдыхает; удовольствие; положительные эмоции.*

Для женщин значимыми являются также следующие факторы: знание норм и правил общения, работа над формированием коммуникативных умений (умением правильно построить беседу, правильно изложить свои мысли и др.).

Анализ возрастной специфики категории *общение* показал, что в сознании обеих возрастных групп данная категория представлена одинаковыми признаками: *обмен информацией между людьми; беседа, разговор; взаимоотношения, контакт между людьми; обмен мнениями, мыслями между людьми; обмен эмоциями, чувствами, переживаниями; взаимодействие людей посредством письменной или устной речи, с помощью жестов, мимики и т.п.; дружба; времяпрепровождение.*

Частотность встретившихся в разных возрастных группах реакций приведем в таблице:

Реакция	Количество упоминаний признака в группе людей	
	20-30 лет	31-60 лет
Обмен информацией между людьми	42	13
Беседа, разговор	42	40
Взаимоотношения, контакт между людьми	21	9
Обмен мнениями, мыслями между людьми	11	8
Взаимодействие людей посредством письменной или устной речи, с помощью жестов, мимики и т.п.	10	6
Обмен эмоциями, чувствами, переживаниями	7	4
Дружба	3	7
Времяпрепровождение	3	6

Общение для опрашиваемых обеих возрастных групп - это процесс разговора людей друг с другом.

Для молодежи в процессе общения важен обмен информацией, испытуемые данной возрастной группы предпочитают определять общение как взаимоотношения, контакт между людьми.

Испытуемые старшей возрастной группы, помимо перечисленных в таблице, дали следующие реакции: *деловая связь; общность взглядов, интересов; дружба.*

Этой же группе испытуемых предлагалось задание: подберите близкие по смыслу слова к слову *общение*. При обработке этого эксперимента близкие реакции также сводились в одну, а их частотность суммировалась.

Результаты эксперимента

Беседа, разговор, диалог 65, *взаимодействие, взаимоотношения* 32, *обмен мнениями* 11, *встречи* 9, *обмен информацией* 8, *коммуникация* 6, *взаимопонимание* 5, *дружба* 5, *разговор на разные темы* 4, *дебаты, дискуссия, диспут* 3, *взаимопомощь* 2, *интерес* 2, *коммуникабельность* 2, *вербальный контакт* 2, *познание* 2, *потребность человека* 2, *сообщение* 2, *тусовка* 2, *базар* 1, *близость в разговоре* 1, *дружеская болтовня* 1, *веселье* 1, *времяпрепровождение* 1, *периодические встречи* 1, *интересные встречи* 1, *доверие* 1, *знакомство* 1, *мировоззрение* 1, *монолог* 1, *информация* 1, *ознакомление* 1, *хорошее отношение* 1, *переписка* 1, *процесс* 1, *развлечение* 1, *вольный разговор* 1, *наслаждение разговором* 1, *речь* 1, *самовыражение* 1, *сближение* 1, *словоблудие* 1, *соприкосновение* 1, *сострадание* 1, *сотрудничество* 1, *сплетни* 1, *телефон* 1, *увлечение* 1, *функция людей, необходимая для общества* 1, *отсутствие ответа* 21.

Результаты этого эксперимента подтверждают данные первого эксперимента: наиболее яркими когнитивными признаками общения являются следующие: *взаимоотношения, контакт между людьми; разговор, беседа*.

Проведенный эксперимент позволил выявить новые когнитивные признаки общения: *дебаты, дискуссия, диспут; тусовка; периодические встречи; мировоззрение; вольный разговор; сплетни*.

Сопоставление данных по наиболее частотным реакциям в отдельных группах испытуемых приведены в таблице:

Реакция	Количество упоминаний признака в группе людей			
	мужчины	женщины	20-30 лет	31-60 лет
Беседа, разговор, диалог	34	31	41	24
Взаимодействие, взаимоотношения	10	22	25	7
Обмен мнениями	7	4	3	8
Встречи	3	6	4	5
Обмен информацией	5	3	7	1

Наконец, тем же испытуемым предлагалось задание подобрать противоположные по смыслу слова к слову *общение*.

Результаты эксперимента

Замкнутость 52, молчание 29, изоляция, затворничество, уединение 12, конфликт, вражда, раздор, разлад, размолвка, ссора 11, одиночество 8, не общение 7, монолог 3, ненависть 3, не взаимодействие 3, скрытность 3, разобщение 2, абстрагирование 1, бойкот 1, драка 1, заботность 1, запрет 1, игнорирование 1, контра 1, напряг 1, незнание друг друга 1, немота 1, необщительность 1, обида 1, не встречаться 1, пустота 1, самодостаточность 1, скука 1, спор 1, тишина 1, угрюмость 1, умолчание 1, уход в себя 1, отсутствие ответа 44.

Отсутствие общения характеризует человека замкнутого, одинокого, имеющего конфликты с окружающими его людьми.

Большинство перечисленных испытуемыми признаков имеют негативную оценку: *вражда, раздор, разлад, ссора, драка, заботность, ненависть, угрюмость.*

Анализ результатов трех проведенных экспериментов позволяет сделать вывод о важности для русского человека процесса общения. Общение рассматривается как одна из форм проведения времени, общение необходимо для обмена информацией, знаниями, опытом, эмоциями, чувствами, это возможность раскрыть свой внутренний мир, познать окружающих, это то, без чего человеческое общество не может существовать.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. - Воронеж, 2002.

Л.А.Тавдгиридзе

Концепт «английский язык» в русском коммуникативном сознании

В данной статье мы предлагаем результаты экспериментального исследования концепта «английский язык» в русском коммуникативном сознании.

Под коммуникативным сознанием следует понимать «совокупность коммуникативных знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека» (Попова, Стернин 2002, с.29). Это коммуникативная установка сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, определяющих в обществе нормы и правила коммуникации.

Под коммуникативными категориями понимаются самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его существования (Попова, Стернин 2002, с.30-31).

Нами были опрошены воронежские студенты: 125 человек (60 мужчин и 65 женщин) в возрасте от 15 до 21 года.

В исследовании использовался направленный ассоциативный эксперимент. Выявлялась гендерная специфика исследуемого концепта в русском языковом сознании.

Испытуемым задавался вопрос: «Английский язык – какой?» (вопрос записывался на доске). Предлагалось письменно дать пять реакций на предъявленный стимул. Близкие по смыслу реакции суммировались. Было получено и проанализировано 625 реакций.

Результаты эксперимента

Английский язык – сложный, невоспринимаемый, запутанный 125, интересный 83, красивый 66, нужный 57, занудный, нудный, скучный, однообразный, неразнообразный, монотонный, надоед, неинтересный, глупый, тупой, тупорылый, пошлый, плохой, узкий, непредсказуемый 44, непонятный 43, неродной 42, разнообразный, большой, объемный, много слов 37, странный, чужой, смешной, забавный, необычный, прикольный, непривычный, загадочный, с нюансами, каламбурный 35, международный 35, резкий, жесткий, грубый, незвучный, сухой, непевучий, колючий, неразумительный, неличный, неприятный, лающий, гавкающий, картавый, нервный 35, звонкий, хорошо звучащий, музыкальный, мелодичный, певучий, лирический, выразительный, хорошо произносимый, мягкий, красноречивый 20, полезный, важный, познавательный, удобный 18, деловой 14, легкий, простой, несложный 11, модный, стильный, современный 11, логичный, четкий, регламентированный, стандартный, дисциплинированный, рациональный 8, вежливый, культурный 3, великий, дорогой, любимый, молодой, могучий, прямой, фиговый, лажовый, плохой, неинтересный, мало мата.

Ассоциативной поле стимула «английский язык» членится на ядро и периферию. К ядру относятся ассоциаты: сложный, интересный, красивый, нужный, скучный, нудный, непонятный, неродной.

К ближней периферии относятся: смешной, забавный, непривычный, необычный, прикольный, загадочный, каламбурный; резкий, жесткий, грубый, незвучный, сухой, непевучий, колючий, неличный, неприятный, лающий, гавкающий, картавый, нервный; разнообразный, большой, объемный, много слов; звонкий, звонкий, хорошо звучащий, музыкальный, мелодичный, певучий, лиричный, выразительный, хорошо произносимый; полезный, удобный, нужный; деловой, легкий, модный.

Дальнюю периферию представляют ассоциаты: логичный, четкий, регламентированный, стандартный, дисциплинированный; вежливый, культурный; великий, дорогой, любимый, молодой, могучий, прямой, фиговый, лажовый, плохой, неинтересный, мало мата.

Гендерная специфика концепта «английский язык» выявляется в следующем: и в мужском, и в женском коммуникативном сознании английский язык – *неродной, нужный, непонятный, странный, сложный, деловой*.

В коммуникативном сознании женщин присутствует следующая оценка языка: *сложный, запутанный, неинтересный, непонятный, скучный, однообразный, большой*.

Мужское коммуникативное сознание характеризует английский язык как *международный, полезный, логичный*.

Обращает на себя внимание не только высокая яркость признака «сложный» (сто процентов опрошенных выделили этот признак), но и явная противоречивость основных признаков: *лающий, гавкающий, нервный, но музыкальный, мелодичный, лирический; красивый – некрасивый; интересный – скучный; нужный – смешной; небогатый – большой, объемный*.

Следует отметить, что большой процент испытуемых отрицательно характеризует английский язык со стороны его фонетического состава: *сухой, непевучий, колючий, лающий, гавкающий, картавый*.

Большое количество ассоциатов связано с негативной эмоциональной оценкой: *некрасивый, занудный, нудный, скучный, однообразный, монотонный, неинтересный*.

Большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава – семантический гештальт (Караулов 2002, с.194), который складывается обычно из нескольких зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки, понятия.

Можно выделить следующие семантические зоны:

- зона сложности освоения языка:

сложный, запутанный, невоспринимаемый, трудный;

- зона общей оценки:

великий, любимый, дорогой, фиговый, лажовый, узкий, прямой, мозучий;

- зона эстетической оценки:

сухой, колючий, невыразительный, нелиричный, неприятный, лирический, выразительный, чувственный, нежный, красноречивый;

- зона сходства с родным языком:

непонятный, смешной, забавный, необычный, прикольный, своеобразный, особый, непривычный, загадочный;

- зона фонетической оценки:

звучный, звонкий, хорошо звучащий, певучий, непевучий, лирический, музыкальный, хорошо произносимый, картавый, гавкающий, лающий, нервный, жесткий, грубый, незвучный;

- зона распространенности:

международный, всеми изучаемый;

- зона негативной эмоциональной оценки:

некрасивый, занудный, нудный, скучный, однообразный, монотонный, неинтересный, недоел, глупый, тупой, тупорылый;

- зона утилитарной оценки:

нежный, ненужный, важный, полезный, деловой, неудобный;

- зона логичности:

логичный, четкий, точный, регламентированный, стандартный, рациональный, дисциплинированный;

- зона модности:

современный, модный, стильный;

- зона объема словарного запаса:

разнообразный, большой, объемный, мало слов;

- зона вежливости:

вежливый, культурный;

- зона доступности изучения:

легкий, простой, несложный;

- зона особенности словарного состава:

мало мата.

Таким образом, анализ показывает, что концепт «английский язык» в русском коммуникативном сознании имеет положительную оценку. Можно отметить тенденцию положительно оценивать людей за владение английским языком, вырабатывается установка на совершенствование знаний в области английского языка, который необходим, полезен в жизни, так как широко распространен.

Негативная же оценка с точки зрения эмоционального и звукового восприятия объясняется тем, что испытуемые недостаточно владеют английским языком.

В целом же эксперимент показывает, что в русском коммуникативном сознании происходят изменения, отражающие растущий интерес к английскому языку как к деловому, нужному, международному, удобному и полезному.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Воронеж, 2002.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Воронеж, 2002.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети. // Этнокультурные исследования языкового сознания. М., 2002.

Н.А. Лемяскина

Формирование коммуникативной категории «вежливость» в сознании младшего школьника

Исследование коммуникативного поведения младшего школьника позволяет выявить уровень сформированности определенных коммуникативных категорий (таких, как общение, вежливость, коммуникативный идеал, хорошая речь и др.) в его коммуникативном сознании. Под коммуникативными категориями понимаются самые общие

коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об обобщении и нормах его осуществления (Стернин, 2001).

Нами был проведен опрос учащихся (307 чел.) первых-четвертых классов г. Воронежа. Детям предлагалось письменно закончить фразу: вежливость - это ...

Полученные данные (опрос 89 учащихся первого класса) свидетельствуют о том, что в коммуникативном сознании первоклассника категория "вежливость" представлена следующими составляющими:

1. **Употребление вежливых слов** (отмечает 48% опрошенных): спасибо, пожалуйста, извините, здравствуйте, до свидания, добрый день, добрый вечер, привет и "другие такие" слова, а также отсутствие "плохих" слов (не говорить плохих слов, не дразниться);

2. **Уважение** (к определенному кругу лиц 18%): уважать папу, маму, учителя, врача.

3. **Соблюдение норм поведения в общественных местах** (21%): стучать в дверь, хорошо вести себя за столом, на улице, в школе; соблюдать дисциплину, не болтать на уроке с другом; не плевать; человек, который может вести себя в обществе, хорошо обращается с мамой, бабушкой, дедушкой, культурность.

4. **Приветливость, приятность в общении** (18%): человек, который любит общаться, говорить вежливые слова и дарить улыбку; когда человек жмет руку и рад; человек, который приносит радость всем; спокойно говорит, не кричит, хорошо говорит с друзьями и взрослыми; вежливо разговаривает с учителями, ласково говорит.

5. **Помощь родным и друзьям** (10%): помогать друг другу, маме, всем; делиться (например, иногда дети забывают в школу ручку, карандаш и вежливый человек в этом поможет).

6. **Доброта** (8%): быть добрым; человек, который никому не желает зла.

7. **Соблюдение норм общения** (6%): не отнимать игрушки у малышей; слушаться учителя; если ударил друга, надо извиниться.

8. **Ум** (5%)

9. **Любовь к другим** (2%): человек, который всех любит.

10. **Красивая (хорошая) речь** (2%):- красиво говорить.

Единичные ответы: скромность, радость; это Коля и Женья, но этого не видели; Наталья Николаевна.

Таким образом, ядром категории "вежливость" у первоклассников является **употребление вежливых слов**. Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что категория "вежливость" в сознании первоклассника в основном сформирована (наличие в ответах составляющих: употребление вежливых слов, приветливость в общении, соблюдение норм общения), хотя значительную долю занимают понятия, относящиеся к моральным и интеллектуальным качествам собеседника (доброта, ум, любовь к другим). Следует также отметить, что часть опрошенных отождествляют качество "вежливость" с его носителем - человеком (ср. пример с Женей и Колей, Натальей Николаевной).

При исследовании содержания коммуникативной категории “вежливость” в сознании учащихся второго класса (опрос 70 чел.) ответы детей оказались более развернутыми и содержательными. Данная категория представлена у них следующими составляющими.

1. **Вежливая речь** (38%):

- употребление вежливых слов: говорить большое спасибо, до свидания, простите, привет, говорить волшебные слова (и дают пояснения: но говорить эти слова от души);

- отсутствие “плохих” слов: когда человек не говорит грубых слов, не знает плохих слов, вежливый человек не будет обзывать.

2. **Приветливость, приятность в общении** (37%): хороший характер у человека; когда человек милый; ласка, ласковое сердце (как у нашего учителя); когда к тебе хорошо относятся; когда человек внимательный; когда человек говорит что-нибудь хорошее, добрые слова; когда человек делает людям приятно; когда человек говорит спокойно; когда человек говорит красивые слова другому человеку; когда человек улыбается; вежливый человек говорит приятно; приветливо, с добрыми намерениями.

3. **Доброта** (30%): добро, доброта, добрая душа, доброта души.

4. **Любовь к другим** (23%): когда человек всех любит; любит людей; когда он любит не только себя, (а они должны быть такими, как дети у нас в классе), любовь.

5. **Соблюдение норм поведения** (23%): когда человек воспитанный; когда уступает место (в троллейбусе один мальчик, он уступил место бабушке), быть дисциплинированным, не бегать (в школе); вежливый человек не полезет в драку; не дерется.

6. **Уважение** (19%): уважение, уважение к человеку, когда уважаешь друг друга.

7. **Помощь другим** (12%): вежливый человек всегда поможет в беде; человек, который всем помогает; помогать друг другу; когда человек поможет кому-нибудь; когда ученик помогает учителю; когда человек помогает нести пакет, сумку; если что-то у кого-то упадет, он поднимет.

8. **Соблюдение норм общения** (10%): человек уступает; вежливый человек всегда заступится за младшего; слушаться всех.

9. **Красивая (хорошая) речь** (6%): человек внятно и небыстро говорит; ясно говорит; красиво говорит.

10. **Ум** (4%)

Таким образом, результаты исследования показывают, что у учащихся второго класса содержание понятий, составляющих категорию “вежливость” значительно обогащается новыми понятиями и представлениями. Причем составляющая “вежливые слова” (1 класс) обобщается в “вежливую речь”, “уважение к определенному лицу” (1 класс) в “уважение к человеку” (2 класс), “помощь родным и друзьям” (1 класс) в “помощь окружающим” (2 класс), т.е. содержание данной категории в сознании второклассников расширено и носит более обобщенный характер, однако нравственные составляющие, как и у первоклассников, занимают значительную долю в содержании категории “вежливость”.

Исследование содержания коммуникативной категории “вежливость” в сознании учащихся третьего класса (опрос 64 чел.) дало следующие результаты.

1. **Соблюдение норм поведения** (53%):

- культура поведения, воспитанный человек знает правила поведения; человек знает, как надо себя вести; за столом не разговаривать; не перебивать старших; когда взрослые разговаривают, не надо перебивать; когда ты хочешь выйти из школы, а туда, наоборот, хочет зайти взрослый человек, ты должен пропустить сначала его; в транспорте уступать место; уступать место старшим; уступать место в трамваях, троллейбусе, маршрутках; надо, когда ты едешь в транспорте, сидишь, и стоит старый человек, надо встать тебе с сиденья, а старый человек пусть сядет; мальчик или девочка сидят в автобусе, а старая бабушка или дедушка вошли в автобус, он уступил место старому человеку, хорошо себя вести; баловаться нельзя, когда человек не дерется, вежливые манеры, хорошие манеры.

2. **Доброта** (43%): добрый, добро, доброта, добрый человек, с ним можно общаться; когда человек делает добрые дела.

3. **Приветливость, приятность в общении** (33%): хороший человек; прекрасный человек; человек, с которым хочется общаться; ласковость, человек говорит добрые слова, красивые слова, душевные слова; приветливые, чувствительные слова, спокойный человек, разговаривает вежливо, спокойный голос.

4. **Вежливая речь** (32%): человек говорит вежливые слова, извините, здравствуйте, спасибо, пожалуйста, до свидания; человек, который здоровается и прощается (я думаю, их должен говорить каждый человек); не грубит взрослым.

5. **Уважение** (20%): уважать старших, уважение других людей; человек, который уважает людей; уважение к человеку.

6. **Помощь другим** (13%): помогать взрослым, помощь в трудную минуту; тебя попросят об одолжении, ты должен это сделать, человек должен помогать тому человеку, кому нужна помощь.

7. **Ум** (10%): умный.

8. **Любовь к другим** (7%): любить; любить друзей.

9. **Красивая речь** (6%): говорить красиво.

10. **Соблюдение норм общения** (4%): слушает своих родителей.

Опрос учащихся четвертого класса (84 чел.) дал следующие результаты:

1. **Вежливая речь** (44%):

- когда люди говорят спасибо; когда говорят слова до свидания, спасибо, извини, значит, человек вежливый; когда люди умеют прощаться, благодарить, говорить здравствуйте, спасибо, на здоровье, до свидания; человек благодарит своих друзей; это наполовину волшебные слова: сказать пожалуйста, спасибо, извините, вежливые фразы, вежливые выражения (дети дают пояснения: чтобы быть вежливым, надо научиться правильно говорить вежливые слова);

- не говорить плохих слов другому человеку, не грубить; не обзывать; не грубиян старшим, не оговариваются; когда человек не ругается, не огрызается со взрослыми.

2. **Приятность, приветливость в общении** (39%): приветливые встречи; улыбаясь, прощаться, приветливость, приятное общение, приятная речь, приветливые жесты, взгляды, улыбка; поклонись, улыбнись, посмотри внимательно; когда человек говорит приятные слова и тому человеку очень приятно слышать хорошие слова, добрые слова, хорошее отношение к людям, к друзьям, хорошие отношения между людьми, хорошее отношение к человеку; к людям, мирные отношения к людям; вежливо разговаривать друг с другом, умение разговаривать вежливо, говорить уважительно (пояснение детей: надо скрывать, что ты думаешь о человеке).

3. **Соблюдение норм поведения** (22%): не влезать в разговор со взрослым; когда здороваешься со взрослым первым; никуда не опаздывать; хорошо вести себя в гостях; хорошо вести себя за столом, пожатие руки; при встрече протягивать друг другу руки; уступать место старшим; когда уступаешь место взрослому человеку в общественном транспорте, уступи женщине дорогу, старику - место в автобусе, не драться, вести себя прилично, вежливые привычки.

4. **Уважение** (12%): уважать старших, уважение к старшим, когда люди уважают друг друга, относиться к людям с уважением, когда люди уважают других вежливых людей, уважение.

5. **Бесконфликтность** (26%):

- бесконфликтность, бесконфликтные отношения, бесконфликтная речь.

6. **Соблюдение норм общения** (24%): когда мальчик не обижает девочку; успокой малыша; уступают друг другу, тактичность, совершать вежливые дела, поступки, не важничать, не задирать нос.

7. **Доброта** (11%): доброта, быть добрым, добрый человек, доброе отношение к друзьям, учителю, родителям, сестрам, братьям, всякие добрые дела (пояснение: вежливый человек должен быть добрым).

8. **Помощь другим** (11%): помощь кому-то в трудную минуту, помогают в трудную минуту, помогают друг другу; когда тебе помогают: например, когда ты упал или что-то уронил; помоги женщине донести тяжелую сумку; когда тебя просят, ты должен выполнить, тогда ты попросишь, тебе тоже помогут.

9. **Красивая (хорошая) речь** (9%): красивая речь; правильная, красивая речь, говорить легко, спокойно; культурная речь.

Причем, учащиеся 4 класса, кроме того, что дают развернутые толкования данного слова, дают пояснения: Вежливость - это очень хорошо! Вежливость нужна человеку! Вежливость - это самое хорошее на земле, вежливости надо учиться! Вежливость все двери открывает (17%); без вежливости человек не мог бы жить (12%); без вежливости человеку не обойтись; ничто не дается человеку так дешево и не ценится так дорого, как вежливость (12%).

Вышеперечисленные составляющие можно объединить в несколько групп (блоков):

1. Коммуникативная вежливость:

- вежливая речь (вежливые слова);
- приветливость, приятность в общении;
- соблюдение норм общения;
- бесконфликтность;

- уважение.

2. Поведенческая вежливость:

- соблюдение норм поведения;
- помощь другим;

3. Требования к речи

- красивая (хорошая) речь.

4. Моральные качества собеседника:

- доброта;
- любовь к другим.

5. Интеллектуальные качества:

- ум.

Таким образом, исследование показывает, что содержание категории “вежливость” можно разделить на составляющие: “коммуникативная вежливость” и “поведенческая вежливость” наряду с моральными и интеллектуальными качествами. Следует отметить, что такое разделение условно и вызвано необходимостью научного описания, хотя в сознании ребенка существует неразделимо.

Полученные данные можно представить в виде таблицы.

Содержание категории “вежливость”	Количество испытуемых, выделивших данный признак (в %) по классам			
	1кл.	2кл.	3кл.	4кл.
I. Коммуникативная вежливость				
1. Вежливая речь (слова)	48	38	32	44
2. Приветливость, приятность в общении	18	37	33	39
3. Соблюдение норм общения	6	10	4	24
4. Бесконфликтность	-	-	-	26
5. Уважение	18	19	20	12

II. Поведенческая вежливость				
1. Соблюдение норм поведения	21	23	53	22
2. Помощь другим	10	12	13	11

III. Требования к речи				
1. Красивая (хорошая) речь	2	6	6	9

<i>IV. Моральные качества собеседника</i>				
1. Доброта	8	30	43	11
2. Любовь к другим	2	23	7	-

<i>V. Интеллектуальные качества</i>				
1. Ум	5	4	10	-

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в сознании младшего школьника происходит постепенное уточнение понятий и представлений, лежащих в основе категории “вежливость” и все большую часть занимают те из них, которые относятся к коммуникативной вежливости. В четвертом классе появляется составляющая “бесконфликтность” и значительно уменьшается доля моральных и интеллектуальных качеств собеседника в понятии «вежливость». Ядром коммуникативной категории “вежливость” у учащихся четвертого класса является “вежливая речь” и “приветливость, приятность в общении”. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что коммуникативная категория “вежливость” у учащихся младших классов эволюционирует от общеоценочной к собственно коммуникативной.

Обучение учащихся культуре общения способствует более быстрому и адекватному формированию коммуникативной категории “вежливость” в сознании ребенка с ориентацией на бесконфликтное общение.

Стернин И.А. О понятии коммуникативного сознания // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж, 2001.

Раздел 4.

Национальные особенности когнитивного сознания

4.1. Анализ концептосферы лингвистическими методами

О.В. Ивашенко

Когнитивные классификаторы русских и английских имен ментальных состояний

Проблема соотношения языковых и неязыковых знаний, концептуальной и лексико-семантической информации является одной из самых сложных в современной лингвистике.

Мысль о способности языка, с одной стороны, отражать видение мира человеком, и с другой, задавать человеку стереотипы восприятия мира, имеет длительную историю. В. фон Гумбольдт постулировал существование особого языкового мировидения. Лингвисты неогумбольдтианского направления высказывают мысль о том, что язык выражает все представления нации о мире, являющиеся результатом преобразования мира с помощью языка. Американская этнолингвистика указывает на способность языка конструировать мир: Э.Сепир придает особое значение способности языка преобразовывать действительность, порождая тем самым специфическую картину мира. Эмпирические факты упорядочиваются, распределяются по классам, вступают друг с другом в пространственные, временные и причинно-следственные отношения благодаря творческой активности языка. Б. Уорф подчеркивает роль языка в процессах категоризации.

Исследования в русле когнитивной лингвистики позволили выявить когнитивные механизмы категоризации явлений реальной действительности с учетом соотношения языковых и неязыковых знаний, концептуальной и лексико-семантической информации. Авторы современных публикаций единодушны в том, что в форме категоризации в сознании человека отражается восприятие человеком структуры реального мира. «Образование категории тесно связано с формированием концепта или группы концептов, вокруг которых она строится» (Кубрякова 1996, с. 46). Многие работы посвящены анализу структуризации категорий и связей их организующих

(Гольдберг 2000, Лакофф 1988, Семантика и категоризация 1991, Rosch 1978). Ставится вопрос о том, как устроена языковая категория на глубинном уровне (Уорф 1972, Кретов 1992, Борискина 2000).

Э.Рош отмечает, что реальный мир структурирован и это отражено в сознании человека в виде определенной категоризации. Каждая категория характеризуется внутренней структурой, в основе которой лежит неравноправность членов категории: в каждой категории существуют психологически наиболее выделенные объекты – центральные, фокальные, типичные элементы категории, называемые прототипами, и менее типичные, нефокальные, периферийные элементы. (Rosch 1978).

Американский лингвист Дж. Лакофф в статье «Мышление в зеркале классификаторов», ссылаясь на исследования Диксона, Борхеса и Э.Рош, постулирует, что различные народы мира могут классифицировать одни и те же реалии по-разному и совершенно неожиданно. Общие принципы, лежащие в основе различных систем классификации, включают центральность; наличие цепочечных связей; специфические сферы опыта, определяющие связи в категориальных цепочках понятий; идеальные модели мира (в том числе мифы и различные поверья), которые могут задавать связи в категориальных цепочках; специфическое знание, которое получает при категоризации преимущество перед общим знанием; отсутствие общих характеристик, мотивация и некоторые другие. Центром, вокруг которого объединяются имена в определенные классы на основании актуальных для человека классификационных принципов, является классификационная категория – когнитивный классификатор (Лакофф 1988).

Когнитивные классификаторы находят проявление в *концептосфере* как концептуальные признаки, используемые для объединения сходных в каком-либо отношении концептов, и репрезентируются в *языковой семантике* (на глубинном уровне) как *интегральные и дифференциальные* семы. Они «упорядочивают для человека и действительность, и язык: в соответствии с этими классификаторами объединяются и дифференцируются как предметы действительности, так и языковые единицы» (Попова, Стернин, 2001, с. 84).

В последнее время появились работы, в которых авторы ставят вопрос о составе и функционировании когнитивных классификаторов на материале конкретных тематических групп лексики. Выделены когнитивные классификаторы концептов посуды в русском и английском языках (Попова 1996), концептов овощей и фруктов в русском и английском языках (Хаустова 1999). Представляют интерес сопоставительные исследования когнитивных классификаторов этикетных формул в различных языках (Краснослободцева 2000). Материал некоторых исследований подводит авторов к пониманию когнитивного классификатора, хотя сам термин не употребляется (Логический анализ языка 1991, 1993, 1995, 2000).

Категория когнитивных классификаторов абстрактной лексики остается недостаточно изученной. Не ясны состав и функции классификаторов в структурировании абстрактных имен. Для определения подходов к решению этих вопросов мы избрали когнитивные классификаторы русских и английских абстрактных имен ментальных состояний: знание (английское

knowledge), сознание (английское consciousness), мысль (английское thought), идея (английское idea), озарение, внимание (английское attention), интерес (английское interest), любопытство (английское curiosity), вера (английское belief, faith, trust), надежда (английское hope), удивление (английское surprise), недоумение (английское amazement), изумление (английское astonishment), сомнение (английское doubt), колебание (английское hesitation), неведение, незнание (английское ignorance).

Результаты анализа показывают, что когнитивные классификаторы имен ментальных состояний в русском и английском языках следующие:

1) Оценка наличия-отсутствия знания и степени уверенности в его истинности;

2) Мера четкости мыслительного содержания состояния;

3) Вид объекта знания;

4) Объем мыслительного содержания состояния;

5) Внутригрупповые когнитивные классификаторы.

Определяющим когнитивным классификатором лексико-семантического поля ментальных состояний в русском и английском языках является **ОЦЕНКА НАЛИЧИЯ-ОТСУТСТВИЯ ЗНАНИЯ И СТЕПЕНИ УВЕРЕННОСТИ В ЕГО ИСТИННОСТИ**. В соответствии со степенью наличия или отсутствия знания и степенью уверенности в истинности имеющегося знания этот когнитивный классификатор разграничивает:

1) Ментальные состояния **наличия знания** (ЗНАНИЕ, СОЗНАНИЕ в русском языке и KNOWLEDGE, CONSCIOUSNESS в английском языке).

2) Ментальные состояния **наличия кванта знания** (МЫСЛЬ, ИДЕЯ, ОЗАРЕНИЕ в русском языке и THOUGHT, IDEA в английском языке).

3) Ментальные состояния **сосредоточенности с целью пополнения знания** (ВНИМАНИЕ, ИНТЕРЕС, ЛЮБОПЫТСТВО в русском языке и ATTENTION, INTEREST, CURIOSITY в английском языке).

4) Ментальные состояния **уверенности в истинности имеющегося знания** (ВЕРА, НАДЕЖДА в русском языке и BELIEF, FAITH, TRUST в английском языке).

5) Ментальные состояния **интеллектуального потрясения** (русские УДИВЛЕНИЕ, НЕДОУМЕНИЕ, ИЗУМЛЕНИЕ и английские SURPRISE, AMAZEMENT, ASTONISHMENT).

6) Ментальные состояния **неуверенности в истинности имеющегося знания** (русские СОМНЕНИЕ, КОЛЕБАНИЕ и английские DOUBT, HESITATION).

7) Ментальные состояния **отсутствия знания** (русские НЕВЕДЕНИЕ, НЕЗНАНИЕ и английское IGNORANCE).

Существенным при категоризации ментальных состояний по данным русского и английского языков является когнитивный классификатор **МЕРА ЧЕТКОСТИ МЫСЛИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЗНАНИЯ**.

1) Ментальные состояния ЗНАНИЕ (KNOWLEDGE), ВЕРА (BELIEF, FAITH, TRUST), ОЗАРЕНИЕ имеют **четкое мыслительное содержание**.

2) Ментальные состояния наличия знания СОЗНАНИЕ (CONSCIOUSNESS), наличия кванта знания МЫСЛЬ (THOUGHT), ИДЕЯ (IDEA),

сосредоточенности мысли с целью пополнения знания ВНИМАНИЕ (ATTENTION), ИНТЕРЕС (INTEREST), ЛЮБОПЫТСТВО (CURIOSITY) могут иметь **как четкое, так и нечеткое мыслительное содержание.**

3) Ментальные состояния некоторой степени уверенности в истинности имеющегося знания НАДЕЖДА (HOPE), интеллектуального потрясения УДИВЛЕНИЕ (SURPRISE), НЕДОУМЕНИЕ (AMAZEMENT), ИЗУМЛЕНИЕ (ASTONISHMENT), неуверенности в истинности имеющегося знания СОМНЕНИЕ (DOUBT), КОЛЕБАНИЕ (HESITATION) характеризуются **нечетким мыслительным содержанием.**

4) Ментальные состояния отсутствия знания НЕВЕДЕНИЕ, НЕЗНАНИЕ (IGNORANCE) признака **меры четкости мыслительного содержания состояния обнаруживать не могут.**

Семантическое наполнение абстрактных сем лексем лексико-семантического поля ментальных состояний в русском и английском языках зависит от объектных сем. Их анализ позволяет выделить важный когнитивный классификатор русских и английских ментальных состояний **ВИД ОБЪЕКТА ЗНАНИЯ**, который характеризует содержание информации:

1) Объектом ментальных состояний наличия знания выступает информация. Состояние ЗНАНИЕ (KNOWLEDGE) имеет объектом **любую информацию**, у ментального состояния СОЗНАНИЕ (CONSCIOUSNESS) **главной является информация о себе.**

2) Объектом ментальных состояний наличия кванта знания МЫСЛЬ (THOUGHT), ИДЕЯ (IDEA), ОЗАРЕНИЕ является **любая информация.**

3) Объект ментальных состояний сосредоточенности мысли с целью пополнения знания составляет **любая значимая информация** (русское ВНИМАНИЕ, английское ATTENTION), **положительно значимая информация** (русское ИНТЕРЕС, английское INTEREST), **сомнительно значимая информация** (русское ЛЮБОПЫТСТВО, английское CURIOSITY).

4) Ментальное состояние ВЕРА (BELIEF, FAITH, TRUST) характеризует **любой мыслимый объект** как истинный, в особенности выделен **мифический объект** (русское ВЕРА (в Бога), английское FAITH), ментальное состояние НАДЕЖДА (HOPE) предполагает наличие **любого желаемого объекта.**

5) Объектом состояний интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания УДИВЛЕНИЕ (SURPRISE), НЕДОУМЕНИЕ (AMAZEMENT), ИЗУМЛЕНИЕ (ASTONISHMENT) выступают **взаимоисключающие кванты прошлого и нового знания.**

6) Объектом состояний неуверенности в истинности имеющегося знания СОМНЕНИЕ (DOUBT), КОЛЕБАНИЕ (HESITATION) являются **альтернативные идеи.**

7) У ментальных состояний отсутствия знания НЕВЕДЕНИЕ, НЕЗНАНИЕ (IGNORANCE) **отсутствует любой объект.**

По когнитивному классификатору ВИД ОБЪЕКТА ЗНАНИЯ наблюдается концептуальный признак русских и английских ментальных состояний – **фазовость существования ментальных состояний.** Ментальные состояния имеют фазу появления, наличия, удерживания и исчезновения. Ментальное

состояние ОЗАРЕНИЕ характеризуется внезапностью появления и краткостью удерживания.

По данным русского и английского языков ментальные состояния различаются также когнитивным классификатором **ОБЪЕМ МЫСЛИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЗНАНИЯ**.

1) Ментальные состояния наличия знания ЗНАНИЕ (KNOWLEDGE), СОЗНАНИЕ (CONSCIOUSNESS) предполагают наличие **целостного неквантованного знания**.

2) Состояния МЫСЛЬ (THOUGHT), ИДЕЯ (IDEA), ОЗАРЕНИЕ имеют **один квант знания**.

3) Состояния сосредоточенности с целью пополнения знания ВНИМАНИЕ (ATTENTION), ИНТЕРЕС (INTEREST), ЛЮБОпытСТВО (CURIOSITY) и уверенности в истинности имеющегося знания ВЕРА (BELIEF, FAITH, TRUST), НАДЕЖДА (HOPE) содержат **неопределенное количество квантов знания**.

4) Содержание состояний интеллектуального потрясения УДИВЛЕНИЕ (SURPRISE), НЕДОУМЕНИЕ (AMAZEMENT), ИЗУМЛЕНИЕ (ASTONISHMENT) составляют **взаимоисключающие кванты прошлого и нового знания**.

5) Содержание состояний неуверенности в истинности имеющегося знания СОМНЕНИЕ (DOUBT), КОЛЕБАНИЕ (HESITATION) составляют **альтернативные кванты знания**.

6) **Нулевой объем мыслительного содержания** знания представлен у ментальных состояний НЕВЕДЕНИЕ, НЕЗНАНИЕ (IGNORANCE).

Внутригрупповой когнитивный классификатор **СТЕПЕНЬ ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОПЕРЕЖИВАНИЯ, СОПРОВОЖДАЮЩЕГО СОСТОЯНИЕ** отмечен в группах ментальных состояний сосредоточенности с целью пополнения знания и состояний интеллектуального потрясения по поводу имеющегося знания. В семемах лексем этих лексико-семантических групп имеется классификационная сема «интенсивность эмоционального сопереживания, сопровождающего состояние», которая актуализируется в семемах этих лексем неодинаково.

Ментальные состояния ВНИМАНИЕ (ATTENTION), УДИВЛЕНИЕ (SURPRISE) маркированы слабой степенью интенсивности эмоционального сопереживания, сопровождающего состояние. Для ментальных состояний ИНТЕРЕС (INTEREST), НЕДОУМЕНИЕ (AMAZEMENT) релевантна средняя степень интенсивности эмоционального сопереживания. Сильной степенью эмоционального сопереживания окрашены состояния ЛЮБОпытСТВО (CURIOSITY) и ИЗУМЛЕНИЕ (ASTONISHMENT).

Из проведенного анализа вытекает, что абстрактные имена классифицируются так же как и конкретные, а их когнитивные классификаторы представляют собой абстрактные семантические признаки, важные для носителей языка. Когнитивные классификаторы абстрактных имен прослеживаются как интегральные и дифференциальные семы.

Рассмотрение моделей структуризации фрагмента языкового сознания по когнитивным классификаторам свидетельствует о том, что лексико-

семантическое поле ментальных состояний в русском и английском языках имеет сложную, многомерную структуру, которая определяется иерархией когнитивных классификаторов его конститuentов. Своеобразным стержнем для единиц поля является когнитивный классификатор ОЦЕНКА НАЛИЧИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ ЗНАНИЯ И СТЕПЕНИ УВЕРЕННОСТИ В ЕГО ИСТИННОСТИ, лежащий в основе лексико-семантических группировок имен ментальных состояний.

Когнитивные классификаторы, являясь общими для всех ментальных состояний, помогают отличить одно ментальное состояние от другого. Например, в соответствии с исследуемой категорией: ЗНАНИЕ (английское KNOWLEDGE) – ментальное состояние, характеризующееся наличием целостного, некантованного знания информации и четким мыслительным содержанием; НАДЕЖДА (английское HOPE) – ментальное состояние, которое базируется на некоторой доле уверенности в истинности неопределенного количества кантов знания о любом желаемом объекте, характеризующееся нечетким мыслительным содержанием.

Когнитивные классификаторы имен ментальных состояний в русском и английском сознании имеют сходство. Они отражают похожее в русской и английской культуре восприятие ментальных состояний, что подтверждает тезис о том, что «наибольшее сходство в различных языках обнаруживают абстрактные семантические категории» (Хазимуллина 2000), в различных концептосферах – абстрактные концепты, аккумулирующие информацию, вырабатываемую человечеством тысячелетиями, и являющимися своего рода константами человеческой психики.

Борискина О.О. Криптоклассы первостихий как элемент прогностического описания языка // Проблемы лингвистической прогностики. Воронеж, 2000.

Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка. Тамбов, 2000.

Краснослободцева Ю.В. Классификаторы «Пожелание здоровья» и «Поздравление» в системе русского и английского языков // Филология и культура. Материалы II международной научной конференции. Ч.2. Тамбов, 2000.

Кретов А.А. Съедобное и несъедобное или криптоклассы русских существительных // *Linguistica Silesiana*, №14, 1992.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина П.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М, 1988.

Логический анализ языка. М., 1991, 1993, 1995, 2000.

Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия I. Гуманитарные науки. - 1996 - №2.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Семантика и категоризация. М., 1991.

Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Хазимуллина Е.Е. Типы мотивированности языковых единиц (на материале русского и некоторых других языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000.

Хаустова Э.Д. Когнитивные классификаторы в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «фрукты и овощи» в русском и английском языках) Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999.

Rosch E. Principles of categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, New Jersey, 1978.

А.В.Самарин

Когнитивные классификаторы совокупностей живых организмов (концепт - фрейм «рой»)

Представители когнитивной лингвистики считают, что в плане содержания каждого языка имеется своя система концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира. Главная роль, которую играют концепты в мышлении, – это категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы. Как известно, концепты бывают разных типов: мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии (Бабушкин 1996, с.19).

Анализ структурирования семантического пространства языка и, в частности, лексико-семантического поля «скопление насекомых», начнем с «мыслительных картинок», которые возникают в сознании в связи с лексемами *пчела, муха, оса, комар, мошка*.

Проанализировав определения, отобранные по ряду толковых словарей русского языка, мы видим, что там представлены следующие зрительно «считываемые» определения, во многом похожие на изображения этих насекомых в иллюстрированном словаре:

- *пчела*: небольшое летающее перепончатокрылое жалящее насекомое, перерабатывающее цветочные соки в мед;
- *оса*: небольшое хищное перепончатокрылое жалящее насекомое;
- *комар*: мелкое двукрылое, больно кусающее насекомое с тонким тельцем;
- *мошка*: мелкое двукрылое летающее насекомое;
- *муха*: широко распространенное двукрылое летающее насекомое.

Таким образом, эти концепты-картинки имеют не только общие признаки, но и общие отличия. Если перечисленные выше дефиниции проецируются в сознании в виде концептов – картинок, то какими структурами репрезентировать их совокупности? Какое слово русского языка фиксирует эту мыслительную модель? Несомненно, для этой цели подходит лексема *рой*.

Рой: стая, куча, толпа насекомых (пчелы, мухи, комары, мошки) (Даль, 1995); стая летающих насекомых, семья пчел, образующих вместе с маткой обособленную группу (Ожегов, 1988).

«...В первой комнате сидела Улитушка, чистила ягоды и с ожесточением сдувала мух, которые **жужжащим роем** вились **над** ворохами крыжовника.» (М.Е. Салтыков –Щедрин. Господа Головлевы). «...Около деревьев в цвету **вилились и жужжали** целые **рои** пчел, ос и шмелей.» (С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова – внука.).

Таким образом, выделяется фрейм как воспринимаемый «на выходе» набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого (Филлмор 1988, с.80); мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении (Попова, Стернин 2001, с.73).

Интересно, что **рой** образуют насекомые, преимущественно находящиеся в воздухе. Таким образом – *воздух* может быть назван фоном данного фрейма. Для носителей русского языка определяющими когнитивными классификаторами, позволяющими означить скопление насекомых лексемой **рой** являются:

- 1) классификатор «*среда обитания*», который здесь задается семой «*преимущественно находящиеся в воздухе*»;
- 2) классификатор «*состояние*», который здесь задается семой «*активность членов сообщества*»;
- 3) классификатор «*биологический вид*»;
- 4) классификатор «*организация*», который здесь задается семой «*самоорганизующиеся*»;

Все выделенные здесь классификаторы отражают один и тот же принцип, согласно которому сознание человека «схватывает» определенный фрагмент окружающего нас мира. Существования концепта - фрейма невозможно без концептов-картинок, «вырисовывающих» единичного представителя скопления. Следует отметить двойственную природу фрейма. С одной стороны, фрейм, как явствует из изложенного, некоторая определенным образом структурированная «подоснова» лексической подсистемы; с другой стороны, это средство организации и инструмент познания, некая когнитивная информация, возникающая как врожденная или же путем усвоения из опыта и обучения (Харитончик 1992, с.110).

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.

Филлмор Ч.Д. Фреймы и семантика их понимания // НЗЛ. Вып XXIII. М., 1988

Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний . Сб.науч.-аналит. обзоров. М., 1992.

Т. Г. Кликушина

Организация научной лингвистической категории (на материале английских наименований артиллерийских орудий)

Систематизация лексики человеком отражает восприятие и познание им соответствующего фрагмента действительности. В когнитивной лингвистике за процессом систематизации, отражающим восприятие и познание действительности, закрепился термин «категоризация», а за результатом такого процесса – термин «категория» (Краткий словарь 1996, с. 42–45).

В данной статье будут рассмотрены некоторые типы категоризации английских наименований артиллерийских одноствольных орудий. Изучение собранного материала показало, что в зависимости от того, кто систематизирует лексику, различаются следующие типы категоризации: 1) категоризация лексики исследователем языка; 2) категоризация лексики пользователем языка (военным специалистом или рядовым носителем языка). В статье рассматривается категоризация лексики исследователем языка.

На первом этапе исследования на базе словарных толкований мы выполнили компонентный анализ следующих английских наименований артиллерийских одноствольных орудий: cannon «пушка», Armstrong gun «пушка системы Армстронга», Long Tom «дальнобойная пушка», bombard «бомбарда», howitzer «гаубица», gun-howitzer «пушка-гаубица», mortar «миномёт», culverin «кальверин», combard «комбарда», columbiad «колумбиада» (последние три термина переведены на русский язык нами путем калькирования, поскольку их русские эквиваленты не были обнаружены). Они образуют подгруппу «артиллерийские одноствольные орудия» в составе лексико-семантической группы «Артиллерийские орудия».

Выполненный анализ показал, что такие семы, как 'орудие', 'огнестрельное', 'артиллерийское', 'крупного калибра', 'одноствольное' будут общими для всех единиц подгруппы. Эти семы в комплексе составляют архисему рассматриваемой подгруппы – архисему 'артиллерийское одноствольное орудие'.

Сравнивая семный состав представленных лексических единиц, мы выявили объединяющие их гиперо-гипонимические и согипонимические связи. Для подгруппы «артиллерийские одноствольные орудия» гиперонимом является сочетание artillery gun «артиллерийское орудие». Элементы подгруппы выступают в качестве его гипонимов разного уровня подчинения.

Была построена иерархическая модель подгруппы «артиллерийские одноствольные орудия», в которой вышестоящий в иерархии элемент – гипероним – полностью включается своим семным составом в нижестоящий элемент. Гипероним artillery gun «артиллерийское орудие» обозначает общее, родовое понятие, является идентификатором подгруппы и занимает верхний

уровень в иерархической модели. Гипонимы конкретизируют гипероним *artillery gun* «артиллерийское орудие» дифференциальными семами и вступают с ним в гиперо-гипонимическую связь.

Гипоним *cannon* «пушка» конкретизирует идентификатор *artillery gun* «артиллерийское орудие» семами 'длинноствольное', 'для настильной стрельбы', 'для стрельбы по наземным, надводным, воздушным целям', 'тяжёлое', 'современное'. Это слово обозначает более узкое, конкретное, т.е. видовое понятие. Единицы *artillery gun* «артиллерийское орудие» и *cannon* «пушка» объединены гиперо-гипонимической связью и образуют привативную оппозицию.

Необходимо отметить, что в качестве критерия выявления и разграничения сем 'современное', 'устаревшее' и 'старинное' мы используем указания на временные периоды применения самих орудий, имеющиеся в словарях, справочниках и контекстах. Так, сема 'современное' выделяется нами в семантике обозначений тех орудий, которые использовались с начала 20 века и используются по настоящее время. На эту сему также указывают слова *modern* «современный», *nowadays* «сегодня» и некоторые другие в словарях, справочниках, контекстах, написанных и изданных в данный период, например: *cannon* - a modern heavy artillery weapon... (Encarta World English Dictionary 2000). Сему 'устаревшее' мы усматриваем в семантике обозначений тех орудий, которые применялись с середины 19 века до начала 20 века, сему 'старинное' – в семантике обозначений тех орудий, которые применялись до середины 19-го века.

Гипонимы идентификатора *artillery gun* конкретизирует его следующими семами: *howitzer* «гаубица» - семами 'нарезное', 'короткоствольное', 'широкодульное', 'для навесной стрельбы', 'самодвижущееся или буксируемое', 'современное'; *gun-howitzer* «пушка-гаубица» - семами 'нарезное', 'среднествольное', 'широкодульное', 'для настильной и навесной стрельбы', 'тяжёлое', 'моторизованное', 'современное'; *mortar* «миномёт» - семами 'гладкоствольное или нарезное', 'короткоствольное', 'широкодульное', 'для навесной стрельбы', 'тяжёлое или лёгкое', 'моторизованное или носимое', 'миномётное', 'с опорной плитой', 'современное'; *bombard* «бомбарда» - семами 'гладкоствольное или нарезное', 'короткоствольное', 'широкодульное', 'для навесной стрельбы', 'тяжёлое', 'моторизованное', 'каменётное', 'старинное'. В словарном толковании на сему 'старинное' указывает период применения орудия – 15th century «15 век», а также слово *medieval* «средневековый»: *bombard*: a cannon used in medieval times to throw large stones [15th century] (Encarta World English Dictionary).

Ряд элементов подгруппы выступают в качестве гипонимов к единице *cannon* «пушка» и конкретизирует ее следующими семами: *Long Tom* «дальнобойная пушка» - семами 'дальнобойное', 'с круговым обстрелом', 'современное' (One of the most famous guns of World War II was the American 155mm gun *Long Tom*... (www.AFVClub.com)); *Armstrong gun* «пушка системы Армстронга» - семами 'сборное', 'со сварным змеевиком', 'заряжающееся с казённой части', 'изобретено Армстронгом', 'устаревшее' (*Armstrong gun* ... introduced to the artillery world in 1852 ... (Artillery Glossary)); *culverin* - семами

'моторизованное', 'дальнобойное', 'старинное' (*culverin* – a type of long-range cannon used in the 15th to 17th centuries (Encarta World English Dictionary)); *combard* - семами 'моторизованное', 'широкодульное', 'укреплённое железными обручами', 'старинное'; *columbiad* - семами: 'широкодульное', 'для навесной стрельбы', 'старинное', 'произведено в округе Колумбия'.

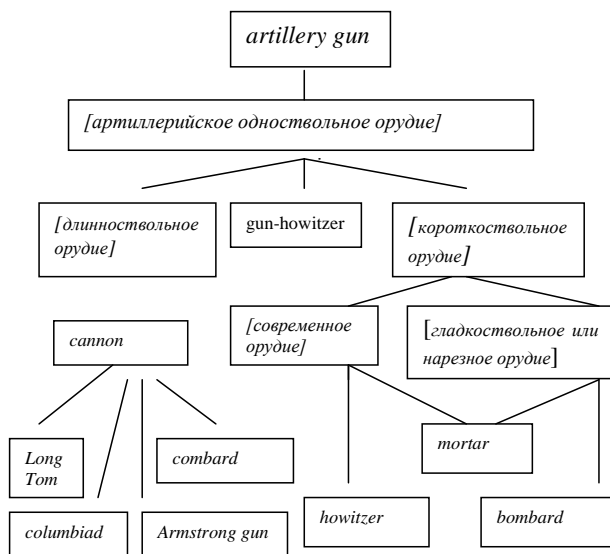
Согипонимическая связь объединяет согипонимы одного гиперонима; точкой пересечения согипонимов является содержание общего для них гиперонима – *artillery gun* «артиллерийское орудие».

Построенная модель английской лексико-семантической подгруппы «артиллерийские одноствольные орудия» показывает, как лингвист воспринимает и осмысляет соответствующий фрагмент языковой системы. Для лингвиста язык представляет объект окружающей действительности, на который направлено его внимание. Это позволяет нам рассматривать лексико-семантическую подгруппу как категорию, но категорию определённого типа. Для её обозначения мы используем термин «научная лингвистическая категория».

Детальный анализ английской подгруппы «артиллерийские одноствольные орудия» показал, что вся описанная лексика, за исключением идентификатора, может быть сгруппирована далее по семантическому признаку (Стернин 1985, с.45) «длина ствола». По этому признаку различаются два более узких объединения: 1) обозначения длинноствольных орудий: *cannon*, *combard*, *columbiad*, *Armstrong gun*, *Long Tom*, *culverin*; 2) обозначения короткоствольных орудий: *howitzer*, *mortar* и *bombard*, а также единица *gun-howitzer* «пушка-гаубица», обозначающая среднествольное орудие.

Поиск идентификатора для каждого из этих объединений заставил обратиться к понятию «нелексикализованный элемент». Вслед за В.Б.Гольдбергом под «нелексикализованным элементом» мы понимаем элемент концептосферы – концепт, который не имеет вербального выражения в системе языка; его содержание передаётся метаязыковым описанием (Гольдберг 2000, с.60). Далее в тексте содержание нелексикализованного элемента указано в квадратных скобках. Таким образом, были введены нелексикализованные элементы: [длинноствольное орудие] и [короткоствольное орудие]. Соответственно, лексикализованными являются элементы, которые имеют системные средства выражения – слова или словосочетания.

Исходя из понятия «идеосфера», введённого Д. С. Лихачёвым (Лихачёв 1993, с. 4), и разработанных на этой основе понятий «идеополе», «идеогруппа» (Гольдберг 2000:61), мы определяем понятие «идеоподгруппа». «Английской идеоподгруппой» будем называть такой участок идеосферы, который ограничен английской лексико-семантической подгруппой «артиллерийские одноствольные орудия» и соотносительным с ним участком концептосферы. На базе описанной английской лексико-семантической подгруппы «артиллерийские одноствольные орудия» моделируется одноименная идеоподгруппа, входящая в идеогруппу «Артиллерийские орудия». Представим графически фрагмент модели идеоподгруппы «артиллерийские одноствольные орудия»:

bombard

Английская идеоподгруппа объединяет элементы двух уровней: языкового и концептуального. Языковой уровень занимают элементы английской лексико-семантической подгруппы – лексикализованные элементы (системные наименования орудий), концептуальный уровень занимают элементы соотносительного с ней участка концептосферы. В создании английской идеоподгруппы участвуют три типа связей: 1) семантические связи, устанавливаемые между лексикализованными элементами, 2) концептуальные связи, устанавливаемые между элементами соответствующего участка концептосферы, 3) межуровневые связи, объединяющие лексикализованные элементы (т.е. элементы английской лексико-семантической подгруппы) и нелексикализованные элементы.

На первом, самом высоком, ярусе иерархической модели находится лексикализованный элемент *artillery gun* «артиллерийское орудие». Во втором ярусе модели находится нелексикализованный элемент [одноствольное артиллерийское орудие]. Данный нелексикализованный элемент является идентификатором идеоподгруппы «артиллерийские одноствольные орудия». На третьем ярусе модели находятся нелексикализованные элементы: [длинноствольное орудие] и [короткоствольное орудие]. Эти

нелексикализованные элементы являются гипонимами по отношению к нелексикализованному элементу более высокого уровня обобщения – [одноствольное артиллерийское орудие]; они включают дополнительно конкретные концептуальные характеристики: *длинноствольное* и *короткоствольное*. На этом же ярусе находится лексикализованный элемент gun-howitzer «пушка-гаубица», который является гипонимом по отношению к идентификатору [одноствольное артиллерийское орудие]. Самые низкие ярусы модели занимают лексикализованные элементы: cannon, Armstrong gun и т.д. Элементы cannon, Armstrong gun, Long Tom, combard, columbiad, culverin имеют общую сему 'длинноствольное'. Их идентификатором является нелексикализованный элемент [длинноствольное орудие]. Элементы howitzer, bombard, mortar имеют общую сему 'короткоствольное' и объединены нелексикализованным элементом [короткоствольное орудие], который по отношению к ним является идентификатором. Таким образом, формируется гиперо-гипонимическая межуровневая связь, объединяющая элементы языкового и концептуального уровней, т.е. лексикализованные и нелексикализованные элементы идеоподгруппы.

Нелексикализованный элемент и идентифицируемые им системные единицы образуют микроидеогруппу в составе более широкой идеоподгруппы. В ходе исследования мы выявили, что такие элементы, как bombard, columbiad, combard, mortar, gun-howitzer, howitzer формируют микроидеогруппу «широкодульные орудия». Они имеют общую сему 'широкодульное' и объединены нелексикализованным элементом – идентификатором [широкодульное орудие]. Данный нелексикализованный элемент является гипонимом по отношению к элементу более высокого уровня обобщения – [одноствольное артиллерийское орудие]. Аналогичным образом были выделены пересекающиеся микроидеогруппы, показанные на схеме: [современное орудие], howitzer и mortar; [гладкоствольное или нарезное орудие], mortar и bombard.

Таким образом, мы рассмотрели один из возможных принципов систематизации лексики, репрезентирующей концепт «*Артиллерийское одноствольное орудие*». Этим принципом является категоризация лексики исследователем языка и формирование научной лингвистической категории. Анализ показал, что на исследуемом английском материале возможно построение двух типов научной лингвистической категории – лексико-семантической подгруппы и идеоподгруппы.

Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка (на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека») / Тамбов, 2000.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. М., 1996.

Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1993. - Т. 52. - №1.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

В.И.Сапрыкина

Лексико-семантическое поле "музыка" и концепт МУЗЫКА в русской концептосфере

Единицей национальной концептосферы является концепт. Отечественные и зарубежные лингвисты дают разные толкования этого термина. А.Вежицкая понимает его как объект из мира Идеальное (Вежицкая 1996), Е.С.Кубрякова считает концепт оперативной единицей нашего сознания (Кубрякова 1996), М.А. Холодная говорит о «познавательной психологической структуре» (Холодная 1983, с. 23).

Мы придерживаемся подхода З.Д. Поповой и И.А. Стернина, рассматривающих концепт как глобальную мыслительную единицу, как идеальную сущность, которая формируется в сознании человека (Попова, Стернин 1999).

Ученые считают, что подобно тому, как слово имеет определенную организацию значения, концепт тоже имеет свою организацию: концептуальные признаки, слои; он может быть выражен словесно, а может и не иметь языковой объективации. Так перед лингвистами встает вопрос: как и насколько можно передать концепт словами. Если он репрезентирован (вербализован), то находится в семантическом пространстве языка, которое представляет собой «всю совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка» (Попова 1996, с.64-70). Таким образом, через значения лексических единиц можно прийти к выявлению определенных признаков концепта и далее - к его содержанию, то есть концепт можно описать через значения вербализующих его слов.

Однако языковые знаки называют далеко не все, что есть в сознании народа, они только дают нам представление о действительности, составляя тем самым языковую картину (или модель) мира; некоторые исследователи называют ее наивной (Апресян 1995).

Ученые выделяют концептуальную картину мира как «совокупность концептов, являющихся базой национального мышления» (Чарыкова 2000, с.8). Некоторым отражением национальной картины мира является художественная, исследование которой может дать представление о содержании концепта в сознании носителей языка.

Подход, избираемый нами для анализа концепта в художественной картине мира, - построение лексико-семантического поля. Под ЛСП мы понимаем систему, характеризующуюся специфической структурой - наличием ядра и периферии (Щур 1974, Попова, Стернин 1989).

В данной статье для выявления концепта "музыка" представлено лексико-семантическое поле, построенное на материале поэтических произведений А.Ахматовой, М.Цветаевой, Б.Пастернака, В.Брюсова, О.Мандельштама,

К.Бальмонта, А.Блока. Это ЛСП, насколько нам известно, практически не изучалось.

В рассмотренных нами стихотворениях выделено 311 языковых единиц, входящих в исследуемое ЛСП. Компоненты значений этих лексем подчинены архисеме "музыка". Отметим, что лексема "музыка" не является ключевой, она только называет поле, содержащее лексемы, в семеме которых входят следующие дифференциальные семы: "способ существования музыки и формы звучания", "источники музыкальных звуков (естественные и искусственные)", "способ исполнения музыкального произведения", "исполнители и создатели музыкального произведения", "формы музыкального произведения", "способы распространения музыкальных звуков". Эти семы служат основой для выделения соответствующих парцелл в составе исследуемого ЛСП.

Поле "Музыка" имеет сложную структуру, представленную ядерным и периферийными концентриками. Ядерную группу составляют наиболее частотные лексемы, возглавляющие парцеллы: *песня* (52), *петь* (37), *голос* (29), *звук* (28).

Парцелла "музыкальные произведения и их формы" представлена в исследуемых текстах такими лексемами как *песня, песнь, соната, песнопенье*.

Ветер вдаль меня влечет, Звонко песнь мою разносит. (И. Бунин); Я для него не женщина земная, А солнца зимнего утешный свет И песня дикая родного края. (А.Ахматова); Огромная подводная ступень, Ведущая в Нептуновы владенья, - Там стынет Скандинавия, как тень, Вся - в ослепительном одном виденье. Безмолвна песня, музыка нема... (А.Ахматова, В Выборге); Льетса, как серебряное пенье, Звон костела, славя воскресенье... (И. Бунин); И вдруг... сонаты кандалы Повлек по площади Бетховен. (Б. Пастернак).

Лексема "петь" возглавляет парцеллу "способ исполнения":

Девушка пела в церковном хоре... Так пел ее голос, летящий в купол...И каждый из мрака смотрел и слушал, как белое платье пело в луче. (А.Блок); В замке, в сладостном бреду Пела, пела скрипка. (К. Бальмонт), Как сияло там и пело Нашей встречи чудо! (А. Ахматова), Колокола звонят в тени... И все поют о добром, старом, О детском времени они. (М. Цветаева), Она (музыка) была со мной в одной могиле И пела, словно первая гроза. (А. Ахматова). В эту парцеллу входят и менее частотные лексемы, относящиеся к периферии; играть, извлекать, аккорд. И вот уж о невозвратимом Скрипач безносый заиграл. (А.Ахматова); Вернувшись внутрь, он (рояль) заиграл Не чью-нибудь чужую пьесу, Но собственную мысль, хорал... (Б. Пастернак); ...Из тростника извлечь богатство целой ноты. (О.Мандельштам); ...я слышу звук виолы и редкие аккорды клавесин. (А. Ахматова).

Выделенная нами парцелла "создатели и исполнители музыкальных произведений" представлена в поэтических текстах русских авторов следующими лексемами: *певец, певчий, хор, Брамс, Чайковский, Шопен*.

И, если подлинно поется, И полной грудью, наконец, Все исчезает - остается Пространство, звезды и певец. (О.Мандельштам); Чтобы спалось - легче, Буду - тебе - певчим... (М. Цветаева); Уступами восходит хор... (Б. Пастернак); Когда-нибудь в зале концертной Мне Брамса сыграют -

тоской изойду... (Б. Пастернак); Опять Шопен не ищет выгод И, окрыляясь на лету, Один прокладывает выход из вероятья в пустоту... (Б. Пастернак).

Лексема *голос* (28), как наиболее частотная, представляет в ядре парцеллу "источники музыкальных звуков (естественные и искусственные)", состоящую, в основном, из периферийных лексем:

Лишь голос мой, как флейта, прозвучит И на твоей безмолвной тризне. (А. Ахматова); *Распутывали пастухи сырых свирелей стон.* (Б. Пастернак); *Пусть голоса органа снова грянут* (Б. Пастернак); *И сон, как отзвук колокола, смолк.* (И. Бунин). У Б. Пастернака "оживают" музыкальные инструменты, их атрибуты: *Рояль дрожащий пену с губ облизает...;...рояль-Голиаф, Звуколюбец, душемунитель, Мирабо фортепьянных прав; Я клавишей стаю кормил с руки.*

Компоненты значений следующих лексем позволяют объединить их в парцеллу "способы и формы существования музыки", возглавляет которую "звук"(29):

Я им внимал, я слышал их не раз Те грустные и сладостные звуки (В. Брюсов); *И как во сне я слышу звук виолы И редкие аккорды клавесин* (А. Ахматова); *Фиолетовые руки На эмалевой стене Полусонно чертят звуки В звонко-звучной тишине.* (В. Брюсов). Музыка, звон, звенеть, певучесть, рокот, стон, вой, трескотня, нота, с меньшей частотностью употребления, в некоторой степени зависящие от контекста, составляют периферию: *Звенеда музыка в саду Таким невыразимым горем* (А. Ахматова); *Но видит бог, есть музыка над нами, - Дрожит вокзал от пенья аонид* (О. Мандельштам); *О, жутко женщиной идти! И знает этих шестивий участь преображенная в пути Земли последняя певучесть* (Б. Пастернак); *И чтоб не слышать Пустяков - красоткам, Есть у нас презвонкий Колокольный звон* (М. Цветаева); *Боль, как нота высшаяся...* (М. Цветаева).

Единицы, представляющие парцеллу "способ распространения музыкального звучания", находятся на крайней периферии. "Музыкальное" значение для них не является основным, оно обусловлено контекстом: *течь, литься, истлевать, уходить, рокот:*

С колоколенки соседней Звуки важные текли (А. Ахматова); *Льется, как серебряное пенье, звон костела...* (И. Бунин); *Истлевают звуки в эфире...* (И. Бунин); *Рассветно строясь, голоса Уходят в потолок.* (Б. Пастернак); *На звучный пир, в элизиум туманный Торжественно уносится вагон. Павлиний крик и рокот фортепьянный.* (О. Мандельштам, Концерт на вокзале).

Парцеллы "содержание музыкального произведения", "воздействие на слушателя", "впечатление/восприятие (от) музыки" обнаруживаются лишь в интерпретационном поле исследуемого концепта и состоят из лексем *уводить, восходить, строиться*. Интересные интерпретации музыкальных впечатлений дают Б. Пастернак и А. Ахматова:

И музыка со мной покой делила, Сговорчивей нет в мире никого. Она меня нередко уводила к концу существования моего. (А. Ахматова). *Уступами восходит хор, Хребтами канделябр; Сначала – дол, потом – простор, за всем – слепой октябрь. Сперва плетень, за ним – леса. За всем – скрипучий блок.*

Рассветню строясь, голоса уходят в потолок;... Октябрьские сумерки Чехова, Чайковского и Левитана (Б. Пастернак).

Полученная нами модель ЛСП позволяет сформировать предварительное представление о концепте "музыка" в русской концептосфере. В нем отражены, прежде всего, музыка песни и своеобразие звучания человеческого голоса, особенности звучания музыкальных инструментов в разнообразии звуков, звонов, голосов, стона, рокота. Однако содержание музыкальных произведений, восприятие музыки и ее воздействие на слушателя находят свое отражение только в интерпретационном поле концепта.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ – 1995 - №1.

Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Копыленко М. М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка). Воронеж, 1989.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1996.

Лингвистические исследования в конце 20-го в. М., 2000.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. // Изв. РАН.- СЛЯ- 1993- №1.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Холодная М. А. Интегральные структуры понятийного мышления. Томск, 1983.

Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. Воронеж, 2000.

Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 1974.

О.Ю.Лукашкова

Концепт «враг» в современных российских и американских СМИ

Образ врага, судя по заголовкам и содержанию современных российских и американских периодических изданий, вновь становится актуальным для общественного сознания в обеих странах. Нетрудно заметить резкий рост частоты употребления лексем «враг» («противник») и «enemy» («foe», «adversary») в СМИ, что само по себе уже является хотя и косвенным, но наглядным свидетельством активизации соответствующих концептов в мышлении русских и американцев.

После атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года и после событий октября 2002 г. (захват террористами заложников на мюзикле «Норд-Ост») ощущение серьезной внешней угрозы вошло в сознание не только американцев, и мы часто стали слышать об «общем враге» двух стран и, шире, всей современной цивилизации – мировом терроризме.

Пользуясь терминологией когнитивной лингвистики, можно сказать, что в концепте «враг» стал актуальным когнитивный признак «нечто, угрожающее

жизням множества людей». Рискнем предположить, однако, что в сознании российских и американских граждан образ «общего врага» может сильно различаться, что обусловлено не только объективным положением вещей в современном мире, но и особенностями национального менталитета. Попробуем определить, как представлен в сознании современных россиян и американцев концепт, вербализируемый ключевыми лексемами «враг» и «enemy» соответственно.

Материалом для исследования послужили газетные и журнальные статьи за 2001-2002 гг., посвященные проблеме мирового терроризма. Использованы следующие издания: «Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Время новостей», «Красная звезда», «Новая газета», «Коммуна», «Московские новости», «Газета», «The Nation», «Washington Times», «Los Angeles Times», «USA Today», «NY Daily News», «Washington Post», «Time», «Premedia Business Magazine» и др., а также материалы ряда Интернет-сайтов. Всего было прочитано 60 статей из русских источников (68 200 словоупотреблений) и 58 статей из американских источников (68 550 словоупотреблений).

В русских источниках употребляются лексемы «враг», «противник», «супостат». Лексема «враг» наиболее частотна – она употреблена 42 раза.

Новое политическое клише «общий враг (человечества)» встретилось в нашем материале 7 раз. Впервые оно прозвучало в выступлении президента В. Путина 26 октября 2002 года в связи с событиями вокруг мюзикла «Норд-Ост» и было подхвачено многими журналистами и политиками. Данное словосочетание уже успело стать устойчивым в значении «мировой терроризм». «Врагом» называется также «спецтерроризм», «чеченский терроризм» (5 примеров). Такое употребление лексемы «враг» репрезентирует когнитивный признак «негативное явление», который в полевой модели концепта «враг» по степени яркости можно отнести к периферии. Такой абстрактный образ наиболее присущ сознанию политических лидеров, или, быть может, искусственно сконструирован ими из соображений политкорректности. В одном контексте с фразой «наш общий враг - терроризм» обычно говорится о том, что «терроризм не имеет лица и национальности». В сфере политики преобладает употребление слова «враг» как собирательного, даже если речь идет о небольшой и вполне конкретной группе людей (ср. в выступлении И. Хакамады в дни кризиса с заложниками на Дубровке: *«Говорить, что это просто обкурившиеся отморозки, несерьезно. Это очень сильный и профессиональный враг»*).

Аналогичных примеров, однако, обнаружено немного. Длинный ряд примеров демонстрирует, что актуальными в сознании россиян являются более конкретно-чувственные, близкие к ядру слою концепта «враг». Шесть употреблений отражают представление об отдельной личности, угрожающей многим людям (*«Осама бин Ладен был нашим врагом»*, *«Мовсара мы не считали серьезным врагом»*, *«Аслан Масхадов – враг Российского государства»*). Когда речь идет о группе террористов, с которыми ведется борьба, слово «враг», как правило, употребляется не как собирательное, а как конкретное, во множественном числе: *«Зарплата у российского спецназовца в*

десятки раз меньше, чем гонорары у его рядовых врагов»; «террористы-враги», «Зал уснул, и они перестреляли своих врагов». Следовательно, группа людей с противоположными интересами, представляющая угрозу, воспринимается носителями русской концептосферы дискретно, как состоящая из отдельных «врагов». Примеры такого употребления слова «враг» в российской прессе наиболее многочисленны.

Слово «враг» применяется также по отношению к целой стране («Россия получила врага в виде Чечни») или организации (ср. заголовок : «Новый враг: место НАТО занял терроризм»). Здесь объективируется слой, более абстрактный, чем обсуждавшийся выше, но в значительной мере более конкретный, чем «враг – терроризм».

К этому же слою относится когнитивный сегмент «войска противника» (ср. «...наши военные самостоятельно принимают только одно решение – что продать врагу из оружия»). Он репрезентирован также лексемой «противник» (13 употреблений). «Мировая война уже идет. Кто же противник? – рассуждает автор одной из статей. – Террористы? /.../ Но они мертвы вместе со своими жертвами. Тогда, быть может, те, кто их подготовил? Или те, кто за это платил? Бен Ладен или иной араб, очумевший от нефтедолларов?» Большинство найденных примеров демонстрирует понимание «противника» как бандитских формирований, с которыми ведутся военные действия («Это может означать необходимость в ротах спецназа, способных действовать в тылу противника и выдавать координаты для удара по базам террористов высокоточным оружием»). В официальных же сообщениях нередко происходит «замещение» конкретного понятия абстрактным: «Вчера на совещании с членами правительства В.Путин фактически объявил об изменении военной доктрины России. Отныне терроризм становится главным ее противником». Очевидно, что с точки зрения литературной нормы слово «противник» здесь употреблено неверно. В современном русском языке эта лексема имеет следующие значения (приводим по Словарю русского языка под ред. А.П.Евгеньевой):

1. Тот, кто враждебно, отрицательно относится к кому-, чему-л., противодействует кому-, чему-л.
2. Тот, кто выступает против кого-л. в споре, игре, спортивном состязании и т.п.
3. *собир.* Неприятельское войско, неприятель.

В приведенном контексте семантически сочетаются выражения «военная доктрина» и «противник», однако на место слова «терроризм» больше подходит лексема с более конкретным значением. Но это не просто ошибка автора статьи. Таким способом объективирован новый формирующийся смысл. С каким трудом он прививается сознанию русских людей, иллюстрирует следующее высказывание журналиста «Красной звезды»: «... по понятиям депутатов, угрозы со стороны НАТО нет, она исходит только со стороны мирового терроризма. Но что это такое, как с ним бороться – непонятно. У армии появился новый непонятный враг».

Еще один синоним ключевой лексемы «враг», встречающийся в отобранном материале – «супостат». Это слово, стилистически принадлежащее к высокому

стилю, употреблено всего два раза, причем в ироническом контексте. (*«Ведь за то время, пока ждали Путина, доблестная рота успела атаковать, разбить и уничтожить супостата ровно три раза»*). Очевидно, в этом отражена определенная приземленность как когнитивный компонент рассматриваемого концепта.

В американском варианте английского языка ключевая лексема, объективирующая изучаемый концепт - «*enemy*», поскольку в ряду синонимов именно она обладает наибольшей смысловой универсальностью. В отобранных текстах слово *enemy* встречается 41 раз. Употребленное во множественном числе (4 примера), оно вербализирует смысл «отдельные люди, совершившие или планирующие нападение на американцев» («*enemies armed with \$5 box cutters*», «*our terrorist enemies*»). Вдвое больше обнаружено примеров согласования слова *enemy* с глаголом во множественном числе («*our enemy are people who somehow have been caught in this pattern of terrorism and violence*»; «*...there are two types of Muslims – the loyal American and the enemy*», «*they are still a serious enemy*»). Эти примеры иллюстрируют восприятие конкретной группы людей как некоего монолита, «совокупного врага».

Для американских СМИ характерны поиски врага («от противного»). Много говорится о том, кто не является врагом (*this is not about Arabs – they are not our enemy*; *President's lead is insisting that Islam is not the enemy*). Подобного рода утверждения настойчиво декларируются и политическими лидерами, что выглядит как возращение некоему воображаемому оппоненту. По-видимому, на бытовом уровне в сознании многих рядовых американцев именно «арабы» и «ислам» связаны с образом врага, но говорить об этом вслух не принято. В качестве возможного врага наиболее часто обсуждаются также *Iran, Saudi Arabia, Pakistan, Al Qaeda, Jihadism, Islamism*.

Лишь в одном контексте отождествляются «*enemy*» и «*terrorism*», причем объект вражеской угрозы здесь так же абстрактен, как и сам «враг»: *Terrorism is freedom's enemy*. Автор другой статьи считает определение терроризма как врага нелогичным: «*terror is the means, not the enemy*».

Ряд контекстов объективирует смысл «враг – категория, навязываемая обществу для оправдания увеличения бюджета Пентагона»: «*So, I wanted to find an enemy that our lawmakers could use to justify increasing the huge military budget...*» «*...our politicians couldn't find a credible enemy to justify spending billions on new submarines and jets...*».

Актуальным в сознании американцев также является осознание того, что политики и СМИ способствуют тому, чтобы образ врага оставался размытым, неопределенным. Причем сама же пресса об этом и говорит. Замечания типа «*...the press doesn't tell us who the enemy is*»; «*The news media... is reluctant to define the enemy*» -- рефрен многих газетных статей. Характерно, что слово *enemy* в значении «военный противник» во всех соответствующих примерах употреблено с неопределенным артиклем или местоимением «*any*»: «*It includes attacks on the radar ... and other information systems an enemy depends on to guide war-making capabilities*». То есть речь идет о предполагаемом, воображаемом противнике.

Лексема «foe», соответствующая русскому «недруг», и в словарях, как правило, имеющая пометку «poetic», встречается в статьях, посвященных терроризму, достаточно часто – нами обнаружено 16 примеров. Это слово присутствует во многих заголовках, причем часто в оппозиции к слову «friend»: («Saudi Arabia: Friend, Foe or Neither?» ; «In US War on Terror Syria is Foe - and Friend»). В англо-русском синонимическом словаре Ю. Д. Апресяна разница в значениях слов *enemy* и *foe* поясняется следующим образом: «Enemy» - более общее по значению слово. Оно используется и для обозначения ситуации личного антагонизма, порождаемого ненавистью, неприязнью, желанием уничтожить оппонента, и для обозначения ситуации простой конфронтации на почве различия идей и принципов. «Foe» всегда предполагает крайний антагонизм и непримиримость в борьбе, которые порождаются личной ненавистью или коренятся в самой природе вещей». (Апресян 1979). Повидимому, на вертикальной шкале ценностей американский концепт, вербализуемый лексемой *foe* находится ближе к возвышенному, нежели аналогичный концепт русского национального сознания.

Лексема «foe» в анализируемых текстах, как правило, используется для обозначения абстрактного явления («Is terrorism an invincible foe?»; «Radical Islam Called the Worst Foe»). Интересно отметить, что в американских СМИ можно наблюдать то же нарушение лексической сочетаемости, что и в русских. Значения слов «foe» и «enemy» допускают, чтобы «явление или отвлеченный принцип» выступали в качестве объекта, но не субъекта вражды (Апресян 1979). Мы же наблюдаем регулярное использование обеих лексем, особенно «foe» как предиката при субъекте «terrorism».

«Foe» также ассоциируется с рядом стран (Saudi Arabia, Syria, China). Дважды эта лексема употребляется для обозначения неопределенного, воображаемого военного противника (any foe, every foe).

Девять из найденных примеров приходятся на долю лексемы «adversary». Так же, как «enemy», слово «adversary» в значении «военный противник» встречается нечасто и употребляется с неопределенным артиклем -- в рассуждениях о вероятном противнике: «Overestimating an adversary's capabilities is nothing new»; «An adversary intent on disrupting America's reliance on energy need not target in the Middle East». Анализ словарных дефиниций показывает, что основное отличие слова «adversary» от синонимичных ему «foe» и «enemy» -- наличие когнитивного признака «соперничество». «Соперничество» предполагает двух участников, в то время как просто «враждебность» может быть «односторонней». Вероятно, для американского концепта важнее компонент «стремящийся причинить зло» нежели «тот, с кем мы воюем».

Анализ средств объективации концепта «враг» («enemy») в российских и американских СМИ позволил сделать следующие выводы:

1) Концепты, вербализованные ключевыми лексемами «враг» и «enemy», важны для современных российских и американских носителей национальной концептосферы как часть национальной идеи.

2) Наиболее актуален в этих концептах смысловой блок «нечто, угрожающее жизням множества людей » («общий враг»), который можно представить как сегмент, «прорезающий» несколько когнитивных слоев.

3) В структуре русского концепта «враг» сегмент «общий враг» имеет тенденцию смыкаться с когнитивным слоем «субъект личной неприязни». Носители русского менталитета склонны отождествлять военного неприятеля со своим личным врагом. Предлагаемая политиками политкорректная концепция, при которой акцент смещается с конкретных личностей на абстрактное явление, с трудом прививается сознанию русских людей.

4) В американской концептосфере наиболее широко представлен стык сегмента «общий враг» и слоя «военный противник государства». Можно утверждать, что, говоря о враге, американцы чаще всего апеллируют именно к этому стыку, однако в настоящее время ими ощущается определенный вакуум – ясно, что есть некий враг, но не совсем понятно, кто он.

Нам представляется, что «враг» - категория, важная для самоидентификации как отдельного человека, так и целого народа. Перефразируя известную поговорку, можно утверждать: «скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты».

Поэтому изучение концепта «враг» имеет не только лингвистическое, но и важное этнолингвистическое и культурологическое значение.

Апресян Ю.Д. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
Словарь русского языка/ Под ред. А.П.Евгеньевой. Т.3. М., 1985.

О.Н.Ракитина

Наименования элементов рельефа как маркеры «своего»/«чужого»

Оппозиция «свой»/«чужой» является одной из важнейших для категоризации мира человеком. Идентификация по этому признаку территории, участников коммуникации, предметов является жизненно важной для людей. При этом «свое» воспринимается как безопасное и оценивается положительно, «чужое» считается опасным, недобрым и оценивается отрицательно.

Не все признаки наименований элементов рельефа характеризуют концепты с точки зрения оппозиции «свое»/«чужое». Нерелевантными в данном случае оказываются признаки, характеризующие каждый из локусов с точки зрения его объективных пространственных качеств, отличающих его от других локусов, значимыми - признаки, выявляющие отношение к нему людей.

Большинство локусов сочетают позитивные и негативные признаки, оцениваются двояко — и как «свои», и как «чужие». Однако при этом преобладает опасливое отношение даже к локусам, которые частично освоены и во многом обеспечивают существование людей. С одной стороны, в содержание практически всех концептов входят такие признаки, как “источник материальных благ”, “место, где происходит перемещение”, свидетельствующие о восприятии этого локуса как освоенного человеком. С другой стороны, каждый концепт содержит также признаки, отражающие то, чем каждый из локусов опасен для людей. Эти положения мы рассмотрим на материале двух неблизкородственных языков. Источниками нашего исследования послужили русские и немецкие фольклорные тексты.

Так, неоднозначно оценивается лес, который человек мог исследовать лишь фрагментарно, большая же его часть оставалась неосвоенной, скрывая множество тайн и опасностей, как реальных, так и мистических. Наряду с указанными признаками освоенности пространства, присутствуют и признаки “труднопроходимое, непроторенное, неприспособленное для передвижения место, с отсутствием указанных направлений”: *Вот она сколько ни шла, долго ли, коротко ли бродила по лесу... а следу не найдет, как выйти из лесу; Нет в лесу столько повороток, сколько у бабы (у жены) уверток; Nun zogen sie in dem walde den ganzen Tag weiter, konnten aber nicht herauskommen*; “препятствие при передвижении”: *Она бросила гребенку - сделался дремучий лес, нельзя ни пройтись, ни проехать*; «неизвестное, чужое место, противопоставленное своему, известному, освоенному пространству — дому»: *Тогда козел слез с дерева и не захотел оставаться в лесу. Воротился он вместе с бараном домой...; Чужая сторона дремуч бор: Из-за лесу и туча идет; Ходить в лес - видеть смерть на носу (либо деревом убьет, либо медведь задерет); Вол, баран и петух из лесу домой пришли; Василиса собралась, и перекрестившись, пошла в дремучий лес. Sie ward neugierig und wollte wissen, was er draußen ganz allein in dem Walde zu schaffen habe; Ihr seid im Wald gewesen, und ich bin daheim geblieben, und ich weiß doch mehr als ihr. Die böse Stiefmutter aber meinte nicht anders, als Schwesterchen wäre von den wilden Tieren im Walde zerrissen worden*; «место обитания нечистой силы, мифических существ»: *И двор, и вор, и лес, и бес; Радостен бес, что отпущен инок в лес; Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели, вышла из лесу баба-яга... Aber jetzt wollen wir fort, damit wir aus dem Hexenwald herauskommen*; Эти компоненты содержания концепта маркируют лес как чуждый локус. Это противоречие отмечает В.О. Ключевский в «Курсе русской истории»: «Несмотря на все ... услуги, лес всегда был тяжел для русского человека... он никогда не любил своего леса» (Ключевский 1956, с.67). Более того, противопоставление *дом — лес* рассматривается как реализация оппозиции *свой — чуждой* (Славянская мифология 1995, с.10).

Гора воспринимается преимущественно как враждебный локус. Этот концепт характеризуется такими признаками, как «труднодоступное/недоступное место», «гибельное место»: *Вас там на горе 99 сгнуло, с тобой ровно 100 будет; Сойти с горы никак нельзя, приходится помереть голодной смертью*; «место обитания нечистой силы / волшебное место»: *Ну его, на*

Лысую гору к ведьмам; Подходит <солдат> к той горе видит – три черта дерутся...; Nachdem sie abermals ein paar Tage gegangen waren, kamen sie zu einem Berg, der ganz von Gold war; Er sah auf dem Berg den Sarg, und das schöne Schneewittchen darin, und las, was mit goldenen Buchstaben daraufgeschrieben war: «граница между своим и чужим пространством»: Hinter dem Berg wird auch Kuchen gebacken; Hinter dem Berg wohnen auch Leute.

Поле, в отличие от только что рассмотренных локусов, воспринимается в большей степени как «свое» пространство. Это, в первую очередь, место сельскохозяйственных работ и охотничьи угодья. Поле, являясь открытым, ровным, хорошо просматриваемым пространством, в отличие от леса или горы, не кажется таинственным. Тем не менее некоторые признаки концепта маркируют его как «чужое» - «место битвы» (место гибели): *Солдату умереть в поле, матросу – в море; Он же <дворянин> смеялся мужику дурачеству <вызвать его на поединок> и для этого приказал мужику выйти в поле; Zu dieser Zeit führte der König eines mächtigen Reiches Krieg, der Jüngling nahm Dienste bei ihm und zog mit ins Feld; и «место, противопоставленное жилищу, не-дом»:* *Выгнали его из дворца взаишей, и пошел доктор в чистое поле; Мужик прогнал со двора старую собаку; она придумала идти в чистое поле и кормиться полевými мышами; «волшебное место»: «Ступай-ка ты ... вот по этой дороженьке и увидишь в чистом поле палаты белокаменные; в тех палатах живет твоя большая сестра Луна... живет с нею нечистый дух»; Иванушка поворотил назад, ускакал в чистое поле, влез своему коню в одно ушко, вылез в другое и стал по-прежнему дурак-дураком.* Все же поле не предстает враждебным локусом, так как в первом случае («место битвы») оно является не причиной гибели, а лишь местом, где происходит происходящее гибель действие (в отличие от, скажем, моря); во втором случае («не-дом») поле не является опасным, агрессивным локусом, но лишь пространством вне дома и коннотируется не негативно, а нейтрально; в третьем случае («волшебное место») поле есть место, где происходит благоприятное для главного героя волшебство, и обитают доброжелательные мифические существа.

Все водоемы (**море, река, озеро**, а также **болото**) воспринимаются как преимущественно враждебные локусы, признаки соответствующих концептов в основном совпадают. Вода - стихия, чуждая человеку. В содержание концептов-наименований водоемов входят такие признаки, как «опасное, враждебное, погибельное место, где можно утонуть»: *Счастлив твой бог, что я прежде того не спознал; я бы тебя, разину, в море утопил! Золота кубышка, на море не топчет и в огне не горит (месяц). Солдату умереть в поле, матросу - в море; Wer aufs Meer geht, darf die Wellen nicht fürchten (Кто отправляется в море, не должен бояться волн); Und als der junge König einmal dalag und schlief .. warfen sie ihn hinab ins Meer; К небесам высоко, в реку глубоко, а приходит вертеться, как некуда деться; Вот барин уехал, а эту жену его, Аленушку, дворовые ненавидели, взяли привязали ей на шею камень больший и бросили в реку; In grossen Flüssen ertrinkt man leicht (В большой реке легко утонуть); ... packte das böse Weib die Königin am Kopf, und ihre Tochter packte sie an den Füßen... und warfen sie in den vorbeifließenden Strom; Ер-Егорко упал в озерко: сам не потонул и воды не замутил; Со стороны горе, с другой море, с третьей*

болото да мох, а с четвертой – ох! Фомка-шут взял деньги и поехал на болото; утопил лошадь в болоте, отрезал у ней хвост и воткнул в тину; «волшебное место, где обитают мифические существа»: В самую полночь сине-море всколыхается, выйдет к тебе Чудо-юдо; Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушел в море; Где черт не был, а на устье реки поспел; Раз как-то захотелось царю погулять, подошел он к реке, на ту пору показался из воды прежний человек...; Там есть широкая река, через реку калиновый мост, под тем мостом живет 12-главый змей; Прибежал чертенок в озеро; потребовал его дедушка к отчету; Было бы болото, а черти будут.

С другой стороны, водоем воспринимается как граница между "своим" и далеким "чужим" пространством: *Вздумалось старику: повезу сына за море, отдам учиться птичьему языку; Полетели за море гуси, прилетели тоже не лебеди; И за рекой люди живут; Eine Gans übers Meer, eine Gans wieder her (Гусь за море, гусь же из-за моря); Überm Bach verstehen sie auch die Sache (За ручьем они тоже дело понимают); Идет она, а на другой стороне огненного озера прилетел к берегу шестиглавый змей... По замечанию В.Я. Проппа, в сказке "вода, река как последнее препятствие имеет особое значение" (Пропп 1998, с.426), поскольку именно вода оказывается последним непреодолимым препятствием для преследователей героя.*

Восприятие различных водоемов все же неодинаково. Так, концепт 'море' имеет только ему свойственный признак «бурное, непредсказуемое, ненадежное», также характеризующий его как «чужое» пространство: *Тут Иван проснулся, смотрит - место пустынное, корабли и следов нет, а море страшно волнуется; Стал купец молитву творить - и тотчас ветры стали, море успокоилось...; Не верь тишине морской; Тихо море, поколь на берегу стоишь.* Болото оценивается как исключительно чуждый и враждебный локус.

Большинство локусов воспринимаются как «чужое» пространство, так как они являются «не-домом», не специфическим человеческим рукотворным пространством, а объективным, стихийным, независимым от человека и находятся вне сферы его влияния. Такая маркировка элементов пространства обосновывается, помимо этого, степенью «прозрачности», практической освоенности и пригодности того или иного локуса (ср. поле и болото) для обитания и деятельности человека. Вероятно, изначально любое пространство вне дома оценивалось как чуждое и враждебное; с повышением степени информированности о мире и его освоения это восприятие более или менее нейтрализовалось. Элементы пространства, оставшиеся неисследованными и хозяйственно неосвоенными, сохранили изначальную маркировку (ср. болото).

Маркировка элементов пространства как «своих»/«чужих» является невербальной и выявляется в интерпретационном поле соответствующих концептов. При этом изначально разные локусы маркировались как «свои»/«чужие», а в качестве явления вторичной номинации сами могут служить маркерами этого признака.

Пропп В.Я. Морфология / Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.
Славянская мифология. М., 1995.

Источники

Загадки русского народа. М., 1996.
Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3-х т. М., 1957.
Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в 3-х т. М., 1993.
Kinder- und Hausmärchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm. Aufbau-Verlag Berlin, 1961.

А.В. Медведева

Символическое значение слова как выражение культурных концептов народа

В современной лингвистике сложились два понимания концептов. Более широкое, академическое представлено в работе Д.С. Лихачева, по мнению которого концепт - мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода (Лихачев 1993). Развивая эту мысль, можно сказать, что «концепт есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности (в соответствии с голографической гипотезой считывания информации А.А. Залевской) поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои» (Попова, Стернин 2002, с.15).

Более узкое, специфическое понимание концепта как культурной ценности отражено в исследованиях Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. В соответствии с их лингвокультурологическим подходом, концепт – это как бы стусок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Иными словами, концепт представляет собой основную ячейку культуры в ментальном мире человека (Степанов 1997).

В современных исследованиях высказывается тезис о том, что центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, поскольку в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Следовательно, коммуникативная значимость, востребованность той или иной лексической единицы находится в прямой зависимости от ценности выражаемого ею культурного концепта (Карасик, Слышкин 2001, с.77). В данной работе нас интересует второе, более узкое понимание концепта, поскольку восприятие концепта как национальной культурной ценности ложится в основу трактовки символического значения слова.

Национальное ярче всего проявляется через сопоставление с аналогичным явлением другой культуры в целом, и языковой в частности, а потому особенности национального сознания лучше всего проявляются при сравнении аналогичных концептов двух или нескольких языков. Продемонстрируем это на

примере контрастивного анализа некоторых наименований бытовых реалий и ситуаций, имеющих и (или) развивающих символические значения. Изучение таких номинаций представляет особый интерес в плане сравнения особенностей национальной культуры и менталитета, вошедших в концептосферу и отраженных в языке.

Наше исследование позволило уточнить отличие символического значения слова от других переносных значений. Естественное развитие семантемы слова состоит в появлении новых семем (Д2, К1) на основе исходных (Д1) за счет перегруппировки сем, утраты некоторых дифференциальных сем, добавления новых сем, актуализации потенциальных сем и т.п. (Копыленко, Попова, 1989).

Символическое значение из естественного развития исходной семемы не объяснимо. Оно возникает в результате нетрадиционного употребления предмета номинации в различных ситуациях бытового и ритуализированного плана. Таким образом, символическое значение лексемы или устойчивого сочетания нескольких лексем формируется в результате нетипичного развития семемы данной семантемы.

Когда лексема актуализируется в определенном узусе, возникает новая семема, которая, закрепляясь в регулярном употреблении в определенной ситуации, получает статус символического значения. Оно реализуется в определенных языковых условиях и определяется экстралингвистическими факторами – традициями, обычаями, этнической ментальностью.

Очевидно, символическое значение слова – это особый тип коннотативного значения слова, мотивировка которого лежит не внутри семантемы, а определяется жизнью и бытом людей, в среде которых называемый данной лексемой предмет, действие, ритуал или обряд начинает выступать в качестве символа какого-либо другого предмета или явления окружающей действительности. Можно утверждать, таким образом, что формирование символического значения слова происходит на основе специального ситуативного использования предмета номинации, определяемого культурным концептом.

Символическое значение вырастает не из логики внутреннего развития денотативной семемы, а возникает благодаря тому, что какое-то действие или предмет в жизни людей обретают символическую функцию. Наименование денотата, употребленного в подобной функции, в результате серии метафорических и метонимических переносов в семантеме его лексемы принимает на себя символическое значение самого предмета номинации.

Изначально символическим является не значение отдельно взятого наименования денотата, но сама ситуация его употребления. Далее процесс символизации может пойти в сторону закрепления символического значения за отдельно взятым словом или же сохраниться в группе устойчивых выражений с лексемой, отражающей тот или иной концепт.

Источником происхождения символического значения слова следует, на наш взгляд, считать устойчивое сочетание, отражающее определенный языковой концепт целиком или какую-либо его часть и сохраняющее постоянный набор компонентов и перманентное значение в любом контексте. Слова, употребленные в таких ситуациях, как бы впитывают символический

смысл ситуации в свою семантему, которая, в свою очередь, воплощает этот смысл в конкретной семеме. Нас интересовала символика предметов быта и ситуаций, связанных с повседневной жизнью человека.

Детальное рассмотрение семантем у лексем-номинаций бытовых реалий показало, что символические значения присутствуют или намечаются лишь у немногих из них. Это значит, что большинство бытовых реалий имеет лишь утилитарное применение и в качестве символов не используется. Как показал наш материал, символами некоторых реалий оказались *дом* (*родина и др.*), *хлеб* (*средства к существованию и др.*), *соль* (*самое главное и др.*), *чаша/чашка* (*судьба и др.*), *деньги* (*богатство и др.*).

Символическим значением обладают в большей степени фразеосочетания, запечатлевшие разного рода обряды, игры, ритуалы. Бытовые ситуации, запечатленные в составе фразеосочетаний, осмыслиются символически, если они носят некоторый ритуальный характер (*круговая чаша, хлеб-соль*). Замечено, что символическое значение слова не отличается четкостью и устойчивостью. Оно зарождается и проходит свое становление в концептосфере каждого конкретного народа как носителя неповторимых индивидуальных особенностей общественного уклада, быта и ментальности. Концептосфера, в свою очередь, отражает наиболее универсальное мировоззрение и миропонимание, присущее данной нации на определенной стадии культурно-исторического развития.

Сопоставление символических значений, закрепившихся за русскими и английскими названиями бытовых реалий, эквивалентных по семеме Д1, показало как сходства, так и различия между ними. Представим некоторые результаты нашего исследования. Так, символическими значениями русской лексемы *дом* можно считать значения *родины* [*Вернуться в отчий дом*], *умственного и психического здоровья* [*Не все дома у кого*. Так говорят о человеке со странностями, глуповатом, придурковатом], *чего-то святого* [*Сгни мой дом* (клятва)], в то время как для английской лексемы *home* такими значениями будут – *внутренний мир человека* [*Sink home* (букв. погружаться в дом) эквивалентно: *Sink into somebody's mind* (букв. погрузиться в чье-либо сознание) значит дойти до сознания, быть понятым, запасть в душу, твердо запомниться], значение *предела* [*get home и drive home* – попасть в цель, в точку, доводить до конца, успешно завершать. Таким образом, семема лексемы *home* актуализирует в данных выражениях сему конца, края, предела].

Для лексемы *house* символическим значением будет – *ограждение собственности (стена)* [*Safe as a house (church)* букв. безопасный как дом (церковь)]. Когда англичане говорят: *safe as a house*, они, в первую очередь, имеют в виду безопасность – безопасный, как церковь, т.е. абсолютно надежный, где запрещались нападения, аресты и т.п. Это выражение сравнимо с известной русской поговоркой: *Как за каменной стеной*. Другим символическим значением лексемы *house* будет значение *гостеприимства* [*Keep open house* (букв. держать дом открытым) – держать двери дома открытыми (для гостей). Это выражение означает жить на широкую ногу, славиться гостеприимством].

Семантема русской лексемы *хлеб* содержит символические семемы

средства к существованию [Насущный хлеб. Самое важное, необходимое для существования], самого главного, дающего жизнь [Хлеб всему голова] и духовной пищи [Хлеб животный], в то время как английская лексема *bread* имеет аналогичные русским символические значения средства к существованию [Daily bread (букв. хлеб насущный) – кусок хлеба, средства к существованию]. В обоих языках обрядовое употребление хлеба воспринимается как жест доверия [преломить хлеб с кем-либо, Break bread with somebody]. Символическое значение угощения, гостеприимства в английском языке представлено лексемой *bread* [Bread letter (bread and butter letter) (букв. хлебное письмо) письмо, в котором выражается благодарность за гостеприимство]. В русском языке это значение представлено устойчивым сочетанием хлеб-соль [Потчевать хлебом-солью].

Английское устойчивое выражение *bread and butter* символически воспринимается как средства к существованию, заработок [Bread and butter (букв. хлеб и масло) средства к обеспеченному существованию; хлеб насущный] и материальный достаток, благосостояние [Have one's bread buttered on both sides (букв. иметь хлеб, намазанный маслом с обеих сторон) – как сыр в масле кататься; быть материально состоятельным человеком].

Значения остроумия, самого главного, средства причинения боли и вреда мы рассматриваем как символические и у русской лексемы *соль*, и у английской лексемы *salt*. Специфически русской символической семемой будет долгительное знакомство [Друга узнать – вместе пуд соли състь – значит длительное время прожить, побыть с кем-либо вместе], а английскими – хозяин [To be true to one's salt (букв. быть верным своей соли) – служить своему хозяину верой и правдой – тому, кто дает пищу, обеспечивает средствами к существованию] и социальный статус человека [Sit above the salt (букв. сидеть выше соли (солонки)) – сидеть в верхнем конце стола, на почетном месте, близко от хозяина – занимать высокое положение в обществе]. *Sit below the salt* (букв. сидеть ниже соли (солонки)) – сидеть в нижнем конце стола, не на почетном месте – занимать низкую ступень на социальной лестнице. Лексема *salt* в этих выражениях путем метонимического переноса с содержания на форму получает значение солонки, которую ставили на стол во время трапезы. Именно она потом стала точкой отсчета, по которой стали определять социальный статус человека.

У русских лексем *чаша* и *чашка* и английской лексемы *cup* мы выделяем общие символические значения достатка [Дом – полная чаша, где «полная чаша» символизирует достаток, стабильность, материальное благополучие в доме; A full cup must be carried steadily (букв. полную чашу нужно нести осторожно) – счастье нужно беречь]; судьбы [Не твоя чаша, не тебе и пить; A bitter cup (букв. горькая чаша) – горькая чаша (то есть судьба)]; предела терпения [Переполнять чашу терпения – доводить до того, что нет больше сил, возможности выносить что-либо; One's cup is filled (букв. чья-либо чаша наполнена) – чья-либо чаша терпения переполнилась]. Символ гостеприимства [Просим на чашку чаю! Означает приглашать, звать или идти в гости] русских лексем отсутствует в английской языковой культуре. Заметим, что в английском языке *cup* как емкость определяется по форме и размеру, в то

время как в русском языке *чаща, чашка* – по выполняемым ими функциям.

У англичан большее значение придается церемонии чаепития и связанных с ней обрядов, а значит, и сделано больше наблюдений, что привело к образованию достаточного количества выражений, получивших обобщенно-символический смысл. У русских же лексема *чаща* употребляется чаще в описаниях застолья или церковных обрядов. В большинстве случаев аналогически символизируется не сама вещь, а ее функционирование в ритуальной ситуации. Так, *чаща* (англ. *cup*) сама по себе не несет никакого символического значения в обеих языковых традициях, но, будучи используемой на пирах в качестве сосуда с вином, передаваемого по кругу, она становится символом единения, доверия, мира и дружбы участников трапезы. Таким образом, символизируется не сама *чаща, cup*, а ее содержание и использование.

Значения *богатства, власти и меры ценности человека* [*Изведая человека на деньгах; Somebody for one's money* (букв. кто-то для чьих-то денег) – этот человек мне подходит, этот человек меня устраивает] русской лексемы *деньги* и английской лексемы *money* мы рассматриваем как символические.

Возможно, что дальнейшие исследования символического значения слов были бы плодотворны в сфере лексики и фразеологии, описывающих ритуалы, игры, обычаи, обряды и праздники разных народов. Национально-культурный аспект исследования языковых концептов посредством изучения семантики лексических единиц позволяет, на наш взгляд, расширить наши представления о концептосфере данного народа, о наиболее характерных и значимых особенностях семантического пространства русского и английского языков, что позволяет, в свою очередь, судить о национальном своеобразии когнитивного сознания.

Отметим, что ситуации, берущие истоки в Библии, отражены в устойчивых сочетаниях обоих языков. Некоторые символические значения слов имеют сходную мотивировку общекультурным мифологическим религиозным наследием. Таким образом, сходства и различия символических значений русских и английских лексем позволяют говорить о сходстве и различии культурно-языковых традиций в целом, о взаимосвязи символических значений слов с особенностями менталитета и национальной спецификой концептосферы народа.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.

Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М., 1996.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Символические признаки понятия «игрушка»

Термин «символ» остается, пожалуй, одним из обсуждаемых в современной лингвистической литературе.

Неослабевающий интерес к этому термину можно объяснить тем, что символ является знаком той или иной культуры и вносит в семантику текста смыслы, которые отражают данную культуру. Наряду с этим семантическая структура символа обладает репрезентирующим потенциалом и является источником как отдельных тропов, так и целого символического сюжета. Важнейшими его свойствами являются комплексность содержания и равноправие реализующихся значений. Как известно, само слово символ происходит от греческого глагола "symbollein" (складывать) и существительного "symbolon" (половинка монеты, которую делили в знак заключения союза и для распознавания "своих" и "чужих").

Термин "символ" является одним из самых многозначных в системе семиотических наук. Часто его употребляют как простой синоним знака. Еще Ф. де Соссюр противопоставил символы языковым знакам, отметив в первых иконический элемент. В этой связи он писал, что *весы* могут быть символом *справедливости*, поскольку иконически содержат идею равновесия а *телега* - нет (Телия 1986, с. 146).

Большинство авторов, занимающихся изучением символического значения, рассматривают символ как знак таинственный и условный. Они отмечают конвенциональную природу символа, а также то, что символ соединяет лингвистические и нелингвистические измерения. Нелингвистическими измерениями являются обряды, ритуалы, значимые для людей ситуации, которые повторяются в их повседневной жизни.

Важнейшей особенностью символа является его способность порождать все новые и новые символические значения за счет символизации деталей означающего, а также всей ситуации, в которой означающее занимает центральное положение. Одни символы со временем могут утрачиваться, другие - приобретать новое содержание, удовлетворяющее потребностям социума и актуальное для носителей языка в определенный исторический период. Трактовка символов тесно связана с личностью самого лица, которое взялось за толкование, с его социальным, культурным и географическим окружением, с его сознанием. В основе символических образных ассоциаций находится принцип антропоморфизма. «Сознание человека сначала интерпретирует свойства некоторого объекта в "человекоподобных" признаках, а затем вновь переносит их на человека же» (Бауэр и др. 1995, с.108). В этом, на наш взгляд, источник многозначности символа.

Языковые символы существуют в языковом значении слова в виде «символической ауры», ряда сем культурно-стереотипного и архетипического, древнейшего мифологического характера. Такие символы являются

устоявшимися, закрепившимися в сознании носителей определенной культуры. Отсюда – множественность трактовок понятия и его интерпретаций. Французскому исследователю Марку Сонье принадлежат слова: «Символы показывают нам все, что было и что будет, притом в неизменной форме» (Флоренский 1994, с.10). Символы органично входят в картину мира, выполняют мировоззренческие функции. В этом своем качестве они могут даже регулировать поведение людей.

По мысли П.А. Флоренского, символ – это окно к иной сущности, это “органически живое единство изображающего и изображаемого, символизирующего и символизируемого” (Лотман 1996, с.157). Символ имеет внутреннюю связь с тем, что он символизирует. Даже если мы не знаем какого-либо символического значения, каждая система безошибочно определяет “ее” символ, так как нуждается в нем для работы семиотической структуры.

Известно, что символ является одной из важных составляющих художественного текста. Будучи знаком той или иной культуры, символ отражает систему мышления и ценности, присущие данной культуре. Символ приходит из прошлого и уходит в будущее, являясь “механизмом памяти культуры” (Лотман 1996, с. 148).

Известно, что символы оценочны по своей природе. Роль символов, получивших языковое воплощение в системе критериев оценки и выражающих антропометрическую точку зрения на объект и, таким образом, создающих предпосылки для понятного всем участникам коммуникации эмоционально-оценочного значения, еще недостаточно четко определена.

Символическое значение слова всегда будет экспрессивным, так как оно само уже есть нарушение норм, правил, стереотипов. Экспрессивность символического неологизма можно объяснить нестандартным набором сем, то есть переосмыслением уже знакомого ранее.

Зачастую эмоционально-оценочное отношение определяется мировоззрением носителей языка, культурно-историческим опытом, системой критериев оценки по определенной шкале, отображающей исторически сложившиеся в обществе нормы хорошего и плохого. Антропометрическая позиция, дающая представление о стандартах и/или эталонах, служит фильтром восприятия внешнего мира.

На наше восприятие мира оказывают влияние те образы, в которых он отображается и воплощается.

Символы играют большую роль в художественной литературе. Материалом для нашего исследования послужили художественные произведения русских классиков и современных писателей. В основу классификации мы положили метод компонентного анализа. Проанализировав достаточное количество примеров из текстов, нам удалось выделить набор смыслообразительных признаков кукол-игрушек как особых персонажей и построить модель для возможно более полного описания представлений о присущих им символических значениях. Укажем на некоторые особенности, обнаруженные нами в процессе анализа примеров из произведений художественной литературы.

...Егор, ступай прибери у себя в *игрушках!* - скомандовала мать, отсылая сына в другую комнату(А.Житинский. Потерянный дом или Разговоры с Милордом).

В данном примере наблюдаем употребление слова "игрушка" в его прямом значении - *"вещь, служащая для игры; то, что является предметом забавы, развлечения"*.

Довольно часто встречается сравнение живых людей с игрушками:

Год, два - бывший зять, вчерашний "принц", *игрушка* становился таким же, как и все (Ш. Алейхем. С ярмарки).

Еще так недавно каждый человек интересовал ее, как *игрушка*, а теперь из всех знакомых только два-три знакомых могли хоть сколько-нибудь занять, а с остальными было скучно и досадно (М. Арцыбашев. Роман маленькой женщины).

Символическое значение *"неживой, служащий для игры"*.

Следующим по частотности является наличие внешнего признака "красота-безобразия".

- Приедешь в Собрание али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся в цветах, разодета, как *игрушка*, али картинка журнальная, - вдруг подходит кавалер... (А.Островский. Свои люди - сочтемся).

Голицын был очень хорош собою, и Екатерина однажды, не удержавшись, при всех выразила свое восхищение: "А каков князь Петр! Прямо *куколка!*" (В.Пикуль.Фаворит).

Девочка была одета, как *куколка* и красива, как мать (В.Г.Короленко. Братья Мендель).

Символическое значение *"красивый, нарядно одетый"*.

Нередко слово "игрушка" употребляется, чтобы указать на небольшой размер:

Все по-прежнему стояло,

Но коней как не бывало;

Лишь *игрушка-горбунок*

У его вертелся ног (П.Ершов.Конек - горбунок).

Символическое значение *"маленький"*.

Достаточно большое количество случаев употребления слова "игрушка" объединены общим смысловозначительным признаком "действующий несамостоятельно".

Мои шаги по темному бульвару были легки...И все же я больше не безвольная *игрушка* в его руках (Б.Акунин. Любовница смерти).

Кто-то следит, кто-то заинтересован во мне. Может, я всего лишь *игрушка* (С.Лукьяненко. Звездная пыль).

Но теперь я вижу, что ты не просто красивая *игрушка*. Ты умна (А.Бушков. Анастасия).

Символическое значение *"исполняющий чужую волю"*.

Реже встречаем признак "отношение к окружающему миру, настроение".

Униженный и брошенный человек один где-то переживал тайну своей обиды, которую никогда уже нельзя ни поправить, ни забыть; молодая женщина стала одинокой, как *брошенная игрушка* (М.Арцыбашев. Миллионы).

Символическое значение *"одиноким, несчастным человеком"*.

Нередки случаи сравнения двух объектов неживой природы:

Граната наподобие пасхального яичка - этакая веселая *игрушка*, бросает иль в горнице ее тискает старшина, а у той пустышной гранатки и чека пустынная, что пуговка у штанов (В.Астафьев. Пастух и пастушка).

Символическое значение *"внешне красивый, но опасный по своему содержанию"*.

Но литература - *игрушка*, в нормальной стране она не может иметь важного значения (Б.Акунин Турецкий гамбит).

Символическое значение *"несерьезный, предназначенный для игры"*.

Из анализа приведенного материала можно сделать вывод, что языковой символ "игрушка" обладает многозначностью. Это может быть обусловлено системой уже существующих в социуме критериев оценки, задающих антропометрическую точку зрения на объект и точку его "размещения" на шкале оценок.

Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / В.Бауэр, И.Дюмотц, С.Головин. М., 1995.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М.Лотман. М., 1996.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц / В.Н.Телия.М., 1986.

Флоренский П.А. Эмпирия и Эмпирия // П.А.Флоренский. Оправдание космоса СПб., 1994.

И.А.Тарасова, Л.Ю.Семейн

Концепт "зимняя непогода" **как маркер национального сознания**

Одним из перспективных направлений современных лингвокультурных исследований представляется контрастивный анализ ментальных образов разных культур. Как отмечают З.Д.Попова и И.А.Стернин, "такое сравнение выявляет национальную специфику в составе и удельном весе семантических признаков эквивалентных концептов разных языков. Но бывает и так, что в зеркале другого языка исследователь замечает и такие признаки родного концепта, которые ранее ускользали от его внимания" (Попова, Стернин 2001, с.139). Это справедливое замечание полностью подтверждается сопоставительным анализом концептов "зимняя непогода" в русской и английской лингвокультурах.

Как известно, одним из способов вербализации концепта является синонимический ряд. При этом количество синонимов рассматривается как косвенное свидетельство сложности вербализуемого концепта.

Синонимические словари русского языка представляют состав ряда следующим образом: метель, выюга, буран, пурга; метелица (разг.) (Александрова, 1989); метель, метелица, выюга, пурга, буран (Евгеньева 1970).

Словарь русского языка в 4 томах фактически толкует синонимы друг через друга: Выюга — сильная метель, снежная буря (МАС, т.1, с.293). Метель — сильный ветер со снегом; выюга (МАС, т.2, с.260). Пурга — сильная снежная выюга, снежная буря (МАС, т.3, с.559). Буран — сильный зимний ветер, поднимающий массу сухого снега; снежная буря, метель (обычно в степи) (МАС, т.1, с.125).

Более убедительно семантические различия между синонимами продемонстрированы в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой: “метель — снежная буря, снегопад, сопровождаемый сильным ветром, несущем снег в одном направлении; выюга — снежная буря со снегопадом и сильным ветром порывами, когда снег носится, кружится в воздухе; пурга, буран — сильная снежная буря на открытых, чаще степных пространствах, обычно употребляется в речи жителей Урала, Сибири (Евгеньева, 1970, т.1, с.541).

Как видно из толкований, в качестве родового рассматривается понятие “снежная буря”, хотя само слово “буря” ни в одном словаре не включается в синонимический ряд. Между тем оно вполне способно репрезентировать концепт зимней непогоды (“буря — ненастье, сопровождаемое сильным разрушительным ветром, часто с дождем или снегом” (МАС, т.1, с.127).

Систематизация семантических различий между членами ряда предпринята в “Новом объяснительном словаре синонимов русского языка” под редакцией Ю.Д. Апресяна (НОССРЯ). В НОССРЯ синонимический ряд представляют лексемы метель, выюга, пурга, буран. Общее значение членов синонимического ряда определяется как “зимняя непогода — ветер, несущий большое количество снега”. Согласно НОССРЯ, синонимы различаются по следующим смысловым признакам: степень непогоды (наименьшая у метели); характер движения снега (перемещение вдоль земли при метели, закручивание при выюге); температура воздуха и качество снега; что находится в фокусе внимания (сила ветра — при выюге и буране, обилие снега — при метели); связываются ли с данным явлением звуковые эффекты (у пурги и бурана они отсутствуют, в наибольшей степени присущи выюге); на какой территории разыгрывается непогода (по этому признаку буран противопоставлен всем остальным членам ряда) (НОССРЯ, вып.2, с.191).

Признак 2 — характер движения снега — зафиксирован в этимологическом слое концепта. Так, у В. Даля “метель” входит в гнездо слов, однокоренных с “мести”. Внутренняя форма слова “выюга” включает представление о круговом характере движения ветра, поэтому лексема рассматривается В. Далем в одном ряду со словами “виться”, “извиваться” (т.1, с. 328). Этимология Даля поддерживается современными этимологическими словарями. Слово “пурга” является заимствованием из финского, вследствие чего лишено для носителя русского языка внутренней формы.

Лексему “буран” как территориальный вариант репрезентации концепта.

Итак, в качестве репрезентанта русского национального концепта возможно рассмотрение синонимического ряда “метель — выюга — пурга”. Каждая из

номинаций акцентирует внимание на одном из аспектов ядерного образа: движении *снега вдоль* поверхности земли (метель); его *кружении ветром* (вьюга); *силе ветра* (пурга). Таким образом, к понятийному слою концепта относятся содержательные признаки “снег”, “ветер”, “интенсивность”, “траектория движения”.

Все четыре слова — вьюга, метель, пурга и буран — в Русско-английском словаре имеют лишь два эквивалента - snowstorm и blizzard: метель — snowstorm; буран — (severe) snowstorm (in steppes); вьюга — snowstorm; пурга — blizzard (РАС). Анализ словарных дефиниций позволяет выявить различия в семантике этих лексем: snowstorm — a heavy fall of snow, *esp with a strong wind* (OALD); a very heavy fall of snow, *esp blown by strong winds* (LDELС); a storm of falling snow (Webster), где, соответственно, storm — a violent disturbance of the atmosphere *attended by wind and usu by rain, snow, hail, sleet, or thunder and lightning* (там же); blizzard — a severe SNOWSTORM with strong winds (OALD); a severe prolonged snow-storm; *an intensely strong cold wind filled with fine snow* (Webster).

Из дефиниций в OALD и LDELС видно, что snowstorm и blizzard находятся в родо-видовых отношениях, где второе природное явление отличается большей степенью непогоды (severe – суровый, холодный). В свою очередь, в сложном слове snowstorm родовым понятием является storm (с непременным ветром), а дифференциальным признаком – снег (snow). Отметим, что возможны и другие дифференциальные признаки, которые и определяют вид storm, например, sandstorm — песчаная буря.³ Интересно, что и лексема blizzard может также означать и “пыльную бурю” (НБАРС).

Признак “сила ветра” прослеживается и в этимологическом слое концепта storm (ср. с нем. Sturm). По данным словаря Уэбстера, это слово произошло от древнеанглийского *styrían* (в современном английском языке то *stir* — шевелить(ся), двигать(ся)).⁴ Необходимо также отметить, что в английском языке параллельно со слитным написанием сложного слова snowstorm существует графический вариант с написанием через дефис: snow-storm. Этот концепт может быть также номинирован и относительно свободным словосочетанием snow storm (что является свидетельством большей актуальности концепта “storm”). По сути дела, разные графические варианты отражают основные этапы становления сложного слова snowstorm.

Любопытно, что в Encyclopedia Britannica 2002 приводятся синонимичные названия *buran*, *burga* и *purga*, правда, эти природные явления не описываются,

³Большая (по сравнению с русским языком) обобщенность родового понятия storm может приводить к переводческим курьезам. Так, первые сообщения о военной операции в Персидском заливе, проводимой США против Ирака в 1990 г., ставшей известной под метафорическим названием Desert Storm (Буря в Пустыне) появились в русских средствах массовой информации, в частности, на телевидении, под заголовком “Шторм (!) в пустыне” (ошибка, к счастью, была вскоре замечена).

⁴В отличие от storm, этимология слова blizzard, по данным этого же словаря, неизвестна.

что, на наш взгляд, является показателем низкой частотности этих слов в языке и, соответственно, менее детальной обработки сознанием (в отличие от русского сознания) этого участка картины мира. Однако есть все основания полагать, что *buran* является заимствованием из русского языка, *purga* — из финского, что касается слова *burga*, то это, скорее всего, искаженное *purga* (возможно, что озвончение начального согласного произошло по аналогии со словом *buran*). В связи с этим можно упомянуть и произведение С.Т.Аксакова “Буран” (1834), входящее в англоязычных странах в число произведений мировой классики, и в переводе названия которого использовалась транслитерация - *Buran*.

Итак, лексемы “*buran*”, “*purga*” и “*burga*” можно считать экзотизмами. Основная нагрузка при вербализации концепта “зимняя непогода” в английском языке падает на синонимы *snowstorm* и *blizzard*. К числу различий между ними, по обобщенным данным словарей, относятся: температура воздуха (более низкая у *blizzard*); сила ветра (сильный ветер характерен для *blizzard*); качество снега (у *blizzard* снег мелкий).⁵

Как известно, в описании концепта может помочь анализ производных слов и словосочетаний, в том числе и устойчивых, с данными лексемами. В толковых словарях (не малого объема, к числу которых относится и словарь Уэбстера) лексема *snowstorm* в подобного рода словосочетаниях не зафиксирована, что является еще одним косвенным подтверждением малой актуальности данного понятия для носителей английского языка. Чуть лучше обстоят дела с понятием, выраженным лексемой *snow*: этот компонент содержат 4 фразеологизма (Кунин). Однако словарь Уэбстера фиксирует устойчивое словосочетание с компонентом *blizzard* — *blizzard head* (a woman television performer having hair so blond as to require special lighting to prevent a flare or halo from appearing), в котором актуализируется признак цвета — “белый, светлый”. Данное понятие, являясь узкоспециальным, обозначает необходимость выбора иного освещения в телевизионной студии при показе блондинок-телеведущих, причиной чего является эффект свечения волос, образующих “нимб”. В этом же словаре представлено еще два слова, производных от *blizzard* как природного явления и имеющих достаточно прозрачную семантику: прилагательное *blizzardy* и наречие *blizzardly*. Более того, иллюстративный пример, приводимый в этой словарной статье, демонстрирует связь концептов *snowstorm* и *blizzard* в сознании англоговорящих, а именно возможность перехода (*snow*)storm в *blizzard*: the wind picked up, the storm became blizzard, что, очевидно, связано с усилением ветра и понижением температуры.

Выделенные путем анализа русских и английских словарных статей признаки позволяют однозначно определить место концепта “зимняя непогода” в типологии ментальных структур: это концепт-представление (Попова, Стернин, 2001; Стернин, Быкова, 2000).

Более сложным является вопрос о том, представления каких модальностей составляют образное ядро концепта. По мнению автора соответствующей статьи НОССРЯ И.Б. Левонтиной, русские синонимы различаются в том числе экспликацией модальности восприятия: во “вьюге” преобладает слуховая

⁵Аналогичные признаки у русской “пурги” отмечаются в НОССРЯ.

модальность, в “метели” – слуховая и зрительная одновременно, при доминировании последней, “пурга” же вообще не подразумевает слуховых ассоциаций (НОССРЯ, т.2, с.192). Ср., однако у С. Есенина: “Долго петь и звенеть пурге” (I, с.131).

На наш взгляд, в русском языковом сознании существует единый концепт ‘снежной непогоды’, оязыковленный в синонимическом ряде вьюга — метель — пурга, для которого в целом характерна звуковая доминанта. Попробуем продемонстрировать это, привлекая для анализа стихотворные тексты А.С. Пушкина и С. Есенина — “типичных представителей” национального сознания, а также других русских поэтов. Преимущественно звуковая модальность этого природного образа отчетливо проявляется при его сопоставлении с английским *snowstorm* и *blizzard*, функционирование которых в текстах англоязычных авторов демонстрирует преобладание зрительной модальности восприятия.

Обратимся для сравнения к поэтическим текстам А.С. Пушкина (1799–1837) и Ралфа Уолдо Эмерсона (1803–1882).

Р. Эмерсон является ярким представителем трансцендентализма – литературно-философского течения, одной из основных идей которого была близость к природе, позволяющая человеку “очиститься от вульгарно-материальных интересов”. Жизненным идеалом поэта являлась простая и мирная жизнь в единении с природой. Зрительная доминанта четко прослеживается в одном из самых известных его стихотворений “*Snowstorm*”, содержащем большое количество антропоморфных метафор (трубный звук ветра появляется только в первой строке). *Snowstorm* предстает в образе искусного мастера, архитектора, творца, кудесника и даже военного стратега, сильного и властного.

В стихотворении одна-единственная прямая номинация этого природного явления, правда, вынесенная в сильную позицию заглавия. Если в первой строфе описывается прибытие бури, то во второй, большей по размеру, поэт призывает читателя полюбоваться созданными за ночь “шедеврами”: “*Come see the north wind’s masonry*”. До неузнаваемости изменилось все: дом с крышей и надворные постройки, оказавшись в его власти, превратились в бастионы (“*the fierce artificer/Curves his white bastions with projected roof*”), снег на курятнике и собачьей будке похож на украшения в виде венков, высеченных из паросского мрамора (“*On coop or kennel he hangs Parian wreaths*”), кусты с шипами напоминают изящных лебедей (“*A swan-like form invests the hidden thorn*”). Эти шедевры создают снег и ветер, что передано при помощи метафорических эпитетов “*myriad-handed*” (с несметным количеством рук) и “*wild*” (work) (“неистовая” работа). Человек же заточен дома, он вынужден оставаться там и нигде не выходить. Однако сама картина снежной бури выдержана в оптимистической тональности.

Стихотворение интересно и тем, что в нем можно четко выделить этапы снежной бури, в том числе начало — под вечер — и конец, наступающий с восходом солнца (Американская поэзия..., 1983, с.116).

Концепт “снежной непогоды” в идиостиле А.С. Пушкина оязыковляется в словесных образах метели (19), выюги (10), бурана (7) и бури (119).⁶ Значительное преобладание в идиолекте А.С. Пушкина языковой единицы “бура” вызвано большим количеством метафорических контекстов, в которых указанная лексема реализует переносные значения: “о сражении, битве”; “о чувствах, душевных волнениях”; “о различных общественных движениях, восстаниях”; “о различных явлениях, нарушающих нормальное течение жизни”. В наиболее известном поэтическом шедевре Пушкина, репрезентирующем концепт “зимней непогоды” — “Зимний вечер” — эта семантика также содержит символические коннотации, употребляясь вместе с тем номинативно: “Бура мглою небо кроет, Вихри снежные крутя; То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя, То по кровле обветшалой Вдруг соломой зашумит, То, как путник запоздалый, К нам в окошко застучит” (I, с. 362).⁷

В стихотворении “Зимний вечер” художественный образ бури является центральным: он играет ключевую роль в противопоставлении мира тепла и уюта, душевных человеческих отношений — миру мрака и непогоды, бесприютности и тоски. Природная стихия — снежная бура — усугубляет ощущение тоски и безысходности, испытываемое лирическим героем. Она совмещает в себе черты зверя и дитяти, зла и печали, мучит и жалует. Поэтическая идея стихотворения перерастает себя и намекает на общее состояние мира. Здесь все утопает в устрашающем мире метели, в неистовстве грозных стихий, угрожающих сокрушить малое пространство “ветхой лачужки”.

С художественной чуткостью описывает автор в первой строфе привычную для него выюгу, его глаз и ухо отличают в ней различные оттенки, обычно скрытые от поверхностного наблюдателя. Сначала преобладает общее, зрительное впечатление: небо покрыто мглой, неистовый ветер кружит в поле снежные вихри. Постепенно поэт переходит к самому голосу выюги, к ее слуховому ощущению. Это не просто вой ветра. Здесь явно различаются всевозможные оттенки и переходы: то это завывания зверя (волчий вой), то плач ребенка, то просто шорох соломенной крыши под порывами холодного ветра, то стук в окно того, кто заблудился в пути. Не менее интересно, что автор, наделяет бурю человеческими качествами, воспринимает ее звучание как аккомпанемент своему душевному состоянию (“завоет”, “заплачет”, “завывание”).

С еще большей определенностью голос непогоды проецируется на эмоциональное состояние лирического героя в “Бесах”. Звучание выюги отождествляется с жалобным пением бесов, их “жалобным визгом и воем”, “надрывающем сердце” ездока.

Звуковая доминанта образа бури-выюги у Пушкина проступает на фоне зрительной непроработанности: “мутности”, “затемненности”, “неясности”: “Мутно небо, ночь мутна”, “Бура мглою небо кроет”, “На мутном небе мгла

⁶Статистические данные приводятся по Словарю языка Пушкина.

⁷Стихотворения А.С.Пушкина цитируются по изданию: Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Т.1. М.: Художественная литература, 1985.

носились”, “Выюга мне слипает очи”. Эти зрительные особенности предопределили в конечном счете и символическое прочтение образа стихии, развитое впоследствии в “Двенадцати” А. Блока: Ср.: “Хоть убей, следа не видно; Сбились мы. Что делать нам! В поле бес нас водит, видно, Да кружит по сторонам” (“Бесы”) — “Разыгралась чтой-то выюга, Ой, выюга, ой, выюга! Не видать совсем друг друга За четыре за шага!” (“Двенадцать”).

Определенный аскетизм зрительного компонента образа метели/выюги в русских поэтических текстах компенсируется многообразием звуковых характеристик, которые сопровождают репрезентацию рассматриваемого природного явления в русской поэзии. Согласно “Словарю поэтических образов” Н.В. Павлович, метель/выюга предстает как звучащая стихия, получающая конкретизацию в образах: музыки (“песня-выюга” Н.Н. Некрасова, “напев метели” И.А. Бунина, “снеговые псалмы” А. Белого, “реквием метели” Вяч. Иванова, “музыка пурги” Б. Пастернака, “выюги певучие” А. Блока); музыкального инструмента (“выюга — зычный рог”, “трубы метели” А. Белого, “бубен метели”, “выюжная свирель” А. Блока, “метель — скрипка” С. Есенина); звуков живых существ (“расплается пурга” А. Белый, “метельные всхлипы” С. Есенин, “окаянный хохот пурги” Н. Клюев, “шопот выюги” А. Блок, “метель кричит как зверь” Б. Окуджава, “стонет безголосая метель” М. Исаковский, “метель великая храпит в сутробном сне” М. Петровых и мн. другие).

При обращении к “Словарю поэтических образов” Н.В. Павлович реконструируется и ассоциативно-символическая специфика художественного концепта “зимней непогоды”. В русской поэзии метель/выюга/пурга чаще всего концептуализируется как человек (“священнослужитель морозов” А. Белый, “метель-старуха” П. Антокольский, “странница клокастая метель” М. Цветаева, “пурга-заговорщица” Б. Пастернак, “ткачиха-выюга” М. Исаковский); животное (“конь метели” Н. Клюев, “пурговый конь”, “лебедь-выюга” А. Белый, “птица выюги” А. Блок.); орудие (“метелей белые розы” В. Луговской, “пурги веретено” Н.Клюев, “метели белый посох” Ю. Мориц, “пурговое помело” Вс. Иванов); субстанция (“пена метельная” А. Белый, “пожар метели белокрылой” А. Блок, “белое море метели” И.А. Бунин, “метельный огонь” Д. Самойлов); орган (“белые крылья метели”, “трива метельная” А. Белый, “точит пурга снежный клюв” А. Мариенгоф, “в бурана бледных челюстях” Б. Пастернак, “пустые крылышки выюг” И. Бродский). Как представляется, эти ассоциации являются отголосками архаического мышления, и потому они скорее универсальны, чем национальны.

Художественные произведения англоязычных авторов свидетельствуют о меньшей актуальности концепта “зимняя непогода” для носителей английской и американской культур. Так, просмотр ряда антологий английской и американской поэзии, а также использование мультимедийного компакт-диска (со встроенной программой поиска по ключевому слову/фразе), содержащего большое количество классических произведений — а отобраны были только англоязычные авторы (около 100), позволил найти весьма скромное количество примеров (чуть более 10) с прямыми номинациями зимней непогоды, выраженной лексемами *snowstorm* и *blizzard*.

Как и в стихотворении Р. Эмерсона, обнаруженные примеры с концептом snowstorm свидетельствуют о модальности зрительной. Так, в “Происхождении видов” Ч. Дарвин сравнивает тучи саранчи с хлопьями снега и обильным снегопадом: “They (swarms of locusts) were in countless numbers as thick as the flakes of snow in the heaviest snowstorm, and extended upward as far as could be seen with a telescope” (Darwin - *The Origin of Species*). В описании присутствует и компонент “движение”, которое также воспринимается визуально, однако в приведенном примере направление движения саранчи не совпадает с направлением движения падающего снега.

Snowstorm связан с человеком, он может ослеплять его, лишая способности видеть предметы или различать их: “He walked homeward in a blinding snowstorm, reaching the ferry by the dusk” (Dreiser - *Sister Carrie*); “...blinded and lost in the snow-storm” (Emerson – *Essays – Second series*).

Обильное падение снега, сопровождаемое, как правило, сильным ветром может привести к тому, что человек подвергается риску сбиться с пути (а следовательно, замерзнуть, умереть), поэтому в такую погоду лучше оставаться дома: “I wonder you should select the thick of a snowstorm to ramble about it. Do you know that you run a risk of being lost in the marshes?” (Bronte, E. - *Wuthering Heights*). К падению мягкого и пушистого снега — одного из составляющих концепта snowstorm — может присоединяться ветер, при этом, как отмечалось выше, snowstorm переходит в blizzard. Таким образом, snowstorm и blizzard могут представлять разные этапы зимней непогоды: “It was a regular flurry of large, soft, white flakes. In the morning it was still coming down with a high wind, and the papers announced a blizzard” (Dreiser - *Sister Carrie*).

Как видно из приведенных примеров, они содержат объективные характеристики данного природного явления, с присущими ему скорее универсальными, чем национальными чертами. К числу таких характеристик относится и способность snowstorm изменять до неузнаваемости местность: “...it was strange to him as if it were a road in Siberia” (Thoreau – *Walden*). Тем не менее в этом примере Генри Торо (известный своими эссе на темы природы и ее опoэтизацией) сравнивает изменившуюся до неузнаваемости дорогу с дорогой в далекой и чужой Сибири!

Еще одной объективной характеристикой является признак низкой температуры, с которым может ассоциироваться здравый ум и трезвое мышление: “Landlord,” said I, going up to him as cool as Mt. Hecla in a snowstorm” (Melville - *Moby Dick*). Невозмутимое состояние героя и его спокойствие позволяют сравнить его с горой Геклой, находящейся на островах в северных широтах.

Таким образом, немногочисленные примеры со snowstorm и blizzard если и содержат образность, то в основе ее лежит зрительная модальность. Зрительная доминанта может также присутствовать и в случае синестезии: “There are many pillows of illusion as flakes in a snow-storm” (Emerson – *The Conduct of Life*). В этом примере создан синтетический образ иллюзий, многочисленных, как хлопья падающего снега, и удобных, как подушки. В целом же в художественных текстах преобладает информация логического, а не прагматического плана. На этом рациональном фоне наиболее ярко проступает

оценочный слой в структуре русского концепта, включающий прежде всего представления о *враждебности* природной стихии: “выюга злая” (И.А. Бунин), “дышала злобой выюга” (А. Блок), “сволочь-выюга” (С. Есенин), “окаянный хохот пурги” (Н. Клюев), “панихида знатной пурги” (Н. Черкашин), “стервами бросается на него метель” (Б. Пильняк).⁸

В поэзии С. Есенина исследуемый концепт реализуется в более чем 80 речевых образах (данные И.Г. Соколовой). Его речевая экспликация осуществляется как традиционными (метель, выюга, пурга, буря), так и диалектными номинациями (замять, пороша, завируха), а также перифрастическими средствами (“пряжа снежистого льна”, “снежный ветер”, “серебряный ветер”, “снежные вихри” и др.)

Ядро образа включает зрительные (в том числе цветовой и кинестетический), осязательные (в том числе синестетические) и звуковые компоненты. Последних большинство. К основным звукам, производимым выюгой-метелью относятся вой, рев, свист, стон, шум, плач, стук: “За окном, у ворот Выюга завывает” (II, с.298)⁹; “А выюга с ревом бешеным Стучит по ставням свешенным□” (I, с.37); “Плачет метель, как цыганская скрипка”(I, с. 347); “Стегает злая выюга Расщелканным кнутом” (II, с.304); “Визжит метель, как будто бы кабан, которого резать собирались”(II, с.130); “А за окном под метельные всхлипы...”(I, с.242) и др.

Обращает на себя внимание, во-первых, отсутствие дифференциации между выюгой и метелью по признаку звуковое/зрительное явление: и в том, и в другом случае доминанта звуковая. Во-вторых, “неприятный” характер звучания и его эмоциональная оценка лирическим героем. Эта минорная, буквально “панихидная” тональность усиливается в стихотворениях 1924–1925 годов, где образ метели приобретает символические некрологические коннотации: “Родимая! Ну как заснуть в метель? В трубе так жалобно И так протяжно стонет. Захочешь лечь, Но видишь не постель, А узкий гроб И — что тебя хоронят” (II, с.116). Этот эмоционально воспринятый звуковой образ послужил основанием экспрессивной оценки: “Поет она плакидой — Сволочь-выюга”(II, с.118). Из зрительных компонентов образа наиболее актуален цветовой признак: “синие метели”, “седая выюга”, “белая пряжа”. Динамический характер образа реализуется через компоненты, которые можно назвать кинестетическими: “Снежная замать крутит бойко”(I, с.246); “Милая спросила: “Крутит ли метель?”(I, с.245); “Будет злобно крутить пороша” (I,с.289). Зрительные компоненты могут объединяться с осязательными представлениями, создавая синтетический образ: “А по двору метелица Ковром шелковым стелется, Но больно холодна”(I,с.37); “Снежная замать дробится и колется”(I, с.242); “Костер метели белой” (II,с.138).

⁸Положительные коннотации образ снежной непогоды приобретает в отдельных поэтических циклах: “метель запевала старинной, никогда не смолкавшей мечтой” (А.Белый), “ласкают выюги”, “блага снежных хмелей” (А.Блок).

⁹ Стихотворения Есенина цитируются по изданию: Есенин С.А. Собр. соч. В 3 т. М.: “Правда”, 1970.

Ассоциативный слой индивидуального концепта представлен образными параллелями метель — цветение (лип, черемух, яблонь); метель — листопад; метель — чувственность, страсть; метель — судьба.

Регулярные ассоциации позволяют говорить о наличии в содержании концепта символического слоя. Это зафиксированная и в произведениях других поэтов символика метели/вьюги — революции: “И мы пошли под визг метели, Куда глаза его глядели” (“Ленин”); “Земля — корабль! Но кто-то вдруг За новой жизнью, новой славой В прямую гущу бурь и вьюг Ее направил величаво” (“Письмо к женщине”); “В стране, обьятой вьюгой и пожаром” (“Письмо деду”). Возможно, эта символическая ассоциация возникла по аналогии с устойчивым переносом “буря” - “нарушение привычного хода событий”.

Как символическая может рассматриваться образная ассоциация метель/вьюга — смерть: “Метель ревела. Под оконцем Как будто бы плясали мертвецы. Тогда империя Вела войну с японцем, И всем далекие Мерещились кресты” (“Мой путь”); “Закружилась пряха снежистого льна, Панихидный вихорь плачет у окна. Замело дорогу вьюжным рукавом, С этой панихидой век свой весь живем” (I, с.274). По всей видимости, эта коннотация является производной от архаической символики снега (Пашина, 1998), по крайней мере, она отмечается в значительном количестве контекстов от А. Жемчужникова (“не хора хватает за сердце над гробом печальное пенье”) до Е. Евтушенко (“метель панихиду выводит”).

Думается, можно говорить и об освященной именем Пушкина символической коннотации вьюга — нечистая сила: “У вас под окнами теперь метели свищут, И в дымовой трубе Протяжный вой и шум, Как будто сто чертей Залезло на чердак” (“Письмо деду”); “Метель теперь хоть чертом вой, Стучись отопленником голым” (“Весна”).

Размышляя о специфике отражения в художественных текстах эмоционального и логического, О.Ю. Авдеевнина приводит глубокое замечание И.Ф. Анненского о различии “зрительных” и “звуковых” контекстов: “Зрительные контексты в словесном произведении более рассудочны, отличаются более четкой расчлененностью, ясностью, тесной связью с областью мысли, тогда как звуковые ближе к области аффектов и эмоций (Авдеевнина, 2002, с.45). Это наблюдение, будучи транспонировано в область этноязыковых исследований, может помочь осмыслить некоторые закономерности строения национальной концептосферы.

Проведенный анализ позволяет суммировать и другие, более общие наблюдения:

- Способами вербализации концепта “зимняя непогода” в русском и английском языке являются члены синонимического ряда (слова в прямых значениях); их дериваты; косвенные, образные номинации; целые тексты, главным образом художественные. Большая разветвленность русского синонимического ряда свидетельствует о коммуникативной релевантности данного концепта для русского национального сознания.

- В типологии ментальных структур данный концепт относится к образованиям с ярко выраженным чувственным, образным ядром. В русской лингвокультуре это звуковая, в английской — зрительная образность.

- Концепт “зимняя непогода” наиболее типичен для русского национального сознания и является в какой-то мере одним из его маркеров. Он, в частности, может появляться в текстах переводов с английского языка, в то время как в оригинале данный концепт отсутствует. Так, в переводе стихотворения Э. Ситуэл *Spinning Song* (“Песня за прялкой”), сделанном М. Бородинской, можно встретить следующие строки: *Кружатся очески выюгой снеговой, Улицы пустынные заросли травой*. Перевод заметно отличается от строк оригинала, в которых “выюжная” образность отсутствует: *Oh, how those soft flocks flutter down Over the empty grassy town* (лексема *flock(s)* реализуется одновременно в двух значениях — “кочки шерсти, очески” и “стая (птиц)”).

- Как и многие другие, данный концепт является этнокультурно обусловленным, впитавшим в себя “единство местной природы, характера народа и его склада мышления”(Гачев, 1998, с.17). Традиционные, в том числе архаические, ассоциации закрепились в символическом слое концепта, однако в англоязычной литературе символические коннотации не столь ярки.

Авдеевнина О.Ю. Образно-языковая специфика “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет”//Предложение и Слово. Саратов, 2002.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1998.

Пашина О.Н. К вопросу о реконструкции семантики снега в русской традиционной культуре //Ученые записки Российского Православного ун-та ап. Иоанна Богослова. Вып.4. Москва, 1998.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000.

Словари и принятые сокращения

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1989. (Александрова)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1981. (Даль)

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984 (Кунин).

МультиЛекс. Электронный словарь. Версия 2.0. CD-ROM.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск/Под общим рук. акад. Ю.Д.Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000 (НОССРЯ).

Новый Большой англо-русский словарь/Под общ. рук. Э.М.Медниковой и Ю.Д.Апресяна. В 3 т. М.: Русский язык, 1993.

Павлович Н.В. Словарь образов русской поэзии. В 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

- Русско-английский словарь /Под ред. О.С.Ахмановой. — М.: Русский язык, 1992 (РАС)
- Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1985. (МАС)
- Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Л.: Наука, 1970 (Евгеньева)
- Словарь языка Пушкина. В 4 т. М., 1956–1961.
- Encyclopedia Britannica 2002. Deluxe Edition. CD-ROM.
- Longman Dictionary of English Language and Culture / Ed. by D. Summers. L., 1992 (LDELС)
- Oxford Advanced Learner s Dictionary / Ed. by J. Crowther. 5 th Edition. Oxford: OUP, 1995 (OALD)
- Webster's Third International Dictionary of the English Language. In 3 vols. Merriam-Webster, 1993 (Webster)

Источники

- Американская поэзия в русских переводах. XIX–XX вв./Сост. С.Б.Джимбинов. М.: Радуга, 1983.
- Английская поэзия в русских переводах. XX век/Сост. Л.М.Аринштейн и др. М.: Русский язык, 1984.
- Есенин С.А. Собрание соч. В 3 т. М.: "Правда", 1970.
- Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Т.1. М.: Художественная литература, 1985.
- The Penguin Book of Contemporary Verse/Ed. by K. Allott. 2nd Edition. Penguin Books Ltd, Harmondsworth, 1972.
- World Literary Heritage. Softbit Inc. CD-ROM.

4.2. Психолингвистический анализ концептосферы

В.В. Поталуй

Концепт «руководитель» в русской концептосфере (на материале "Русского ассоциативного словаря")

Для выявления содержания концепта «руководитель» в русском языковом сознании были проанализированы данные «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой.

Ключевыми лексемами, представляющими концепт, являются «руководитель» и «начальник». Экспериментальные исследования показали, что в русском сознании эти слова практически тождественны. Это подтверждается и анализом словарных дефиниций данных лексем. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова

(СПб., 1998) и в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой «руководитель» определяется как «тот, кто руководит кем-, чем-либо, направляет деятельность кого-, чего-либо», «лицо, заведующее организацией, учреждением». «Начальник» толкуется как «должностное лицо, руководящее, заведующее чем-либо».

В «Русском ассоциативном словаре» представлено только слово-стимул «начальник». При анализе результатов эксперимента нами учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные. Проанализировано 542 ассоциативные реакции. Сходные по смысловому содержанию ассоциаты нами обобщались.

Полученные данные были распределены по семантическим группам:

ассоциаты, связанные с объектом руководства (*отдела 35, цеха 21, треста 9, станции 7, завода 6, лагеря 6, курса 5, главка 4, караула 3, стройки 5, участка 3, вокзала 2, поезда 2, милиции 2, полиции 2, отделения 2, предприятия 2, уголовного розыска 2, учреждение 2, штаба 2, автобазы 1, АХЧ 1, базы 1, банка 1, ЖКО 1, заставы 1, конструкторское бюро 1, КЭО 1, ОВД 1, отряда 1, охраны 1, партии 1, УВД 1, пролетариата 1, тюрьма 1, факультета 1, шахты 1, школы 1, службы 1, УПК 1, клуба 1, фабрики 1, ЧК 1, управления 1 - 148*);

ассоциаты, связанные с эмоциями и оценкой:

строгий 21, хороший 5, деловой 4, умный 4, добрый 3, уважение 2, авторитет 2, компетентный 1, замечательный 1, интеллигент 1, отличный 1, передовой 1, подлинный 1, уверенный 1, справедливый 1, активист 1, понимание 1 - 51;

дурак 18, злой 11, глупый 6, плохой 5, ишика 5, сердитый 4, грубый 3, вредный 2, идиот 2, козел 2, тупой 2, недруг 2, грозный 2, ненависть 2, суровый 2, бездарный 1, бездумный 1, болван 1, враг 1, важный 1, барин 1, вздорный 1, жлоб 1, занудство 1, зверь 1, гром 1, нехороший 1, надоел 1, мура 1, дубовый 1, неправ 1, непробиваемый 1, осел 1, паразит 1, противный 1, сволочь 1, скверный 1, жесткость 1, слишком уж их много 1, страшный 1, угрюмый 1, упрямый 1, заикленность 1, врет 1, не на своем месте 1 - 98;

ассоциаты по иерархии отношений (*подчиненный 44, субординация 1, заместитель 1, приказ 1, команда 1 - 48*);

ассоциаты-синонимы (*шеф 8, директор 5, голова 3, руководитель 3, босс 2, глава 1, хозяин 1 - 23*);

ассоциаты, связанные с атрибутами руководителя (*кабинет 7, кресло 4, стол 3, портфель 2, галстук 2, доклад 1, бумаги 1, мундир 1 - 21*);

ассоциаты, имеющие отношение к непосредственному начальству (*мой 5, отца 2, друга 1, наш 1, прямой 1 - 10*);

ассоциаты по внешнему виду (*толстый 2, очки 2, лысы 1, заспанный 1, живот 1 - 7*);

ассоциаты, связанные с бюрократической волокитой (*бюрократ 6, медленно 1 - 7*);

ассоциаты по сферам деятельности (*военный 1, командир 1, комендант 1, декан 1, поп 1 - 5*);

ассоциаты, относящиеся к криминальной сфере (*милиция 2, бугор 2, главарь 1 - 5*);

иронические ассоциации (*молчальник 1, мочальник 1, на небе 1, начальник не нашелся 1, на чайник 1 - 5*);
 ассоциации, связанные с лицом, осуществляющим руководство (*человек 2, мужик 1, мужчина 1 - 4*);
 кинематографические (*Чукотки 1* (фильм «Начальник Чукотки»), *Камчатки 2* (ошибочно), *тайги 1* (ошибочно: фильм «Хозяин тайги») - 4);
 ассоциации - обращения (*эй 1, товарищ 1, гражданин 1 - 3*);
 ассоциации по рангу (*высокий 2, вышестоящий 1 - 3*);
 ассоциации по месту деятельности (*по работе 2, служба 1 - 3*);
 ассоциации, связанные с должностью родственников (*отец 2, мама 1 - 3*);
 ассоциации, связанные с временным отсутствием руководителя (*далеко 1, ушел 1, уехал 1 - 3*);
 ассоциации по обладанию властью (*власть 1, сила 1 - 2*);
 ассоциации по средству руководства (*слово 1, язык 1 - 2*),
 литературные ассоциации (*умывальник 1* (К. Чуковский «Мойдодыр»), *транспортного цеха 1* (М. Жванецкий) - 2),
 ассоциации, связанные с афоризмами и крылатыми выражениями (*прав 1* (начальник всегда прав), *на все руки 1* (ошибочно: мастер на все руки) - 2),
 индивидуальные ассоциации (*новость 1, отшельник 1, Мишка 1, натюрморт 1, Парамонов 1, убийца 1, Петр Карпыч 1, молодой 1, столб 1, трезвенник 1, штаны 1, канава 1 - 12*).

Базовый слой концепта отражает семантическая группа ассоциатов, связанных с объектом руководства, что подтверждает и анализ словарных дефиниций лексем «руководитель» и «начальник». Кроме того, к ней могут примыкать ассоциации, связанные с иерархией отношений, обладанием властью, атрибутами и внешним видом руководителя, ассоциаты-синонимы. В количественном отношении это 249 ассоциаций.

На базовый слой «накладывается» когнитивный слой, отражающий, главным образом, эмоционально-оценочное отношение к концепту - 149 ассоциаций. Образующие его концептуальные признаки можно условно разделить на положительно - и негативно-оценочные, причем негативные существенно преобладают.

Периферия представлена индивидуальными, ироническими, кинематографическими и литературными концептуальными признаками и составляют незначительную часть общего числа реакций.

Интерпретационное поле концепта отражено в паремиях и афоризмах, художественных и публицистических текстах, раскрывающих содержание концепта.

Исследованный материал подтверждает, что концепт «руководитель» в русской концептосфере является оценочным с заметным преобладанием негативно-оценочных признаков.

Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова.
 Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Москва, 1994.

Цветы в русской концептосфере

С глубокой древности растительный мир занимал важное место в хозяйственной и духовной жизни человека и, естественно, нашел отражение в национальной концептосфере.

Концепты *береза*, *рябина*, *клен* и некоторые другие прошли длительный путь становления, имеют сложную структуру, богатые интерпретационные поля (Лапотько 1999, Морозова 2001). «Цветоч-ные» концепты объективируются в русском языке достаточно поздно: микросистема наименований цветов формируется не ранее XVIII – XIX веков преимущественно за счет заимствований из латинского, греческого, немецкого, французского языков. Даже такие наименования, как *бессмертник*, *незабудка*, *гвоздика*, по данным этимологических словарей являются кальками с западноевропейских образов. Среди цветочной лексики находим незначительное количество собственно русских наименований с прозрачной внутренней формой: *колокольчик*, *одуванчик*, *подснежник*, *шиповник*. Заметим, что в народной номенклатуре подобных названий значительно больше.

Вероятно, в силу позднего происхождения цветочная лексика слабо включена во фразеологическое пространство русского языка, что дает основания говорить о незначительном интерпретационном поле анализируемых концептов. Богатую фразеологическую парадигму, позволяющую интерпретировать отдельные концептуальные признаки цветка, имеет единственная лексема древнего общеславянского происхождения *мак* (девка не мак, в один день не облетит – кратковременность цветения; как маком усеяно – много; этот свет что маков цвет – красота, яркость либо кратковременность цветения). Существуют также расчлененные наименования устойчивого характера: *дикий мак*, *глухой мак*, *водяной мак*, *вороний мак*, *заячий мак* (Даль 1978).

Фразеологическая парадигма лексемы *роза* является в русском языке преимущественно заимствованной (усыпать путь розами, роза ветров). На нетипичность розы (как, впрочем, и других цветочных лексем) для русского фольклора, в котором имеются свои излюбленные растительные символы (раkitовый куст, береза, калина), указывала М.А.Бобунова (Бобунова 1995, с.98). Индивидуально-авторские номинации *аленький цветочек*, *цветик – семицветик* и фольклорное *лазорево́й цвето́к* исчерпывают интерпретационное поле цветочных концептов.

Анализ семантики слов, репрезентирующих анализируемые нами концепты (подробнее о методах исследования структуры концепта – Попова, Стернин 2001), позволяет выявить концептуально значимые для носителя русского языка признаки цветов.

Структура значения наименований цветов имеет ярко выраженную специфику. Известно, что цветковые растения различаются особенностями строения и размножения, что позволяет отнести их к определенному классу

(семейству). Для цветов существенны также место произрастания, время цветения и другие биологические признаки, однако лишь некоторые из них выступают как концептуально значимые. Именно они отражены в структуре значения той или иной лексики в виде сем, организующих семему. Согласно словарным дефинициям, к числу релевантных признаков относятся сема-классификатор (растение, цветок), семные модификаторы (травянистый/кустарниковый, декоративный/дикорастущий), а также дифференциальные семы цвета, реже – размера, формы. В роли малорелевантных выступают признаки, отражающие особенности строения листьев, размера и специфики стебля, признак запаха. Таким образом, структура семемы наименований цветов представляет собой совокупность понятийного компонента – классемы, дополняемой когнитивно – понятийным модификатором, и эмпирического, образного компонента, который манифестирует чувственный (чаще всего зрительный) образ цветка.

По справедливому замечанию Н.Н.Болдырева, языковые значения передают лишь часть знаний о мире, основная доля этих знаний хранится в сознании носителей языка (Болдырев 2001, с. 27). Действительно, словарные дефиниции цветов актуализируют прежде всего понятийную компоненту концептов и не в полной мере отражают как ментальный мир цветов в целом, так и его национально-культурное своеобразие. Наиболее плодотворным в этой связи представляется изучение фитоконцептов с помощью экспериментальных методов. Ассоциативные эксперименты разных типов позволяют получить информацию о способах концептуализации мира цветов, о содержании и структуре концептов, выявить не только концептуально значимые когнитивные признаки цветов, но и образную составляющую соответствующих концептов.

Национально-культурная специфика «цветочной» лексики, как представляется, проявляется уже в полученном экспериментальным путем списке названий цветов, составляющих ядро анализируемой микросистемы. Коллективная память хранит сравнительно небольшой фрагмент действительности.

В ходе проведенного нами психолингвистического эксперимента было получено четыреста ответов, среди которых было зафиксировано 47 разных названий цветов. Ядро микросистемы составляют наиболее частотные номинации, названные респондентами 10 и более раз. Перечислим их в порядке убывания частотности: *роза, ромашка, тюльпан, фиалка, хризантема, пион, лилия, астра, колокольчик, ландыш, василек, гвоздика, нарцисс, одуванчик, подснежник*. Как следует из списка, ядерную часть микросистемы образуют наименования преимущественно дикорастущих и некоторых декоративных цветов, хорошо известных на территории средней полосы России. В ядро не входят названия комнатных цветов. Вероятно, это объясняется тем, что культура разведения комнатных цветов (как, впрочем, и декоративное цветоводство в целом) заимствована русскими людьми сравнительно недавно.

Анализ атрибутивного поля наименований цветов, полученного экспериментальным путем, позволил выявить хранящиеся в сознании концептуально значимые для носителей русского языка признаки цветов, лишь отчасти совпадающие с эмпирической составляющей словарного значения.

Эксперимент показал, что наиболее существенными для носителей языка являются колоративные образы цветов. Самые частотные цветовые реакции получены при характеристике лилии (*белая*), одуванчика, нарцисса (*желтый*), розы, гвоздики, тюльпана (*красный, алый*), василька, колокольчика, подснежника (*синий, голубой*). Значимой для сознания респондентов оказалась также положительная эмоциональная оценка цветка, эксплицированная в определениях *красивый, прекрасный, милый, нежный, веселый*, что согласуется с психолингвистическими данными об эмоционально – оценочном характере значения слова в лексиконе человека (Залевская 1990). При этом обнаружены некоторые различия в восприятии и эмоциональной оценке декоративных и дикорастущих цветов. Если декоративные цветы, специально культивируемые для эстетического наслаждения, русский человек воспринимает как красивые (реакции *красивый, красота, пышный, шикарный*), то ромашка, колокольчик, василек, ландыш, фиалка – цветы, окружающие русского человека в его повседневной жизни, рожают другие эмоции, актуальные для русского национального сознания: *нежный, невинный, скромный, хрупкий, трогательный*.

Признаки цвета и эмоциональной оценки выступают как концептуально значимые для «цветочной» концептосферы в целом, признак запаха не является отмеченным в сознании носителей русского языка, о чём свидетельствуют единичные одорические реакции (*ароматный, душистый, пахучий, запах, без запаха*). Известно, например, что гвоздика является пряностью, достаточно широко используемой в кулинарии. (Ср.: пряный – острый и ароматный по вкусу и запаху), однако в ассоциативном эксперименте запах не маркируется, единичные реакции отмечают гвоздику как цветок без запаха. Вместе с тем для ландыша, розы, фиалки одорический признак выступает как концептуальный, реакция *ароматный, душистый* для ландыша является высокочастотной, структурирующей ментальный образ цветка.

Концептуальным для дикорастущих цветов является локативный признак, маркирующий в сознании место распространения цветка. Высокочастотные локативные ассоциации приводятся для василька (*полевой, поле, степь, розь*), колокольчика, ромашки (*поле, лес, луг*), подснежника, фиалки, ландыша (*лес, лесной, тень*), одуванчика (*поле, дорога, лес, деревня*). В ряде случаев в сознании маркируется отношение реалии либо к своей (реакции *родина, Россия* на стимул *ромашка*), либо к чужой концептосфере (реакции *Голландия* для тюльпана и *Япония* для хризантемы).

Нерелевантными для языкового сознания являются признаки размера цветка, времени цветения, формы.

Как показывают данные направленного ассоциативного эксперимента, в сознании русского человека хранятся чувственно – эмоциональные образы цветов. Так, фиалка характеризуется большим количеством определений разных семантических групп: цвета (*фиолетовая*), запаха (*душистая, ароматная, пахучая*), эмоциональной оценки (*нежная, красивая*), размера (*маленькая*). Словарная дефиниция эксплицирует лишь сему цвета: фиалка – травянистое растение с *фиолетовыми, реже белыми или разноцветными цветками* (здесь и далее толкования приводятся по МАС) Как отмечает З. Е. Фомина, концепт

фиалка в русском сознании соотносится только с эстетически приятными эмоциями, отрицательные же ассоциации, связанные с образом фиалки, едва ли возможны, в то время как в немецком языке образ фиалки часто актуализирует отрицательную коннотацию (Фомина 1999). Наибольшим количеством определений характеризуются также ландыш (*белый, красивый, душистый, пахучий, ароматный, мелкий, весенний, лесной*) и роза (*красная, алая, белая, колючая, бархатная, красивая, женственная, гордая, душистая, пахучая*).

В некоторых случаях сформированный в сознании чувственный образ цветка эксплицируется лишь несколькими высокочастотными определениями. Для характеристики колокольчика и василька информанты используют колоративные определения (*голубой, синий*), определения, актуализирующие место произрастания (*полевой*), а также дающие внешнюю эмоциональную характеристику (*нежный, красивый*).

Иногда в сознании говорящих имплицирован символический образ цветка. Так, согласно словарной дефиниции, *гвоздика* – *дикорастущее и садовое растение с цветками красной, розовой, белой окраски*, однако еще со времен Парижской Коммуны гвоздика является символом революции и революционных праздников. Эта устойчивая ассоциация отражена в высокочастотной сочетаемости лексемы *гвоздика* с определениями *праздничная, красная, алая*.

Символическая составляющая концепта маркирована и в материалах свободного ассоциативного эксперимента (реакции *демонстрация, победа, май, 9 мая, памятник, солдат, могила и др.*) В структуре значения лексемы *лилия* эксплицирована сема размера (крупные цветы) и формы (в виде колокола). В качестве иллюстрации приводятся словосочетания *красная, желтая, белая лилия*. Вместе с тем современный русский язык ещё хранит традиционно-поэтическое *лилея*, от которого образован поэтизм *лилейный* – белизной, нежностью напоминающий лилию. Экспериментальные данные также актуализируют цветовой образ белой лилии. Полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента разнообразные локативные реакции (*болото, река, озеро, пруд, камыш, тина*) позволяют уточнить образ лилии, сформированный в сознании русских, – это водяная лилия. В этой связи частотная цветовая реакция *белый* представляется очевидной.

Заметим, что для белого цвета в русском языке характерна положительная символика, в частности, символика чистоты (Вендина 2001). Подобная символика свойственна и лилии (реакции *чистота, невеста, свадьба*). Символичным, по экспериментальным данным, является для русского сознания и образ ромашки, что эксплицировано высокочастотными реакциями *гадание, гадать* и зафиксировано в языке в виде устойчивого сочетания *гадать на ромашке*.

В основу наименования одной и той же реалии в разных языках (и диалектах одного языка) могут быть положены различные мотивировочные признаки, что также создает своеобразный, национально окрашенный способ видения мира цветов. Так, структуру языкового значения лексемы *василек* составляют, кроме понятийного компонента, сема цвета и локативная сема: *василек* – *травянистое растение семейства сложноцветных с синими цветками, встречающееся*

преимущественно среди посевов озимых хлебов. По данным эксперимента, для носителей русского языка концептуально значимым признаком василька является цвет (высокочастотные реакции *голубой, синий*). Актуальность семы цвета для василька подтверждается наличием в языковой системе прилагательного *васильковый* с колоративным значением *ярко-синий, цвета василька*. Этот яркий цветовой образ не положен в основу наименования василька в русском языке, в то же время концептуальность признака цвета объективирована в его диалектных названиях (*синовница, синюха, синецветка* (Даль 1978)). Почти все славяне, а также французы, португальцы, испанцы тоже именуют василек по цвету. Вместе с тем в английском и немецком языках актуализирована не цветовая, а локативная либо функциональная сема (cornflower, Kornblume).

Отмеченная выше актуальность цвета для русского ментального образа растения выражается и в том, что различные цветы с одинаковыми колоративными признаками в народной речи получают одно название. Так, в воронежских говорах васильком называют любой цветок синего цвета (цикорий, шалфей), существует также расчлененная номинация *синий цветок*. Розой называют мальву, окраской напоминающую розу, белоголовником – ромашку, клевер, тысячелистник.

Проведенные психолингвистические эксперименты показали, что когнитивно-психологические особенности русского национального сознания находят выражение в чувственно-эмоциональном восприятии лексем, обозначающих цветы: ассоциативное значение наименований цветов имеет исключительно образную, а не понятийную структуру и включает положительную эмоциональную коннотацию. В этом смысле представляется справедливым замечание Ю.Д. Апресяна о том, что наименования цветов более уместно сопровождать не семантическим толкованием, а картинками (Апресян 1974). На формирование ментальных образов (концептов) цветов влияет как человеческий опыт, знание, так и культурные (национальные и интернациональные) традиции.

Ядро русской концептосферы составляет картина дикорастущих цветов, которые сопровождают человека в поле, в лесу, у дороги, цветов неброских, скромных, трогательных, как и сама русская природа.

В современном русском языке яркие концептуальные признаки этих цветов ложатся в основу вторичных переносных номинаций, демонстрируя то, каким образом новое познаётся и концептуализируется человеком через известное: подснежник (труп, обнаруженный после таяния снега), подорожник (работник ГИБДД), божий одуванчик (старушка), расположить что-либо ромашкой.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Бобунова М.А. Ой роза, роза алая моя! // Русская речь. - 1995.- № 2

Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова //Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

Вендина Т.И. В.И.Даль: взгляд из настоящего // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. М., 1978.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.

Лапотько А.Г. Концепт «берёза» в сознании носителей современного русского языка // Язык и национальное сознание. Вып.2. Воронеж, 1999.

Морозова И.А. Ассоциативный эксперимент как метод когнитивного исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. – М., 1981 – 1984.

Фомина З.Е. Цветочная символика в немецком и русском языках // Язык и национальное сознание. Вып. 2. Воронеж, 1999.

Козельская Н.А., Попова Н.Н.

Экспериментальное исследование концепта "порядочность" (возрастной аспект)

Овладение абстрактными (этическими, культурными) концептами, входящими в национальную концептосферу, является необходимым условием формирования ментальной и языковой культуры личности.

Исследователи отмечают, что в словарных толкованиях абстрактных слов-концептов, к которым относится "порядочность", фиксируются самые общие их признаки (Бабускин 1996, с. 37). Ср.: "Порядочность - честность, неспособность к низким, аморальным, антиобщественным поступкам" (Ожегов, 1990).

Мы исследовали содержание концепта "порядочность" в сознании носителей языка разных возрастных групп. С этой целью мы провели рецептивный и ассоциативный эксперименты, в которых принимали участие 220 школьников 6-8 классов в возрасте 11-13 лет и 54 студента в возрасте 18-24 лет.

Ассоциативный эксперимент проводился в форме анонимного анкетирования. Испытуемым предлагалось записать пять первых пришедших на ум реакций (слов, словосочетаний, предложений) на словостимул "порядочность". При обработке результатов сходные по смысловому содержанию ассоциации обобщались.

Ученики шестых классов дали 105 ассоциаций, 7-х классов – 65, 8-х классов – 85, студенты – 84 единицы. Полученные ассоциации распределились по нескольким семантическим группам. Общими для всех возрастных категорий явились обобщения по следующим аспектам:

1. *Морально-этические качества*: честность 117, добрый 64, скромный 19, верность 16, отзывчивый 15, благородный 14, совесть 6, честолюбие 6 и др.
2. *Культура поведения*: вежливый 79, воспитанный 55, культурный 11, уважительный 11, хорошие манеры 7, чувство такта 3, общительность 3 и др.
3. *Интеллектуальные способности*: ум 52, интеллигентный 13, образованный 6.
4. *Отношение к делу*: добросовестный 22, прилежность 20, дисциплинированность 15, трудолюбие 7.
5. *Внешность*: чистый, опрятный 24, красивый 18, хорошо одет 3, следит за собой 2.

Кроме того, в каждой возрастной категории определились свои группы. Школьники 6-8 классов выделили аспект *отношение к вещам*: аккуратность 20, чистота, уборка 8, порядок 3. Восьмиклассники дали ассоциаты, характеризующие *речь*: не разговаривает плохо, следит за речью, хорошая лексика, ни одного лишнего слова. У студентов возникли *общекультурные и историко-литературные* ассоциаты: Лихачев, Лесков, Чехов, классика, офицеры, белая гвардия, Каменская.

Реальное содержание исследуемого концепта в сознании опрошиваемых проверялось в ходе рецептивного эксперимента с использованием метода субъективных дефиниций (Попова, Стернин 2001, с. 118). Школьникам предлагалось ответить на вопросы: 1. Знаете ли вы слово "порядочность"? 2. Порядочный человек: какой он? Что он делает? Чего не делает?

По мнению информантов, слово "порядочность" им вполне известно (соответственно 6-7-8 классы): 36% - 26% - 31%, однако оно не входит в активный словарь: 41% - 51% - 57% школьников знают, но не употребляют его; не знают точного значения: 19% - 13% - 12%, совсем не знают: 4% - 11% - 2% опрошенных.

Анализ содержания концепта в языковом сознании школьников и студентов проводился с учетом индекса яркости, обозначающего отношение числа выделивших данный признак к числу участников эксперимента [Левицкий, Стернин, с. 96].

Было установлено, что по степени яркости у *шестиклассников* на первое место выходят такие характеристики, как *умный* (0,24), *вежливый* (0,24). На втором месте оказывается признак - *аккуратный* (0,21), на третьем - *культурный* (0,17), *добрый* (0,17), *чистый* (0,15). С большим отрывом далее следуют такие признаки: *опрятный*, *хороший*, *честный*. Наименьшая степень яркости - *справедливый*, *сдержанный*, *тихий*.

Таким образом, на первом месте по яркости оказывается характеристика интеллектуальных способностей и общей культуры человека. Далее следуют характеристики поведения человека, его отношения к вещам. На последнем месте - морально-этические качества человека и внешние признаки.

Эти же данные подтверждает и ответ на второй вопрос (*что делает - порядочный человек?*). Наиболее яркими оказываются обобщенные характеристики поведения: *помогает другим* (0,2), *хорошо себя ведет* (0,13), *вежливо разговаривает* (0,1), *делает добрые/хорошие дела* (0,1).

Ответы на вопрос: *чего не делает порядочный человек?* — напротив, очень

конкретны: *не курит* (0,23), *не ругается матом* (0,2), *не балуется* (0,15), *не обижает маленьких* (0,15), *не дерется* (0,15).

У семиклассников на первом месте по яркости оказываются морально-этические характеристики: *честный* (0,39), *не крадет* (0,39), *не обманывает* (0,24), *не убивает* (0,24). На втором месте - такие черты характера, как *добрый* (0,23), *отзывчивый* (0,23). Менее яркие характеристики - *верный* (0,11), *надежный*, (0,1). На последнем месте оказываются более конкретные характеристики поведения - *не дерется* (0,08), *не балуется* (0,05), *помогает в беде* (0,02).

Восьмиклассники на первое место по яркости ставят признаки общей культуры человека: *вежливый* (0,37), *интеллигентный* (0,18) и такую черту характера, как *доброта*: *добрый* (0,26), *делает добрые дела* (0,28), *не делает зла* (0,16).

На втором месте - признак *помогает* (*взрослым, друзьям, старшим и т.д.* (0,22) и внешняя характеристика - *опрятный* (0,15).

С большим отрывом далее следуют характеристики: *уважает людей* (0,06), *следит за речью* (0,06), *не дерется* (0,06).

На третьем месте оказывается морально-этическая характеристика - *честный* (0,1).

У студентов самыми яркими оказались признаки: *честный* (0,41), *воспитанный* (0,23), *не предаст* (0,17), *интеллигентный* (0,15), *не обидит* (0,13), *не подлый* (0,12), *благородство* (0,11), *верность слову* (0,11).

На втором месте оказываются признаки с яркостью менее 0,1: *с чувством собственного достоинства*, *не поступается принципами*, *не пускает слухи*, *не лжет*, *не использует других в своих целях*, *отвечает за свои поступки*, *поступает по совести*, *уважает чужое мнение*.

Проведенные эксперименты позволяют сделать следующие выводы о содержании концепта "порядочность" в языковом сознании школьников и студентов.

Очевидно, что на определении понятий учащимися сказывается предполагаемое знание того, как надо, как должно быть. В сознании детей присутствуют многие признаки данного концепта, но они еще не складываются в цельный мыслительный образ, не дифференцируются на основные и второстепенные. Некоторые важные признаки не ассоциируются с понятием "порядочность", напр., *благородство*, *хорошая репутация*, *неспособность на низкие поступки*. Те признаки, которые выделяются правильно, часто оказываются менее яркими и проявляются на другом уровне абстракции ("*не расскажет секрет*", "*говорит вежливые слова*", "*уступает девочкам*").

Недостаточное представление объема содержания этого концепта компенсируется признаками других концептов. Показательно, что школьники обязательно включают в характеристику "*порядочного человека*" душевное качество "*добрый*", у студентов оно встречается гораздо реже.

Школьники выделяют такие признаки концепта, которые связаны с "бытованием" его в школьной среде. Вырисовывается модель "порядочного школьника": *хорошо себя ведет; хорошо/отлично учится, следит за своей*

речью, не употребляет плохих слов, выполняет задание, делает уроки, читает книги, хорошо дежурит, ложится рано спать, не опаздывает, не балуется, не грубит, подсказывает, верный друг и т.д.

Все это говорит о том, что структура концепта в сознании школьников находится в стадии формирования.

У студентов концепт "порядочность" практически сформирован. Базовый когнитивный образ представлен понятием "порядочный человек". Это понятие как ядро концепта объективируется через представление качеств порядочного человека и действий, которые он может/не может совершать. В содержании концепта находит отражение нравственный опыт личности, общая культура и уровень знаний человека,

Результаты описанных экспериментов, на наш взгляд, помогают понять, в каком направлении должен работать педагог, чтобы содействовать формированию данного концепта в языковом сознании школьников.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

Левицкий В.З., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Е.В.Маслова

Концепт «реклама» в русском сознании

Первая половина 90-х годов XX века в России ознаменовалась значительными переменами во многих областях жизни. Буквально за несколько лет сформировался рекламный рынок и была выстроена система маркетинговых коммуникаций.

В новых условиях кардинально изменилось отношение к коммуникации в целом и к рекламе в частности. В тоталитарном государстве главенствовала монологическая коммуникация с опорой на цитатное слово. При этом главным компонентом в системе иерархической коммуникации было принуждение. Изменение социально-экономических условий привело к тому, что коммуникативное пространство стало основываться на диалогичности независимых и равноценных участников. Основой коммуникации становится убеждение, а реклама начинает решать задачу формирования внутреннего желания, собственного решения индивида. Получатели рекламных сообщений в этом случае не являются пассивными участниками коммуникативного процесса. Их воздействие проявляется, во-первых, в учете «фактора адресата»

составителями обращений, и, во-вторых, в реальном «отзвуке»: последствиях в виде определенных действий, установлении обратной связи и т.п.

Отношение к рекламе в российском обществе за последние 10 лет претерпело серьезные изменения. Если первым впечатлением был культурный шок, то уже к концу 90-х годов реклама начинает восприниматься как привычное и необходимое явление. Показательно, что россияне сегодня в целом относятся к рекламе более терпимо, чем население многих развитых стран. По нашему мнению, это в значительной мере объясняется достаточно короткой новой историей российской рекламы. Люди уже привыкли к ней, но еще от нее не устали.

Необходимо отметить, что исследования в области рекламы отличаются многомерными и подчас разнополярными интерпретациями. Мы предприняли попытку проанализировать восприятие рекламы носителями русского языка населением Центрально-Черноземного региона.

Несомненно, в оценках рекламы большую роль играет специфика национального восприятия. Американцы и европейцы воспринимают рекламу как игру, четко проводя грань между нею и реальной жизнью. Для русской традиции характерно гораздо более серьезное отношение к рекламе. Истоки этого явления видятся нам в том, что исторически (еще в XIX веке) реклама в России отличалась крайней персонифицированностью, обусловленной особенностями российского рынка и этическими нормами русского предпринимательства. В конце XX века реклама в новой России выполняла функцию формирования оптового и мелкооптового рынков, что предопределяло ее информативность и повышенные требования к достоверности.

Обилие рекламы, созданной по западным стандартам, без учета указанных выше моментов, привело к тому, что в русском коммуникативном сознании достаточно сильно укоренились негативные стереотипы восприятия рекламы. В ходе исследований мы неоднократно сталкивались с такими оценками как: «реклама нас обманывает», «реклама далека от реальной жизни», «рекламируют некачественные товары, хорошие в рекламе не нуждаются» и т.д.

Поэтому вполне объяснима высокая доля тех, кто декларирует свое неприятие рекламы: в сентябре 2002 года таких в ЦЧР было 41,2% среди населения старше 18 лет¹⁰. Подобные оценки обусловлены рядом факторов, основными из которых являются перечисленные ниже:

- раздражение, вызванное недоступностью рекламируемых товаров (19,2%),
- низкий профессиональный уровень подготовки рекламных сообщений (18,5%),
- несоответствие качества товара созданному рекламой образу (15,6%)¹¹.

¹⁰ Размер выборки 1500 человек. Выборка репрезентирует взрослое (старше 18 лет) население региона по таким параметрам как: пол, возраст, образование, тип населенного пункта.

¹¹ Т.к., отвечая на вопрос, респонденты могли указать 2 доминирующие причины, суммарно результаты превышают показатель 41,2%.

Однако мы полагаем, что подобное, негативное на первый взгляд, отношение к рекламе нередко оказывается на самом деле процессом адаптации к ней.

Согласно нашим данным, количество лояльно настроенных к рекламе россиян увеличивается. Об этом свидетельствуют, например, результаты опросов, проведенных в областных городах Центрального Черноземья в 1995-2001 годах¹².

	1995	1998	2001
Реклама в целом нравится	15,4%	24,3%	28,7%
Нельзя сказать, что реклама нравится, но она не вызывает раздражения	21,8%	27,1%	29,2%

Нами выявлены различия в восприятии рекламы представителями различных социально-демографических групп.

Так, существенно разнятся оценки мужчин и женщин. Согласно полученным нами результатам экспериментальных исследований, и те и другие практически в равной мере обращают внимание на рекламу, однако женщины относятся к ней более позитивно. При этом у женщин выше степень доверия к печатной рекламе (в первую очередь, размещенной на страницах газет и журналов), а у мужчин - к телевизионной.

Немаловажен и такой факт: мужчины гораздо реже (по сравнению с женщинами) обращают внимание в рекламных сообщениях на детали (уточнение состава, перечень потребительских свойств и т.п.). Что касается младших возрастных групп, то показательно, что мальчики нередко отождествляют себя с героями рекламных сообщений, тогда как для девочек характерна определенная отстраненность восприятия, оценка «со стороны».

Что касается возрастного распределения, то наиболее лояльны к рекламе дети и молодежь, что психологически объяснимо: представители именно этих групп более впечатлительны, импульсивны, категоричны и подвержены влиянию «лидеров мнений». Серия проведенных нами в 2001-2002 годах фокус-групп показала, что дети и молодежь лучше запоминают содержание рекламных сообщений, чаще цитируют рекламные призывы своей речи. Кроме того, именно они наиболее быстро и активно действуют под воздействием рекламы, в среднем в 2,3 раза чаще, чем люди в возрасте старше 45 лет, покупая рекламируемые товары. Именно дети в ходе проведенных нами опросов нередко отвечали, что «любят рекламу». Например, 57% 10-11 летних телезрителей продолжают с интересом смотреть рекламные ролики и

¹² Размер выборки 2000 человек. Исследование панельное, проведенное в 3 волны. Время замеров – декабрь 1995, 1998 и 2001 годов, опрос проводился по стандартизированной базовой анкете. Выборка репрезентирует население региона (от 10 лет и старше) по таким параметрам как: пол, возраст, образование, тип населенного пункта.

практически не реагируют негативно на рекламные паузы. При этом, согласно полученным нами результатам, дети чаще, чем взрослые испытывают дискомфорт от недоступности рекламируемых товаров.

При оценке рекламы для аудитории в возрасте до 15 лет наиболее значимыми оказываются (в порядке понижения приоритетности):

- слова и поведение персонажей,
- реалистичность сюжета,
- фактор новизны и оригинальности исполнения.

Для населения в возрасте 55 лет и старше нами отмечены наиболее сильные негативные оценки рекламы, существенно превышающие среднестатистические показатели.

Негативное восприятие рекламы в разных возрастных группах:

до 20 лет	17,5%
20-24 года	18,9%
25-34 года	25,8%
35-44 года	32,2%
45-54 года	37,9%
55-64 года	47,6%
старше 64 лет	53,5%

Среди людей с высшим образованием выше доля тех, кто подходит к рекламе с рациональной точки зрения. Эта часть аудитории наиболее нацелена на рекламу в газетах. В целом же люди со средним образованием позитивнее оценивают рекламу, чем люди с более высоким образовательным статусом.

Для русского человека характерна ориентация на оценку рекламы со стороны референтной группы: 54,5% взрослого населения до совершения покупки узнает мнение своих друзей и знакомых о рекламируемом товаре, 57,2% внимательно изучает тексты на упаковке и аннотации. Причем эти показатели мало расходятся в группах с различным образовательным статусом и в разных возрастных группах. Однако чем старше опрошенные нами респонденты, тем больше они обращают внимание на наличие в рекламных сообщениях конкретной информации. Наиболее рациональное отношение к рекламе характерно для населения в возрасте 35-54 лет.

49% носителей русского языка отмечают, что им нравится «смешная реклама». По нашему мнению, такая форма представления рекламных сообщений обладает высокой эффективностью. При этом среди детей и молодежи в 1,8 раза больше (по сравнению со среднестатистическими данными) тех, кому нравятся рекламные сообщения, основанные на юморе.

Отличительной чертой русского сознания является оценка рекламы с точки зрения ее эмоциональной силы. Наиболее позитивно оцениваются спокойные, неагрессивные рекламные сообщения. Взрослая аудитория приветствует использование детей и животных в рекламе, причем это оценивается взрослым населением как дополнительное свидетельство правдивости рекламного сообщения («дети не могут обманывать», «животное невозможно заставить так сыграть»).

В отличие от европейцев и американцев, подавляющее большинство россиян (по нашим данным, 70,5%) негативно оценивает привлечение к

рекламе звезд кино, спорта и др. (исключение составляет только подростковая аудитория, которая, напротив, положительно относится к участию своих кумиров в рекламе). Как правило, участие известных людей в рекламе воспринимается русским коммуникативным сознанием как факт, подтверждающий либо бедственное положение народных любимцев («великие актеры вынуждены унижаться»), либо всеобщее стремление заработать большие деньги любой ценой («неужели Х так беден, чтобы рекламировать всякую ерунду»).

Согласно результатам исследований последних лет, в российском обществе сформировалось представление о значении рекламы и об ответственности ее создателей. При этом 23,7% опрошенных старше 18 лет считают, что реклама – это настоящее искусство.

Мы полагаем, что правомерно выделить трех основных моделей восприятия рекламы в качестве компонента русского коммуникативного сознания:

- эстетическое (предполагает отношение к рекламе как к искусству и источнику удовольствия от ее эстетических достоинств),
- прагматическое (предполагает взвешенное, рациональное использование рекламной информации),
- критическое (предполагает негативные оценки рекламы, обусловленные ее качеством и количеством).

Проведенные нами исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Современный российский рынок рекламы начал развиваться в начале 90-х годов XX века. За относительно короткий период носители русского языка привыкли к рекламе и приняли ее как общественное и коммуникативное явление. Реклама как коммуникативный жанр стала составной частью русского коммуникативного сознания.
2. Существуют особенности восприятия рекламы носителями русского языка по сравнению с представителями западной культуры. Эти особенности должны учитываться при составлении рекламных сообщений.
3. В последние годы наметилась тенденция к ослаблению негативного отношения к рекламе основной части населения.
4. Зафиксированные различия в восприятии рекламы различными социально-демографическими группами населения с необходимостью требуют целевого подхода к составлению рекламных обращений.
5. Дети и молодежь является наиболее активной аудиторией потребителей рекламных сообщений. Поэтому именно эти возрастные группы представляют стратегический интерес для значительной доли рекламодателей.

Раздел 5.

Язык

и художественная картина мира

Н.С.Попова

Перцептивные образы времени в поэзии Ф.Тютчева

Перцептивные образы времени рождаются в сфере человеческого сознания. Они основаны на восприятии объективного времени, измеряемого по движению Земли вокруг Солнца, по смене природных циклов, но, отражаясь в сознании человека, они испытывают те или иные субъективные трансформации. Эти трансформации могут быть и национальными, и групповыми, и индивидуально-авторскими.

Мы избрали для исследования преломления образов времени поэтические произведения Ф.И.Тютчева, одного из выдающихся представителей русской языковой культуры 19-го века, поэта-мыслителя, отличавшегося своим постижением природы и мира, человеческих устремлений в глубины познания.

Сложным и в то же время захватывающим, манящим предстает перед нами мир тютчевской поэзии, тютчевского сознания. Все вопросы, возникающие в сознании поэта, сливаются в одну главную проблему – в тайну человеческого бытия, а духовно-напряженная философская поэзия Тютчева передает трагическое ощущение противоречий бытия. В тютчевской поэзии – символический параллелизм в стихах о жизни природы, космические мотивы. Художественный мир поэта затрагивает темы потока времени, судьбы человека, познания смысла жизни, перцептивные образы времени в его произведениях проявляются особенно отчетливо.

Как показали наши наблюдения, наименования разнообразных отрезков времени широко представлены в поэзии Ф.И.Тютчева. Но те из них, которые имеют прямые значения, мы в данной статье не рассматриваем. Мы останавливаемся только на тех поэтических строках, в которых наименование отрезка времени несет какой-либо поэтический образ времени, образ, отражающий восприятие времени русским поэтом.

На первом плане у Ф.Тютчева стоят *антропоморфные образы* времени, то есть отрезки времени олицетворяются.

Итак, время способно:

– к р е ч е в о й и м ы с л и т е л ь н о й д е я т е л ь н о с т и :

Кто без тоски внимал из нас, Среди всемирного молчанья, Глухие *времени* *стенанья*, Пророчески-прощальный *глас*? (Бессонница),

Смотрите, как облитый светом, Ступив на крайнюю ступень, С своим *прощанием* поэтом Великолепный этот *день*... (Князю П.А.Вяземскому),

Я слышал утренние *грезы* Лишь пробудившегося дня... ("Играй, покуда над тобою..."),

Еще шумел веселый *день*, Толпами улица блистала, И облаков вечерних тень По светлым кровлям пролетала... ("Еще шумел веселый день...")

– *к трудовой деятельности*:

"Весь мир тебе слуга, а мне *служу*– *Время*" (В Риме(с французского);

– *к юридической деятельности*:

То, что обещано судьбами Уж в колыбели было ей [Святой Руси - Н.П.],
Что ей *завещано веками* И верой всех ее царей... (Нет, карлик мой! трус беспримерный!..");

– *к физиологическим ощущениям*:

В наш век отчаянных сомнений, в наш *век*, неверием *больной*, Когда все гуще сходят тени На одичалый мир земной... (Памяти М.А. Политковской),

Еще *болит от старых болей* Вся современная *пора*... (Славянам);

– *к физиологическим процессам*:

Родись в народе мысль, *зачата веками* («Из "Эрнани"» В.Гюго),

Века рождаются и исчезают снова... (На Новый 1816 год),

Еще нам далеко до цели, Гроза ревет, гроза растет, –И вот–в железной *колыбели*, В громах *родится* Новый *год*... (На Новый 1855 год),

Хладен, светел, *День проснулся*... (Песнь скандинавских воинов «Из Гердера»),

Лениво *вышит полдень* мгlistый... (Полдень);

– *к родственными и социальными отношениям*:

Одеянный блистательной зарею, Пронзив эфирных стран белеющий свод,
Слетает с урной роковою *Младый сын* Солнца– Новый *год*!.. (На Новый 1816 год),

Вечер мгlistый и ненастный... Чу, не жаворонка ли глас?... Ты, *утра* *гость* прекрасный, В этот поздний, мертвый час?... ("Вечер мгlistый и ненастный...");

– *к социальной деятельности*:

Явился: два *столетия в борении жестоком*, Его узрев, *смирились* вдруг,
Как пред всеильным роком. Он повелел умолкнуть им И сел меж них судьей! (Из Мандзони);

– *к имущественным отношениям*:

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось, Что *будущность* для нас обоих *берегла*... (С какою негою, с какой тоской влюбленный..."),

Что *юный год* *дает* цветам– Их девственный румянец; Что *зрелый год* *дает* плодам– Их царственный багрянец (Саконтала (Из Гете),

Все прошло, *все взяли годы*–Поддался и ты судьбе, О Дунай, и пароходы нынче рыщут по тебе (Там, где горы, убегая..."),

Не кубок кипящий душистого меда Румяное *утро* героям *вручит*... (Песнь скандинавских воинов «Из Гердера»);

– *к действиям с объектом*:

Но меркнет день– настала *ночь*; Пришла– и с мира рокового Ткань благодатную покроя, *Сорвав, отбрасывает* прочь... И бездна нам обнажена

С своими страхами и мглами, И нет преград меж ей и нами-- Вот отчего нам ночь страшна (День и ночь),

Слышал ли в сумраке глубоком Воздушной арфы легкий звон, Когда *полночь*, ненароком, Дремавших струн *встревожит* сон?.. (Проблеск);

— *к д в и ж е н и я м*:

На небе месяц— и ночная Еще не тронулась тень, Царит себе, не сознавая, Что вот уже *встрепенулся день*... (Декабрьское утро),

Встает ли *день*, ночные ль всходят тени,— И мрак и свет противны мне... (Одиночество (Из Ламартина),

Весна идет, весна идет! И тихих, теплых, майских *дней* Румяный, светлый *хоровод Толпится* весело за ней (Весенние воды),

Сентябрь холодный бушевал, С деревьев ржавый лист валился, День потухающий дымился, *Сходила ночь*, туман вставал (Н.И.Кролю),

Ночной порой, в пустыне городской, Есть час один, проникнутый тоской, Когда на целый город *ночь сошла*, И всюду водворилась мгла,— Все тихо и молчит... (Бессонница (Ночной момент),

Святая *ночь* на небосклон *взошла*... («Святая ночь на небосклон взошла...»),

Но меркнет день—настала *ночь*; *Пришла*—и с мира рокового Ткань благодатную покрыва, Сорвав, отбрасывает прочь... (День и ночь);

— *к э м о ц и о н а л ь н ы м с о с т о я н и я м*:

Брег, зыблясь, стонет от его [зверя—Н.П.] рыканья; *День, негодюя* светит на него... (Из «Федры» Расина).

Поэт о б р а щ а е т с я к времени к а к к с о б е с е д н и к у:

О, *Время!* Вечности подвижное *зерцало!*—Все рушится, падет *под дланью твоей*... Сокрыт предел твой и начало От слабых смертного очей!.. (На Новый 1816 год),

День православного Востока, Святись, святись, великий день, Разлей свой благовест широко И всю Россию им одень («День православного Востока...»),

О, как лучи его [дня—Н.П.] багровы, Как жгут они мои глаза!.. *О, ночь, ночь, где твои покровы, Твой тихий сумрак и роса!*.. («Как птичка, раннею зарей...»),

И люблю мне, и сладко мне, И мир в моей груди, Дремотою обвеян я — *О время, погоди!* («Так в жизни есть мгновения...»).

Очень редко за названием отрезка времени стоит о б р а з ж и в о т н о г о или п т и ц ы (зооморфный образ):

Черней и чаще бор глубокий—какие грустные места! *Ночь* хмурая, как *зверь стокий*, глядит из каждого куста! («Песок сыпучий по колени...»),

... *Крылаты годы* с печального лица земли В хранилище времен с собою увлекли... (Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду),

И много *лет* и теплых южных зим Провеяло над нею полусонно, Не тронувши ее *крылом своим* (Итальянская VILLA).

Также редко за именем отрезка времени встает о б р а з п р е д м е т а, с которым можно совершать какое-либо действие:

Хотелось бы собрать *пригоршню дней*, Чтоб сплести еще венок Для именинницы моей («Вот свежие тебе цветы...»).

Интересно, что антропоморфным деятелем также оказывается отрезок времени:

Святая *ночь* на небосклон взошла, И *день* отрадный, *день любезный* Как золотой *покров* она *вила*, Покров, накинутый над бездной... («Святая ночь на небосклон взошла...»),

Века рождаются и исчезают снова, *Одно столетие стирается другим...* (На Новый 1816 год).

Вторую группу примеров составляют метафорические контексты, в которых в р е м я представлено как р а з в и в а ю щ и й с я п р о ц е с с:

Кончив пир, мы поздно встали—Звезды на небе сияли, *Ночь достигла* половины... («Кончен пир, умолкли хоры...»),

Оратор римский говорил Среди бурь гражданских и тревоги: «Я поздно встал и на дороге *Застигнут ночью* Рима был!» (Цицерон).

Движение времени Ф. Тютчев нередко представляет в о б р а з а х текущей или остановившей свой бег в о д ы:

Что *время? Быстрый ток*, который в долах мирных, В берегах, украшенных обильной муравой, *Катит кристалл валов* сапфирных... (Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду),

Предшественник его [*1815 год* - Н.П.] с лица земли сокрылся, И *по течению* вратящихся *времен*, Как *капля в океан*, он в *вечность погрузился!* (На Новый 1816 год),

Былое — было ли когда? Что ныне—будет ли всегда?.. Оно пройдет — Пройдет оно, как все прошло, И *канет* в темное жерло *За годом год* («Сию задумчив и один...»),

Как *море* вешнее в разливе, Светлея, не *колыхнет день*, — И торопливей, молчаливей Ложится по долине тень (Вечер),

Твой ранний *день протек!* (Урания),

И вот что сердце мне сказала: «В объятьях счастливой семьи, Нежнейший муж, отец-благотворитель, Друг истинный добра и бедных покровитель, Да в мире *протекут* драгие *дни* твои!» (Любезному папеньке),

Откройся предо мной, *протекиих лет* вселенна! (Урания).

В отдельных примерах находим

образ движущегося потока воздуха:

Так, весь *обвеян дуновеньем* Тех лет душевной полноты, С давно забытым упоеньем Смотрю на милые черты... (К.Б.)

или дороги, идущей по холмистой местности:

О, как на *склоне наших лет* Нежней мы любим и суеверней... (Последняя любовь),

К стопам его [о кресте Первозванного Андрея - Н.П.] свою обитель Благоговеино прислоня, Живешь ты там—не праздный житель,— *На склоне* трудового *дня* (Андрею Николаевичу Муравьеву).

Названия частей суток часто используются *метонимически* для обозначения тех явлений и событий, которые обычно происходят в указанные

части суток. ДЕНЬ, например, часто значит то же самое, что СВЕТ, СОЛНЦЕ, НЕБО:

И скоро ли - то providенье знает - Взойдет заря и бурный мрак развеет!.. Но юный *день* с любовью да *светлеет* На месте том, где дух певца витать, Где в сумраке болезненной надежды Сомкнула смерть его земные вежды!.. (Байрон. 12.),

Горы, степи и поморья *День* чудесный *осиял*, От Невы до Черногорья, От Карпатов за Урал (К Ганке),

День—сей *блестательный* покров—*День*, земнородных *оживленье*, Души болящей *исцеленье*, *Друг* человеков и богов! (*День* и *ночь*),

Хоругвью *светозарно-голубой* Весенний первый *день лазурно-золотой* Так и *пылал* над праздничной Москвой (17-е Апреля 1818),

Брег, зыблясь, стонет от его [зверя—Н.П.] рыканья; *День*, негодуя, *светит* на него... (Из «Федры» Расина),

Но все грезится сквозь немую тьму—Где-то там, над ней [головой - Н.П.], *ясный день блестит* И незримый хор о любви гремит... (Мотив Гейне),

Да, в сердце русского народа Святиться будет это *день*,— Он—наша внешняя свобода, Он Петропавловского свода *Осветит* гробовую сень... (Черное море),

Есть в осени первоначальной Короткая но дивная пора—весь *день* стоит как *бы хрустальный* И лучезарны вечера... («Есть в осени первоначальной...»),

И тихими последними шагами Он подошел к окну. *День* вечерел, И чистыми, как благодать, *лучами* На западе *светился* и *горел* (19-е февраля 1854),

Все привольней, все приветней *Умалющийся день*,—И согрета негой летней Вечеров осенних тень («Небо бледно-голубое...»),

Песок сыпучий по колени... Мы едем—поздно—*меркнет день*, И сосен, по дороге, тени Уже в одну слились тень («Песок сыпучий по колени...»),

Край неба дымно гас в лучах; *День догорал*; звучнее пела Река в померкших берегах («Я помню время золотое...»),

Вот бреду я вдоль большой дороги В тихом *свете гаснущего дня*... (Накануне годовщины 4 августа 1864 года),

Сентябрь холодный бушевал, С деревьев ржавый лист валился... *День потухающий дымился*, Сходила ночь, туман вставал (Н.И.Кролю),

Но мне не страшен мрак ночной, Не жаль *скудеющего дня*,— Лишь ты, волшебный призрак мой, Лишь ты не покидай меня!.. («*День* вечереет, ночь близка...»),

Но *меркнет день* - настала ночь (*День* и *ночь*),

Прекрасный *день* его на Западе исчез, *Полнеба обхватив* бессмертною зарею... («Прекрасный *день* его на Западе исчез...»).

ВЕЧЕР—НЕБО на закате солнца

Под дыханьем непогоды, вздувшись, потемнели воды И подернулись свинцом - и сквозь глянец их суровый Вечер пасмурно-багровый *Светит* радужным лучом. *Сыплет* искры *золотые*, *Сеет* розы *огневые* И уносит их

поток Над волной темно-лазурной, *вечер пламенный* и бурный *Обрывает* свой венок («Под дыханьем непогоды...»).

НОЧЬ - ТЕМНОТА, лунный СВЕТ, ночной ВОЗДУХ:

Тогда *густеет ночь* как хаос на водах, Беспамяństwo, как Атлас, давит сушу... (Видение),

Какая *ночь сгустилась* над землею, И как земля, в виде небес мертва!.. (Одиночество (Из Лермонтова),

Не остывшая от зною, *Ночь июльская блистала*... («Не остывшая от зною...»),

Как сладко дремлет сад темно-зеленый, объятый негой *ночи голубой*... («Как сладко дремлет сад темно-зеленый...»),

Но не пройдет двух-трех мгновений, *Ночь испарится* над землей... (Декабрьское утро),

Значение НОЧЬ—ТЬМА, ДЕНЬ—СВЕТ, видимо, лежит в основе следующей философской метафоры:

Если *смерть есть ночь*, если *жизнь есть день*—Ах, умаял он, пестрый день меня! (Мотив Гейне).

Несомненно, что поэзия Ф.И.Тютчева отражает русские национальные образы времени, многие из них *антропоморфные, процессуальные, метонимические*, но вместе с тем и детализирует, конкретизирует эти образы. Для выявления собственно индивидуально-авторских образов времени нужны дополнительные исследования.

Дмитрюк С.В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Козлик И.В. В поэтическом мире Тютчева // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. 1990 - №2 (118).

Тютчев Ф.И. волшебная струна: Стихотворения.—М., 1996.

Г.В. Романова

Отражение русского национального сознания в использовании библеизмов М.Цветаевой

Прежде всего следует отметить, что М.И. Цветаева, как истинно русский человек, влюбленный в русскую природу, в Россию, ассоциирующуюся для поэтессы с «колокольным звоном и горечью рябины», просто не могла не писать так, чтобы через её слова не проглядывали черты национально-культурного восприятия жизни. И это не просто отражение черт русского сознания в поэзии, а выражение его с огромной любовью.

Как энциклопедически образованный и глубоко православный человек, Марина Ивановна сознательно использует в своей поэзии библеизмы. Под библеизмами будем понимать, вслед за Е.М.Верещагиным, отдельные слова

современного русского литературного языка, устойчивые словосочетания, целые выражения и даже фразы, которые просто заимствованы из Библии или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с Библией в современном языковом сознании (Верещагин 1993, с.97; Энциклопедия «Русский язык» 1998, с.53).

Цель данной работы - выявить, как национальное сознание отражается в использовании библеизмов в поэзии М. Цветаевой.

Как известно, универсальное и национальное в значении слова выявляется при переводе его на другой язык. Денотативная часть значения может быть точно передана лексемой или сочетанием лексем другого языка, а коннотативная часть значения слова, которая несёт в том числе и национальный компонент, при переводе может быть утрачена. То же можно сказать и о библеизмах в целом. Поэтому при сопоставлении корпуса библеизмов разных языков их списки не совпадают, так как обнаруживаются национально-культурные особенности в оформлении и употреблении библеизмов. Так, например, выявлено несовпадение списков немецких и русских библеизмов (Листрова-Правда, Оноприенко 2001, с.100), английских и русских (Жельвис 1996), французских и русских (Гак 1997, с.57). Эти расхождения в употреблении библеизмов в разных языках можно разделить на 4 основные группы (Мокиенко 1995, с.150):

- 1) *фонетические и словообразовательные различия*. В русском языке они обусловлены существованием 2-х вариантов Библии: на церковнославянском и на русском языках. Например, золотой *телёнок* – *златой телец* [более архаичная форма];
- 2) *расхождения в составе библеизмов в разных языках*. Так, на русской почве образовались словосочетания, включающие библейский отантропонимический компонент (Андреевский флаг, Андреевский зал и др.);
- 3) *различия в семантическом объёме тождественных библеизмов*. К примеру, в немецком языке библеизм «Вавилонская башня» обозначает «вавилонское смешение языков» (Листрова-Правда, Оноприенко 2001, с.101), а в русском «неразбериха, крайний беспорядок»;
- 4) *расхождения, возникшие в ходе дальнейшей эволюции тождественных для сопоставляемых языков библеизмов*. Например, в русском языке – «со времён Адама и Евы», «В костюме Адама» и др.

М. И. Цветаева использует сотни библеизмов для создания ярких и сложных поэтических образов. Такая насыщенность её творчества библейскими образами и символами вызвана её огромной эрудицией, органичным, глубинным освоением духовной культуры человечества и верой в божественное предназначение поэзии.

Прежде всего следует выделить наиболее значительный пласт библеизмов в поэзии Цветаевой, которые являются названиями православных праздников. По соотношению с библейским текстом они могут быть цитатные (контекстуальные) и ситуативные (таких выражений, слов в Библии нет, но они репрезентируют определённую ситуацию, описание которой есть в

Библии) (Гак 1997, с.55–56). Конечно же, нас интересуют ситуативные библеизмы, т.к. они прежде всего отражают русское национальное самосознание.

Между воскресеньем и субботой

Я повисла, птица вербная... (Цветаева 2001, с.217).

Это образование от названия церковного праздника «Вход Господень в Иерусалим», который в России называют «Вербным воскресеньем», является ситуативным библеизмом. В Вербное воскресенье принято отпускать птиц – отсюда появляется слово «птица».

... Скоро-скоро

Канет в страны дальние –

Ваша птица разнопёрая –

Вербная-сусальная (Цветаева 2001, с.217).

Цветаева использует слово «сусальная», так как на Руси мастерили к Вербному воскресенью птиц, расписывая их сусальным золотом.

Встречается употребление библеизма «благая весть» по названию церковного праздника с традиционным значением *Благовещение*.

Так Благовещение свершилось в тот

Час нестареющий (Цветаева 2001, с.313).

М.Цветаева использует ситуативные библеизмы от названия праздника Воскресение Христово, любовно называя его «святым воскресеньем» (Цветаева 2001, с.130).

Мёртвый лежит певец

И воскресенье празднует (Цветаева 2001, с.103).

Сказал – и воскресла (Цветаева 2001, с.130).

Если учение о воскресении мёртвых проскальзывает в Ветхом Завете в более или менее туманных намёках, то в Евангелии свет воскресения в полном блеске взойшёл над миром (Нюстрем 2001, с.77).

А в русской православной традиции главная теза воскресение – бессмертие души. И этот мотив вполне органично возникает в поэзии Цветаевой:

–Веришь в воскресенье душ? (Цветаева 2001, с.274).

Воскресение Господне произошло в праздник Пасхи, т.е. прохождения мимо или пошады (Нюстрем 2001, с.308), который ранее имел такое значение, но теперь прочно ассоциируется в сознании православного человека с Воскресением Господним, поэтому у Цветаевой часты упоминания Пасхи:

Пасхальный тропарь мой (Цветаева 2001, с.86).

Русь – Пасхою к тебе плывёт,

Разливом тысячеголосым. (Цветаева 2001, с.109).

Встречается у Цветаевой мотив крещения от библеизма «Крещение господне».

–В купели морской крещена – и в полёте

Своём – непрестанно разбита (Цветаева 2001, с.147).

А вот употребление слова «купель» (в Библии это особые крестильни) получает своеобразное выражение в стихотворении из цикла «Стенька Разин»:

Так поладь, собака, с нашей купелью! (Цветаева 2001, с.140) –

(Говорит Разин княжне, бросая её за борт.) Здесь слово «купель» употреблено для обозначения традиционно-русского ритуала крещения.

С помощью библеизмов М. Цветаева создаёт излюбленные христианские образы. И первый среди них – образ Богородицы, который на Руси является наиболее почитаемым. Само слово «Богоматерь», «Богородица», «Матерь Божья» является ситуативным библеизмом. Цветаева «вырисовывает» этот образ с огромной нежностью и любовью, как некое мерило жизни, одну из жизненных основ:

И на тебя с багряных облаков

Уронит Богородица Покров (Цветаева 2001, с.85).

(От названия праздника – Покров Пресвятой Богородицы.)

Отступилась от нас Богоматерь,

Не пошла к московским волкам. (Цветаева 2001, с.197).

Взывала: – «Матерь Божья,

Сбереги мне сына!» (Цветаева 2001, с.195).

Используется Богородица и в качестве сравнения:

Здесь у маленькой Богородицы... (Цветаева 2001, с.77);

Сидит, ровно Божья Мать (Цветаева 2001, с.141).

Следующий библеизм – русское переоформление слов Иоанна Крестителя «ангел божий» в значении «кроткий послушный человек». В евангельском тексте это выражение обозначало Иисуса в качестве жертвенного ягнёнка, готового пострадать за людские грехи (Шанский 1995, с.58). У М.Цветаевой находим:

Оттого и плачу много,

Оттого –

Что взлюбила больше Бога

Милых ангелов Его. (Цветаева 2001, с.123);

Князем мне – Хан

Ямы – Москва.

К ангелам в стан

Скатерть– верста!

(Цветаева 2001, с.304. Из цикла «Ханский полон»).

Интересна трансформация библеизма «Вифлеемская звезда». Это звезда, которая зажглась на небе после рождения Иисуса (отсюда библеизм Путеводная звезда). А у Цветаевой:

Волчьими искрами

Сквозь выюжный мех –

Звезда российская

Противу всех! (Цветаева 2001, с.325).

И, наконец, следует выделить библеизмы, вошедшие в разговорный обиход православного человека через богослужение и используемые в поэзии Цветаевой. Это, конечно же, прежде всего, лексические единицы из молитвы «Отче наш»:

Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.
Отче, возьми в назад
В жизнь свою, отче!

.....
– Отче, возьми в закат,

В ночь свою, отче! (Цветаева 2001, с.280. Из цикла «Ученик»).

Отметим также библеизмы «аллилуя», «аллилуя петь».

Не пропоют над нами: аллилуя! (Цветаева 2001, с.70).

И льётся аллилуя

На смуглые поля. (Цветаева 2001, с.80).

Библеизм «аминь», часто встречается в произведениях Цветаевой:

Милый призрак
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпсья!

Аминь. (Цветаева 2001, с.101. Стихи к Блоку).

Слово «псалом» Цветаева использует в значении «каждое из религиозных и морально-поучительных песнопений, входящих в состав псалтыри» (БАС, т. 11, с.161).

На пытки вздыбленная
Сосна – ты, уст моих псалом;

Горечь рябиновая. (Цветаева 2001, с.347).

Интересное соединение: «горечь рябиновая» – в идиостиле Цветаевой – образ Руси, а «псалом» – Библии. В следующем примере поэт подчеркивает другое свойство псалма: поют псалмы стоя.

Та, что без видения спала, –
Вздрыгнула и встала
Строгой постепенности псалма,
Зрительную скалой – ... (Цветаева 2001, с.350. Из цикла «Деревья»).

Результаты нашего небольшого исследования очевидны: языковое национальное сознание наложило свой отпечаток на использование библеизмов в поэзии М.И. Цветаевой. Оно проявилось в отборе библеизмов (по церковным праздникам, названия которых восходят к Библии), в создании образов (в частности, в исключительной роли для русского человека образа Богородицы), в широкой распространённости библеизмов из богослужебной практики, в авторской трансформации библеизмов («звезда российская» от «Вифлеемская звезда»). Следует отметить, что библеизмы использованы

Цветаевой очень органично. Они, с одной стороны, отражают национальное сознание русского человека, а с другой стороны, являются чертами идиостиля М. Цветаевой.

-
- Верещагин Е.М. Библейская стихия русского языка // РР. – 1993. – № 1.
 Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // ВЯ. – 1997. – № 5.
 Жельвис В.И. Уроки Библии: заметки психолингвиста // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград–Архангельск, 1996.
 Листрова–Правда Ю.Т., Оноприенко С.Т. Своеобразие библеизмов в современном русском языке // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Вып. 4. Воронеж, 2001.
 Мокиенко В.М. Фразеологические библеизмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. – С.-Пб., 1995.
 Нюстрем Э. Библейский словарь. С.-Пб., 2001.
 Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. М., 1948–1965.
 Шанский Н.М. Евангельский текст и фразеология русского языка // Русский язык в школе. – 1995. – № 5.
 Энциклопедия «Русский язык». – М., 1998. – С.51–56.

В. Я. Голуб

Ассоциативные связи на рифменной вертикали (на материале поэзии XX века)

Рифма, так же как ритм и метр, принадлежит к наиглавнейшим признакам поэтической речи, поэтому ее теоретическое осмысление и историко-сравнительное изучение составляло постоянный предмет поэтики. Но, несмотря на это, рифма остается самой слабоизученной среди стиховедческих категорий, что объясняется сложностью ее природы: рифма "принадлежит метрической, фонологической и семантической организации" (Лотман 1972, с. 61).

О смысловой роли рифмы писали литературоведы и поэты (В. М. Жирмунский, М. Л. Гаспаров, Ю. Н. Тынянов, Ю. М. Лотман, В. С. Баевский, Ю. И. Минералов, В. Маяковский, Д. Самойлов). Так, В. Е. Холшевников во вступительной статье к книге с характерным "пушкинским" названием "Мысль, вооруженная рифмами" замечает: "Рифма – важный и звуковой, и композиционный, и смысловой элемент языка" (Холшевников 1984, с. 20).

Филологи неизменно обращают внимание на то, что рифмующиеся слова связаны между собой не только созвучием, звуковым подобием, но и смысловыми ассоциациями, а само рифменное положение относится к сильным позициям поэтического текста (наряду с заглавием, эпиграфом,

началом и концовкой, а в трактовке Н. В. Черемисиной, и гармоническим центром произведения). В. Маяковский, анализируя собственную поэтическую технику, признается: "Я *всегда* (выделено нами. – В. Г.) ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало" (Маяковский 1978, с. 260). Филологи более осторожны в обобщении: "... наиболее важные в смысловом отношении слова отнюдь не всегда обязательно ставятся в конец строки. Это поэтическая тенденция, поэтому лишь при конкретном анализе можно выяснить, какое смысловое значение имеет та или иная рифма" (Гончаров 1973, с. 170). Есть все основания считать, что в рифме воплощается тематическое единство стихотворного текста, она "возвращает вас к предыдущей строке, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе" (Маяковский 1978, с. 259).

В лингвистике тема смысловой функции рифмы получила наиболее плодотворное освещение в исследованиях по поэтике Н. В. Черемисиной (Черемисина 1974; 1981; 2002), показавшей, что рифменные ассоциативные связи не только усиливают микрообразы линейного ряда, но и служат формированию новой, подтекстовой информации. В рифменной позиции концентрируются важные для стихотворения смыслы, происходит их "приращение", актуализируются потенциальные и вероятностные семы, создается стимул для внетекстовых ассоциаций.

О смысловой роли рифмы можно говорить:

- а) в связи с особыми отношениями взаимозависимости рифмующихся слов;
- б) с учетом смысловой нагрузки рифменной вертикали в целом;
- в) наконец, как об особой смысловой нагрузке слова, занимающего рифменную позицию.

Наиболее заметны и многообразны проявления ассоциативных связей в рифменных парах, что можно проиллюстрировать многочисленными примерами из поэзии XX века (И. Анненский, И. А. Бунин, С. Есенин, О. Мандельштам, В. Набоков, И. Северянин, Б. Пастернак, В. Ходасевич – далее соотв.: И. А., И. Б., С. Е., О. М., В. Н., И. С., Б. П., В. Х.).

Пары рифмующихся слов могут представлять собой *синонимы* (в широком смысле – близкозначные слова): *ходила – бродила* (С. Е.), *пирует – ликовет*, *цифры – шифры* (В. Х.), *то же – похожи* (И. А.), *сиять – блистать*, *паломники – бездомники* (И. С.), *господство – превосходство*, *дну – глубину* (О. М.), *объятьях – сжатья* (Б. П.); *антонимы*, не исключая окказиональных: *дышать – умирать* (О. М.), *чужих – моих* (В. Н.), *ничего – всего* (В. Х.), *дна* ("низ") – *волна* ("верх"), *паруса* ("море") – *колеса* ("суша") (Б. П.), *запустенья – цветенье* (И. А.); *омонимы*: *суда* ("корабли") – *суда* ("суд"), (перебирает) *четки* – (чувства) *четки* (И. С.), (шишки) *ели* – (рыбу) *ели* (Б. П.); слова, связанные *гиперо-гипонимическими* отношениями: *птицей – синицей* (С. Е.), *ужей – змей* (Б. П.), *работник – плотник* (О. М.).

Ассоциативные связи рифмующихся пар могут основываться на сходстве по цвету, блеску, размеру, другим признакам: *рубины – рябины* (И. С.), *глаза – ваза* (О. М.), единстве эмоциональной оценки: *урока – морока* (Б. П.), *плач – палач*, *святей – детей* (И. С.), *слякоть – плакать* (В. Н., Б. П.).

Господствующей на рифменной вертикали является метонимическая связь рифмующихся слов, предполагающая смежность *целого и его части*: *аллей – тополей* (Б. П.), *магазинах – витринах* (В. Х.), *дом – окном* (С. Е.), *предмета или живого существа и его места*: *волнушки – опушки*, *кузовки – боровики*, *якоря – моря* (Б. П.), *фимиама – храма* (И. А.), *тростника – река* (В. Х.), *звери – в пещере* (Б. П.), *ветвей – соловей, церквах – Бах* (И. С.), *обусловленности, причины и следствия*: *улыбаясь – радость* (С. Е.), *в разлуке – муки* (И. С.), *тишина – сна, тревога – дорогу* (Б. П.), *танец – румянец* (О. М.).

В рифменных парах выявляются такие авторские особенности стиля, как новаторство поэтического языка, стремление к неожиданным сближениям: *Боттичелли- виолончели, бреда – Андромеда, тимпан – Пан, сфер – (особенных) р* (И. А.), или, напротив, следование традиционно-поэтическим ассоциациям, ориентированным на прошлый опыт читателя: *туман – обман – роман, роса – краса, глаза – небеса, грезы – слезы – розы* (И. С.). Принадлежность рифмы к разряду традиционных при этом не предопределяет ее негативной оценки. Когда Пушкин в "Евгении Онегине" обещает читателю привычную рифму к слову "морозы" и действительно ее дает ("Читатель ждет уж рифмы *розы*; / На вот, возьми ее скорей!"), то только доверчивый неопытный читатель обманывается, будто Пушкин не справился с поэтической техникой, в то время как поэт показывает один из путей преодоления банальности привычных ассоциаций и создает составную рифму (*морозы – рифмы розы*).

Проанализируем две рифменные пары 8-строчного однострофного стихотворения В. Ходасевича "Странник прошел, опираясь на посох...", учитывая: а) смысловые отношения рифмующихся слов, б) отношение каждого из рифмующихся слов к линейному ряду, в) отношения рифмующихся слов на рифменной вертикали. Текст стихотворения:

Странник прошел, опираясь на посох, -
Мне почему-то припомнилась ты.
Едет пролетка на красных колесах –
Мне почему-то припомнилась ты.
Вечером лампу зажгут в коридоре –
Мне непременно припомнишься ты.
Что б ни случилось, на суше, на море
Или на небе, - мне вспомнишься ты.

(1922).

В первых четырех стихах (стих – в узком значении "строка") в перекрестной рифме *посох – колесах* реализуется оппозиция по признаку *передвижение пешком / с помощью к.-л. средства передвижения*. Семантический потенциал слов-носителей рифмы оказывается реализованным в линейном ряду (МАС: *посох* – "длинная палка, трость для опоры при ходьбе", *колесо* – "круг, вращающийся на оси и служащий для приведения в движение повозок и других средств передвижения").

Ассоциативные связи рифменной пары *в коридоре – на море* ориентированы на переносные (общезыковые) значения, закрепленные в системе языка (МАС-перен. "узкое длинное пространство, проход,

ограниченные с обеих сторон" – "обширное пространство"), а также на коннотации "нечто сковывающее" – "свободное, вольное", в то время как в линейном ряду реализованы прямые значения слов-носителей рифмы, не оставляющие оснований для смыслового сближения. Благодаря рифменной позиции, с обязательной паузой в конце стиха, вносятся коррективы в смысловое членение текста. Ряд однородных членов "на суше, на море или на небе" в линейном ряду образует смысловое единство "три среды обитания", но в стихотворной строке первые два однородных члена отсекаются стиховой паузой от последнего, так что создаются условия для новой смысловой оппозиции: *на земле* ("в горизонтальном пространстве": *на суше, на море*) – *на небе*.

Смысловое единство *на суше, на море* ("езде на земле") поддерживается системными лексическими отношениями (в МАС толкование слов "суша" и "море" даются как взаимозависимые: *суша* – "земля в противоположность водному пространству, *морю*"; море – "часть Мирового океана, более или менее обособленная *сушей*").

Таким образом, рифменная позиция оказывает существенное влияние на семантику поэтического текста. В целом на рифменной вертикали: *посох – ты – колеса – ты – в коридоре – ты – на море – ты* формируется хронотоп, знаменующий расширение временных и пространственных границ: *посох* → *колесах* (скорость преодоления пространства), *в коридоре* → *на море* (выход из замкнутого пространства, не требующего значительного времени для его преодоления, на простор). Вся рифменная цепь скреплена тавтологической рифмой, равной слову (*ты*) и обозначающей адресата лирического героя – его героиню.

Достаточно часто рифменный ряд стихотворения передает весь колорит, особенно эмоциональные образы произведения. Так, в другом стихотворении В. Ходасевича, "Вечер", смысловой ряд правой его границы: *хруст – грусть – пошел – боль – мир – немилосерд – ширь – смерть – объяснит* – (на склоне) *лет – бродить – петь* находит подтверждение в линейном ряду и отражает душевные движения лирического героя по нарастающей (тревога): *грусть* → *боль* → *смерть* и обратно: (на склоне) *лет* → *бродить* → *петь*.

Но рифменная вертикаль может существенно корректировать микрообраз линейного ряда:

ограничивать его: в стихотворении И. Северянина "Все они говорят об одном..." из рифменного ряда (*сада – соловьи – отрада – любви – дуга – цветам – заслуга – устам – озера – голубым – взора – любим*), достаточно полно формирующего основные микрообразы стихотворения (*соловьи в саду, отрада любви, цветы на дугу, голубые озера, любимый взор*), полностью исключена тема "монастырь" (в левой части стихотворения другие микрообразы: сад – монастырский, луг – монастырский, озеро – в монастырском лесу);

актуализировать прямые номинации (в стихотворении В. Набокова "У камина" образы лепестков-огней камина, цветов-слов метафорического контекста вызывают на правой границе стихотворения воспоминания о былом,

связанные именно с миром природы (*угольки – лепестки, цветы – красоты, бывало – алый*);

актуализировать переносные значения, отсутствующие в линейном ряду (см. первый пример из В. Ходасевича);

способствовать зарождению внетекстовых связей (в стихотворении И. Северянина "И будет вскоре..." "красива" относится к женщине, но благодаря рифме этот признак распространяется и на далекую родину: *красива – Россию*).

Построение рифменных рядов, расположение рифмующихся стихов может быть подчинено какой-то определенной идее и проявляться как диаграмматическая иконичность. Пример - в стихотворении В. Набокова "Телеграфные столбы" его строфика и рифмика зрительно "отражают" его содержание: в трех строфах последовательно уменьшается количество стихов; последний, пятый, холостой стих первой строфы рифмуется с третьим стихом второй строфы; холостой (также последний) стих второй строфы рифмуется со вторым стихом третьей строфы, а в самой второй строфе исчезает опоясывающая рифмовка; в третьей строфе отсутствует ожидаемый холостой стих, а в последнем стихе сокращается количество стоп, и сама строка завершается многоточием. Рисунок строф (5 строк – 4 строки – 3 строки) и характер рифмовки создают иллюзию удаления, "рисунок" уходящего вдаль бесконечного пути (дополняя лексику, синтаксис, метрику, образные средства произведения):

Столбов однообразных придорожных
фарфоровые бубенцы и шесть
гудящих струн. Скользит за вестью весь –
шум голосов бесчисленных, тревожных
и жалобных, скользит из края в край

И ты – на бледной полосе дороги,
ты, странник загорелый босоногий,
замедли шаг и с ветром замирай,
внимая проплывающему ценью.

Гудит, гудит уныние равнин,
и каждый столб ложится длинной тенью.
и путь далек, и ты один... (1920).

В заключение покажем взаимодействие рифменной позиции с другими сильными позициями текста на примере шестого сонета из цикла "Двадцать сонетов к Марии Стюарт" И. Бродского (1974). Воспользуемся методикой анализа сильных позиций поэтического текста, предлагаемой Н. В. Черемисиной. Эта методика учитывает, что каждый из элементов текста, относящихся к сильной позиции, всегда находится "в светлом поле сознания" и автора, и читателя; сильные позиции перекликаются между собой и обладают смысловой значимостью для целого текста.

Итак, первой сильной позицией является заглавие. Оно в нашем случае отсутствует (сонет подается под номером), хотя нумерация берет на себя некоторые функции заглавия и сигнализирует о том, что шестому сонету предшествуют 5 сонетов и они могут быть объектом "оглядки на сказанное" (И. Бродский), а впереди читателя цикла ожидают 14 сонетов, в которых возможно продолжение содержания шестого сонета.

Начальная позиция сонета "Я вас любил. Любовь еще (возможно, / что просто боль) сверлит мои мозги.." - демонстративно обращена к классическому тексту – пушкинскому стихотворению "Я вас любил; любовь еще, быть может..." Только последний элемент первого стиха И. Бродского, находящийся в рифменной позиции, обрывает обширную цитату и открывает дорогу четверной рифме: *возможно – сложно – дрожь, но – наконец, безнадежно*. Последнее из рифмующихся слов находится в "золотом сечении", которое проходит через 8 и 9 строки¹³: "Я вас любил так сильно, безнадежно, / как дай вам бог другими..."

В гармоническом центре, как и в начале текста, находится обширная, видоизмененная цитата из Пушкина с особым акцентом на наречии "безнадежно", которое в противовес первоисточнику, произносится с [о], а не [э]. В пушкинском стихотворении чтение "безнадЕжно" возможно только по прочтении строки, заканчивающейся на "нежно", и, таким образом, поэт возвращает читателя к уже прочитанным строкам и сопоставлению рифмующихся слов по контрасту (вторым все-таки идет "нежно", то есть побеждают светлые чувства лирического героя). У И. Бродского наречием "безнадежно" замыкается рифменный ряд, то есть "непоэтическое" чтение с[о] не требует подкрепления в последующем контексте и тема "любовь – боль" как будто становится доминирующей. Однако в подтексте создается прямо противоположный смысл: желание "другим" не только сильной, но и *безнадежной* любви к Ней содержит надежду на возможное возвращение Ее.

Наконец, в последнем стихе: "коснуться – "бюст" зачеркиваю – уст" – окончательно формируется подтекст стихотворения: побеждают, как и в исходном, пушкинском тексте, светлые чувства, хотя это с трудом дается лирическому герою. Последнее слово в строке и последнее в тексте (наконец-то найдена рифма к слову "хруст") создает по-настоящему пушкинский стилистический эффект. Итак, все главные смыслы, расставленные на полюсах и в "золотом сечении" стихотворения, оказываются связанными с рифменной позицией и акцентируют тщательно маскируемую нежность лирического героя и теплящуюся в его душе надежду на счастье.

Ассоциативные связи на рифменной вертикали представляют интерес не только для поэтики, но и для изучения словесных ассоциаций, специфических у каждого народа. При исследовании психологической структуры значения слова в речи небезынтересно, что поэты, с их обостренным языковым чутьем, именно на вертикальном срезе стихотворения восстанавливают живые словесные связи:

¹³ "Золотое сечение" (гармонический центр) определяется арифметически: 14 (строк) $\times 0,618 = 8,6$

Февраль. Достать чернил и плакать!
 Писать о феврале навзрыд, -
 и тут же их "нарушают":
 Пока грохочущая *слякоть*
 Весною черною *горит*. (Б. Пастернак)

Гончаров Б. П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., 1973.
 Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.
 Маяковский В. Как делать стихи? // Собрание сочинений. – В 12 т. – Т. 11. – М., 1978.
 Холшевников В. Е. Мысль, вооруженная рифмами: поэтическая антология по истории русского стиха. Л., 1984.
 Черемисина Н. В. Вопросы эстетики русской художественной речи. – Киев, 1981; *она же*. Межсловные ассоциативные связи в художественной речи и в языке // Актуальные проблемы лексикологии Новосибирск, 1974; *она же*. Проблема системности в концепции акад. В. В. Виноградова и на современном этапе // Человек. Язык. Искусство. Москва, 2002 (посмертная публикация).

Л.М.Борисова

**Национально-культурная обусловленность
 текстоорганизующего речевого действия
 «парафраза» в художественном дискурсе
 (на материале повести В. Солоухина «Смех за левым плечом»)**

Под текстоорганизующими речевыми действиями мы понимаем вслед за М. Фирле (Firle 1987, с. 56) речевые действия, при выполнении которых говорящий преследует цель предотвратить коммуникативные неудачи и тем самым оптимизировать процесс общения, управляя при этом также процессом восприятия реципиента.

Под текстообразующими речевыми действиями мы понимаем прежде всего такие речевые усилия говорящего в процессе повторного формулирования как парафразирование, уточнение, коррекция, специфическими условиями выполнения которых является их непосредственная соотнесенность с предыдущим речевым действием. В этом случае базовое речевое действие оценивается говорящим как не соответствующее в полной мере его интенции, неадекватно выражающее суть вещей, в результате чего предпринимается повторная попытка формулирования, репрезентирующая соответственно парафразирование, уточнение, коррекцию. Это может быть обусловлено тем, что «форма вербализации личностного смысла говорящего может быть различной; весьма различной может оказаться эффективность передачи личностного смысла собеседнику» (Попова, Стернин 2001, с.37).

Данные речевые усилия говорящего входят в комплекс так называемых текстоформирующих речевых действий, включающих также метаакциональные и интеракциональные речевые действия (Viehweger 1983, Firth 1987). Тексторганизующие речевые действия являются прежде всего предметом рассмотрения в исследованиях по устной коммуникации на материалах аутентичных текстов. При этом наблюдается достаточно противоречивое толкование реформулирующих речевых усилий говорящего, репрезентирующих феномен повторного формулирования.

Можно отметить, с одной стороны, достаточно широкое понимание отдельных речевых усилий как техник формулирования, включающих в себя другие реформулирующие усилия, с другой - признание автономности существования отдельных техник повторного формулирования. Представляется целесообразным рассматривать подобные речевые усилия говорящего, направленные на предотвращение коммуникативных неудач, обусловленных неадекватностью предложенной формулировки интенции говорящего или её необычностью, как самостоятельные речевые действия. При этом под парафразой мы понимаем тексторганизующее речевое действие, выполненное с целью еще раз активизировать выраженную предшествующим высказыванием информацию с целью подкрепления понимания данной информации со стороны слушателя (читателя).

Следовательно, данное речевое действие предпринимается с целью устранения неточности, расплывчатости непонятого или непривычного вербального формулирования, с тем чтобы максимально охватить все аспекты тематизируемого явления действительности и тем самым способствовать процессу понимания и управлять им, апеллируя к кооперативной готовности партнера по коммуникации (Борисова 2001, с. 22).

Предметом нашего внимания является функционально-прагматический потенциал указанных речевых усилий повествователя в структуре речевых действий художественного дискурса. Выполнение в процессе повторного формулирования тексторганизующего речевого действия часто обусловлено национально-специфическими особенностями семантики базового, исходного выражения, по отношению к которому предпринимается одно из реформулирующих усилий: парафразирование, уточнение, коррекция. Так, парафразирование, являющие собой толкование, варьирование, актуализацию исходного, базового выражения, в ряде случаев обусловлены национальной спецификой его пропозиционального содержания.

Анализ повторно предпринятых формулировок уже предложенного в условиях письменной художественной коммуникации выражения проводится нами на материале повести Владимира Солоухина „Смех за левым плечом“.

В некоторых примерах имеет место конкретизация исторической эпохи, повествователь прибегает к парафразированию с целью уточнения временных рамок в процессе интерпретации политико-экономических мероприятий советской власти в России:

«И было это уже в первой половине тридцатых годов, *то есть* позже коллективизации и раскулачивания, через которые маслобыщик прошел

невредимо, если не считать, конечно, расставания с мельницей, которую отобрали у хозяина...» (В. Солоухин, с.25).

Данная парафраза, выполненная на уровне повествования (Darstellungsebene) (Antos 1982), представляет собой толкование обозначенного периода времени через ретроспективное соотнесение его, как было уже указано выше, с определенными политико-экономическими событиями в советской России.

В ряде случаев наблюдается парафразирование, представляющее собой временную интерпретацию события, обозначенного в исходном, базовом выражении:

«И вот решили меня по-настоящему выпороть. И поручено это было матери, и было это для неё большим наказанием, нежели для меня. Она незадолго до смерти, *то есть* лет тридцать пять спустя всё ещё пыталась просить у меня прощения за что-то, а я никак не мог понять, за что...» (В. Солоухин, с.42).

Данная парафраза обусловлена желанием повествователя подчеркнуть, насколько сильна была моральная травма матери, человека необычайно доброго и мягкого, вынужденного подвергнуть своего сына довольно жестокому наказанию. Указав конкретный момент в жизни человека, когда он пытается просить прощения за однажды содеянное, повествователь считает необходимым показать тот временной отрезок, прошедший с момента наказания и явившийся одновременно периодом внутренней муки и раскаяния матери, вынужденной поднять руку на горячо любимого сына, даже если это было и справедливым наказанием. В результате данного парафразирования становится понятным, каким душевным потрясением как для матери, так и для сына стало данное испытание.

На уровне повествования, то есть изложения истории, выполнена и следующая парафраза, представляющая собой конкретизацию временного события и подчеркивающая тем самым самобытность и уклад жизни трудолюбивого деревенского семейства:

«Дармодов и бездельников не было в нашей большой семье. Даже дед Алексей Дмитриевич, которому по возрасту только бы так себе, поглядывать, как работают другие, а если помогать им, то разве лишь советом и общей распорядительностью, но даже и он со вставанья, *то есть* с рассвета, на ногах, на дворе, либо с метлой в руках, либо с вилами...» (В. Солоухин, с.28).

В структурно-семантическом аспекте данная парафраза в отличие от выше приведенных представляет собой не развернутое толкование, а отдельную лексему.

Как следует из выше приведенных примеров, толкование определенного отрезка времени в процессе парафразирования является общерелевантной техникой текстопорождения, имеющей различную репрезентацию в структурно-семантическом плане, а также различную функциональную нагрузку. Однако в ряде случаев парафразирование обусловлено культурно-историко-политической национальной спецификой базового выражения, или же сама парафраза отражает именно национальную специфику определенной экстралингвистической сущности соответствующего исторического периода.

Толкованием излагаемых фактов, а именно конкретизацией степени родства обусловлены следующие парафразы, выполненные на уровне повествования и отражающие также реальное положение вещей:

«А ещё было написано на нем славянской вязью, что это дар крестьянина Михаила Дмитриевича Солоухина, **то есть брата моего дедушки**. Я думаю, теперь не то что у целого района, у области не хватило бы духу отлить колокол, который оказался под силу крестьянину» (В. Солоухин, с. 43).

В данном случае повествователю было важно указать степень родства и принадлежности к описываемому семейству человека, о заслуге которого идет речь.

«Так, родная сестра деда Дарья Дмитриевна вышла замуж в Нижний Новгород за богатого купца Капустина, а дочь деда (**то есть, значит, родная сестра моего отца**) Вера Алексеевна стала и вовсе дворянкой, поскольку её сосватал петрищевский помещик Александр Сергеевич Смирнов» (В. Солоухин, с.29).

К данной тематизации повествователь прибегает с целью оптимизации коммуникации. Расшифровывая дополнительно степень родства, что является важным аспектом данного типа повествования Владимира Солоухина, повествователь пытается предвосхитить некоторые сложности в восприятии предлагаемой изначальной формулировки и репрезентирует повторную формулировку. Обращает на себя внимание графическое оформление парафразы, вклинивающейся в базовое исходное выражение, и манифестирующее тем самым несколько иной уровень повествования, о чем свидетельствует и появление в структуре повторной формулировки-толкования уже предложенной информации лексемы «значит», выводящей повторную формулировку на метаакциональный уровень и подчеркивающей интеракциональный характер данного текстоорганизующего речевого действия.

В следующем примере парафраза свидетельствует об иерархических отношениях в русском крестьянском семействе и о привилегированном положении главы семейства:

«Резать блины за столом мог только старший, **то есть опять же Алексей Алексеевич**. Вот он пододвигает тарелку с блинами к себе» (В. Солоухин, с. 35).

Парафраза как толкование первично предъявленной информации на уровне изображения событий может быть включена в состав других толкований, имеющих своей целью оптимизацию коммуникации, в то время как повествователь выполняет ориентирующее метакоммуникативное речевое действие:

«Вероятно, первые его поездки были связаны с тем, что нужно было отвезти во Владимир те круги чистого воска, **о которых шла речь в одной из глав этих записок**, **то есть продукцию нашей маленькой воскобойни**» (В. Солоухин, с. 35)

Если в предыдущих примерах исходное, базовое выражение в целом было достаточно понятным, а парафрастическое выражение являлось своего рода его конкретизирующей аспектualизацией, то в последующих примерах

базовое выражение, с которым соотносится собственно парафраза и в отношении которого предпринимается повторное формулирование, расценивается повествователем как непонятное читателю относительно конкретно предложенной формулировки, отражающей культурно-национальную специфику реалий соответствующего исторического периода и социального уклада, в данном случае, например, российского деревенского уклада:

«Итак, вынесли из дома и продали с торгов кое-какую мебель, нам оставили только «ниж», **то есть нижний этаж дома**. Вверху, в комнате, где я когда-то родился, в **так называемой** «средней», разместилась контора вновь образовавшегося совхоза» (В. Солоухин, с. 41).

В данном примере имеет место каскад тематизаций формулировок, вводимых метакоммуникативными релятивами (Ляпон 1986) *то есть, в так называемой*. Однако во втором случае необычное обозначение предварительно расшифровано, а необычность повторной номинации подчеркивается словосочетанием *в так называемой*.

Повествователь прибегает и к толкованию лексемы, точность выбора которой уже предварительно обыгрывается имплицитно в режиме конституирования альтернативных семантических отношений: *если не в полной мере осеняют... , то почти осеняют*.

«Липы, ближайшие к нашему дому, если не в полной мере осеняют его, **то есть нависают своими кронами над крышей**, то почти осеняют. А на липах – колонии грачиных гнезд» (В. Солоухин, с.7).

В данном случае предлагается толкование локального плана лексемы (липы) **осеняют**, отражающее типично близкое расположение деревьев около русского деревенского дома.

Как и в предыдущем, в следующих примерах парафразированию подлежат лишь отдельные лексемы, характеризующиеся однако ярко выраженной культурно-национальной спецификой: 1) в обиходно-разговорном функциональном стиле:

«Алексей Павлович Грубов был резаком. **То есть специалистом резать скотину: корову, если нужно, быка, овцу, поросенка**» (В. Солоухин, с. 38).

Парафраза, соотносясь непосредственно с предыдущим исходным выражением, оформлена, однако, в синтаксическом плане как самостоятельное предложение.

«Могли тут более старшие для своей забавы стравить нас, малышей, на «любака», **то есть заставить драться между собой**, могли сидеть на папертях и вырезать свистки...» (В. Солоухин, с. 33).

2) в сфере исторических реалий:

«Когда-то ...существовал в селе староста и существовали десятские, **то есть старшие в каждой десятке сельских домов**» (В. Солоухин, с.38)

«Ну, сестра, ладно. Она к этому времени жила уже в Москве, училась там на каких-то курсах, РКК(Российский Красный Крест), **то есть, попросту говоря на медицинских курсах**» (В. Солоухин, с.46).

В данном случае толковательная функция релятива *то есть* усилена метакоммуникативным речевым действием *попросту говоря*, касающимся непосредственно уже характера изначально предложенной формулировки.

Если в предыдущих примерах были представлены лишь отдельные лексемы, которые, по мнению повествователя, нуждались в дополнительном толковании в силу своей национально-культурной или исторически обусловленной специфики, то в следующем примере интерпретируется все исходное выражение, а именно пословица, являвшаяся любимым высказыванием одного из героев повествования, парафраза при этом оформлена как самостоятельное предложение:

«...но вот я больше ни от кого не слышал- .. Живот хуже соседа старого добра не помнит. **То есть** как ты его сегодня ни ублажи, ни накорми, а он вскоре опять есть запросит» (В. Солоухин, с. 36).

Парафрастическая трансформация осуществляется в большинстве выше приведенных примеров по принципу экспансии. В семантическом плане предложенные в результате парафразирования повторные формулировки в представленных примерах соотнесены с экстралингвистической действительностью и нейтральны в плане оценочности.

В ряде случаев парафраза являет собой номинацию предыдущего развернутого выражения.

Парафраза, выполненная по принципу редукции и нейтральная в оценочном плане, представлена в следующем примере:

«Что касается раскулачивания и увоза в дальние края, **то есть** *классовой борьбы в деревне*, то в наших местах всё это прошло как-то незаметно» (В. Солоухин, с. 40).

Однако в ряде случаев предлагается парафраза, являющая собой в оценочном плане нейтральное толкование, имплицитная оценочность которого актуализируется лишь последующим контекстом:

«С образованием колхоза (об этом подробнее где-нибудь на других страницах) Голубчика отобрали (как и всех крестьянских лошадей) и свели на один общий двор, **то есть** *в большой сарай*. Привыкли не думать об этой чудовищной акции» (В. Солоухин, с.36).

Наряду с реальными толкованиями исходного выражения могут быть представлены парафразы с ярко выраженной оценочностью, являющиеся субъективной интерпретацией повествователя, опирающейся однако на реальные национально- исторические факты:

«А то ещё помню: «У Никиты шито- крыто, глубоко зарыто жито» Тут понятно. Когда насильственно и бесплатно отбирали хлеб у крестьян (**то есть** *попросту грабили их*), злодей Никита спрятал хлеб, чтобы потом семья не умерла с голоду, как умерло с голоду в 1933 году на Украине и в Поволжье более семи миллионов человек» (В. Солоухин, с.45).

Обращает на себя внимание графическое оформление эксплицитно маркированной релятивом *то есть* парафразы, включенной в состав толкования выражения, употреблявшегося в определенный исторический период для обозначения конкретных реалий советского государства: *У Никиты шито-крыто, глубоко зарыто жито*. Метакоммуникативным

выражением *тут понятно* сигнализируется дальнейшее толкование повествователем фразы, возможно неясной для читателей, не знакомых с национально- историческими событиями соответствующего периода. И уже в это толкование имевших место исторических событий помещается дополнительный комментарий повествователя с ярко выраженной оценочностью в форме эксплицитно маркированной парафразы, являющей собой редукцию (элиминацию) предыдущего выражения. Если первичное толкование осуществляется на уровне повествования, то парафраза, выделенная и графически, благодаря выходу на метаакциональный уровень с использованием релятива *то есть*, маркирует иной уровень коммуникации между повествователем и читателем. При этом элиминированное выражение *попросту говоря* указывает на то, что в данном случае ревизия, то есть повторная формулировка, касается именно вербализации исходного выражения (Herstellungsaspekt) (Antos, 1982), повествователь включается в текст с более резкой по сути формулировкой с характерной субъективной оценочностью, являющейся, по его мнению, наиболее коммуникативно адекватной.

Эксплицитно маркированной, выполненной на уровне рассказа истории, то есть не представляющей собой ревизии изначально предложенной формулировки, а плавно переходящей в дальнейшее повествование, является парафраза в следующем примере:

«Итак, 1931 год. Мне семь лет. В селе и окрестных деревеньках организовали колхозы. *то есть крестьяне обречены на безрадостный, подневольный, почти что бесплатный труд, по сигналу, по звонку»* (В. Солоухин, с. 44–45).

В приведенных примерах парафразирование выступает в качестве средства выражения авторской модальности. Художественный текст является, по мнению О.Н. Чарыковой (Чарыкова 2000, с.170), «отражением языковой личности автора и репрезентирует индивидуально-авторскую модель мира». При этом «автор никогда не равен ни писателю, ни повествователю, ни персонажу - это определяющее начало художественного произведения, воплощение его сути/смысла, структуры, изобразительных средств/ и итог взаимодействия всех составляющих его компонентов» (Чарыкова 2000, с.25). Рассмотренные примеры повторно предпринятых толкований уже предложенных выражений позволяют четко проследить прагматический характер парафразирования, обусловленного в рамках данного конкретного произведения преимущественно национально-культурной спецификой интерпретируемого выражения или отдельно взятой лексемы. Текстоорганизующие речевые действия в условиях художественной коммуникации стилизованы и подчинены художественному замыслу автора произведения, служат средством объективации авторского мировосприятия.

Борисова Л.М. Прагматические аспекты реализации и перевода парафраз в художественном дискурсе. // Социокультурные проблемы перевода. Вып. 4. Воронеж, 2001.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. Воронеж, 2000.

Antos, G. Grundlagen einer Theorie des Formulierens. Textherstellung in geschriebener und gesprochener Sprache. Tübingen, 1982.

Firle, M. Erzählen als Sprachhandlung in der poetischen Kommunikation // Linguistische Studien, Reihe A, Arbeitsberichte 167. Berlin, 1987.

Viehweger, D. Sprachhandlung, Handlungsziele, Handlungspläne // Linguistische Studien, Reihe A, Arbeitsberichte 113/ 1. Berlin, 1983.

Источник примеров:

Солоухин В. Смех за левым плечом. // Роман-газета 10 (1160) 1991.

Е.А. Елина

Этапы восприятия изображения в его вербальной интерпретации

Процесс восприятия изображенного объекта (произведения изобразительного искусства) как единый целостный акт, состоящий, однако, из нескольких соподчиненных уровней (слоев), имеет весьма сходную структуру в различных вариантах и способах его рассмотрения, начиная с наиболее грубой и обобщенной модели восприятия эстетического объекта с его операциональной стороны, в которой выделяется три коммуникативные фазы: 1) предкоммуникативная (художественно-психологические установки); 2) коммуникативная (восприятие); 3) посткоммуникативная (оценка произведения) (Крупник 1999, с.9).

Поэтапное осмысление объекта представлено Р. Ингарденом в модели интерпретации художественного произведения как единого структурного целого, воспринимаемого непосредственно и сразу, но задействующего несколько слоев восприятия (четыре – от низшего к высшему): знаки – семантические единицы – предметное содержательное изображение – эстетически ценностные образы (Ингарден 1962, с.123).

Согласно классификации М.М. Бахтина, восприятие художественного произведения, оставаясь единым целостным процессом, также реально расчленяется на отдельные чувственно-мыслительные акты (у М.М. Бахтина их, как и у Р. Ингардена, четыре – от низшего к высшему), относящиеся, правда, в основном к словесному художественному тексту (несколько

скорректировав, эту структуру можно вполне обоснованно отнести и к изображенному объекту: «1. Психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, формы). 2. Узнание его (как знакомого или незнакомого)... 3. Понимание его значения в данном контексте (ближайшем и более далеком). 4. Активно-диалогическое понимание (спор-согласие). Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности» (Бахтин 1979, с.361).

Как видно из сопоставления описанных структур восприятия, содержательно классификации практически совпадают и должны трактоваться применительно к произведению изобразительного искусства следующим образом.

Первый акт понимания произведения соотносится с восприятием поверхностной фактуры изображения, линий, цветов, структуры мазков (если она зрительно воспринимается), “знаков” и – таким образом – с восприятием всего визуального ряда на плоскости.

Второй акт – предметное соотнесение изображения (“семантических единиц”) с денотатом, узнавание визуального ряда – сличение его с хранящимися в памяти понятиями и представлениями (или отрицательный результат попытки такого соотнесения, когда изображение остается не узнаанным, т. к. субъект не находит для него соответствующего денотата).

Третий акт восприятия эстетического объекта предполагает наделение визуального ряда определенным содержанием, смыслом, образностью, дающими возможность коннотаций и выхода на различные ассоциативные связи.

Четвертый акт восприятия и понимания – установление определенных отношений между субъектом и объектом (условный «диалог»), при котором субъектом-интерпретатором окончательно дается эстетическая оценка изображению, т.е. реализуется индивидуальное понимание визуального ряда в виде развернутой рефлексивной интерпретации изображения.

Обязательным условием первичной реализации отношений между субъектом и изображением является, естественно, первый акт восприятия произведения изобразительного искусства, который служит необходимой базой для формирования следующих трех актов понимания (термин “понимание” употребляется как тождественный “восприятию”, “смысловому восприятию”). Однако начально интерпретирующим, на наш взгляд, можно назвать второй акт восприятия (узнавание, сличение), в последующих же актах интерпретация приобретает более выраженные, определенные и законченные формы.

В каждом реальном акте восприятия изображенного объекта не обязательно участвуют все четыре его компонента. Субъект останавливается на том уровне понимания, который соответствует его рецепционной установке, психологической и интеллектуальной подготовленности и «картине мира» в целом. Восприятие произведения изобразительного искусства в целом – сложный многоступенчатый акт, включающий в себя как бессознательные, интуитивные, так и осознанные мыслительные операции, строящийся на эмоциональном и рациональном постижении эстетического объекта и

представляющий активное соучастие, сотворчество субъекта и воспринимаемого им объекта.

Интерпретация входит обязательной составной частью в общий процесс эстетического восприятия, начинаясь с уровня предметной соотносительности изображения с объектами реальности, с их узнавания: «Распознавание... возможно только при условии, что центральная нервная система сохранила следы воспринимавшихся в прошлом стимулов (в нашем случае – изображенных объектов – *E.E.*) в таком виде, который позволяет установить соответствие между воспринимаемым стимулом и этими следами. Только после того как установлено такое соответствие, стимул приобретает значение и содержащаяся в нем информация получает интерпретацию» (Хофман 1986, с.16). Далее процесс восприятия усложняется и углубляется по мере придания изображенным объектам смыслов, значений, появления ассоциативных связей и, в конечном счете, эстетических интерпретационных оценок и выводов.

Развернутой иллюстрацией целостного четырехэтапного эстетического восприятия может служить подробная аналитическая интерпретация изображенного объекта («Башмаки» В. Ван Гога), приведенная М. Хайдеггером в работе «Исток художественного творения» (Хайдеггер 1987, с.276) (нас интересуют в данном случае не вопросы философского плана, а исключительно особенности авторского описания картины, в котором интуитивно очень точно и детально обозначены все уровни восприятия изображения).

Первый акт, представляющий изображение как оно есть, выражается в первичном, поверхностном знакомстве потенциального субъекта восприятия с визуальным рядом картины, с изображенным знаком:

«Возьмем известную картину Ван Гога, который не раз писал башмаки. На что же тут, собственно говоря, смотреть?.. Просто стоят крестьянские башмаки, и, кроме них, нет ничего».

Далее описание демонстрирует восприятие второго порядка, распознающее изображенный объект, соотносящее предмет изображения с его видовым и родовым денотатом:

«Такое изделие служит как обувь... пока мы только пытаемся представить и вспомнить вообще башмаки».

Третий акт восприятия изображения представляет собой развернутую интерпретацию, наполняющую изображенный объект разнообразными смыслами, далеко выходящими за пределы изображения, и цепью ассоциативных связей:

«Из темного истоптанного нутра этих башмаков неподвижно глядят на нас упорный труд тяжело ступающих во время работы в поле ног. Тяжелая и грубая прочность башмаков собрала в себе все упорство неснешных шагов вдоль широко раскинувшихся и всегда одинаковых борозд, над которыми дует пронизывающий резкий ветер. На этой коже осталась сытая сырость почвы. Одиночество забилось под подошвы этих башмаков, одинокий путь домой с поля вечерней порой. Немотствующий зов земли отдается в этих башмаках... Тревожная забота о будущем хлебе насущном сквозит в этих башмаках... и

радость, не ищущая слов, когда пережиты тяжелые дни... Земле, *земле* отданы эти башмаки, эта дельность, в *мире* крестьянки – хранящий их кров».

Отметим, что сходный ассоциативный ряд, соответствующий третьему акту восприятия, приводится в профессиональной искусствоведческой интерпретации: «...мы неожиданно для себя видим многое: долгие, долгие дороги, исхоженные упорным путником, покрытые угольной пылью, снегом и лужами с колдобинами и булыжниками, колючками и комьями земли; видим... и самого путника, который, подобно этим ботинкам, изрядно поизносился, побит и помят, но не потерял способности идти дальше – подметки сделаны на диво прочно и только отполировались от странствий...» (Дмитриева 1980, с.201).

Степень глубины оценки картины в четвертом акте восприятия очень высока, т. к. отвечает конечной задаче автора, по-своему понявшего и разделившего замысел и идею художника и ответившего на нее философским умозаключением о сущности и воздействии картины:

«Из этой приверженности земле изделие восстанет для того, чтобы покоиться в себе самом... Покой покоящегося в себе самом изделия состоит в надежности. Только она и показывает нам, что такое изделие по истине... Мы обрели дельность изделия. Но как мы обрели ее? Не в описании и объяснении наличного изделия, не в отчете о процессе изготовления... Нет, мы обрели эту дельность изделия, оказавшись перед картиной Ван Гога. И картина сказала свое слово. Оказавшись близ творения, мы внезапно побывали в другом месте, не там, где находимся обычно. Благодаря художественному творению мы извели, что такое по истине это изделие, башмаки».

Приведенная интерпретация представляет собой «идеальный» случай фиксирования в вербальном толковании всех этапов эстетического восприятия. В реальности же текст-интерпретация может представлять собой тот или иной участок (или участки) целостной мыслительной операции, по определенной причине наиболее существенный для автора и потому выделенный из целого акта восприятия и представленный в тексте. Другие этапы восприятия могут быть вербально не затронуты автором.

Например, в случаях создания интерпретаций нефигуративных абстрактных изображений авторами текстов выбирается способ толкования, практически исключающий фиксацию первых двух этапов восприятия. Вербальное описание этих этапов (абстрактный визуальный ряд, состоящий из сочетаний линий, пятен и плоскостей, лишенных предметной отнесенности) в принципе возможно, но неизбежно окажется неэффективным, поскольку полное отсутствие денотата обесмысливает такое описание. Реальной для создания текста остается задача интерпретатора передать осмысление объекта через более высокие уровни восприятия – отсюда «вынужденное» наполнение беспредметной композиции глубокой ассоциативной семантикой.

Именно поэтому интерпретация В. Кандинским своего абстрактного полотна («Композиция 6») превращается в сюжетное, ассоциативно разветвленное описание, заканчивающееся символическим умозаключением. При чтении такого «наполненного страстями» текста трудно представить, что весь описанный в нем событийный и эмоционально-чувственный ряд касается

всего лишь формы – «бессмысленного» своеобразного орнамента из красок, линий и форм:

«...Чтобы смягчить слишком драматическое воздействие линий, т. е. скрыть назойливо звучащий драматический элемент (надеть ему намордник), я позволил разыгаться целой фуге розовых пятен... Они облачают великое смятение в великое спокойствие и придают всему событию объективность. Глубокие коричневые формы вносят уплотненную и абстрактную ноту, которая напоминает об элементе безнадежности. Зеленый и желтый оживляют это душевное состояние, придавая ему активность... Правдивая, объективно совершающаяся катастрофа есть в то же время горячая хвалебная песнь, подобная гимну нового творения, которое следует за катастрофой!» (Кандинский 1999, с.113).

В интерпретации произведения той же стилистики (В. Кандинский «Сумеречное») уже не самим художником, а специалистом-искусствоведом, наблюдается еще большая авторская избирательность – вербально передается только высший уровень восприятия, содержащий рефлексивную эстетическую оценку:

«...Картина фиксирует цепь беспорядочных ассоциаций, отражая вулканический процесс сознания, которое не в силах вести себя в определенное русло, на чем-либо задержаться. Человек не властен над собой, хаос захлестывает его. Он словно бы хочет кричать. Но это крик немоты. Внутреннее напряжение не находит «слов», не находит непосредственного выражения» (Мочалов 1983, с.301).

Однако интерпретация может фиксировать, напротив, лишь низшие уровни восприятия, если реципиент-интерпретатор по каким-либо причинам не может перейти к осмыслению целостного картинного образа и вербально демонстрирует предел восприятия на втором его этапе – предметном соотношении изображения с денотатом, узнавании визуального ряда. Такое ограниченное («примитивное») толкование изображения может быть вызвано, в частности, решением определенной литературно-художественной задачи, что встречается в интерпретациях изображенного объекта, включенного в целостное литературно-художественное повествование. Такой задачей, является, например, создание эффекта «очуждения», «остранения», при котором произведение искусства рассматривается (самим автором – лирическим героем или от лица персонажей литературного произведения) как нечто необычное, непонятное, ни на что не похожее, «странное» для восприятия. Именно эффект остранения освобождает интерпретацию от фиксации высших уровней восприятия: автор подчеркивает свое непонимание изображения, следовательно, не может сформулировать ни его семантику, ни – тем более – дать эстетическую оценку и сознательно останавливается на начальных этапах восприятия:

«Нарисовано странное: например, большое яблоко, а из него выходит много маленьких человечков, среди облаков парит Мао Цзэдун, в кирзовых сапогах и расписном халате, в руке – чайник. Все вместе называется "Конкорданс"... Или вот – яблоко, а из него выползает червяк в очках и с портфелем» (Т.Н. Толстая «Охота на мамонта») (Толстая 2001, с.246) .

«Нарисована была голая женщина, гнойно-красного цвета, точно с содранной кожей. Рот – сбоку, носа не было совсем, вместо него – треугольная дырка, голова – квадратная, и к ней приклеена тряпка – настоящая материя. Ноги, как поленья, – на шарнирах. В руке цветок... Картина называлась «Любовь» (А.Н. Толстой “Хождение по мукам”) (Толстой 1972, с.42).

Специально обозначенные названия изображений, явно не связанные с визуальным рядом, еще больше подчеркивают отчужденность изображенного. Цель таких сугубо поверхностных описаний – передача имплицитным способом в целом негативного отношения автора или героя к изображенному, не выраженного непосредственно в описании, но ощущаемого в подтексте. Отсутствие коннотативного и оценочного уровней описания способствует имплицитности личностного авторского отношения, а специфически «остраненно» выраженные низшие уровни восприятия – ироничному характеру этого отношения.

Разумеется, вербальной формой эстетических интерпретаций, имеющей определенные ограничения, не исчерпываются вся сложность и неоднозначность эстетического переживания человека в целостном многоэтапном процессе восприятия произведения изобразительного искусства, однако именно такая форма дает возможность зафиксировать наиболее существенные в том или ином случае моменты эстетического восприятия и их зависимость как от стилистики объекта, так и от вкусов, установок и целей интерпретатора.

-
- Крупник Е.П. Психологическое воздействие искусства на личность. М., 1999.
 Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962.
 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
 Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. М., 1987.
 Дмитриева Н.А. Винсент Ван Гог. Человек и художник. М., 1980.
 Кандинский В.В. О понимании искусства // Знамя. – 1999. – № 2.
 Мочалов Л.В. Пространство мира и пространство картины. М., 1983.
 Толстая Т.Н. Ночь. Сборник рассказов. М., 2001.
 Толстой А.Н. Хождение по мукам. М., 1972.
 Хофман И. Активная память. М., 1986.

О.И.Мусаева

Лексика, включающая семантический компонент «растение», в лирике М.Лермонтова

Как известно, речь индивида – средство выражения его субъективной картины мира. Это делает возможным описание картины мира писателя по результатам его речевой деятельности – по созданному им художественному тексту.

Индивидуальная модель мира автора, специфика видения им мира находит своё отражение на всех уровнях иерархически организованной структуры текста и обуславливает отбор именно таких элементов, в которых наиболее полно отражается авторское понимание действительности и прагматические установки текста.

Наиболее важные для писателя образы выражаются лексемами, которые можно назвать ключевыми. Анализ показал, что в лирике М.Ю.Лермонтова к их числу относятся и лексемы, включающие семантический компонент “растение”.

Путём сплошной выборки в лирике М.Ю.Лермонтова было выделено 68 единиц, из них 32 существительных, 9 прилагательных, 6 причастий, 2 деепричастия и 19 глаголов. Среди них можно выделить следующие семантические группы:

1. Лексемы, называющие части растений.

а) корень:

Находишь корень мук в себе самом ...

(1831-го июня 11 дня. С. 145*)

В данном случае «корень» означает начало, источник мук. М.Ю.Лермонтов изменяет устоявшееся выражение «корень зла (бед)».

Но я в любви моей закоренел.

(К другу. 1831. С. 77)

«Закоренел» – значит укрепился так, что будто бы врос в землю.

б) зерно:

Так! мысль великая хранилась

В тебе доныне, как зерно ...

(К кн. Л.Г-ой. 1831. С. 168)

«Зерно» в данном контексте – зародыш, который впоследствии даёт росток.

в) дерево, ветви, побеги:

Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа

Церкви Христовой юные вновь зеленели побеги.

(Это случилось в последние годы могучего Рима... С.360)

Образ древа Церкви Христовой идёт из Библии. Древо здесь – порождающий организм, а ветви и побеги – дети Церкви, христиане.

2. Лексема «цветок»:

Немного долголетьей человек

Цветка; в сравненье с вечностью их век

Равно ничтожен...

(1831-го июня 11 дня. С. 140)

Соотнося образы человека и цветка, М.Ю.Лермонтов подчёркивает хрупкость и кратковременность человеческой жизни.

Я эту царственную долю

Назвать бы счастьем не мог,

---

* Цитаты приводятся по изданию: М.Ю.Лермонтов. Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1969. Т.1.

Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

(Стансы. К Д*** 1831. С. 173)

Этот пример соотносится с предыдущим: поэт говорит о том, что счастье подобно цветку, оно хрупко, недолговечно и прекрасно.

Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, —
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринуждённое лобзанье ...

(К*** 1831. С. 150)

М.Ю.Лермонтов обыгрывает выражения «сорвать цветок» и «сорвать поцелуй»: поцелуй в мировосприятии поэта – нечто прекрасное, подобное цветку.

И этот звон люблю я! – он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится ...

(Кто в утро зимнее, когда валит... 1831. С. 171)

В этом стихотворении мы наблюдаем частое у М.Ю. Лермонтова соединение зрительных и акустических образов: звон и цветок объединяет в мировосприятии поэта то, что они прекрасны.

Взор без огня – без запаха цветок!

(Она была прекрасна, как мечта... 1830-1831. С. 226)

Вновь синестезия зрительных и обонятельных образов: взор без огня и цветок без запаха одинаково не могут называться прекрасными, они утрачивают в этом случае свои сущностные качества.

Есть розы, друг, и на земном пути!

(К П...ну. 1829. С. 52)

Под «розами» автор, безусловно, понимает любовь, дружбу, счастье, то есть прекрасные стороны жизни.

В следующем примере можно отметить необычное употребление лексемы «венюк»:

Мой гений сплёл себе венюк
В ущелинах кавказских скал.

(Посвящение. 1830. С. 112)

Эта ассоциативная метафора относится к тем случаям, когда сложно дать однозначную трактовку. М.Ю.Лермонтов говорит о том, что его муза нашла приют в горах Кавказа, то есть Кавказ повлиял на развитие его творчества.

3. Очень употребительны у поэта выражения с лексемой «цвет», «цвести», «цветущий».

Таков старик, под грузом тяжких лет
Ещё хранящий жизни первый цвет; ...

(Оставленная пустынь предо мной... 1830. С. 107)

Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!

(К кн. ЛГ-ой. 1831. С. 168)

...ах! Рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой душой, ...
 (Сон. 1830-1831. С. 198)

Так жизнь скучна, когда бorenья нет.
 В минувшее проникнув, различить
 В ней мало дел мы можем, в цвете лет
 Она души не будет веселить.
 (1831-го июня 11 дня. С. 144)

Я б не желал умножить в цвете жизни
 Печальную толпу твоих рабов.
 (Благодарю! 1830. С. 124)

Измученный тоскою и недугом,
 И угасая в полном цвете лет ...
 (Измученный тоскою и недугом... 1830-1831. С. 236)

Я увядаю в полном цвете!
 (Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья... 1830-1831. С. 239)
 Потом в раскаянье бесплодном
 Влачил я цепь тяжёлых лет
 И размышлением холодным
 Убил последний жизни цвет.
 (Валерик. 1841. С. 137)

И он погиб во цвете лучших дней
 (К*** (Когда твой друг с пророческой тоскою...) с. 346)
 Просит она воскресить её дочь, внезапно во цвете
 Девственной жизни умершую...
 (Это случилось в последние годы могучего Рима... С.360)

М.Ю.Лермонтов использует общезыковую метафору «во цвете лет», но индивидуализирует её: «жизни первый цвет» – молодость, свежесть, сила; «последний жизни цвет» – последнее, что оставалось: любовь, вера, надежда.

Довольно часто в лермонтовской лирике употребляется причастие «цветущий»:

Ласкаемый цветущими мечтами,
 Я тихо спал, и вдруг я пробудился...
 (Смерть. 1830-1831. С. 206)

Мне грустно потому, что я тебя люблю,
 И знаю: молодость цветущую твою
 Не пощадит молвы коварное гоненье.
 (Отчего. 1840. С. 311)

Понёс он в край святой
Цветущие ланиты ...
 (Он был в краю святом... С. 354)

В двух последних случаях мы можем рассматривать выражения «цветущая молодость» и «цветущие ланиты» как синонимы сочетания «во цвете дней». В первом же примере «цветущие мечты» – значит молодые, яркие, прекрасные.

И я паду, и хитрая вражда
 С улыбкой очернит мой недоцветший гений ...

(Не смейся над моей пророческой тоскою... 1830-1831. С. 273)

Поэт имеет в виду, что его дар не успел проявить себя в полной мере, расцвести, достигнуть высшей точки.

Важное место в поэзии М.Ю.Лермонтова занимают глаголы «цвести» и «расцветать».

Мы, дети севера, как здешние растенья,

Цветём недолго, быстро увядаем...

(Монолог. 1829. С. 79)

У мачехи в темнице

Я некогда цвела...

(Тростник. 1830-1831. С. 250)

Где цвёл наш бурный Полежаев...

(Хвала тебе, приют лентяев... С. 362)

Мир как сад

Цветёт – надев могильный свой наряд:

Поблкнувшие листья; жалок мир!

(Блистая, пробегают облака... 1831. С. 153)

...Вот луч воображенья

Сверкнул в его душе... Пред ним шумит Дунай...

И родина цветёт...

(Умиравший гладиатор. 1836. С. 261)

Глагол «цвести» может иметь прямое значение – быть в поре цветения, покрываться почками, бутонами, а может обозначать пору физического расцвета. Обратим внимание, что в этом случае речь идёт именно о физическом, а не о душевном состоянии.

Quand je te vois sourire,

Mon coeur s'épanouit,

Et je voudrais te dire,

Ce que mon coeur me dit!

(Quand je te vois sourire... С.352)

В этом примере репрезентируется ещё одно значение глагола «расцветать» – испытывать душевный подъём, светиться радостью, счастьем.

4. Часто употребляются в лирике М.Ю.Лермонтова лексемы, содержащие семантический компонент «плод».

А щёчки – полненькие сливы ...

(Портреты. 1829. С. 58)

И зреющей сливы

Румянец на щёчках пушистых ...

(М.А.Щербатовой. 1840.С. 301)

Автор соотносит щёки со сливами по цвету и округло-выпуклой форме.

Он наш; его теперь, великой жатвы семя,

Зароем мы в спасённых им стенах!

(Последнее новоселье. 1841. С. 328)

Герой стихотворения – Наполеон; в данном случае «великой жатвы семя» мы можем понимать как «следствие, результат Великой французской буржуазной революции».

Вот, друг, плоды моей небрежной музыки!

(Посвящение N.N. 1829. С. 53)

М.Ю.Лермонтов модифицирует устоявшееся выражение «плоды трудов», превращая его в «плоды музыки».

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твёрдо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.

И скоро старость приведёт
Меня к могиле – я взгляну
На жизнь – на весь ничтожный плод –
И о прошедшем вспомяну.

(Отрывок. 1829. С. 105)

Мой смех тяжёл мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты...

(Ночь («Один я в тишине ночной...») 1830. С. 133)

Эти примеры объединяет такое значение слова «плоды», как «результат, порождение чего-либо».

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.

(Дума. 1838. С. 282)

«Плодовитый» – приносящий много плодов, то есть «плодовитая мысль» – мысль, влекущая за собой результаты. Необходимо подчеркнуть, что это слово встречается в лирике М.Ю.Лермонтова всего один раз, в отличие от прилагательного «бесплодный», занимающего совершенно особое место в выражении мировосприятия поэта.

Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.

(Ответ. 1829. С. 74)

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.

(Дума. 1838. С. 282)

Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжёлых лет...

(Валерик. 1841. С. 317)

И на чужой скале, за синими морями,

Забытый, он угас один –
Один – замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской...

(Последнее новоселье. 1841. С. 327)

Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.

(Графине Ростопчиной. 1841. С. 329)

Я жду с тоской бесплодную,
Мне грустно, тяжело...

(Свиданье. 1841. С. 339)

Во всех этих примерах «бесплодный» означает «не дающий результатов, бесполезный, напрасный».

5. Встречаются и лексемы, содержащие семантический компонент «созревание».

Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?

(Журналист, читатель и писатель. 1840. С. 306)

«Зрелое» в данном случае обозначает «тщательно взвешенное, обдуманное», а также «свидетельствующее об опытности, мастерстве» произведение.

Один среди людского шума
Возрос под сенью чуждой я
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.

(Один среди людского шума... 1830. С. 85)

В переносном значении «зреть» – развиваясь, крепнуть; складываться. Аналогичное значение имеет глагол «зреть» и в следующем примере:

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моём уме...

(1831-го июня 11 дня. С. 145)

6. Лексемы с семантикой роста.

Я чувствую – судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений ...

(Унылый колокола звон... 1830-1831. С. 215)

Один среди людского шума
Возрос под сенью чуждой я...

(Один среди людского шума... 1830. С. 85)

Приведённые лексемы имеют разное значение. В первом случае – «во мне возросший деятельный гений» – причастие имеет значение «в результате жизненного процесса увеличившийся», а во втором – «я возрос» – глагол означает «проводить где-либо в каких-либо условиях своё детство, ранние годы».

7. Очень распространены в лирике М.Ю.Лермонтова лексемы с семантикой увядания.

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной...

(Сонет. 1830-1831. С. 239)

Метафора «увядшие мечты» – антитеза метафоре «цветущие мечты», то есть это мечты тусклые, утеравшие свою привлекательность, «состарившиеся».

Деепричастия, связанные с растительным миром, весьма редки в поэзии М.Ю.Лермонтова. Собственно, это одно деепричастие (с семантикой увядания) с разными оттенками значения:

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая ...

(Грузинская песня. 1829. С. 75)

В дымной сакле, землёй иль сухим тростником покровенной, таятся их жёны и девы, и чистят оружие, и шьют серебром – в тишине увядая душою – желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.

(Воздух там чист, как молитва ребёнка... (стихотворение в прозе) 1830-1831. С. 234)

В первом случае имеется в виду физическое увядание, во втором – душевное.

Я мучусь, если мысль ко мне придёт,
Что и тебя несчастье убьёт,
Что некогда с ланит и с уст твоих мечта
Как дым слетит, завянет красота.

(Прости, мой друг!.. как призрак я лечу... 1830. С. 103)

Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть, что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?

(К Нэере. 1831. С. 179)

Мы, дети севера, как здешние растения,
Цветём недолго, быстро увядаем...

(Монолог. 1829. С. 79)

Если сердце жить устанет,
И душа твоя увянет,
В дальней стороне
Вспомни обо мне.

(Романс. 1830-1831. С. 238)

Я увядаю в полном цвете!

(Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья... 1830-1831. С. 239)

Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишённый сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

(Гляжу на будущность с боязнью... 1838. С. 278)

Мотив увядания очень важен для поэта. Следует отметить, что в ранней лирике он связан с физической красотой, в поздней – передаёт процессы, происходящие в душе и в сердце.

8. Особняком стоит глагол «зеленеть», по своему значению смыкающийся с глаголом «цвести»:

Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа

Церкви Христовой юные вновь зеленели побеги.

(Это случилось в последние годы могучего Рима... С. 360)

«Зеленеть» – покрываться растительностью, порастать новыми почками, бутонами.

Следует заметить, что у М.Ю.Лермонтова многие значения слов приобретают новые компоненты смысла, дополнительные коннотации.

Некоторые стихотворения представляют собой развёрнутые метафоры, основанные на сопоставлении растительного мира и человека («Три пальмы», «На севере диком растёт одиноко...», «Листок»).

Анализ показал, что среди существительных, объединённых семантическим компонентом «растение», наиболее распространёнными являются «цветок», «цвет» и «плоды».

Образ цветка появляется лишь в ранней лирике и символизирует счастье, любовь, поцелуй, мелодию – нечто невыразимо прекрасное, но недолговечное; это символ краткости и быстротечности человеческой жизни.

Выражение «во цвете жизни / лет / дней» чаще употребляется в раннем периоде творчества, в более поздней лирике поэт вводит новые элементы в уже устоявшееся выражение.

Сквозным образом лермонтовской лирики является образ плода, созревшего раньше времени. Это символ лирического героя и всего поколения 30-х гг XIX в. Этот образ проходит через многие стихотворения: «Он был рождён для счастья, для надежд...», «Моё грядущее в тумане...», «Гляжу на будущность с боязною...», «Дума»; с его помощью М.Ю.Лермонтов передаёт муки человека, опередившего своё время и не находящего понимания у современников.

Наиболее частотное среди прилагательных – «бесплодный», оно характерно для поздней лирики поэта. С течением времени употребление этого прилагательного становится всё более активным, в стихотворениях 1840-1841 гг. оно встречается чрезвычайно часто. Видимо, поэт, стремясь к идеалу, ясно осознавал невозможность его достижения, но продолжал бороться – зная безрезультатность, *бесплодность* этой борьбы.

Говоря о сфере глагола (сюда входят и особые формы глагола – причастие и деепричастие), необходимо отметить, что наиболее распространёнными являются лексемы, несущие семантические компоненты цветения и увядания. Мотив цветения чаще употребляется в ранней лирике и почти всегда обозначает физический расцвет. Мотив увядания очень важен для М.Ю.Лермонтова. В поэзии происходит эволюция образа: от увядания физической красоты в ранней лирике к увяданию души и сердца в позднем творчестве. Так передаётся мысль о том, что бездействие превращает познание в тяжкое бремя, преждевременно старит человека.

Таким образом, лексика, включающая семантический компонент «растение», играет важную роль в передаче художественного мировосприятия поэта, формировании его индивидуально-авторской картины мира.

О.Н.Чарыкова

Окказиональная сочетаемость в художественном тексте как средство репрезентации индивидуально-авторской картины мира

В художественном тексте наряду с узуальной сочетаемостью слова может проявляться его окказиональная сочетаемость. Окказиональность есть известная степень незаданности речевого факта системой языка, что создает определенную степень неожиданности такого факта для языковой системы. Расширение сочетательных возможностей лексических единиц в контексте представляет собой одно из средств создания образности.

В качестве примера можно рассмотреть объектную лексическую сочетаемость нескольких глаголов. Глагол *ломать* – *сломать* имеет следующий состав сем – «каузировать не быть, нарушая конструктивную организацию, тела с твердой структурой; сгибать, нажимать, действуя двумя или несколькими разнонаправленными силами». Количество существительных, вступающих в языке в сочетания с данным глаголом велико, и они могут принадлежать к различным ЛСГ. Так, можно ломать различные инструменты, орудия (лопату, сверло, нож, лезвие, карандаш, перо и т. д.), растения и их части (дерево, ветка), части тела (нога, рука, шея, спина), строения (дом, сарай), механизмы (веялки, молотилки), мебель (стул, стол, сундук). В подобных сочетаниях глагол употребляется в первичном денотативном значении. Системными являются и некоторые сочетания, в которых рассматриваемый глагол имеет значение «резко, круто изменять» и выступает в статусе семемы К 1 (ломать привычки, характер и т. д.). Однако на этом фоне как окказиональные воспринимаются такие сочетания:

Девочка рассказывала: косогор ползет, *ломаю дорогу*... (Г. Коновалов)

В данном сочетании семема глагола утрачивает семы «тело», «разнонаправленные силы» и приобретает статус Д2, актуализируя значение «разрушать».

Дорога сломала степь напополам (В.Высоцкий).

В этом контексте утрачиваются все выше названные семы и актуализируются семантические признаки «разделить» и «резко», и семема приобретает статус Д2, но уже с иным набором сем, чем в предыдущем примере.

С чувством горечи и удивления следил Павел, как *ломается*, казалось, так крепко *сколоченная дружба* (Н. Островский).

В этом примере окказиональным является и употребление причастия от глагола *сколотить*, который имеет производно-номинативное значение

«изготовить, прибывая что-либо к чему-либо, соединяя части гвоздями, шипами». В сочетании *сколотить дружбу* утрачиваются семантические компоненты «прибывая что-либо к чему-либо» и «соединяя части гвоздями, шипами», но актуализируются потенциальные семы «прочность» и «постепенность», которые наряду с семой «созидание» обуславливают трансформацию семемы в первичную коннотативную. Поэтому вполне оправданным становится употребление в данном сочетании антонимичного глагола *сколотить* глагола *ломать* в семемном статусе K1.

Обычное спокойствие покинуло его. *Ломая* в себе внезапно вернувшееся чувство боязни, он говорил Чубатому... (М. Шолохов)

Аким отказывался. - Мы не можем *ломать* решения. Пойми же, Павлуша, что это для тебя лучше (Н. Островский).

Сломан обычный, привычный *порядок* жизни... (А. Чаковский)

В приведенных примерах в глаголе актуализируются семы «разрушение» и «усилие», остальные утрачиваются, что обуславливает переход семемы в статус K1.

Прозрачная весна над черною Невой

Сломалась, воск бессмертья тает.

О, если ты звезда, - Петрополь, город твой,

Твой брат, Петрополь, умирает! (О. Мандельштам)

В этом контексте посредством необычного сочетания передается образная картина: прозрачный весенний воздух над темной водой Невы утрачивает свою прозрачность, приобретая темный цвет, и как бы сдвигается, изменяя очертания, что вызывает ассоциацию с нарушением целостности, переломом.

Сема «нарушение целостности» актуализируется и в таких примерах:

Удары молнии сквозь слезы

Ломали небо на куски (Н. Заболоцкий).

Он (пролетарий) шел, скрепив периферию,

И *ветр ломался* вокруг него (Н. Заболоцкий).

И только

Когда

Над пачкой соломинок

В коне заговорила привычка древняя,

Толпа сорвалась, криком сломана... (В. Маяковский)

Кроме того, в данном контексте актуализируются семы «изменение формы» и «резко, внезапно», что позволяет создать у читателя наглядное образное представление ситуации.

Сема «изменение формы» актуализируется и в таких контекстах:

И горечь, и жалость, и ветер ночей, холодный, как рыба кровь,

Осенним свинцом наливают зрачок, *ломают* тугую *бровь* (В. Луговской).

Сколько раз она (гроза) меня ловила,

Сколько раз, сверкая серебром,

Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром! (Н. Заболоцкий)

Несколько иначе происходит трансформация семемы в другом примере этого автора:

Мне верить хочется, что *сердце* не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг! (Н. Заболоцкий)

Здесь актуализируется компонент «отрицательное воздействие, вред».

«Именем Советской власти!» -
В этот грохот он (матрос) кричит.
«Именем...»

И прям и светел,
С бомбой падает в века.

Мир ломается (А. Прокофьев).

Представляется, что в данном сочетании в семантической структуре глагола на первое место выходят семантические компоненты «изменяться» и «резко».

Таким образом, окказиональное употребление данного глагола разными художниками слова и в разных контекстах показывает, насколько мобильна его семантическая структура, насколько многослоен репрезентируемый им концепт, как отличается соотношение национальных и индивидуальные признаков данного концепта в концептосферах разных авторов.

Глагол *разбить*, подобно глаголу *ломать*, тоже, как правило, сочетается с существительными, называющими твердые предметы из камня (кирпич, дом), металла (чугунок, пушка, оружие, грузовик, танк, самолет, паровоз), дерева (бочка, рамка для картины, весло, доска, лодка) и относящиеся к самым разным ЛСГ. Кроме того, данный глагол в системе языка может вступать в сочетания с существительными, называющими объекты, наделенные признаком хрупкости (стекло, окно, лампа, бутылка, градусник, графин, чашка, бутылка, ваза, алмаз, лед и т. д.). Во всех подобных сочетаниях глагол употребляется в первичном денотативном значении и в его семантической структуре существенную роль играют дифференциальные смыс-конкретизаторы: «посредством удара, о твердый предмет, расчленив, твердое целое, на части». Данный глагол в системе языка может выступать и в других семемных статусах – Д2 (разбить армию) и К1 (разбить надежды, счастье). В художественном тексте встречаются не отмеченные в словаре, а следовательно, несистемные сочетания рассматриваемого глагола.

Вот чтобы *разбить* эту страшную *совокупность фактов...*, я и взялся защищать это дело (Ф. И. Достоевский).

...сторонний наблюдатель начинал думать, что хорошо бы ударить со всей силой, *разбить* вдребезги это застывшее *очарование* (А. Н. Толстой).

Токарев *разбил молчание* гортанным перехватом баса... (Н. Островский)

В приведенных примерах окказиональной сочетаемости глагол утрачивает дифференциальные смыс-конкретизаторы, в его семной структуре на первое

место выходит архисема «уничтожить» и потенциальная сема «трудность», которая приобретает статус дифференциальной, что и обуславливает трансформацию семемы в К1.

Несколько иначе происходит трансформация семантической структуры глагола в следующем примере:

То *хрупкое лето* волною *разбито*.

И море остыло. И гавань размыта (В. Коробов).

Семема сохраняет архисему «каузировать не быть» и актуализирует потенциальную сему «легкость», которая указывает на отсутствие усилий при совершении процесса.

Ветры сникли, *разбились* и замерли... (В. Высоцкий)

В данном примере актуализирована сема «разделение».

Довольно: не жди, не надейся –

Рассейся, мой бедный народ!

В пространство пади и *разбейся*

За годом *мучительный год* (А. Белый).

Контекст репрезентирует значение «прекратить существование, исчезнуть», при этом семема трансформируется в первичную коннотативную.

Таким образом, окказиональная сочетаемость данного глагола обуславливает такие модификации его семантической структуры, которые служат цели наиболее адекватного отражения индивидуального мировосприятия каждого из авторов приведенных текстов.

Глагол *сокрушать* – *сокрушить* имеет значение «разрушать, разбивать, ломать», подчеркивая интенсивность действия, и используется как более экспрессивный синоним названных единиц. В качестве необычных сочетаний этого глагола в рамках анализируемого материала были отмечены следующие:

Идеология, которую нам предстоит *сокрушить*, вырвать с корнем, уничтожить бесследно, не просто витает в воздухе... (А. Чаковский)

Третий воскликнул: «Братя,

Сокрушим нашу *ветхую душу*!

Лишь новому меху дано

Вместить молодое вино!» (В. Брюсов)

В данных сочетаниях глагол содержит в своей семной структуре только два семантических компонента: «уничтожить» и «интенсивность», выступая в статусе семемы К1.

Глагол *рушить* в русском языке имеет первичное денотативное значение «ломаю, разрушаю, валю на землю», первичное коннотативное – «уничтожать, приводить в полное расстройство, разваливать». Модификация семемы К1 данного глагола обусловила возможность следующих несистемных сочетаний:

Такие испытания не каждый может перенести спокойно. В них *рушится* человеческая *слава*, исчезает влияние... (А. С. Макаренко)

А в это время в кабинете надрываются телефоны, *рушатся* назначенные *рандеву*... (И. Ильф, Е. Петров)

В данных контекстах, кроме архисемы «уничтожить», актуализируются

потенциальные семантические признаки «быстро, резко, окончательно».

Как все, пойму, умру, убью,

Как все - *себя разрушу*...(З.Гиппиус)

Контекст, актуализируя в семантической структуре глагола, кроме архисемы «каузировать не быть», семантический признак «нарушение цельности» передает значение «уничтожить себя как личность».

Глагол *рвать* с различными приставками чаще всего вступает в сочетания с существительными, объединенными тематическими признаками «мягкий», «тонкий» (письмо, бумага, ордер, рубашка, парус, кружево, тело человека и животного), выступая в этих сочетаниях в статусе семемы Д1. В значении «разъединить что-либо соединенное, сомкнутое» данный глагол употребляется с существительными круг, кольцо, цепь, узы, пути и т. д. Часто подобные сочетания имеют переносное значение, поскольку в качестве их референта выступает тот или иной вид отношений. Нетрадиционными представляются следующие сочетания данного глагола:

С утра сильный ветер *разорвал* дождевые *облака*... (А. Н. Толстой)

Река, ломая зимний лед,

Зальет крутые берега.

Чтоб стали пышными луга,

Весна порвала водомет (К. Бальмонт)

У ног моих шуршит *разорванная влага*,

Струится в воздухе громада Карадага (В. Рождественский).

Лечу, *разрывая* пальцами *воздух*,

И все не могу упасть (А. Сурков).

Я – где крик петушиный

На заре по росе;

Я – где ваши машины

Воздух рвут на шоссе; (А. Твардовский)

Я хочу *порвать лазурь*

Успокоенных мечтаний (К. Бальмонт).

Разорву эту *ложь*, связывающую меня, чего бы это мне ни стоило...(А. Н. Толстой)

Во всех этих сочетаниях глагол утрачивает конкретные семы «растягивать, действуя двумя или несколькими разнонаправленными силами». И если в сочетании с существительными *облака*, *водомет*, *влага*, *воздух* сохраняется сема «разделить» и семему глагола можно рассматривать как вторичную денотативную, в двух других примерах этот семантический компонент тоже утрачивается и семема включает только архисему «уничтожить» и актуализованные потенциальные семы «резко», «решительно» и приобретает статус К1.

Аналогичный процесс происходит и с семантической структурой глагола *разодрать* – экспрессивного синонима предыдущей лексемы в следующих контекстах:

Ракета *раздира*ла небосвод,
Клинообразной птицей трепетала,
Полк – острями выстрелов вперед –
Был брошен в бой свечением сигнала (С. Поделков).

В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри *разодран* он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разявшихся времен (М. Волошин).

Это образное сочетание очень ярко передает трагизм сомнений, трагизм внутренней борьбы в душе человека, посетившего «сей мир в его минуты роковые».

Интересно и употребление рассматриваемого глагола с другой приставкой:
С неба, *изодранного* о штыков жала,
Слезы звезд просеивались, как мука в сите... (В. Маяковский)

Поэт описывает ситуацию объявления войны, и воинственный пыл толпы так воздействует на его мировосприятие: небосвод ассоциируется с куском ткани, через многочисленные отверстия которого, словно проколотые штыками, проходит свет звезд.

Глагол *взорвать* имеет значение «разрушить взрывом» и сочетается с существительными, называющими такие объекты, как строения (завод, электростанция, школа), населенные пункты (город, село), защитно-оборонительные сооружения (дзот, блиндаж), переправы, дороги, средства передвижения, людей. Несистемными являются следующие сочетания с данным глаголом:

Такие испытания не каждый может перенести спокойно. В них... исчезает влияние, *взрывается авторитет*, уничтожаются пучки годами добытых связей (А. С. Макаренко).

Скуку *взорвал* неожиданно нео-позный мотив (И. Северянин).

В этих контекстах глагол утрачивает семантический компонент «при помощи взрывчатых веществ», а его семема помимо архисемы «уничтожить» включает актуализированные потенциальные семы «резко», «быстро», «неожиданно» и приобретает статус К1.

А завтра
Блаженный
Стропила соборовы
Тщетно возносит, пощаду моля –
Твоих шестидюймовок тупорылые боровы
Взрывают тысячелетия Кремля (В. Маяковский).

В данном контексте речь идет об уничтожении революцией культурных ценностей, воплощением которых являются такие исторические памятники, как Кремль и собор Василия Блаженного.

Глагол *раздавить* имеет значение «надавив или сжав, сломать, смять»,

расплющить». Системной является сочетаемость данного глагола с существительными, называющими людей, животных, насекомых, некоторые неодушевленные объекты (например, шхуну раздавило льдами). Во всех подобных сочетаниях названный глагол употребляется в первичном денотативном значении. Нестандартной является сочетаемость данной лексемы в следующем примере:

Надо ... *раздавить* *косность*, внушить чувство своей правоты и повести за собой (М. Шолохов).

Семема рассматриваемого глагола претерпевает в приведенном контексте следующие изменения: утрачиваются дифференциальные смыско-конкретизаторы, и на первый план, кроме архисемы «уничтожить», выходит потенциальная сема «усилие», что обуславливает трансформацию семемы в К1.

Близка по значению данному глаголу лексема *расплющить*, представленная в таком контексте:

Нет, не *расплющить* нашей *любви*

Даже и времени колесу! (И. Сельвинский)

Необычными представляются и некоторые сочетания с существительными близкого по семантике предыдущим глагола *растоптать*, который имеет значение «топча, раздавить, разрушить, уничтожить».

Пусть найдут в законах трибуналов

Те параграфы и те *года*,

Что в земной дороге *растоптала*

Дней моих разгульная орда (Н. Тихонов).

Не этой песней старой

Растоптанного дня

Интимная гитара

Ты трогаешь меня (И. Уткин).

В приведенных примерах глагол утрачивает конкретные семы и на первый план выходит интегральная сема «каузировать не быть» и потенциальные семантические компоненты «грубо, низко, издевательски».

Интересны примеры с глаголом *растрелять*, основное значение которого - «убить выстрелами из огнестрельного оружия». Поэтому окказиональным является следующее сочетание:

И к утру *растреляли* свободное горное эхо,

И брызнули камни, как слезы из глаз (В. Высоцкий).

Выстрелы нарушили тишину и заглушили все естественные звуки. Посредством необычной сочетаемости эта ситуация так репрезентирована поэтом в стихотворении, что передает всю силу его боли и гнева, страстное неприятие войны и не может оставить читателя равнодушным, вызывая у него адекватные эмоции.

Особая эмоциональность и экспрессивность достигается при помощи окказиональной сочетаемости и в следующем контексте этого автора:

Поэты ходят пятками по лезвию ножа

И *режут в кровь свои босые души* (В. Высоцкий).

Здесь актуализируются семантические компоненты «боль», «страдание». Эти же семы актуализованы в такой его строчке:

И *ужас режет души* пополам...

Интересно употребление глагола *резать* и в примерах из других поэтов:

Локти *резали ветер*, за полем - лог,

Человек добежал, почернел, лег (Н. Тихонов).

Солнечной ласточкой *резать лазурь*,

Прыгать дельфином – товарищем бурь (В. Рождественский).

В данных контекстах актуализируется дифференциальная сема «разделить» и потенциальная сема «усилие».

Почти такой же набор сем и в следующем примере из этого поэта:

Плечом взрезаю синь, безумствуя на воле

В прозрачной, ледяной, зеленоватой соли.

Представляется, что, кроме выше названных, актуализованы семы «резко, энергично».

Во многих глаголах уничтожения, указывающих на способ действия, содержится сема «инструмент». Так, можно следующим образом определить семантическую структуру глагола *рубить*: «с размаху ударять острым инструментом по объекту, возможно, деля объект на части». Данный глагол довольно часто сочетается с существительными, называющими людей (пленные, красноармейцы, казаки), группу древесных растений, расположенных на одной территории (лес, сад, роща, виноградник), другие группы существительных, объединенные признаком «из дерева». На фоне системной сочетаемости чрезвычайно интересным представляется следующее употребление этого глагола:

И ассонансы, точно сабли,

Рубили рифму горяча! (И. Северянин)

Ассонанс – созвучие гласных звуков в рифме рассматривается в этом стихотворении как признак новизны в системе стихосложения, нарушение традиционных способов рифмовки.

Рассмотренные примеры наглядно свидетельствуют о том, что нестандартную сочетаемость следует рассматривать как одно из свойств художественного текста. Поскольку в процессе порождения художественной речи осуществляется и коммуникативная и эстетическая функция языка, представляется совершенно бесспорным, что в художественном тексте синтагматические отношения обусловлены закономерностями формирования целостного речевого единства, направленного на реализацию авторского замысла и обеспечения соответствующего этому замыслу воздействия на получателя информации.

В художественном тексте совмещаются две тенденции: с одной стороны – стремление к понятности, а следовательно, к регулярности используемых средств, что проявляется в узальном словоупотреблении и узальной сочетаемости (так осуществляется коммуникативная функция), с другой – к выразительности, образности (так осуществляются эстетическая и прагматическая функции языка).

Если узальная сочетаемость репрезентирует общенациональную когнитивную структуру, то окказиональная — индивидуально-авторскую, которая возникает вследствие *специфического* соотнесения национальных концептов, результатом которого становится *специфическая* организация концептуальных признаков данной когнитивной структуры. Посредством индивидуальных концептов и индивидуального характера их соотнесения автор выражает *уникальный* взгляд на репрезентируемую в художественном тексте ситуацию. Частотность индивидуальных сочетаний, их функциональная нагрузка обуславливают своеобразие идиостиля и отражают специфику индивидуальной картины мира художника слова.

Раздел 6.

Язык и национальный менталитет

Ю.Т.Листрова-Правда

Об одном способе представления национального менталитета персонажей-иностранцев в русской художественной литературе

Термин *менталитет* (*ментальность*) в научной литературе, как известно, стал употребляться в 90-ые годы XX века. Появились его определения в ряде изданий, например, в статье В.В.Колесова «Ментальные характеристики русского слова // Язык и этнический менталитет», Петрозаводск, 1995; в Большом толковом словаре русского языка, СПб., 2001; в Толковом словаре русского языка конца XX в., СПб., 1998, и в других работах. Однако эти определения не во всем совпадают, содержат подчас противоречивые моменты, что подчеркивает расплывчатость, нечеткость понятия *менталитет*.

Однако то, что пытаются в настоящее время в лингвокогнитологии подвести под понятие *менталитет*, т.е. под «способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей» (Попова, Стернин 2002, с.8), уже в XVII в. выявляли и изучали характерологи, а в XIX в. русские писатели-классики искали способы представлять в своих художественных произведениях при характеристике персонажей-иностранцев.

В.Г.Белинский считал, что «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи» (Белинский 1948, с.400). «Манеру понимать вещи» иностранцами многие русские писатели в своих произведениях передавали разными

способами, и среди них определенное место отводилось некоторым типам так называемой ломаной русской речи, под которой обычно понимают русскую речь (слова, словосочетания, предложения или более крупные отрезки текста), построенную по законам какого-либо иностранного языка, то есть являющуюся следствием фонетической, грамматической, словообразовательной или семантической межъязыковой интерференции.

Русские писатели XVIII в. И.А.Крылов, Д.И.Фонвизин и др. чаще всего использовали в своих комедиях явления фонетической и грамматической интерференции родного языка персонажа-иностранца в русской речи в целях создания комического эффекта (Листрова 1979, с.62-65).

Иное наблюдаем у А.С.Пушкина. Он почти совсем отказался от внешнего копирования «ломаной» русской речи персонажей-иностранцев и стал с помощью явлений семантической и грамматической интерференции передавать именно их национальную «манеру понимать вещи». Например, в «Капитанской дочке» в речь немца он ввел фразу: *но покамест надобно взять терпение...* (вм.: надо набраться терпения), в «Гробовщике»: *завтра праздную мою свадьбу* (вм.: свою свадьбу, так как в немецком языке возвратно-притяжательного местоимения нет). Великий русский писатель тонко подметил и использовал в «Капитанской дочке» характерное для иностранцев незнание многих русских фразеологизмов и пословиц. Читая письмо отца Гринев, Андрей Карлович не мог догадаться, что значит выражение *держать в ежовых рукавицах*, но понял хитрость Гринева. При характеристике речи генерала Андрея Карловича автор использует и единичные немецкие вкрапления (*О, этот Швабрин превеликий Schelm...*), и отдельные немецко-русские фонетические и грамматические явления, характерные для «ломаной» речи немцев: *поже мой, тавно ли, фремя, серемони, стары проказ, ешовы рукавиц, русска поговорк*), но они вводятся в речь генерала лишь при первом его появлении в повести, как «сигналы» ломаной речи, в дальнейшем его речь чисто русская.

Немецкий менталитет Андрея Карловича подчеркивает Пушкин и другими способами. Так, Гринев сделал наблюдение: *Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царила за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за холостого трапезю был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон*.

Ментальность немецкого генерала охарактеризована, как видим, в соответствии со сложившимся в русской среде стереотипом. Принципы отбора элементов «ломаной» речи для передачи «манеры понимать вещи» персонажей-иностранцев, разработанные Пушкиным, получили дальнейшее развитие в русской литературе. Их бережно реализовали и развили в своем творчестве И.С.Тургенев, Н.В.Гоголь, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой. Но в то же время Пушкин остался непревзойденным в своем «необыкновенном искусстве немногими чертами означать весь предмет» (Белинский 1948, с.400). Широко использует «ломаную» речь, характерную для немцев, и И.С.Тургенев, привлекая для этого явления фонетической, грамматической, семантической и словообразовательной интерференции немецкого языка: *Как это сказать, рибить, фи понимайт, рибить, то ись риб брать. Фи любит*

риб? («Месяц в деревне»); Я, конечно, первая открыла ващу привычку носить деньги на вашем желудке... И имела неосторожность немножко сказать об этом!.. Я имею дурную нравственность... всегда буду вам желать всего хорошего на земном шаре («История капитана Ергернова»).

Ни у кого из русских писателей, пожалуй, нет такого количества персонажей-немцев, как у Тургенева. Они не играют большой роли в его произведениях, но важны для раскрытия русского национального характера главных героев – русских персонажей. Так, управляющий фон-дер-Кок («Смерть») приоткрывает наиболее существенное в образе Ардалиона Михайловича – бесхозяйственность, безалаберность. Разве не нелепость – иметь девятнадцатилетнего, видимо, неопытного управляющего, который все время читает, даже на охоте, «присев под кустик»? В последний период своего творчества Тургенев использовал преимущественно семантические, словообразовательные и лексико-синтаксические русско-немецкие вкрапления, передающие национальный склад мыслей персонажей-немцев.

Своим же русским персонажам Тургенев непроизвольно передавал и свое знание иностранных языков и зарубежной литературы, и свои суждения о представителях европейских стран, например: «русский человек охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком, но немцы... любопытный народец, и поучиться у них готов («Хорь и Калиныч»).

К концу XIX в. на территории России проживали свыше 1 млн. немцев-врачей, аптекарей, инженеров, булочников, ремесленников и др., поэтому в творчестве русских писателей-реалистов персонажи-немцы представлены довольно широко. Н.В.Гоголь в «Невском проспекте», например, пояснил, что в Петербурге «все или чиновники, или купцы, или мастеровые немцы», добавив при этом: «старые коллежские регистраторы, титулярные и надворные советники большей частью сидят дома, или потому, что это народ женатый, или потому, что им очень хорошо готовят кушанья живущие у них в домах кухарки-немки».

С одним из представителей петербургских мастеровых немцев и знакомит читателей Гоголь: «Шиллер был совершенный немец в полном смысле этого слова. Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в котором русский живет на фуфу, уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого, ни в коем случае, не делал исключения». Характер Шиллера показывается при столкновении его с русским поручиком Пироговым, намеревающимся поухаживать за женой немца. Диалог Пирогова и Шиллера проходит на повышенных нотах. Гоголь вводит в русскую речь немца и элементы контаминированной русско-немецкой речи, представляющие собой явления межъязыковой и внутриязыковой интерференции: «О, я не хочу иметь роги!.. Я восемь лет живу в Петербурге, у меня в Швабии мать моя, и дядя мой в Нюрнберге, я немец, а не розатая говядина. Прочь с него все, мой друг, Гофман! держи его за руку и нога, камрад мой Кунц».

Рисуя довольно убедительно образ ремесленника-немца, в своем психологизме идя за Пушкиным (вспомним генерала Андрея Карловича), Гоголь, однако, наделяет характер Шиллера более жесткими чертами, следуя

опять-таки за стереотипом, сложившимся у русских относительно ментальности немцев.

Много персонажей-немцев и в художественных произведениях Ф.М.Достоевского. При их характеристике автор использует различные типы немецких вкраплений, а также так называемую макароническую речь, в которую им включаются немецкие частичные вкрапления, оформленные средствами русской графики (*фатер аус Берлин, ипацирен, мутер, мейн гроссфатер, мейн зон, швернот, талант, вас фюр ейне гешихте* и др.), и элементы «ломаной» русской речи, представляющие собой результат фонетической, грамматической и словообразовательной межязыковой и внутриязыковой интерференции (*велики талант, умна шелоовек, молоды девиц, без хлеб, в больниц, за квартир, взирайт, сделайт, не пускайт, будет ходиль, буду просиль, известен ко двору, не мереваль* (не намерен) и др.). Достоевский ввел в русскую речь персонажей-немцев и явления интерференции немецкого языка в области порядка слов (*и вас строго наказать за это будут, ви это совершенно не смеет со мной сделать* и др.), а также явления межязыковой и внутриязыковой лексико-семантической и грамматической интерференции (*сизжу с белою (седою) головою; прилежно не взирайт; выпейте одну рюмку кароши коньяк; пейте, пожалуйста; я хочу всю невинность сохранить; я поднял мой палец* и др.). Писатель в речь доктора Герценштубе («Братья Карамазовы») ввел русский фразеологизм «ум хорошо, а два лучше», который доктор конкретизировал, «заземлил», переделал на свой (немецкий) лад: *«Если есть у кого один ум, то это хорошо, а если придет в гости еще умный человек, то будет еще лучше, и тогда будет два ума, а не один только»*.

Мнение Достоевского о немецком характере пережило интереснейшую эволюцию. «От резких осуждений и сатирических выпадов он пришел под конец своей жизни к самым сочувственным и хвалебным оценкам этого народа» (Гросман 1926, с.211). 70-ые годы (когда был написан роман «Братья Карамазовы») – это «эпоха постепенного примирения Достоевского с Германией, и даже, несомненно, преклонение перед ней» (Гросман 1926, с.213). И это нашло отражение в том, как писатель изображал немцев в разные периоды своего творчества.

Так, в первый период Достоевский при создании «ломаной» речи немцев ориентировался на бытовавшие в то время анекдоты, то есть использовал те же явления подлинной русской речи немцев, которые у русского человека вызывали отвращение из-за «сладкозвучия». Особенно ярко это проявилось в «Крокодиле» и «Преступлении и наказании». Так, Амалия Людвиговна («Преступление и наказание») рассказывает, что ее *«фатер аус Берлин буль очень, очень важны шелоовек и все руки по карман ходиль»* и *«все делал этак: пуф, пуф»*, на что Екатерина Ивановна заметила Родиону Раскольникову: *«... хотела сказать: носил руки в карманах, а вышло, что он по карманам лазил»...*

В «Братьях Карамазовых» же Достоевский рисует образ привлекательного доктора Герценштубе, который лечил бедняков бесплатно и которого все любили. Он выступил на суде в защиту Дмитрия Карамазова. В его речи нет элементов «ломаной» речи, которые бы намеренно вызывали отвращение

читателей, в нее введены автором главным образом явления лексико-семантической межязыковой интерференции, а также ошибки в толковании русских пословиц и однообразие лексического состава речи (скрытая интерференция). Таким образом, эволюция взглядов Достоевского наложила свой отпечаток на изображение персонажей-немцев.

Однако крайне утрированное воспроизведение их «ломаной» русской речи в ряде произведений является не столько проявлением славянофильства Достоевского, сколько особенностью поэтики писателя, ориентировавшегося, в отличие от Тургенева, Герцена и других русских писателей, не на речь наиболее образованных русских людей своего времени и не на их отношение к немецкому языку, а на речевые стереотипы той среды, которую он преимущественно изображал (мелких чиновников, мещан, обедневших дворян, городское «дно»), которые тоже существовали в русском обществе, отличаясь от стереотипов, характерных для наиболее передовых и культурных его слоев.

Наиболее полно намеченные Пушкиным художественные функции «ломаной» речи иностранцев развил и обогатил Л.Толстой. Уже в первой своей трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» прекрасное знание немецкого языка и «ломаной» русской речи немцев дало возможность писателю с помощью мастерски построенного дословного перевода на русский язык «истории», рассказанной учителем Карлом Ивановичем, проникнуть в его внутренний мир, раскрыть (вместе с сюжетными коллизиями) диалектику его души. Элементы «ломаной» русской речи, с помощью которых Карл Иванович поясняет свою «историю», рассказываемую по-немецки, дают читателю зримое представление о «манере понимать вещи», свойственной немцам и отраженной в их родном языке. При этом немецкий акцент Л.Толстой использовал всего 11 раз, в основном в начале «истории»: *«Я был нешаслив ишо во чрева моей матери...»* Толстой ввел в «ломаную» речь учителя наиболее типичные для немцев явления грамматической и семантической интерференции: *пригнул в вода, упал на рука, два талер, из задня дверью, влезал на другой сторона и пустил* (вм. пустился бежать со всех ног), *пожал его за руку* и др.

В романе «Война и мир» также мастерски используется автором «ломаная» русская речь при характеристике персонажей-немцев. Например, полковник Карл Богданович Шуберт трижды появляется в романе. Первый раз он в споре с Шиншиным высказывает свои верноподданические чувства к русскому императору и готовность драться «до послэднэ капли кров». Л.Толстой включал в его речь многочисленные однотипные нарушения фонетических норм русского языка (*затэм, государ, импэратор, смотрэт, сяютост, умэрэт, человек, говару*) и единичные нарушения грамматических норм (*тогда всэй будэт хорошо: так стары гусары судим*). Однако тот же полковник в военной обстановке в спонтанной речи допускает много нарушений правил грамматики (*этот позиций нигуда негодный, я не хочу истреблять своя полка для ваше удовольствие; есть он, однако, старше моего в чином; я вас прошу не вмешивайтесь не свое дело* и др.).

Л.Толстой разные типы иноязычных вкраплений и явления «ломаной» речи использует для индивидуализации в разной степени обрусевших

персонажей-немцев. Доктор графа Безухова говорит адъютанту на «ломаном» русском языке: *«Не пилю слушай... чтопы с третий удар жив оставался...»* - И кому пойдет это богатство? – *Окотник найдутся* – улыбаясь, отвечал немец». Берг же на всем протяжении романа говорит на чистом русском языке. Но четыре года назад в театре Берг указал товарищу-немцу на Веру Ростову и по-немецки сказал: *«Das voll mein Weib werden»*. Позднее он подумал, *«что все-таки эта милая жена его есть слабая женщина, которая не может постигнуть всего того, что составляет достоинство мужчины – ein Mann zu sein»*.

Как видим, доктор графа Безухова говорит на «ломаном» русском языке не так, как говорит полковник Карл Богданович Шуберт. А оба они говорят иначе, чем Берг. Унаследовав от Пушкина стремление к лаконизму, Л.Толстой в «Войне и мире» привлекает минимальное количество немецких вкраплений, но каждое из немецких вкраплений, а также элементы загрязненной русско-немецкой («ломаной») речи получают максимальную художественную нагрузку, выступая одновременно в нескольких планах и неся на себе все своеобразие толстовского мастерства и стиля (Листрова-Правда 1978).

Размеры статьи не позволяют рассмотреть случаи использования писателями «ломаной» русской речи в русской художественной литературе XX века и проследить, насколько соответствует она подлинной «ломаной» речи представителей тех или других народов. Что же касается приведенных выше материалов, то он свидетельствует о том, что русские писатели-классики, как правило, использовали «ломаную» русскую речь немцев в точном соответствии с живой речью немцев. Различия касаются лишь количества элементов этой речи, отображенных писателями (Богородицкий 1928).

Иноязычные вкрапления в русской художественной литературе XIX в. включались в речь не только персонажей-иностранцев, но и русских персонажей, выполняя многообразные художественные функции. Элементы же «ломаной» русской речи вводились лишь в речь персонажей-иностранцев, и их основная функция – представлять «манеру понимать вещи», свойственную тем или другим иностранцам, или имитировать эту манеру, хотя эта функция нередко осложнялась и другими художественными функциями.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.
 Листрова Ю.Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX века (на материале немецких вкраплений). Воронеж, 1979.
 Белинский В.Г. Собр. соч. в 3-х т. Т.3. М., 1948.
 Гроссман Л. От Пушкина до Блока. Этюды и портреты. М., 1926.
 Листрова-Правда Ю.Т. Художественные функции немецкой речи в романе Л.Толстого «Война и мир»/ Филол.науки. –1978 - № 3.
 Богородицкий В.А. Ошибки немца в русской речи и русского в немецкой речи // Научно-педагогический сборник. Вып.4. Казань, 1928.

«Одеждающая» функция Бога в русской паремиологии как отражение национально-религиозного сознания

Многое в культуре нашего народа исторически обусловлено православием. Религиозные концепты в семантическом пространстве русского языка фиксируют особенности национального самосознания, национальной картины мира. Данная работа представляет собой часть исследования по раскрытию содержания концепта Бог. Современный язык до сих пор хранит слова, пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания религиозно-культурного употребления, ведущей лексической единицей в которых является слово Бог.

Нормативно-оценочное восприятие Бога русским народом отразилось наиболее ярко в пословицах, поговорках, фразеологизмах. Ведь именно они, по мнению многих лингвистов, являются энциклопедией народной мудрости, содержат важные жизненные обобщения, раскрывают обычаи и верования, стереотипы и заблуждения народа, его национальную культуру. Авторитетность их именно в выражении народного мнения, которое имеет силу неписаного закона. Зарождавшиеся в крестьянском быту пословицы и поговорки дают представление об образном осмыслении действительности нашими предками. Б.С.Гулякин отмечает, что обращенность к собственным национальным корням — это путь постижения межнациональных исторических, культурных, языковых связей, значение которых трудно переоценить в современных условиях (Гулякин 1993, с. 83).

Образ Бога подвергся определенной национальной стандартизации в паремиологии. В русском религиозном сознании заметное место занимает «одеждающая» функция Бога (Мокшенко 1986, с.134). Эта функция и стала предметом рассмотрения в данной работе. Материалом исследования являются пословицы и поговорки, записанные В.И.Далем, включающие лексическую единицу *Бог* в сочетании с глаголом *давать* и его производными, а также со словом *дар*.

Представление об «одеждающей» функции Бога в паремиологии создается эксплицитно и имплицитно при актуализации определенных сем и семантических признаков концепта Бог.

В пословицах эксплицитно представлены семы, указывающие на то, *что* Бог дает людям, а именно: жизнь и смерть (*Жизнь дает один только Бог, а отнимает всякая гадина; Полечат, авось даст Бог и померет; Бога прогневишь, и смерти не даст*); хлеб (*Хлеб — дар божий, отец, кормилец*); детей (*У кого детей много, тот не забыт от Бога; Рыбку да утку встанью взять, а малых деток Бог дает; Ждала теленка, а дал Бог ребенка*); жену (*Смерть и жена Богом суждена; Не у всякого жена Марья, а кому Бог даст; Первая жена от Бога, вторая от человека, третья от черта*); здоровье, ум, внешность (*Не дал Бог здоровья — не даст и лекарь; Бог дал здоровье в дань, а*

деньги сам достань; Дал Бог здоровья, да денег нет; Тебя Бог умом наделил, так не нас же обделил; Нечего руками рассуждать, коли Бог ума не дал; Не дал Бог ума, найдется сума; На сколько Бог росту, дородства дал; Бог дал два уха, а один язык; Дал Бог руки, а веревки сам вей; Дал Бог нашему сидню ноги; Не сам ковал – какой Бог дал (например, нос); благополучие и счастье (Даст Бог заживем, так и увидим; Кабы Бог не дал топора, так бы топиться давно пора; Давал Бог клад, да не умели взять; Даст Бог счастье – и слепому видение дарует); власть (Бог дает власть кому похочет); гостей и праздник (Принес Бог гостя, дал хозяину пир); волю (Бог даст волю, забудешь и неволю).

За какие качества Бог одаривает людей? Эти качества выражены следующими лексемами: терпение (*За терпение дает Бог спасение*); смирение (*Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать*); добро (*За добро Бог плательщик*); правда (*Бог тому даст, кто правдой живет*); любовь к Богу (*Кто любит Бога, добра получит много*); трудолюбие (*Кто рано встает, тому Бог дает; Коли сам плох, так не даст и Бог*).

Выявление этих качеств в национальном религиозном сознании способствует пониманию этикетных поведенческих норм нашего народа.

Проведенный анализ пословиц позволил выделить такие дефиниционные семы концепта Бог, как «творец всего сущего» и «управитель миром», которые совпадают с библейским представлением о Боге: *Бог не даст, и земля не родит; Озно да воде Бог волю дал; Что по воде плывет, то Бог дает; Бог народит, так и счастьем наделит; Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст; Бог дал, Бог и взял и др.*

Выделенные имплицативные признаки, входящие в семантическую модель Бога в русском языке, организованы в следующие семантические группы:

- 1) полная зависимость человека от власти Бога: *Бог не даст – нигде не возьмешь; Чего Бог не даст, того никто не возьмет; Чего Бог не дал, того за деньги не купишь; Живет так, что ни догнал, ни поймал, а как Бог дал; Не отколь взялся, Бог дал; Не оттого оголели, что сладко пили, ели, а так Бог дал; Жилами не нажить, чего Бог не даст; Охнешь и ты, как не даст Бог ни в чем пути; Бог даст, и в окошко подаст; Во времени поздать: у Бога есть что подать; Бог бабу отымет, так деву даст и др.*
- 2) Бог знает, кому что дать: *Бог лучше знает, что дать, чего не дать; Не хвались сумою: кому что Бог даст; Оттого Бог жабе и хвоста не дал, чтоб она им травы не толочила; Не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы; Видел Бог, что не дал свинье рог; Не дал Бог свинье рогов, а бодушная была бы; Бодливой корове Бог рог не дает; И велик лизун Бог дал корове, да говорить не велел; Все Бог показал, да всего не дал; Иному Бог дал, иному показал; Не всякому по Якову, а кому Бог дает; Не всяк Иван Иванович, а кому Бог даст; Глупому счастье, а умному Бог дает; Вам Бог дал, а нам посулил; Не родом нищие ведутся, а кому Бог даст; Всезнания (Все знать) Бог человеку не дал и др.;*

- 3) Бог знает, что и когда давать: *Дал Бог ротик – даст и кусочек; Дал Бог рыбу, даст и хлеба; Бог дал живот, Бог даст и здоровье; Даст Бог здоровье, даст и счастья; Даст Бог дождь, даст и рожь; Дал Бог денечек, даст и кусочек; Бог даст день, даст и пищу; После дождика даст Бог солнышко и др.;*
- 4) Бог помогает людям: *Ежели бы не Бог, так бы кто мне помог? Где голь берет? - Голи Бог даст; Что душа пожелала, то Бог и дал; Один карась сорвется, другой сорвется, третий, Бог даст, и попадется и др.*

В нашем материале в целом ряде пословиц «одевающая» функция Бога противопоставляется действиям его антипода – черта, что усиливает эмоционально-экспрессивную оценку суждения: *Бог дал родню, а черт вражду; Бог дает путь, а черт крюк; Тороватому бог подает, а у скупого черт отбирает; Бог даст денежку, а черт дырочку, и пойдет божья денежка в чертову дырочку; Хвалится черт всем светом овладеть, а Бог ему не дал воли и над свиньей и др.*

Мы отмечаем пословицы, в которых содержится обращение к Богу с просьбами, например: *Дай-то Боже, чтоб все было гомже; Не дай Бог ссориться, да не дай Бог и мириться; Дай Бог в молодости грызть кости, а под старость – мякое; Дай Бог с нами пожить да хлеб-соль поводити; Дай Бог тому честь, кто умеет ее снести и др.* В них отражается вера народа в то, что Бог может даровать человеку материальное благополучие (*Дай Бог подать, не дай Бог просить; Дай Бог носить не переносить, возить не перевозить*), любовь и счастье (*Дай Бог любовь и совет; Дай Бог счастливо день дневать и ночь ночевать*), покой и хлеб (*Дай Бог покой да хлеб святой*), содействие (*Дай, Боже, все самому уметь, да не все самому делать*), покаяние (*Дай Бог умереть, да дай Бог покаяться*), детей (*Дай, Бог, деток, да дай и путных*), жизнь с одним супругом до гроба (*Не дай Бог вдоветь и гореть; Дай Бог – с кем венчаться, с тем и кончаться*), не оставит после смерти (*Дай Бог легко в земле лежать, в очи Христа видать*) и др. Мудрыми присловиями и поговорками русский народ облегчает свою жизнь, выражает надежду на лучшую долю, обращаясь за помощью к Богу. Разнообразный характер просьб объясняется неоднозначностью субъектов, выступающих в качестве носителей оценочных норм, наличием несовпадающих мотивировок оценки и оценочных стереотипов.

Христианские представления о Боге постоянно присутствуют в нашей речи. «Дай Бог память (памяти)» *разг.* – выражение желания, усилия вспомнить чего-либо (обычно о чем-либо, припоминаемом с трудом (Яранцев 1997, с.606). «Дай Бог ноги» *прост.* – стремительно убежать, удирать от кого-либо или чего-либо от испуга, страха, ужаса. Более употребителен вариант «давай Бог ноги» (Яранцев 1997, с.270).

Некоторые выражения, связанные с «одевающей» функцией Бога, стали этикетными формулами, например, «Дай Бог кому» – выражение пожелания чего-либо доброго, хорошего, (Яранцев 1997, с.114), «Как Бог даст» употребляется в значении «как придется, как получится». Выражения могут быть знаками ментальных состояний, например, «Бог даст» – выражает надежду на изменение к лучшему.

Таким образом, анализ семантического представления об «одевающей» функции Бога, отраженной в паремииологии, показал, что «народная мудрость» проявляется в данном случае на уровне «обыденного сознания» и носит нормативно-оценочный характер преимущественно на бытовом уровне, отражая общественно значимые воззрения.

Гулакян Б.С. Освоение культурно-исторического языкового наследия в современной речевой практике // Русский язык в школе. – 1993. - № 6.
 Даль В.И. Пословицы русского народа. Т.1,2. М., 1984.
 Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л., 1986.
 Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. М., 1997.

С.Ю.Игошкина

Противопоставление христианский/нехристианский как компонент былинной оппозиции *восточный/западный*

Наблюдения над былинным материалом дают основание утверждать, что в героическом эпосе с его жанровой спецификой основная семантическая оппозиция свой/чужой связана с религиозно-этическим аспектом.

Наиболее конкретной в научном отношении нам представляется точка зрения, согласно которой оппозиция свой/чужой в религиозно-этическом аспекте реализуется в противопоставлении христианский/нехристианский (Иванов, Топоров 1965, с. 158).

Сфера противопоставлений, характеризующая пространственные отношения архаической культуры, представлена оппозицией восточный/западный (Топоров 2000, т. II, с. 162; Иванов, Топоров 1965, с. 64).

Для мифопоэтической модели мира одним из наиболее распространенных символов является мировое древо (*arbor mundi*, «космическое» древо), с помощью которого различимы основные зоны вселенной (Топоров 2000, т. I, с. 398-399; Иванов, Топоров 2000, т. II, с. 451). Вопрос о происхождении и сущности мирового древа получил широкое освещение в трудах по исследованию фольклора (Зеленин 1933; 1937; Кагаров 1928; Латынин 1933; Топоров 1971, 1973).

Древо мировое отделяет мир космического от мира хаотического, в частности именно схема мирового дерева содержит в себе набор «мифопоэтических» числовых констант, упорядочивающих космический мир: три (членения по вертикали), четыре (членения по горизонтали) (Топоров 2000, т. I, с.404). Таким образом, оппозиция восточный/западный характеризует структуру пространства по горизонтали.

Наши исследования позволяют утверждать, что былина использует универсальные оппозиции архаической культуры, при этом связь оппозиций христианский/нехристианский и восточный/западный помогает выявить специфику концептосферы былинной картины мира. Показателен тот факт, что аксиологические значения указанных оппозиций представлены общеоценочным типом хороший/плохой (христианский, восточный – «хороший»; нехристианский, западный – «плохой»). Н. Д. Арутюнова, обращаясь к природе оценки, отмечает, что «хорошее» значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека; «плохое» значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров (Арутюнова 1999, с. 181).

Анализ былинного материала позволяет выявить ситуации, в которых прослеживается связь противопоставлений восточный/западный и христианский (свой)/нехристианский (чужой).

Восточный - «свой»

а) Нахождение героем сбури богатырской в восточной стороне, обнаружение белого шатра святорусских богатырей в восточной стороне:

Ай под той ли под восточной под сторонешкой

А й у тях ли у шатров у белых стоят добры кони богатырские (Гильфердинг 1950, т.2, с. 32);

б) Обращение персонажей «своего» мира на восток:

И младой Ермак да Тимофеевич

Перекрестил свои глаза на восток итти. (Там же, с. 242);

в) Обращение на восток при молитве:

Как тут Олешенька спустился-то с добра коня,

Да как ставился Олеша на восток лицом,

Да он молился тут господу святителю (Там же, с. 208).

Западный – «чужой»

Появление врага (не-христианина):

Из-под западня сторонешки иде шум велик!

Налетела змея лютая Горынцята;

И скорешенько Добрынюшка поворот держал. (Там же, с. 181);

Как показывают примеры, в текстах былин прослеживается связь восточный – христианский; западный – нехристианский с положительным значением востока – пространственной характеристикой «своего» этноса.

Горизонтальная структура мирового дерева постоянно повторяется в ритуальных формулах (Топоров 2000, т. I, с. 402). Исследователи констатируют, что четыре члена двух противопоставлений восток/запад; юг/север в былинных текстах выступают в виде единого комплекса четырех сторон света и находят выражение в эпических формулах, в которых участвуют четыре или три-четыре (две-три-четыре) стороны (Иванов, Топоров 1965, с. 109). При этом противопоставления юг/север, восток/запад в космическом плане описывают пространственную структуру по отношению к солнцу, в ритуальном плане –

структуру святилищ, ориентированных по сторонам света, и правила поведения в обрядах (Иванов, Топоров 2000, т. II, с. 452).

Анализ былинного материала позволяет утверждать, что формулы четыре; три-четыре; две-три-четыре стороны характеризуют персонажей «своего» мира в ситуациях:

- а) приветствия;
- б) прощания;
- в) встречи с врагом, нехристианином;

Данные анализа подводят нас к заключению, что в былинных текстах прослеживается связь оппозиции христианский/нехристианский с пространственным противопоставлением по горизонтали восточный/западный с положительным значением первого члена оппозиции (восточный) при характеристике персонажей «своего» мира. Думается, что связь указанных оппозиций показывает специфику былинной картины мира, объединяющей в себе элементы мифоязыческого и народно-православного воззрений. Четыре члена двух противопоставлений: восток/запад, юг/север - находят выражение в эпических формулах: четыре; три-четыре; две-три-четыре стороны, характеризующих персонажей «своего» мира.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Зеленин Д. К. Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов // Изв. АН СССР. - 1933. - сер. 7. - № 8.

Зеленин Д. К. Тотемы – деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. –Л., 1937.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М., 2000.

Кагаров Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх // Доклады АН СССР. – 1928. - Сер. В. - №15.

Латынин Б. А. Мировое дерево – древо жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы. Л., 1933.

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. АН СССР. Т.2. М. – Л., 1950.

Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Труды по знаковым системам. Т.5. Тарту, 1971.

Топоров В. Н. Из позднейшей истории схемы мирового дерева // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.

Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т.1. М., 2000.

Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. М., 2000.

Содержание

Раздел 1. Вопросы теории

Стернин И.А. Коммуникативное и языковое сознание	с.4
Попова З.Д. Компонентный анализ лексико-семантической группы	с.14

Раздел 2. Национальные особенности языкового сознания

2.1. Лингвистический анализ языкового сознания

Лаенко Л.В. Семантемы признаков лексем COLD/ХОЛОДНЫЙ: общее и национально-специфическое	с.18
Грудинкина Е.Н. Игра – это play или game? (к проблеме национальной специфики языкового сознания)	с.22
Воеводская О.М. Фразеологизмы с компонентом ГЛАЗ в русском и английском языках	с.25
Ковалева Л.В. Фразеологические единицы с компонентами МОЛОКО, МАСЛО, КАРТОФЕЛЬ в русском и немецком языках	с.28
Вострикова И. Ю. Особенности полисемии глаголов трудовой деятельности в русском и английском языках	с.32
Зленко И.П. Контрастивное описание наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках	с.37
Махонина А.А. К вопросу о классификации межъязыковых лакун	с.40
Булынина М.М. Национальная специфика смысловой структуры русского глагола НОСИТЬ/НЕСТИ и его английских соответствий	с.45
Чернова Н.И. Национальная специфика наименований сооружений, зданий, помещений в русском языке	с.49
Потапова С.Ю. Национально-культурный компонент в структуре неофициальных наименований лица (на материале немецкого языка)	с.53
Шохина И.И. Глаголы с обобщенным значением созидания в русском языковом сознании	с.56
Смолина Л.В. Средства воздействия на адресата как сигналы присутствия в тексте адресанта	с.61
Бабушкин А.П., Малюгина А.В. Денотативное значение фразеосочетания как фактор определения типа концепта	с.63
Назарова И.В. Лексико-семантическая группа наименований реалий быта в составе сравнений русского и французского языков	с.65
Воронина Е.В. К вопросу о национальной специфике наименований предметно-смысловой сферы «закон» в русском и английском языках	с.68
Грачева Ж.В. Ассоциации по контрасту как языковое явление	с.71

2.2. Анализ языкового сознания психолингвистическими методами

Розенфельд М. Я. Абстрактная лексика и образность слова	с.73
Черногрудова Е.П. Когнитивная модель понимания газетных заголовков с прецедентными текстами	с.76

2.3. Новые явления в русском языке и русское языковое сознание

Юмашева Г.Ю. Лексика с пометой «новое» в словарях синонимов русского языка	с.82
Шилова Г.Е. Современные словообразовательные процессы на базе иноязычных слов	с.86
Кузнецова Н.И. Семантические изменения общеупотребительных глаголов в современной русской технической литературе	с.89
Белоусов Н.И. Особенности терминологических заимствований в современном русском языке	с.92
Кожевникова И.Г. Экстралингвистические и культурные факторы в становлении и развитии русской спортивной лексики	с.96

Раздел 3.Национальные особенности коммуникативного сознания

2.1.Лингвистический анализ коммуникативного сознания

Лосева В.В. К изучению лексико-фразеологических средств автокоррекции русского метатекста	с.100
---	-------

3.2.Анализ коммуникативного сознания через коммуникативное поведение народа

М.С.Саломатина. Языковая и коммуникативная личность: проблема соотношения	с.103
Пипер Предраг. О некоторых особенностях сербского коммуникативного поведения (в сопоставлении с русским)	с.107
Венчугова М.Е., Стернин И.А. Из наблюдений над финским деловым коммуникативным сознанием	с.111
Дьякова Л.Н. Авторская песня как форма общения в русской культуре	с.119

3.3. Психолингвистический анализ коммуникативного сознания

Шаманова М.В. Экспериментальное изучение категории <i>общение</i> в русском коммуникативном сознании	с.126
Тавдгирдзе Л.А. Концепт «английский язык» в русском коммуникативном сознании	с.130
Лемяскина Н.А. Формирование коммуникативной категории «вежливость» в сознании младшего школьника	с.133

Раздел 4. Национальные особенности когнитивного сознания

4.1. Анализ концептосферы лингвистическими методами

Ивашенко О.В. Когнитивные классификаторы русских и английских имен ментальных состояний	с.140
Самарин А.В. Когнитивные классификаторы совокупностей живых организмов (концепт - фрейм «рой»)	с.146
Кликушина Т.Г. Организация научной лингвистической категории (на материале английских наименований артиллерийских орудий)	с.148
Сапрыкина В.И. Лексико-семантическое поле "музыка" и концепт МУЗЫКА в русской концептосфере	с.153
Лукашкова О.Ю. Концепт «враг» в современных российских и американских СМИ	с.156
Ракитина О.Н. Наименования элементов рельефа как маркеры «своего»/«чужого»	с.161
Медведева А.В. Символическое значение слова как выражение культурных концептов народа	с.165
Мартемьянова Н.В. Символические признаки понятия «игрушка»	с.170
Тарасова И.А., Семейн Л.Ю. Концепт “зимняя непогода” как маркер национального сознания	с.173

4.2. Психолингвистический анализ концептосферы

Поталуи В.В. Концепт «руководитель» в русской концептосфере (на материале "Русского ассоциативного словаря")	с.184
Киселева Г. В. Цветы в русской концептосфере	с.187
Козельская Н.А., Попова Н.Н. Экспериментальное исследование концепта «порядочность» (возрастной аспект)	с.192
Маслова Е.В. Концепт «реклама» в русском сознании	с.195

Раздел 5. Язык и художественная картина мира

Попова Н.С. Перцептивные образы времени в поэзии Ф.Тютчева	с.200
Романова Г.В. Отражение русского национального сознания в использовании библеизмов М.Цветаевой	с.205
Голуб В. Я. Ассоциативные связи на рифменной вертикали (на материале поэзии XX века)	с.210
Борисова Л.М. Национально-культурная обусловленность текстоорганизующего речевого действия «парафраза» в художественном дискурсе	с.216
Елина Е.А. Этапы восприятия изображения в его вербальной интерпретации	с.223
Мусаева О.И. Лексика, включающая семантический компонент «растение», в лирике М.Ю.Лермонтова	с.228
Чарыкова О.Н. Оказиональная сочетаемость в художественном тексте как средство репрезентации индивидуально-авторской картины мира	с.237

Раздел 6. Язык и национальный менталитет

Листрова-Правда Ю.Т. Об одном способе представления национального менталитета персонажей-иностранцев в русской художественной литературе	с.245
Зубкова Л.И. «Оделяющая» функция Бога в русской паремиологии как отражение национально-религиозного сознания	с.251
Игошкина С.Ю. Противопоставление христианский/нехристианский как компонент былинной оппозиции восточный/западный	с.254
Ипполитов О.О. Некоторые черты когнитивной структуры концепта “дорога”	с.257

Содержание	с.269
-------------------	-------